

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ТЮРЬМЫ И НАКАЗАНИЯ

Инквизиция, тюрьмы,
телесные наказания,
казни.

ЛИТЕРАТУРА, 1996

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ТЮРЬМЫ И НАКАЗАНИЯ

**Инквизиция, тюрьмы,
телесные наказания,
казни.**

ББК 67.99(0)
Т98
УДК 343.3

Серия основана в 1996 году

Подготовка текста *Т. И. Ревяко*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Т98 **Тюрьмы и наказания: Инквизиция, тюрьмы, телесные наказания, казни / Подгот. текста Т. И. Ревяко.**— Мн.: Литература, 1996.— 576 с.— (Энциклопедия преступлений и катастроф).

ISBN 985-6274-95-8.

Новый том Энциклопедии преступлений и катастроф посвящен существовавшим в истории человечества методам физического воздействия на человека. В книге описывается полная история всех существующих способов наказаний и ограничений человеческой свободы.

Т 343030000

ББК 67.99(0)

ISBN 985-6274-95-8

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ТЮРЬМЫ	9
РАЗДЕЛ I. ИНКВИЗИЦИЯ	12
ГЛАВА 1. ИНКВИЗИЦИЯ — МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦИЯ	12
ГЛАВА 2. СИСТЕМА ИНКВИЗИЦИИ	15
СУДЬИ	15
ОБВИНЕНИЕ	18
СЛЕДСТВИЕ	18
ДОПРОС	20
НАКАЗАНИЯ	23
ГЛАВА 3. БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ИНКВИЗИЦИИ	29
РАЗДЕЛ II. ТЮРЬМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	31
ГЛАВА 1. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ И ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТИ	32
1. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ	33
2. УЗНИКИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ	36
ДЕЛО САМОЗВАНКИ КНЯЖНЫ ТАРАКАНОВОЙ	39
3. ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ	43
УЗНИК ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ИМПЕРАТОР ИОАНН АНТОНОВИЧ	44
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ КАЗИМИР ЧЕРНОВСКИЙ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ	46
ВETERАН ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ	

ВАЛЕРИАН ЛУКАСИНСКИЙ	50
4. ДЕЛО ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ДОЧЕРИ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА АГРАФЕНЫ КОМЕНДАНТОМ КЕКСГОЛЬМСКОЙ КРЕПОСТИ ГОФМАНОМ	54
ГЛАВА 2. МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ	56
1. СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ	57
2. ТЮРЬМЫ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ	60
ГЛАВА 3. ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ	62
РОГАТКИ, СТУЛЬЯ, КОЛОДКИ И ЦЕПИ	66
ГЛАВА 4. ПОМЕЩИЧЬИ ТЮРЬМЫ	70
РАЗДЕЛ III. ТЮРЬМЫ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ	74
ГЛАВА 1. ПОЛОЖЕНИЕ В ТЮРЬМАХ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ. ПОПЫТКИ ГУМАНИЗАЦИИ ТЮРЕМНОЙ ПОЛИТИКИ	74
ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ И ЕГО «ПАНОПТИКА»	75
ДЖОН ГОВАРД — РЕФОРМАТОР АНГЛИЙСКИХ ТЮРЕМ	77
ПАВЕЛ СВИНЬИН — АВТОР ОЧЕРКА «НЬЮГЕТСКАЯ ТЮРЬМА И ЭШАФОТ»	79
ПОЛОЖЕНИЕ ТЮРЕМ ВО ФРАНЦИИ. ЛЮДОВИК-РЕЕ ВИЛЛЕРМЕ	81
ГЛАВА 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЮРЕМНЫХ СИСТЕМ	85
ПЕНСИЛЬВАНСКАЯ ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА	85

СИСТЕМА ОТДЕЛЕНИЯ	86
ОБУРНСКАЯ ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА (СИСТЕМА МОЛЧАНИЯ ИЛИ НОЧНОГО РАЗЪЕДИНЕНИЯ)	88
ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА	88
ИРЛАНДСКАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА	90
СИСТЕМА РЕФОРМАТОРИЕВ	90
БОРСТАЛЬСКАЯ СИСТЕМА	92

ГЛАВА 3. ГУМАНИЗАЦИЯ ТЮРЕМНОЙ

ПОЛИТИКИ	93
ОТКРЫТЫЕ ТЮРЬМЫ	96
КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗАКЛЮЧЕННЫХ	98

ГЛАВА 4. ТЮРЬМЫ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

И АМЕРИКИ (воспоминания, интервью) 101

1. ТЮРЬМЫ В ИСПАНИИ	101
ПЛЕННИКИ ЗАМКА ЙЕСЕРКАС	102
ТЮРЬМА В ПАЛЕНСИИ	103
ТЮРЬМА ПОРЛИЕР	109
БУРГОССКАЯ ТЮРЬМА	111
2. ТЮРЬМА В ГЕРМАНИИ	114
3. ТЮРЬМА В ПАНАМЕ	125
4. ТЮРЬМЫ В ВЕНЕСУЭЛЕ	134
5. ТЮРЬМА В США	144
ОЛДЕРСОН ПРИ МЭРИ ГАРРИС	145
«ОРИЕНТАЦИЯ» В 26-М КОТТЕДЖЕ	148
ЗНАКОМСТВО С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ	150
ПОД «СТРОЖАЙШИМ НАДЗОРОМ»	152
ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155

В ЧЕМ РАЗНИЦА?	158
ИЗГНАНИЕ ИЗ ОЛДЕРСОНА	160
6. ТЮРЬМЫ В КАНАДЕ И США.	167
7. ТЮРЬМЫ В АНГЛИИ	185
АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНЫЙ, САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ПОЛ ЭРРОУСМИТ . . .	185
ЗАДИРА БИЛЛИ: УИЛЬЯМ ДЭВЕНПОРТ	196
ТЕОРИЯ УСТРАШЕНИЯ: АЛАН РОБИНСОН	200
8. ТЮРЬМА В ГОЛЛАНДИИ	206
РАЗДЕЛ IV. ТЮРЬМЫ СНГ	214
1. КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ СНГ	214
АРЕСТ	214
КАСТЫ	215
ТЮРЕМНЫЙ ЗАКОН	222
ЗАПРЕТЫ	224
ПРАВИЛЬНАЯ ХАТА	225
СЕМЬЯ	228
2. БЕСПРЕДЕЛ	232
КАМЕРА № 19	232
«ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»	238
ЧП В НОВОКУЗНЕЦКОМ СИЗО	242
3. СМЕРТНИКИ	246
4. «В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ ПЕЛА ДАЖЕ РУСЛАНОВА»	252
5. ИНТЕРВЬЮ, ВОСПОМИНАНИЯ	258
ИЗ ЗАПИСОК БЫВШЕГО ЗАММИНИСТРА ТОРГОВЛИ	258
БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ ЛЕФОРТОВО	265
ЭКС-ВАЛЮТЧИК ШОУ-БИЗНЕСА	273
АЛЕКСАНДР РУЦКОЙ: «НАДЕЮСЬ, ЧТО	

НА ЭТОТ РАЗ МОЙ ПАРАШЮТ РАСКРОЕТСЯ»	280
ЧАСТЬ II. НАКАЗАНИЯ	285
ЧАСТЬ 1. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ	285
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН	285
СВЯТЕЙШАЯ ИНКВИЗИЦИЯ.	291
ПЫТКИ ВРЕМЕН ИНКВИЗИЦИИ.	297
ИЗ «МОЛОТА ВЕДЬМ».	310
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ПРАВЕ ГОСУДАР- СТВА СЕРЕДИНЫ XV — СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.	319
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ:	
ОТ ОПРИЧНИНЫ К СМУТЕ	332
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ	
ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН.	341
НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ НА ВОСТОКЕ.	345
КНУТ	352
РОЗГА В ГЕРМАНИИ И ГОЛЛАНДИИ	361
НАКАЗАНИЕ В ВОЙСКАХ	368
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ВО ФЛОТЕ	375
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЖЕНЩИН	
НА ВОСТОКЕ.	380
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЖЕНЩИН	
В ИСПАНИИ	387
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕВЕРО- АМЕРИКАНСКИХ ШТАТАХ И ГОЛЛАНДИИ	411
О ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЯХ	
В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ.	435
ПЫТКИ В КУВЕЙТЕ	453
ЧАСТЬ 2. КАЗНИ	457
КАЗНИ В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА	457

КАЗНЬ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ	459
СМЕРТЕЛЬНАЯ ИНЪЕКЦИЯ	461
ОТРАВЛЕНИЕ ГАЗОМ	463
РАСПЯТИЕ	464
ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ВИДЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ	467
ЧЕТВЕРТОВАНИЕ	471
РАЗРУБЛЕНИЕ ТЕЛА ПОПОЛАМ	471
КОЛЕСОВАНИЕ	471
РАЗРЫВАНИЕ ТЕЛА	472
ЗАЛИТИЕ ГОРЛА	
РАСПЛАВЛЕННЫМ МЕТАЛЛОМ	473
ПОСАЖЕНИЕ НА КОЛ	473
ПОДВЕШИВАНИЕ РЕБРОМ ЗА КРЮК	474
ПОЕДАНИЕ АКУЛАМИ	475
ПОЕДАНИЕ КРЫСОЙ	475
ЗАМОРАЖИВАНИЕ	476
РАСТВОРЕНИЕ В КИСЛОТЕ	476
АУТОДАФЕ	477
О ВЕДЬМАХ	480
КОСТЕР	485
ДЖОРДАНО БРУНО	488
КАЗНЬ МАРИИ СТЮАРТ	490
КАЗНЬ КАРЛА I, КОРОЛЯ АНГЛИИ	492
КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI	507
КАЗНЬ МАРИИ АНТУАНЕТТЫ	521
РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ	524
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В АНГЛИИ	546
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В США	554
КАЗНЬ НА КОСТРЕ	
ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ (1452 — 1498)	558

ЧАСТЬ I

ТЮРЬМЫ

Тюрьма. В Советском энциклопедическом словаре дается предельно краткое определение этому понятию, а именно: «Тюрьма — это место отбывания тюремного заключения, а также содержание лиц, к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу».

Тюрьма играла и играет до настоящего времени видную роль в осуществлении карательной политики государства, которое таким способом стремится остановить рост уголовной преступности, запугать преступников и лиц, склонных к совершению преступлений, тяжестью уголовного наказания.

Тюремная политика — большая и важная часть уголовной политики, и эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства. Характер государства, политическое и экономическое положение страны ярко отражаются на организации всей карательной системы и в особенности мест лишения свободы, на режиме и составе заключенных.

Тюремная политика ряда государств прошла несколько этапов, для каждого из которых была характерна та или иная тюремная система.

В зависимости от способа размещения заключенных тюремное ведение различало и различает тюремную сис-

тому одиночного заключения, тюремную систему общего заключения и т. д.

Лишение свободы — явление историческое. В рабовладельческом государстве подозреваемые в совершении преступления или изобличенные преступники длительное время содержались в подвалах, погребах, пещерах, ямах и т. п. Зачастую их помещали в подземелье, лишенное света, с ограниченным доступом воздуха, заковыдали в цепи и подвергали мучительным пыткам.

В средние века осужденных к лишению свободы стали содержать в специально сооруженных башнях. Особенно тяжелым в то время было положение заключенных «священного трибунала» — инквизиции. В различных европейских странах их начали использовать в качестве гребцов на судах, именовавшихся галерами (галера — греч. «каторга»). Причем гребцов-заключенных цепями приковывали к своему месту, и в таком положении они находились весь период лишения свободы, а чаще — всю жизнь. Поистине невыносимые, нечеловеческие условия труда и быта на каторгах послужили источником названия наиболее тяжкого вида лишения свободы — каторгой.

Практика показала, что лишение свободы отдельных граждан давало государству возможность не только на длительное время избавиться от неудобных элементов и пресечь их действия, но и получить от этого определенную материальную выгоду. Однако далеко не все осужденные к лишению свободы использовались на каторжных работах. Отдельные их категории содержались в тюрьмах в условиях строжайшей изоляции.

Буржуазное общество, пришедшее на смену феодальному, выдвинуло лишение свободы на первое место среди прочих применяемых наказаний, таких, как смертная казнь, телесные и членовредительские наказания, являвшиеся наиболее распространенными видами уголовных наказаний в средние века.

Крупнейший русский юрист Н. С. Таганцев объяснял этот процесс «общим развитием умов» и юридической науки, осмыслившей ту истину, что жестокости казней, кроме своей аморальности и развращающего влияния на общество, еще и бесполезны, и более того — вредны.

И, тем не менее, первые в истории каторжные тюрьмы, работные дома и другие места лишения свободы, появившиеся в Англии (1553 г.) и Голландии (1595 г.), имели исключительно устрашающий характер и принимали порой форму квалифицированной смертной казни.

РАЗДЕЛ I. ИНКВИЗИЦИЯ

Под термином «инквизиция» многие историки подразумевают деятельность особых («священных») трибуналов католической церкви. Такие трибуналы возникли в странах Западной Европы в XII—XIII вв. и были повсеместно отменены лишь в XIX в.

Инквизиция на протяжении всей своей истории преследовала ереси и еретиков. «Задача инквизиции, — писал французский инквизитор XIV в. Бернар Ги, — истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их укрыватели, сочувствующие и защитники».

ГЛАВА 1. ИНКВИЗИЦИЯ — МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИЦИЯ

Известный немецкий историк прошлого столетия Шлоссер считал, что основателем инквизиции является римский папа Иннокентий III (1198—1216), который учредил комиссию по расследованию и преследованию ереси, назначив своими легатами монахов цистерцианского ордена, которых снабдил письменными приказами. В этих приказах содержались все элементы последующих судов над еретиками (т. е. инквизиции).

Легаты Иннокентия III, облеченные неограниченными полномочиями, терроризировали многие районы Италии, Германии и Франции. Короли Англии, Арагона, Болгарии и Португалии признавали себя вассалами папы.

Преследование еретиков усилилось с того времени, как к папским легатам присоединились августинский монах Доминик де Гусман (1170—1221), будущий основатель доминиканского ордена, и другие фанатичные испанские духовные лица.

В 1229 г. римский папа Григорий IX ввел религиозные, или инквизиционные, суды против еретиков. Этим судам подвергались также все лица, независимо от сословия, которые давали приют или защиту еретикам или же отказывали в помощи их преследователям.

В 1230 г. страшная власть этих судов была отнята у епископов и передана ордену доминиканцев, двадцать лет перед тем нищенствующему. Члены ордена носили белые одеяния и сандалии на босую ногу. Внешне они походили на «совершенных» катаров. Доминиканцы давали обет бедности, что должно было способствовать укреплению их авторитета среди верующих. Орден был построен наподобие строго централизованной военной организации во главе с генералом, подчиненным непосредственно папе римскому. Эмблемой ордена была собака с пылающим факелом в зубах. Доминиканцы называли себя «псами Господа» (*Domini canes*), что было созвучно имени основателя ордена.

Доминиканцы принимали активное участие в подавлении еретических движений. Именно эта «стража Хрис-

това» (так же именовался доминиканский орден) возглавила инквизицию.

«Священное» судилище являлось тайным трибуналом. Его служители торжественно присягали держать в строгом секрете все, что относилось к их деятельности. Такую же присягу давали и его жертвы. За разглашение секретов инквизиции виновным грозили столь же суровые наказания, как и еретикам. Сами инквизиторы рассматривали свою деятельность как «святое дело», санкционированное папой и светскими властями. Они гордились своим инквизиторским званием, в доказательство чего публично казнили свои жертвы на торжественных «актах веры» — аутодафе.

Инквизиторы держали свою деятельность под плотным покровом тайны главным образом потому, что опасались, чтобы раскрытие их методов не ослабило их действенности, и чтобы этим не воспользовались еретики для сопротивления «священному» судилищу, для сокрытия следов, для совершенствования своих «подпольных» организаций.

К концу XIII в. католическая Европа была покрыта сетью инквизиционных трибуналов. Инквизиция представляла собой в ту эпоху настоящую международную полицию. «Еретик жил как бы на вулкане, который во всякое время мог начать извержение и поглотить его. Ибо в глазах людей инквизиция была всеведущей, всемогущей и вездесущей...»

(Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 232—233)

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ИНКВИЗИЦИИ

Как же была устроена инквизиция? «Устройство инквизиции, — пишет Генри Чарльз Ли (1825—1909), американский исследователь, автор многотомной «Истории инквизиции», получившей мировую известность, — было настолько же просто, насколько целесообразно в достижении цели. Она не стремилась поражать умы своим внешним блеском, она парализовала их террором»

(Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 234)

СУДЬИ

Верховным главой инквизиции являлся папа римский. Именно ему — наместнику Бога на земле — она служила и подчинялась. «Монахи и инквизиторы, — пишет историк Шэннон, — хотя и назначались на эти должности своим непосредственным начальством, в правовом отношении зависели непосредственно от папства. Инквизиционный же трибунал, как чрезвычайный суд, не подлежал цензуре, контролю ни со стороны папских легатов, ни со стороны руководителей монашеских орденов, назначавших инквизиторов» (Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p.30).

В тех странах, где, как в Испании и Португалии, инквизиция непосредственно зависела от королевской власти, она действовала с одобрения папского престола.

В XIV в. в помощь инквизиторам стали назначаться эксперты-юристы (квалификаторы), как правило, люди духовного звания. В их задачу входило формулирование обвинений и приговоров таким образом, чтобы они не противоречили гражданскому законодательству.

По существу квалификаторы прикрывали своим юридическим авторитетом преступления инквизиции. Они были лишены возможности ознакомиться с делом подсудимого, им давалось только краткое резюме показаний его и свидетелей, часто без имен, якобы для того, чтобы «эксперты» могли высказать более объективно свое мнение, в действительности же для того, чтобы скрыть имена доносчиков, пытки и прочие преступления инквизиторов. Тем не менее от заключения квалификаторов зависела судьба подсудимого. Квалификаторы фактически являлись служащими трибунала инквизиции, т. к. получали от него (трибунала) жалование, принадлежали к одному и тому же ордену, что и инквизиторы, и полностью зависели от воли последних, под диктовку которых и писались ими все решения.

Инквизиторов с самого начала их деятельности обвиняли в том, что они, пользуясь отсутствием какого-либо контроля, фальсифицировали показания арестованных и свидетелей.

В ответ на эти обвинения папы римские ввели в систему инквизиции новых персонажей — нотариуса и понятых. Нотариус скреплял своей подписью показания обвиняемых и свидетелей, что делали и понятые, присут-

ствовавшие при допросах. Это придавало следствию видимость законности и беспристрастия. Нотариус, как правило, принадлежал к духовному званию, и, хотя его должность утверждалась папой, он находился на жалованье у инквизитора. Понятыми выступали чаще всего те же монахи из доминиканского ордена, в ведении которого находилась инквизиция. Таким образом, нотариус и понятые полностью зависели от воли инквизитора и, исходя из этого, скрепляли своей подписью любой сфабрикованный инквизицией документ.

Другими важными чинами в аппарате инквизиции были прокурор, врач и палач. Прокурор — один из монахов инквизиции — выступал в роли обвинителя. Врач следил за тем, чтобы обвиняемый не скончался «преждевременно» под пыткой. Врач полностью зависел от инквизиции и по существу был помощником палача, от «искусства» которого часто зависели результаты следствия. Роль палача понятна без комментариев.

Кроме этого, руководящего аппарата, имелся подсобный, который состоял из «родственников» инквизиции — тайных доносчиков, тюремщиков и другого обслуживающего персонала. В число «родственников» входили также почтенные и всеми уважаемые аристократы и горожане, принимавшие участие в аутодафе. В их задачу входило уговаривать осужденных публично покаяться и исповедаться. Они сопровождали жертвы инквизиции на костер, помогали его зажечь, подбрасывали хворост. Подобная «честь» оказывалась только особо достойным и заслуженным прихожанам.

Инквизиция считалась высшим органом государства, ей были обязаны повиноваться все духовные и светские власти.

ОБВИНЕНИЕ

Для того, чтобы искоренить вероотступников, следовало в первую очередь их обнаружить. В первой половине XIII в., т. е. в начале деятельности инквизиции, поиск еретиков не представлял большого труда. Такие еретики, как катары, вальденсы и пр., не скрывали своих взглядов и открыто выступали против официальной церкви.

Однако после массовых казней альбигойцев и таких же кровавых расправ над последователями еретических учений на севере Франции и Италии и на землях Священной Римской империи еретики были вынуждены скрывать свои подлинные убеждения, т. е. они перешли к конспирации. Это усложнило работу инквизиции. Но со временем инквизиторы и их соратники приобрели сыскные навыки и сноровку, накопили необходимый опыт по раскрытию врагов церкви, изучив их повадки.

СЛЕДСТВИЕ

Обычно основанием для начала следствия служил донос или показания подследственного, выдвинутые против третьего лица. Инквизитор на основе одного из таких документов начинал предварительное следствие, вызывая на допрос свидетелей, которые могли подтвердить обвинение. Он также собирал дополнительные сведения о преступной деятельности подозреваемого и его высказываниях, направлял запросы в другие инквизиционные трибуналы для выявления дополнительных улик. Затем весь собранный материал

передавался квалификаторам, которые решали, следует ли подозреваемому предъявить обвинение в ереси.

Арестованного помещали в секретную тюрьму инквизиции, где он содержался в полной изоляции от внешнего мира, в сыром и темном каземате, часто закованный в кандалы или посаженный, подобно собаке, на цепь. Смерть обвиняемого не приостанавливала следствия, как и его умопомешательство.

Подозрение, т. е. не доказанное ничем обвинение в ереси, основанное на догадках, предположениях, косвенных уликах, служило достаточным основанием для ареста. Лица, против которых выдвигались пустячные подозрения, арестовывались и иногда содержались в тюрьме годами.

Донос (и тем более самообвинение) служил для инквизиторов доказательством виновности обвиняемого, считался чуть ли не мистическим актом провидения. Доносчик выступал в роли оракула, глаголющего истину. Поэтому целью следствия было не проверка доноса, а добыча признания обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, его раскаяние и примирение с церковью. И все же, хотя инквизиция и считала каждого подследственного заведомо виновным, она была вынуждена обосновывать свое обвинение. А для такого обоснования нужны были улики. Их поставляли для инквизиции, кроме доносчиков, лжесвидетели — тайные осведомители на службе инквизиции, всякого рода уголовники - убийцы, воры и пр., показания которых не имели юридической силы в светских судах даже средневекового периода. Против обвиняемого принимались свидетельства его жены, детей, братьев, сестер, отца, матери и прочих родственников, а также слуг. Однако их

показания в пользу обвиняемого не учитывались, ибо считалось, что благожелательные показания могли быть порождены родственными узами или зависимостью свидетеля от обвиняемого.

Имена доносчиков и свидетелей держались втайне не только от квалитфикаторов, но и от подсудимых и их защитников, если таковые имелись. Очные ставки свидетелей обвинения с арестованными запрещались. Все свидетели были по существу свидетелями обвинения.

Никаких ограничительных сроков для проведения следствия не существовало. Инквизиторы могли при желании держать обвиняемого в тюрьме до вынесения приговора и год, и два, и десять лет, и всю его жизнь. Это облегчалось еще и тем, что арестованный сам оплачивал свое пребывание в тюрьме из своих средств, секвестр на которые накладывался инквизицией при его аресте. Разумеется, если арестованный не представлял особого интереса для инквизиторов или у него не было состояния, позволяющего длительное время содержать его в тюрьме, то судьба его решалась без особых проволочек.

ДОПРОС

Следующим этапом в инквизиционной процедуре являлся допрос обвиняемого, основная цель которого заключалась в том, чтобы добиться от него признания и отречения от еретических верований. Инквизитор тщательно готовился к допросу арестованного. Он предварительно знакомился с его биографией, выискивая те

места, ухватившись за которые он мог бы сломить свою жертву.

Допрос начинался с того, что обвиняемого заставляли под присягой дать обязательство повиноваться церкви и правдиво отвечать на вопросы инквизиторов, выдать все, что тот знает о еретиках и ереси, и выполнить любое наложенное на него наказание. После такой присяги любой ответ обвиняемого, не удовлетворявший инквизитора, давал повод последнему обвинить свою жертву в лжесвидетельстве, отступничестве и ереси и, следовательно, угрожать ему костром.

Инквизитор задавал десятки самых разнообразных и часто не имеющих к делу никакого отношения вопросов с целью сбить с толку допрашиваемого, заставить его впасть в противоречия, наговорить с перепугу нелепостей, признать за собой мелкие грехи и пороки. Достаточно было инквизитору добиться признания в богохульстве, несоблюдении того или другого церковного обряда или нарушении супружеской верности, как, раздувая эти не столь тяжелые проступки, он вынуждал свою жертву признать и другие, уже более опасные и чреватые для нее серьезными последствиями «прегрешения». Умение вести допрос, т. е. добиться признания у обвиняемого, считалось главным достоинством инквизитора.

Во время следствия обвиняемый находился в тюрьме инквизиции.

Для убеждения обвиняемого дать требуемые от него показания к нему в камеру подсаживались специально натренированные для этого провокаторы, которые, прикидываясь единомышленниками и доброжелателями

обвиняемого, стремились или запугать против него новые улики, или убедить его сознаться. Если это не давало результатов, то с этой целью использовали жену и детей, слезы и убеждения которых могли сделать жертву более сговорчивой.

После угроз прибегали к ласкам. Заключение выводили из его смрадной тюрьмы и помещали в удобной комнате. Там его хорошо кормили, обращались с ним с видимой добротой. Это делалось для того, чтобы его решимость ослабела, колеблясь между надеждой и отчаянием.

У инквизиторов было множество и других «гуманных» средств для того, чтобы сломить волю своей жертвы. Они могли держать узника годами в тюрьме без суда и следствия, создавая у него впечатление, что он заживо погребен. Инквизиторы не дорожили временем, они могли ждать. Они могли симулировать суд в надежде, что после вынесения ложного смертного приговора жертва в порыве отчаяния «заговорит».

В Венеции, например, инквизиторы помещали свои жертвы в камеры с подвижными стенами, которые ежедневно сближались на вершок, угрожая неминуемо раздавить находящихся в этих камерах узников. Были у инквизиторов и такие камеры, которые постепенно заливала вода. Они могли морить узников голодом, мучить их жаждой, держать в сырых, темных и зловонных подземельях, где крысы и насекомые превращали жизнь несчастных заключенных в сущий ад.

Тюрьмы инквизиции, указывает Генри Чарлз Ли, «были вообще невероятные конуры, но всегда была возможность, если это было в интересах инквизиции, сде-

лать их еще более ужасными. *Durus carcer et astra vita* (суровая тюрьма и тяжелая жизнь (лат.) — положение узника на цепи, полумертвого от голода, в яме без воздуха — считалось прекрасным средством добиться сознания» (Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. I, с. 265).

Все эти многочисленные средства «гуманного» воздействия приносили свой результат, и многие узники инквизиции кончали тем, что признавали не только действительные, но и вымышленные преступления против веры. Многие, но не все. Когда инквизиторы приходили к заключению, что уговорами, хитростью и угрозами невозможно сломить обвиняемого, они прибегали к насилию, к пыткам. Пытки, применявшиеся инквизицией к своим жертвам, вызывали повсеместно ужас и возмущение, и церковь была вынуждена считаться с этим. Однако соборы и папы римские высказывались не за их отмену, а за пытки «с гарантией справедливости».

НАКАЗАНИЯ

Итак, следствие закончено. Инквизиторы одержали победу или потерпели поражение. В первом случае обвиняемый дал требуемые от него показания, признал себя виновным, отрекся от ереси, примирился с церковью. Во втором случае обвиняемый решительно настаивал на своей невинности или, признав себя еретиком, отказывался отречься и покаяться. Теперь трибуналу инквизиции предстояло вынести приговор, который соответствующим образом покарал бы и того и другого.

Приговоры инквизиции, как правило, отличались суровостью и жестокостью. К каким же наказаниям при­суждал своих «подопечных» трибунал инквизиции? В первую очередь к епитимиям — от «легких» до «унизи­тельных», затем к тюремному заключению, обычному или строгому, к галерам и, наконец, к отлучению от церкви и передаче осужденного светским властям для сожжения на костре. Почти всегда эти виды наказаний сопровождались бичеванием осужденных и конфиска­цией их имущества.

«ЛЕГКИМИ» ЕПИТИМИЯМИ были следующие: стро­гое соблюдение церковных обрядов, чтение молитв (иногда предписывалось повторять в присутствии сви­детелей десятки раз в день одни и те же молитвы), из­нурительные посты, пожертвования на богоугодные де­ла, многократное посещение различных «святых» мест. Все эти наказания накладывались на одно и то же ли­цо и превращались в тяжелую обузу, длившуюся ино­гда годами. При этом малейшее несоблюдение епити­мий грозило новым арестом и еще более суровыми на­казаниями. Такие епитимии превращались в подлинные «подвиги благочестия» и не только морально терзали наказуемого, но и приводили его и его семью к полному разорению.

В случае **«УНИЗИТЕЛЬНЫХ» НАКАЗАНИЙ** ко всем выше перечисленным епитимиям прибавля­лось еще ношение позорящих знаков, введенных впервые св. Домиником в 1208 г. и «усовершенство­ванных» позднейшими инквизиторами, в виде боль­ших холщовых нашивок шафранового цвета, имев­ших форму креста. В Испании на осужденного на­девали желтую рубашку без рукавов с нашитыми на ней изображениями чертей и огненных языков из

красной материи; на голову его напяливали шутовской колпак.

Позорящие знаки осужденный должен был носить дома, на улице, на работе, чаще всего всю жизнь, заменяя их новыми, если они приходили в ветхость.

В числе **«ПОКАЗАТЕЛЬНЫХ» НАКАЗАНИЙ**, которым подвергались жертвы инквизиции, фигурировало публичное бичевание. Осужденного, обнаженного по пояс, бичевал священник в церкви во время богослужения. Его бичевали также во время религиозных процессий. Раз в месяц он должен был ходить после обедни полуобнаженным в дома, где «грешил», т. е. встречался с еретиками, и получать там удары розгой. Весьма часто осужденный подвергался таким экзекуциям в течение всей своей жизни.

В испанских и португальских колониях инквизиторы, наряду с прочими наказаниями, осуждали свои жертвы на **КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ**, используя в качестве рабочей силы в монастырях, или посылали в Испанию служить на галеры, где их приковывали к сиденьям и веслам.

Следующим наказанием была **ТЮРЬМА**, причем пожизненное тюремное заключение считалось проявлением высшей степени милосердия. Тюремное заключение было трех видов: каторжная тюрьма, когда заключенного содержали в одиночной камере в ручных и ножных кандалах; строгое тюремное заключение, когда осужденный содержался в одиночной камере в ножных кандалах, иногда прикованный к стене; простое тюремное заключение, при котором заключенные содержались в общих камерах без кандалов. Во всех случаях заклю-

ченные получали в качестве еды только хлеб и воду. Постелью им служила охапка соломы. Узникам запрещались контакты с внешним миром. Узник инквизиции, разумеется, мог, если располагал утаенными от нее средствами, подкупить тюремщиков и обеспечить себе таким образом некоторые поблажки и льготы. Но это сравнительно редко удавалось, т. к. инквизиторы, зная продажность тюремщиков, зорко наблюдали за ними и сурово наказывали уличенных в недозволенных связях с узниками.

Правда, случалось, что инквизиторы взамен за предательство или другие оказанные им услуги, а иногда просто из-за недостатка тюремного помещения выпускали на свободу некоторые свои жертвы. Но это никогда не было амнистией или реабилитацией осужденных. Следуя указаниям, данным Иннокентием IV в 1247 г., инквизиторы, освобождая заключенного, предупреждали его, что при первом подозрении он будет немедленно возвращен в тюрьму и жестоко наказан без всякого суда и следствия.

Вся жизнь такого бывшего узника инквизиции, по словам Г. Ч. Ли, «принадлежала молчаливому и таинственному судье, который мог разбить ее, не выслушав его оправданий, не объяснив причин. Он навсегда отдавался под надзор инквизиционной полиции, состоявшей из приходского священника, монахов, духовных лиц,.. которым приказывалось доносить о всяком упущении, сделанном им в исполнении наложенной на него епитимии, о всяком подозрительном слове и действии, за что он подвергался ужасным наказаниям как еретик-рецидивист» (Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 313).

В XIII в. инквизиторы, осудив еретика, приказывали разрушить и сровнять с землей его дом. Однако со временем стремление завладеть имуществом осужденных взяло верх, и инквизиция отказалась от такого рода действий.

В начале массового преследования еретиков на юге Франции часть конфискованных средств использовалась на строительство тюрем, которых явно не хватало для нужд инквизиции. В этот период еретики не только сами «финансировали» строительство своих темниц, но и участвовали непосредственно в их строительстве, что считалось особым знаком преданности церкви. Впоследствии конфискованные средства делились между инквизицией, городскими властями и епископом. Массовые аресты еретиков, сопровождаемые секвестром их имущества, быстро превращали цветущие экономические районы, каким была, например, Южная Франция в начале XIII в., в руины.

Приговор «священного» трибунала считался окончательным и обжалованию не подлежал. Теоретически, конечно, осужденный мог обратиться к папскому престолу с просьбой о помиловании или пересмотре дела. Но такие обращения были чрезвычайно редким явлением. Сам осужденный, находившийся в руках инквизиции, был лишен физической возможности обжаловать ее действия. Его же родственники или друзья опасались делать это из-за боязни репрессий со стороны инквизиторов, считавших жалобы на их действия проявлением гордыни и чуть ли не доказательством еретических воззрений. К тому же жалобы подобного рода были совершенно бесполезны: папский престол, как правило, просто не принимал их во внимание.

Того из вероотступников, кто отказывался признать свои ошибки и примириться с церковью или, примирившись, вновь впадал в ересь, т. е. становился еретиком-рецидивистом, а также осужденного заочно, а затем пойманного еретика — всех их инквизиция, действовавшая от имени и по поручению церкви, отлучала от нее и «отпускала на волю».

Эта невинная, на первый взгляд, формулировка таила в себе смертный приговор обвиняемому. Осужденный «отпускался на волю» в том смысле, что церковь отказывалась впредь заботиться о его вечном спасении, что она отрекалась от него. Обретенная таким образом осужденным «воля» влекла за собой не только позорную смерть на костре, но, по учению церкви, и вечную муку в потустороннем мире. Его должна была поглотить не в фигуральном, а в буквальном смысле гиена огненная. Но инквизиторы предпочитали, чтобы эту грязную работу за них выполняла гражданская власть, которой они передавали осужденных еретиков с предписанием наказать по заслугам. В более поздние времена такого рода обращения сопровождалась просьбами проявить к осужденному милосердие. Оно проявлялось в том, что раскаявшегося смертника душили перед казнью или надевали на его шею «воротник», начиненный порохом, чтобы сократить мучения несчастного.

Деятельность инквизиционного трибунала наложила зловеший отпечаток на теорию и практику гражданского судопроизводства, из которого исчезли под ее влиянием зачатки объективности и беспристрастности, свойственные еще римскому праву. Как справедливо отмечает Г. Ч. Ли, до конца XVIII в. в большей части Европы инквизиционное судопроизводство, развивавшееся в целях уничтожения ереси, сделалось обычным

методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало хитростью или силой вырвать признание.

ГЛАВА 3. БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ИНКВИЗИЦИИ

Возрождение сорвало покров тайны, окутывавший деятельность католической инквизиции на протяжении столетий. Гуманисты и протестанты ополчились против деяний «священного» судилища. В протестантских странах стали появляться воспоминания бывших узников инквизиции, бежавших из ее застенков. В них подробно описывались кровавые деяния «святых» отцов — мучения и пытки, которым они подвергали свои жертвы. Такого рода литература расходилась чрезвычайно быстро по всей Европе, вызывая повсеместно негодование, возмущение, осуждение инквизиции.

В 1692 г. в Амстердаме вышел в свет большой труд Филиппа Лимбоха по истории инквизиции, в котором впервые освещалась деятельность этого трибунала во Франции, Италии и других странах со ссылками на папские документы и постановления различных соборов. Литература XVIII в. об инквизиции носила в основном памфлетный характер. Иначе и быть не могло, т. к. архивы инквизиции были недоступны авторам, разоблачавшим ее деятельность.

Французская революция 1789 г. руками победившей буржуазии покончила с инквизицией и сорвала замки с ее тайных архивов в ряде стран. Наполеон отменил инквизицию во всех своих владениях, в том числе в Испании. И именно в Испании, где больше всего она свирепствовала, впервые был опубликован в 1812—1813 гг. двухтомник подлинных документов, относящихся к ее деятельности. Автором публикации был бывший секретарь испанской инквизиции Хуан Антонио Льоренте (1756—1823), из-под пера которого вскоре вышла первая, основанная на документальных источниках, история этого трибунала.

РАЗДЕЛ II. ТЮРЬМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В Российской империи тюремное заключение как наказание начало играть значительную роль, начиная с последней четверти XVIII в.

Девизом старой русской темницы было: «поменьше света во все места заключения». Наряду с этим девизом был и другой: «поменьше света из самой тюрьмы». Стены, окружавшие большинство царских тюрем, как бы символизировали, что они строго оберегают тайну всего того, что там творилось. Архивные материалы отчасти раскрывают перед нами тайны тюрем в России.

Всюду, во всех тюрьмах было отвратительно и тяжело, но, конечно, есть различия в режиме политической тюрьмы, монастырского заточения и общеуголовного острога. Наиболее тяжелый режим существовал в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и в монастырских тюрьмах.

Не претендуя на полный охват всех происходивших там событий, мы постараемся дать краткую характеристику этих мест заключения и познакомить читателя с интересными историческими фактами, с ними связанными.

В своем рассказе мы, в основном, опирались на материалы, приведенные в пятитомном труде русского ученого-криминалиста М. Н. Гернета (1874—1953) «История царской тюрьмы».

ГЛАВА 1. ПЕТРОПАВЛОВ- СКАЯ И ШЛИССЕЛЬБУРГ- СКАЯ КРЕПОСТИ

Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости роднит между собой общая их история на протяжении двух столетий. Одну из них Петр I завоевал, другую основал, — таким образом, они обе связаны с именем Петра. Обе эти крепости, вместо того чтобы быть оплотом против внешних врагов, превратились в места заточения так называемых государственных преступников и важнейших уголовных преступников.

Крепости эти находились одна от другой всего на расстоянии 60 километров. В течение значительного периода времени каждая крепость была рассчитана на небольшое число заключенных, содержание которых обходилось само по себе дешево, но дорого стоили специальная администрация и охрана этих крепостей. Строгого разделения между назначением Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей большей частью не проводилось, но первая из них нередко оказывалась преддверием второй. В Петропавловской крепости было удобно содержать обвиняемых до окончания дознания, следствия или суда над ними, после чего часть из них переправляли в Шлиссельбургскую крепость для казни там или заточения на бесконечно долгие годы.

1. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Петропавловская крепость расположена в Санкт-Петербурге против Зимнего дворца на берегу реки Невы. Она была заложена 16 мая 1703 г. и сначала официальным ее названием было «Санкт-Петербургская крепость».

Крепостные стены Петропавловской крепости представляют собой обширный шестиугольник, охватывающий кольцом весь остров по его берегам. В углах шестиугольника расположены бастионы. Стены, соединяющие эти бастионы, носят названия куртин. Эти стены не сплошные, а полые внутри, что давало возможность использовать помещения, устроенные внутри стен. Обычно внутренние помещения носили названия казематов и служили то для склада военных припасов, то для размещения войска, то для заключения там арестантов. Для защиты крепости были устроены рavelины, т. е. добавочные стены перед крепостью для защиты входов в крепость.

Характерны наименования различных частей этой крепости. Эти наименования связаны с именами вельмож и приближенных Петра I и с именами царей и цариц. 20 июня 1733 г. помещена такая запись: «В память деда императрицы царя Алексея Михайловича заложен каменный рavelин перед полигоном, обращенным к Васильевскому острову, основание положено собственными руками Ее Величества». Так «руки Ее Величества» положили первый камень в основание Алексеевского рavelина, которому предстояло сделаться самым важным местом заточения обвиняемых в «государственных преступлениях».

В 1738 г. уже существовал неизвестно когда построенный дом тайной канцелярии. Нужно думать, что он был местом и для заключения арестантов. Такими местами были также рavelины (Иоанновский, Алексеевский), бастионы (Зотова, Анны Иоанновны, Екатерины, Трубецкого) и куртины (Кронверкская, Невская, Васильевская, Никольская).

Приведенный перечень мест заключения арестантов крепости показывает, что эти места находились повсюду. Большое количество казематов внутри крепостных стен свидетельствует о том, что эти стены на самом деле были жилыми помещениями. Они были заселены не только арестантами. В них были устроены помещения для солдат, для инвалидов, для рабочих и даже для детей-сиротлиц военного ведомства. Но и эти жилые помещения внутри крепостных стен носили название казематов, т. е. так же, как и арестантские камеры.

Окнами в казематах служили узкие амбразуры (более широкие с внешней стороны и более узкие с внутренней). Кроме малого доступа дневного света в эти казематы, у них была и еще одна общая черта — наличие большой сырости. От сырости гнили склады припасов, архивы. Гнили и люди. Сырость была неизбежна вследствие того, что стены и крыша были земляные и вода просачивалась через земляные потолки. Сырость увеличивалась также после многих наводнений, заливавших крепостные стены, когда обильная вода проникала и внутрь помещений.

Особо следует остановиться на тюрьме Алексеевского рavelина. Именно с этой тюрьмой связана известность крепости как самого сурового места заточения государственных преступников российской империи. В Алексе-

евском равелине располагались одиночные камеры для заключенных, а также помещения для администрации, караульной комнаты и кухни. Все они были пронумерованы (с № 1 по № 20). Существовало резкое различие в обстановке отдельных «покоев».

В исключительном положении находились покои под № 1 и под № 2, рассчитанные каждый на одного жильца. Несомненно, их занимали начальники тюрьмы. Здесь было по одному стенному зеркалу в золоченых рамах, по ломберному столу, по два крашенных стола и одной кровати. В первом номере была кушетка (канapé). В первых двух номерах, в также в № 3 было по два кресла и по мягкому стулу. По три мягких стула было в № 4 и № 5. Туалетные зеркала в рамах красного дерева были в № 3—5. Таким образом, вероятнее всего, что в первых пяти комнатах размещались чины администрации. В этих номерах на кроватях были полупуховые перины с двумя такими же подушками и стегаными ситцевыми одеялами.

Вторая группа камер, начиная с № 6 и кончая № 12, была предназначена для арестованных «благородного звания». На кроватях лежали волосяные тюфяки и по две полупуховые подушки. Здесь было по два крашенных стола и по два—три стула. Подсвечники здесь были уже не медные, а железные.

Третью группу камер составляли № 13—20. На кроватях здесь были постланы тюфяки: на трех — волосяные, а на пяти — из оленьей шерсти. Мебель состояла из простого стола и стула. Вместо глубоких и мелких тарелок, стаканов и рюмок вся обеденная посуда состояла из суповой миски, глиняной кружки и бутылки, а вместо серебряных ложек употреблялись деревянные.

Вероятно, эти камеры были предназначены для заключенных среднего класса.

Самая скудная обстановка была в комнатах, не обозначенных каким-либо номером и названных «казематами». Здесь на кроватях лежали тюфяки из мочалы с подушками и одеялами. Вместо свечей здесь были ночники. В каждой камере было по столу и стулу. Очевидно, в этих камерах размещались заключенные низших сословий.

2. УЗНИКИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Перечень узников Петропавловской крепости всегда начинают с сына Петра I царевича Алексея, стоявшего во главе противников реформаторской деятельности его отца.

Первыми узниками с февраля 1718 г. были приверженцы царевича Алексея Петровича: генерал-аудитор Кикин, Лопухин, В. В. Долгорукий и др. 25 мая того же года была привезена и заключена в крепость царевна Мария Алексеевна, заключенная в «раскат Трубецкого в палате». Здесь был заключен и «умер» царевич Алексей.

Наряду со своими политическими врагами царское правительство направляло в Петропавловскую крепость и общеуголовных преступников из числа тех, которые казались ему более опасными.

До нас дошло жуткое описание Винского, узника Петропавловской крепости, перебивавшего в разных помещениях этой крепости. Он служил в одном из петербургских полков и был арестован 12 октября 1779 г. по подозрению в подложном получении из банка довольно крупной денежной суммы.

После доставки Винского в Петропавловскую крепость его повели вдоль стены крепости с редкими в них «дверцами и малыми оконцами». Его ввели через небольшую дверцу в помещение, и он увидел перед собой «огромный со сводами во всю ширину погреб или сарай, освещаемый одним маленьким окошечком» («Записки Винского», «Русский архив», 1877, кн. 1, тетр. 1 и 2). Здесь с него сняли верхнее платье и стащили с ног обувь, а из его косы выплели ленту и тесемку. Все это делалось так грубо, что Винский ожидал начала порки и стрижки волос. Однако этого не произошло. Все деньги и вещи были отобраны. Камзол, верхнее платье и нижнее белье были тут же возвращены со срезанными пуговицами. Автор продолжает свои воспоминания: «Без обуви и штанов повели меня в самую глубь каземата, где, отворивши маленькую дверь, сунули меня в нее, бросили ко мне шинель и обувь, потом дверь захлопнули и потом цепочку наложили... Видя себя совершенно в темноте, я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода. Из осторожности простерши руки вправо, ощупал прямую мокрую стену; повернувшись влево, наткнулся на мокрую скамью, и на сей севши, старался собрать рассыпавшийся мой рассудок».

Солдатам-стражникам запрещено было разговаривать с заключенными. Темнота в камере была полная. Когда солдат вошел со свечой, то это освещение «начертало весьма явственно всю гнусность и ужас этой темницы;

в мокром смрадном углу загорожен хлев досками на пространстве двух с половиной шагов, в котором добрый человек пожалел бы и свиней запереть».

Самой крупной фигурой екатерининской эпохи из числа заключенных в Петропавловской крепости был знаменитый писатель Александр Радищев, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой он выразил свой протест против самодержавной власти и крепостного права.

Неизвестно, в какое «обыкновенное место» в Петропавловской крепости был заключен Радищев. К тому времени в районе Петропавловской крепости, кроме казематов в стенах крепости, находились три тюрьмы: смиренный дом, Коммисский казенный дом и деревянное здание внутри Алексеевского рavelина. Вероятнее всего, он был направлен в строжайшую по режиму из этих трех тюрем — в Алексеевский ravelин. Здесь, в одиночной камере тюрьмы Петропавловской крепости, Радищев переживал не только все тяжести тюремного заключения, но и мучения, связанные с допросами, с волнениями судебного процесса и троекратным приговором к смертной казни. Правда, императрица Екатерина II заменила смертную казнь лишением дворянства, чинов и ордена и ссылкой в Сибирь в Илимский острог, на десятилетнее безысходное пребывание.

В 1790 г. писателя из Петропавловской крепости отправили в Сибирь закованным в кандалы. Их сняли лишь в пути благодаря хлопотам князя Воронцова, любившего Радищева и заботившегося о нем и после его осуждения. Однако никакие хлопоты не поколебали гнева Екатерины. Только после ее смерти Павел вернул 23 ноября 1796 г. писателя из ссылки для прожи-

вания в имени под негласным надзором. Через пять лет, 15 марта 1801 г., последовала полная амнистия осужденного.

В 1802 г. Александр Радищев покончил жизнь самоубийством. «Потомство за меня отомстит», — сказал он перед смертью.

ДЕЛО САМОЗВАНКИ КНЯЖНЫ ТАРАКАНОВОЙ

В ночь с 24 на 25 мая 1775 г. яхта с командой Преображенского полка и Толстым прибыла в Крондштадт и отсюда доставила в Петропавловскую крепость захваченных в Ливорно графом Орловым посредством вероломного обмана «княжну Тараканову», известную самозванку, именовавшую себя дочерью императрицы Елизаветы, служанку ее Франциску фон Мешедде, трех лакеев и поляков Даманского и Черномского с двумя их камердинерами. Здесь они были размещены по казематам.

Допрос арестованной вел в ее камере четыре дня подряд князь Голицын. Он доносил царице, что самозванка не сознается, но пока он не сделал никаких ограничений в ее пище и оставил при ней служанку. Вместе с тем он добавлял, что «самозванка» больна чахоткой и харкает кровью.

Несмотря на это, режим содержания пленницы был ухудшен. Голицын приказал отобрать у заключенной все, кроме постели и самого необходимого платья, да-

вать ей пищу, сколько нужно для поддержания жизни, не допускать к ней слугителей. В камере днем и ночью находились офицер и два солдата. Эта мера была принята под влиянием письма Екатерины, рассерженной письмом к ней заключенной и требовавшей принятия мер строгости, чтобы «образумить» самозванку, «наглость» которой, по словам Екатерины, «выходит из всяких возможных пределов».

Присутствие мужчин в камере очень тяготило узницу, и она в своем письме умоляла Екатерину избавить ее от присутствия солдат у ее кровати. По-видимому, женщина-императрица прекрасно понимала тягость такого присутствия солдат у постели женщины, но она не была склонна изменить режим своей конкурентке на трон.

Винский, заключенный в Петропавловскую крепость вскоре после заключения туда «княжны Таракановой», вспоминает в своих записках рассказ тюремного сторожа о посещении арестантки графом Орловым, на которого она кричала и топала ногами. Возможно, что он приходил сюда не только из любопытства увидеть свою жертву, но и для попытки получить от нее признание и новые показания.

4 декабря 1775 г. «самозванка-бродяга» умерла от чахотки, и, по преданию, труп ее был зарыт во дворе Алексеевского рavelина.

Существует и другая версия смерти княжны Таракановой. Она принадлежит знаменитому французскому писателю Александру Дюма (отцу). Как известно, в 1858—1859 гг. Александр Дюма совершил длительное путешествие по России. Свои путевые очерки он объединил в книги «Из Парижа в Астрахань» и «Кавказ».

В одной из этих книг, а именно в очерках «Из Парижа в Астрахань», изложена версия французского писателя о жизни и гибели княжны Таракановой. Александр Дюма, не ручаясь за историческую подлинность упомянутых событий, отнес ее к разряду страшных легенд Петропавловской крепости.

Итак, передадим слово самому Александру Дюма.

«...Фрегат бросил якорь в Кронштадте, и Орлов отправился в Санкт-Петербург за указаниями императрицы. Вечером того же дня лодка, закрытая наподобие гондолы, та, что служила императрице для ее ночных прогулок по Неве, отделилась от фрегата, поднялась по Неве и пристала к берегу, против крепости. Женщина в наброшенном длинном покрывале, чтобы никто не увидел ни лица, ни фигуры и не получил никакого представления о ней, сошла с лодки и в сопровождении офицера и четырех солдат направилась к крепости. Офицер передал приказ коменданту. Тот молча жестом позвал тюремного надзирателя, пальцем показал ему номер, написанный на стенке, и пошел первым.

— Следуйте за комендантом, — сказал надзиратель.

Женщина подчинилась.

Пересекли двор, открыли потайную дверь, спустились на 20 ступеней вниз, открыли дверь № 5, втолкнули женщину в камеру наподобие склепа и заперли за ней дверь. Дочь Елизаветы, прекрасная княжна Тараканова, это чудное создание, воспринимаемое созданием из перламутра, кармина, газа и атласа, оказалась полунагой в сырой и темной «мышеловке» равелина св. Андрея и стала жить жизнью тех рептилий, какие — она

почувствовала ночью — несколько раз скользнули по ее влажному лбу и холодным рукам.

Она сделалась не только безразличной, но еще и перестала реагировать на всякий шум. Спустя несколько дней после этого, она явственно услышала самое сильное мыканье Невской воды, но вот уж 12 лет, как она слушала его, и это мыканье было то глуше, то громче. Потом услышала пушечный выстрел. Она подняла голову. Ей показалось, что речная вода проникает через верхний проем и разливается по карцеру. Вскоре сомнения отпали, вода ручьем полилась в проем. Через два часа она ворвалась вовнутрь. Нева поднялась.

Бедная женщина, она поняла смертельную опасность. Каким бы мрачным ни было ее существование, смерть ей казалась более мрачной... Ей было только 32 года.

Вскоре вода дошла ей до колен. Она звала, она кричала. Она подняла камень, что накануне не могла сдвинуть с места, и била камнем в дверь.

Ее крики, делаясь все более душераздирающими, ее стенания, в которых все сильнее звучала мольба, продолжались остаток дня и почти всю ночь. Эти плачи, идущие из воды, были невыносимы. Наконец около 4 часов утра они угасли. Вода полностью заполнила подвальный этаж рavelина св. Андрея.

Когда наводнение прекратилось, когда вода спала, проникли в карцер княжны и обнаружили там ее тело. Мертвая, она не нуждалась больше в приказе императрицы, чтобы выйти оттуда. Вырыли яму на земляном валу и ночью закопали княжну. Сегодня еще показывают — взглядом, пальцем, жестом — холмик без креста,

без камня, без таблички, на который присаживаются гарнизонные солдаты, чтобы побеседовать или сыграть в карты. Это единственный монумент, поставленный дочери Елизаветы, это единственная память, которая сохраняется о ней».

Такова вторая легенда крепости...

3. ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

Самым ранним описанием внешнего вида Шлиссельбургской крепости является статья неизвестного автора «Прогулка в Шлиссельбург», помещенная в «Отечественных записках» за 1823 г. Автор указанной статьи говорит о шести бастионах крепости и о восьми башнях. До настоящего времени сохранилось шесть башен: Государева, или Царская, Светличная, Королевская, Флажная, Головкина и Головина.

За крепостными стенами, на некотором расстоянии от них и параллельно им тянулся вал с выступами против бастионов. Внутри крепостной стены находились две тюрьмы, одна из которых носила название «Нумерной казармы», а другая — «Секретного дома». Внутри крепости находились церковь, дом коменданта с садом и другие здания.

УЗНИК ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ИМПЕРАТОР ИОАНН АНТОНОВИЧ

В истории Шлиссельбургской крепости было много важных политических узников. Глубокая тайна окутывала их жизнь здесь. Одним из таких узников был император Иоанн Антонович.

Иоанн Антонович был заточен в Шлиссельбургскую крепость шестнадцатилетним юношей в 1756 г., став жертвой дворцового переворота. Ему было всего два месяца, когда он был провозглашен всероссийским самодержцем. Заключение Иоанна в Шлиссельбург предшествовало двенадцатилетнее его заточение совершенно секретно в особом здании в Холмогорах, где отдельно от него, тогда еще маленького ребенка, содержались его отец, мать, братья и сестры. Отсюда Иоанн был вывезен ночью с соблюдением строжайшей тайны и доставлен в Шлиссельбургскую крепость под названием «безымянного колодника».

Об условиях его содержания в Шлиссельбургской крепости до нас дошли некоторые сведения. Надзор за ним поручили трем офицерам. Им предписывалось соблюдать в величайшей тайне все, что относится к узнику. Под страхом смертной казни они не должны были никому говорить, кто узник, «стар или молод, русский или иностранец». На время уборки помещения безымянный колодник должен был оставаться за ширмами.

Старший офицер Овцын в своем донесении в мае 1759 г. сообщал, что узник часто находился в возбужденном состоянии. Имеются документальные указания, что офи-

церы дразнили Иоанна и приводили его этим в гнев. В одном из рапортов 1761 г. сообщалось, что для усмирения узника нашли средство. Ему перестают давать чай и выдают рваные чулки.

Тот же офицер Овцын в своем рапорте от июня 1759 г. высказывал свои сомнения о нормальности узника, но добавлял, что «арестант подкрепляет свою правоту ссылками на Евангелие... и на прочие книги, сказывает, в котором месте и в Житии которого святого пишется». Это дает основание предполагать, что Иоанн не был безграмотным, как об этом объявила в своем манифесте о его смерти Екатерина. Она имела свои основания скрыть правду о его смерти, т. к. узник был убит ее офицерами. Ей было выгодно поведать народу, что Иоанн Антонович был «лишен разума и смысла человеческого», что он был косноязычен. В этом же манифесте Екатерина сообщала народу такие сведения об установленном ею режиме для узника, которые совершенно расходятся с донесениями караульного офицера более ранних годов.

Офицеры Екатерины убили Иоанна Антоновича при попытке Мировича освободить его. Мирович был казнен, а убийцы-офицеры награждены. Кроме Мировича, были жестоко наказаны его соучастники: 48 солдат были прогнаны сквозь строй, в том числе один двенадцать раз и шестеро десять раз через тысячу человек, с последующей ссылкой навечно на каторжные работы.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ КАЗИМИР ЧЕРНОВСКИЙ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

В царских крепостях и тюрьмах было загублено не только много жизней, но и много талантов. Одним из таких загубленных талантов был узник сначала Петропавловской, потом Шлиссельбургской крепости, минский помещик Казимир Черновский — человек, который едва ли не первым заинтересовался вопросом о сооружении подводного судна.

В начале XIX в. идея сооружения подводной лодки была новой не только для России, но и для других стран. В то время ей уделялось большое внимание только во Франции, где производились даже опыты с изобретенными к тому времени подводными лодками.

Черновский начал работать над своим изобретением в 1825 г. В 1829 г. он был арестован за участие в организации первого польского восстания и заключен в Петропавловскую крепость. Уже находясь там, Черновский написал письмо Николаю I. Он предложил сделать в довольно короткий срок подводное судно, пригодное как для военных, так и для промышленных и научных целей. В этом письме он указывал на возможность использования его подводной лодки для взрыва неприятельских кораблей, для тайных высадок десантов на территории других стран, на собирание с морского дна жемчуга, морских трав и т. д. Черновский не просил для себя денег и свободы. Он мечтал о воплощении своей творческой идеи в практическое дело.

Вскоре Черновскому было предложено представить письменное изложение своего проекта, что он и сделал, изложив этот проект подробно на 32 листах.

Этот проект не был бредом человека, сошедшего с ума в одиночной камере Петропавловской крепости. Он был передан для ознакомления генералу корпуса инженеров путей сообщения Базену. Базен, по-видимому, не знал, что автором проекта является заключенный в крепости. Сделав ряд критических замечаний, он закончил свой отзыв такими словами: «Впрочем, я не могу не признаться, что хотя описанная в записке подводная лодка не удовлетворяет всем желаемым условиям, однако изобретение ее делает честь сочинителю, и должно полагать, что его усердие и практические знания могли бы быть полезны при дальнейших исследованиях и производстве решительных опытов для введения и усовершенствования подводного судоходства в Российской империи» (М. М. Семин, «Красный архив», 1941 г., № 1, стр. 249—257).

Казалось бы, что такой лестный отзыв Базена, образованного инженера, о неизвестном ему авторе проекта, должен был подтолкнуть правительство к тому, чтобы дать этому автору возможность для дальнейшей работы. Но этого, к сожалению, не случилось. Наоборот, Черновский был поставлен в еще более тяжелые условия. 4 октября 1829 г. он по неизвестной причине был переведен из Петропавловской в Шлиссельбургскую крепость.

По правилам Шлиссельбургской крепости узникам запрещалось давать бумагу и возможность для работы. Исходя из этих правил, комендант крепости отобрал у Черновского находившиеся при нем до этого чертежи и

записки. Целых десять месяцев он был лишен возможности заниматься своим проектом. Наконец, из Петербурга пришел запрос с предложением Черновскому представить свои возражения на критические замечания Базена. Разрешение снабдить заключенного бумагой и чертежными принадлежностями было дано в августе 1830 г.

Черновский принялся за работу сначала охотно. Но его постигла общая участь всех заключенных в Шлиссельбургской крепости: его забыли. Шли месяцы за месяцами, и только 11 мая 1832 г. военный министр запросил, в каком положении находится работа Черновского. За это время узник-изобретатель пережил настоящую трагедию. По сообщению коменданта на запрос военного министра, Черновский постепенно «становился задумчивым, наконец, июля 5 дня прошлого года (1831) сделал покушение на свою жизнь». Он нанес себе перочинным ножом рану в шею, после чего девять месяцев пролежал в постели. По словам коменданта, изобретатель сам просил убрать от него чертежные принадлежности. Но вместе с ними были отобраны и бумаги. Они были возвращены Черновскому после упомянутого запроса военного министра. Но без чертежных принадлежностей было невозможно продолжать работу. Комендант крепости запросил Николая I, можно ли дать их Черновскому. Царь в своем ответе предоставил самому коменданту снабжать Черновского чертежными принадлежностями. Нет ничего удивительного поэтому, что комендант нашел для себя более спокойным и удобным не давать их узнику.

В создавшихся условиях было трудно работать над проектом подводной лодки. У узника-изобретателя не было книг, инструментов; не было возможности обме-

няться с кем-либо своими мыслями, получить консультацию. Его блестящий проект не обеспечил ему ни на секунду проблеска в темноте, которая окутывала его в одиночной камере. Черновский физически и психически погибал...

В сентябре 1832 г. военный министр вновь сделал запрос коменданту крепости о работе Черновского. Комендант ответил, что инструментов он заключенному не дал, но убеждал его работать без них. Однако заключенный работает с большой леностью, жалуется на болезненное состояние. Он начертил лишь план, который сопроводил описанием. Ответа на критические замечания Базена он не дает «из упрямства или не надеясь на свои способности».

Из этого ответа коменданта видно, что огонь вдохновения изобретателя был уже потушен условиями заточения. Вместо энергии Черновского охватила обычная тюремная апатия.

Новый отзыв эксперта Базена о плане и объяснительной записке Черновского был очень подробным. Это снова говорит о том, что проект о подводной лодке не был плодом фантазии и заслуживал критического рассмотрения эксперта. Общее заключение его на этот раз было менее благоприятным. Оно не содержало прежнего решительного указания использовать способности автора в деле подводного судостроения. Быть может, Базен учитывал, что его совет использовать эти способности автора проекта, данный им три года назад, совсем не был принят во внимание.

Вскоре Черновский был отправлен из Шлиссельбургской крепости на далекий север — в Архангельскую гу-

бернию. Дальнейшая судьба изобретателя подводной лодки неизвестна. Таким образом, условия одиночного заключения оборвали работу изобретателя и привели его даже к попытке покончить жизнь самоубийством.

ВETERАН ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ ВАЛЕРИАН ЛУКАСИНСКИЙ

Среди заключенных за государственные преступления значительную часть составили кратковременные обитатели крепости — декабристы. Только декабрист Поджио, проведенный здесь 7 лет, составил в этом отношении исключение.

Другую, большую по численности группу людей, заключенных в Шлиссельбургскую крепость за государственные преступления, составили участники восстания в Польше. Наиболее видный участник этого восстания — ветеран Шлиссельбургской крепости Валериан Лукасинский провел здесь 38 лет (1830—1868 гг.). За все время существования крепости не было ни одного узника, который по продолжительности пребывания в ней мог сравниться с Лукасинским.

История его пребывания здесь началась с получения комендантом крепости приказа от 21 декабря 1830 г. В приказе говорилось: «Предписано имеющего быть присланного государственного преступника Царства Польского содержать самым тайным образом, так, чтобы кроме Вас никто не знал даже его имени и откуда привезен» (ЦГИА в Москве. Фонд Шлиссельбургской кре-

пости, 1830, № 1. «Дело об арестантах Лукасинском и Жубе»).

В морозный день 24 декабря 1830 г. к воротам крепости жандармы привезли Лукасинского. Но заточение его началось еще с октября 1822 г., т. е. за 8 лет до перевода его в Шлиссельбург, когда он был заключен в новую политическую тюрьму в бывшем кармелитском монастыре в Лешне за организацию патриотического польского общества для борьбы с российским самодержавием. Тогда ему было 36 лет.

После двух лет следствия и предварительного заключения в октябре 1824 г. Лукасинский вместе с другими заключенными был выведен из тюрьмы для исполнения публичного приговора военного суда. Его выставили на площади первым в ряду осужденных. Кругом стояли войска и народ. Палач сорвал со всех погоны, знаки отличия и мундиры. Затем им обрили головы, заковали в кандалы и заставили каждого везти ручные тачки вдоль всего фронта войск. Под оглушительный барабанный бой Лукасинский вез впереди всех свою тачку. Он шел, гордо подняв голову.

Вслед за этим Лукасинского отвезли в крепость Замостье. В этой крепости он находился 7 лет. В Замостье Лукасинский сделал попытку организовать восстание заключенных и был приговорен к смертной казни. Наместник Варшавы, великий князь Константин, заменил казнь Лукасинскому и другому осужденному телесным наказанием — 400 ударов палками. Срок нахождения в крепости ему был удвоен, т. е. доведен до 14 лет. Вскоре Лукасинский был переведен в крепость Гуру, а затем — в казармы Волынского полка в Варшаве. Здесь

он содержался в глубочайшей тайне в маленькой полутемной конуре.

«Последний раз Лукасинского видели во Владове. В жалкой сермяге, с бородой по пояс, он шел пешком на веревке под конным конвоем, с обнаженными саблями. Его вели таким способом до Белостока, откуда он был передан в Бобруйскую крепость... Отсюда, по повелению Николая I, он был перевезен в Шлиссельбургскую крепость», — пишет биограф Лукасинского Шимон Аскенази (Szymon Askenazy, *Lykasinsky, Warszawa, 1908, I и II*),

В Шлиссельбурге Лукасинский, в соответствии с повелением Николая содержать его «самым тайным образом», был заключен в нижний подземный этаж Светличной башни, «очень низкий, придавленный гранитными сводами, на утрамбованной голой земле, мрачный, холодный, погруженный в молчание, как кладбище». Одним из подтверждений содержания узника совершенно отдельно от прочих заключенных является прямое указание Михаила Бакунина, который находился здесь с 1854 по 1857 г. Он увидел во время прогулки неизвестного скорбленного старика с длинной бородой под охраной особого офицера, который не позволил приблизиться к узнику. От другого офицера, расположенного к нему, Бакунин узнал, что это был Лукасинский. Через несколько минут, по заранее сделанномуговору с тем же офицером, во время прогулки Бакунин подошел к Лукасинскому и тихо назвал его фамилию. Тот вздрогнул всем телом и спросил: «Кто?» Бакунин ответил: «Заключенный в этом году». Тогда Лукасинский задал три вопроса: «Который теперь год? Кто в Польше? Что в Польше?» Бакунин ему ответил. Старик, опустив голову, пошел в другую сторону. После этого разговора

Лукасинский, по словам офицера, был беспокоен и бредил несколько дней. Больше Бакунин Лукасинского не видел.

За 6 лет до смерти в положении Лукасинского наступило некоторое облегчение. Комендант Лепарский добился вывода Лукасинского из Светличной башни. 25 февраля 1862 г. он был помещен в комнате нижнего этажа каземата. Перевод Лукасинского в новое помещение рассматривался как его освобождение, и его стали иногда именовать «бывшим арестантом». В камере он мог писать, читать, а Лепарский принимал его у себя в доме. Аскенази приводит в своей книге письма Лукасинского к Лепарскому, а также его записки, которые Лукасинский начал писать в Шлиссельбургской крепости. В этих записках иногда заметно помрачение рассудка, что и неудивительно. Аскенази правильно понял душевное потрясение заключенного:

«Единственный в своем роде психический процесс происходит в человеке, который как бы вставал из гроба после сорока лет и на ум и сердце которого нахлынула слишком сильная волна фактов и впечатлений, глубоко потрясающих его мысль и чувство. Такая внезапная и обильная событиями и переживаниями волна, обрушившаяся на бедный, высохший, испепеленный от мучений мозг, заставила его, правда, произвольно зажечься лихорадочной жизнью, но вместе с тем и проявить свои изъяны, тут и началось помешательство Лукасинского».

По данным того же Аскенази, «в июне 1865 г. Лукасинский перенес первый апоплексический удар. Весной 1866 г., по свидетельству студента-медика Степут, который тогда мимоходом видел в Шлиссельбурге Лукасинского, он еще был на ногах, говорил на смешанном

русско-польско-французском языке и не терял надежды на получение свободы. С 1867 г. нет никакого живого следа о Лукасинском... Кажется, в это самое время он совершенно потерял сознание».

27 февраля 1868 г. Лукасинский умер. Его тело зарыли на территории крепости. Шлиссельбург был для него при жизни могилой 37 с лишним лет. Шлиссельбург же укрыл его навсегда.

4. ДЕЛО ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ДОЧЕРИ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА АГРАФЕНЫ КОМЕНДАНТОМ КЕКСГОЛЬМСКОЙ КРЕПОСТИ ГОФМАНОМ

Дополним приведенные нами сведения о Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях сведениями о Кексгольмской крепости, в которой были заключены пять человек семьи Емельяна Пугачева.

Из подлинного дела Пугачева видно, что он был доставлен в Москву одновременно с первой женой и сыном. Все они были заключены в помещениях Монетного двора, но жена его и сын были заключены в особую камеру. Вскоре туда же были доставлены с нянькой две маленькие дочери Пугачева от первого его брака и вторая жена Пугачева, которой было в то время 15 лет. В 1774 г., после казни Пугачева, все они были помещены в Кексгольмскую крепость.

На долю старшей дочери Пугачева, Аграфены, выпала тяжелая участь быть изнасилованной комендантом Кексгольмской крепости Гофманом.

Дело об изнасиловании комендантом крепости арестантки никогда бы не выявилось наружу, если бы не последовало перевода коменданта на другую службу. Все это дело — одна сплошная цепь преступлений. Для совершения их комендант, пользуясь неограниченной властью местного владыки, использовал помощь нескольких лиц, начиная от плац-майора, в квартире которого совершил изнасилование. Но этого мало. Для сокрытия своей вины он угрозой принудил Аграфену объявить отцом новорожденного ребенка не его, коменданта, а одного из солдат.

В таком виде дело было доложено царю, и Павел приказал поместить ребенка в воспитательный дом, но генерал-губернатор Куракин разъяснил, что ребенка следует отобрать от матери после прекращения кормления грудью. Несчастной матери не пришлось переживать тяжесть разлуки с сыном: через два месяца после рождения он умер.

Через месяц после родов комендант Гофман смог перевестись на службу в другое место. Тогда-то Аграфена набралась смелости и объявила новому коменданту, что сделалась жертвой изнасилования. Соучастница преступления, доставившая девушку коменданту, говорила ей: «Он твой командир и что захочет, то может и сделать». Эта же соучастница по приказу того же коменданта подговаривала забеременевшую девушку скрыть роды, а после рождения ребенка уничтожить его.

Свидетели подтвердили правильность показаний Аграфены. Все следственное дело о преступлении коменданта Гофмана было сообщено Павлу. В деле имеется его резолюция сообщить ему, куда назначен на новую службу Гофман. В архивном деле нет ни ответа на этот вопрос, ни вообще каких-либо других сведений о коменданте-насилльнике.

Аграфена умерла в 1834 г., прожив в заключении шестьдесят лет.

ГЛАВА 2. МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ

Под монастырскими тюрьмами понимаются места заключения при монастырях, с одной стороны, в виде монашеских келий обычного типа, с другой — в виде казематов внутри стен, или в подвалах под церковными полами и в погребах или, наконец, в виде специально оборудованных тюремных зданий внутри монастырских стен.

Во всех этих случаях начальником монастырской тюрьмы являлся настоятель монастыря, а подчиненные ему монахи несли обязанности помощников в деле осуществления режима узников, если для этого не было прислано специальной воинской охраны.

1. СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Из монастырских тюрем самой старой была тюрьма при Соловецком монастыре. В Соловецкий монастырь заточались преступники и лица, признанные опасными для государственного строя. Здесь также содержались крестьяне за отступление от православия (например, раскольник Протопопов, прорицатель Авель и др.).

Монастырь был основан еще в 1437 г. Он был обнесен крепостью в 1584 г. По внешнему виду монастырские стены и башни на них напоминают до некоторой степени крепостные сооружения Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. Монастырь был настоящей крепостью.

Тюремные казематы внутри крепостных стен были устроены в разных местах — у Никольских ворот, у Святых ворот. Вот как описал такую камеру русский историк М. А. Колчин, напечатавший в 1887 г. свое исследование «Ссылные и заточенные в остроге соловецкого монастыря в XVI—XVIII вв.»: «Мы зашли в узкий, длинный темный ход, сделанный внутри толстой тюремной стены. Идем по нему, сердце невольно сжимается... Идем далее, пока не наталкиваемся на небольшую дверь с маленьким окошечком в середине ее. За дверью чулан аршина полтора, без всякой лавки, без всего того, без чего жить человеку нельзя. В нем можно только стоять или сидеть, скорчившись. Лежать или сидеть с протянутыми ногами не позволяет пространство чулана, а скамьи для сидения не полагается. А несомненно, что здесь заставляли жить людей не один день».

Другие арестантские помещения были устроены под крыльцом Успенского собора, у Архангельских ворот в башне и в других местах.

Режим для сосланных в Соловецкий монастырь различался в зависимости от разных условий. Сюда ссылали: 1) под начала и 2) под караул. Первая форма заключения была менее строгой, чем вторая, и была сопряжена с обязательными работами по монастырю на его нужды. Обычно заключенные спали на войлоке и на подушке из оленьей шерсти. Строго запрещалось давать заключенным письменные принадлежности и книги, кроме церковных. За нарушение этих правил и за разговоры с изолированными заключенными виновные наказывались телесно или сажались на цепь.

Питание менялось в зависимости от режима, примененного к тому или другому узнику. Оно могло состоять или только из хлеба и воды или даже из четырех блюд. Трудно приходилось тем сектантам, содержащимся в монастыре, которые употребляли для пищи свою посуду и не считали возможным принимать пищу, окропленную святой водой. Питание производилось за счет монастыря и за счет милостыни богомольцев.

Необходимым дополнением для поддержания режима заточения и для соблюдения монастырских правил было «лобное место», т. е. площадь для производства наказаний плетью, палками, батогами, розгами и шелепами. «Тихая обитель» тогда оглашалась воплями наказуемых. А в казематах монастырской тюрьмы, не прерываясь, шло своим чередом душевное страдание заживо замурованных там людей. Душевные муки соперничали с физическими страданиями, какие несла с собой эта средневековая тюрьма.

Прорицатель Авель, сосланный сюда после заточения Екатериной в Петропавловской, а потом в Шлиссельбургской крепостях, записал в своей автобиографии, что за двенадцать лет его пребывания здесь «были искусства ему в Соловецкой тюрьме, которые и описать нельзя. Десять раз был под смертью, сто раз приходил в отчаяние, тысячу раз находился в непрерывных подвигах, а прочих искусств было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное» («Предсказатель монах Авель», «Русская старина», 1875, февраль).

Подробное описание условий режима в Соловецком остроге дается арестантом священником Лавровским и относится к 30-м гг. XIX в. Он описал условия содержания арестантов в чуланах острога. В каждом из таких чуланов, почти всегда запертых, размером в шесть квадратных аршин, находилось по два заключенных. Койки занимали почти все пространство камеры, и только с трудом мог продвигаться между ними заключенный. При отсутствии в рамках форточек здесь был очень тяжелый воздух, который, по выражению автора, «был душающим». Для естественных потребностей не выпускали в отхожее место, и только раз в сутки выносили из камер судна. Узник называет питание убогим и вспоминает, с каким восхищением принимали заключенные хлеб, если он оказывался мягким. Ввиду отсутствия освещения в камерах арестанты страдали от темноты и даже пищу принимали ощупью.

Общение между заключенными нередко состояло в ожесточенных спорах на религиозные темы, доходивших до драк. Тяжесть пребывания в тюрьме для сектантов становилась еще более чувствительной оттого, что администрация имела обыкновение сажать в одну и ту же камеру сектантов, между верованиями которых

не было сходства; и между самими заключенными шел спор о том, чья вера правильная. Совместное пребывание таких людей в одной камере становилось для каждого из них мукой.

Громадному большинству арестантов пришлось провести в монастырском заточении бесконечно долгие годы.

2. ТЮРЬМЫ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

Местом тюремного заточения служили с давнего времени очень многие монастыри не только мужские, но и женские. Они были расположены во всех местах России, в том числе и в самой Москве. В частности, женщин заточали в московский Ивановский монастырь, Новодевичий и Вознесенский.

В первый из названных монастырей была заточена Салтычиха — помещица Салтыкова, уголовное дело которой считается одним из самых крупных во второй половине XVIII в. Она обвинялась в убийстве 138 человек ее крепостных. Салтычиха собственноручно била их кнутом, поленом, скалкой, обваривала их головы и лица кипятком, жгла уши раскаленными щипцами, жгла волосы лучиной, ставила на мороз и т. д. Такие истязания применялись за ничтожные провинности, например, за не удовлетворившее Салтыкову мытье полов или белья.

Первая жалоба на Салтыкову была подана еще в 1762 г., т. е. в год воцарения Екатерины. Двум крепостным Салтыковой (у одного из них помещица забила насмерть од-

ну за другой трех его жен) удалось подать жалобу императрице. Жалоба была передана в юстиц-коллегию в Москву, где проживала Салтыкова. Следствие тянулось шесть лет. Некоторых жалобщиков из крепостных возвращали Салтыковой, других ссылали. Взятка делала свое дело. Богатство и знатность спасали Салтычиху. Запуганные крестьяне при допросах отказывались давать показания.

Следствие, однако, выявило если не все преступления Салтыковой, то во всяком случае очень большое число их — 138 замученных. Никаких сомнений в виновности Салтыковой не оставалось, хотя она постоянно хвалилась, что судить ее не могут. Но она ошиблась. Императрица приговорила ее к пожизненному заключению в тюрьму при монастыре. Перед заточением в монастырь Салтычиха была выставлена на один час у позорного столба на Лобном месте в Москве на всеобщее обозрение. По словам очевидцев, несметные толпы народа и масса экипажей заполняла всю Красную площадь, даже крыши домов были заполнены народом. Тут же, пока она стояла у позорного столба, палачи жестоко расправлялись с ее крепостными. Их били кнутами и клеймили раскаленным железом, хотя они были только исполнителями ее бесчеловечных приказаний. Такому же наказанию подвергся и священник, скрывший преступление Салтычихи и схоронивший замученных ею крепостных.

18 октября 1768 г. Салтычиха была помещена под собором Ивановского монастыря. Через 11 лет наказание в форме пожизненного заточения было смягчено переводом в другое помещение монастыря. Это помещение было снабжено окошечком за решеткой, и один из современников рассказывал о виденной им картине: через

открытое окошечко Салтычиха плевала на любопытствующих, ругала их и совала сквозь решетку палку. Возможно, что она была психически ненормальна или же годы заточения не укротили ее бешеной злобы. Салтычиха умерла в тюрьме 27 ноября 1801 г.

ГЛАВА 3. ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

Правительство Российской империи в XVIII — начале XIX в. проявляло к общеуголовным тюрьмам мало интереса, т. к. их обитатели, уголовные преступники, были, в основном, представителями «черни», людьми «подлого звания».

Остроги, тюремные замки, съезжие дома, места заключения при полиции, в которых содержались уголовные преступники, были разбросаны по всем городам и разным населенным пунктам страны. Помещения для арестантов устраивались в виде отдельных зданий, или «связей», внутри тюремной ограды. Чем обширнее была тюрьма, тем больше было таких зданий.

Под «острогом» первоначально понималось укрепление, защищавшее тот или иной пункт от нападения неприятелей. Такое укрепление состояло из бревен, заостренных вверху и врытых достаточно глубоко в землю. Острогом называлась и эта стена из бревен. Позднее такие же стены-остроги стали окружать тюрьмы, на которые и распространилось название «острог».

Позднее стены из бревен, врытые в землю, стали заменяться каменными с башнями на углах, и тюрьма по своему внешнему виду стала напоминать замки или стены кремля. Тип тюрьмы-замка стал распространяться с конца XVIII в.

Одним из первых описаний тюрьмы относится к 1775 г. к каторжной тюрьме в Рогервике (бухта в Финском заливе). Оно было сделано очевидцем — караульным офицером Андреем Болотовым.

Огромная стена из толстых бревен окружала участок земли, посередине которого стояло здание тюрьмы. Автор называет его «привеликим и огромным». Внутри этого здания находились арестантские помещения, названные Болотовым «казармами и светлицами» (очевидно, казармы — это камеры общего заключения, а светлицы — одиночные камеры). По словам автора, эти помещения «были набиты полно злодеями» в количестве до 1000 человек. Арестанты размещались внутри здания на нарах, расположенных в два яруса. Но наибольшее количество заключенных размещалось на койках, привешенных к потолку.

Все арестанты были закованы в кандалы, а многие имели даже «двойные» и «тройные железа» для безопасности, чтобы не могли уйти с работы. Более всего поразило Болотова обилие в остроге вшей. Производя ежедневную переключку арестантов, он сам обовшивел. Для предохранения себя от вшей, дождем сыпавшихся с подвешенных к потолку коек, Болотову пришлось надевать на голову шляпу с широкими полями и облекаться в плащ («Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»,

1738—1793 гг., «Русская старина», 1870, т. 1, приложение, стр. 338).

По-видимому, самым лучшим зданием острога в России было воздвигнутое в Москве, надо полагать, после 1775 г. Этот острог состоял из четырех отделений, примыкавших своими коридорами к общему центру, где находилась церковь. За общей оградой, кроме этого центрального здания острога, находились четыре мощных двора и несколько жилых строений и зданий для разных надобностей. В одном из зданий были квартиры тюремного духовенства и палачей — «заплечных мастеров» (таково их официальное название).

В остроге было много помещений, в том числе больница. Было много разных кладовых: для обуви, для продуктов и др. Имелись кухня, прачечная, квасная, пекарня. Военские арестанты помещались в особой казарме. В особой камере помещались гражданские чиновники. Подследственные не смешивались с осужденными. Для женщин было особое помещение. Поддержание чистоты было возложено на самих арестантов. Это описание московского тюремного замка — официальное. Оно было опубликовано в 1817 г. и оставалось единственным опубликованным за очень долгий период.

Тюремная администрация в острогах, можно сказать, отсутствовала, т. к. во многих местах единственным начальником острога являлся конвойный офицер. Постоянный надзор за арестантами вверялся полицейским чинам. В дальнейшем была введена должность тюремного смотрителя.

В конце 1817 г. англичанин Вальтер Венинг после осмотра им мест заключения Петербурга представил Александру I доклад.

В этом докладе при характеристике отдельных мест лишения свободы Венингу приходится повторяться. Не было ни одной тюрьмы, о которой он мог бы сказать, что там было чисто, сухо и просторно. Наоборот, повсюду была непролазная грязь, и тюремный двор мало чем отличался от тюремного пола, который не мыли со дня устройства тюрьмы. Зловоние от тюремных нужников на дворе, не очищавшихся много лет, соперничало со зловонием внутри самой тюрьмы. Не было разделения арестантов по преступлениям, осужденных от обвиняемых, арестованных детей от взрослых и разобщения по полу: женщины содержались вместе с мужчинами или вместе с караульными солдатами. Всюду Венинг находил кандалы, цепи, в том числе и шейные, стулья, колодки и рогатки. Везде недоставало света, воздуха, чистоты. Отсюда проистекало отмеченное Венингом распространение болезней.

Постоянным правилом острога было не допускать арестантов «пожить по-своему, повеселиться по-людски». В результате острог вынужден был веселиться совсем не по-людски, создавать свои острожные развлечения такого характера, каких не знала жизнь на свободе. Эти развлечения были грязны и противоестественны в такой же степени, как был грязен сам острог и как был противоестественен весь его режим. Таковы были игры со вшами, которых их обладатели использовали как рысаков для состязания в быстроте бега. Такова же была охота на других постоянных обитателей тюрьмы — клопов, которых тюремный жаргон называл «бекасами», а потому и охота на них была известна под заманчивым

названием «охоты на бекасов». Уничтожение клопов выливалось в формы, напоминавшие настоящую охоту с облавой на зверя, с расстановкой цепи охотников и пр.

Многие из игр в тюрьме носили жестокий или отвратительно-грязный характер. Таковы были, например, «присяга», которую заставляли принимать вновь прибывшего заключенного, или свадьба, когда тюремный разврат облекался в форму театрального представления с пением, с пляской, с переодеванием и пр. Жестоки были игры в «ложки», когда заключенные били друг друга деревянными ложками по оголенному животу, сначала поплевав на него, или «жмурки», с беспощадным битьем жгутами, «банки», когда наносились удары по оттянутой с живота коже, и пр.

(М. Н. Гернет. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1925, стр. 47—72)

РОГАТКИ, СТУЛЬЯ, КОЛОДКИ И ЦЕПИ

Названия «рогатки» и «стулья» звучат для нашего времени совсем необычно и вызывают недоуменный вопрос о тех предметах, которые носили эти названия. Но история тюрьмы тесно связана с этими орудиями отягощения тюремного заключения.

Под названием «рогаток» подразумевались особые металлические ошейники, на внешней поверхности которых были вделаны железные прутья или гвозди, настолько длинные, что арестант с такой рогаткой на шее

был лишен возможности прилечь и был вынужден все время оставаться стоя или в сидячем положении, но не прислоняясь спиной к чему-либо. Число таких гвоздей на обруче ошейника было три, а размер каждого такого прута — 20 см. В Государственном историческом музее в Москве хранится два экземпляра таких рогаток. Они были чрезвычайно распространены в XVIII—XIX вв.

Имеется описание и других рогаток, которые надевались не на шею, а на голову. Об употреблении этих рогаток в тюрьме Соловецкого монастыря писал Ефименко, описавший их так: «Рогатками назывался инструмент, надевавшийся на голову. Он состоял из железного обруча вокруг головы, ото лба к затылку, замыкавшегося с помощью двух цепей, которые опускались вниз от висков, на замок под подбородком. К этому обручу было приделано перпендикулярно несколько длинных железных шипов» (Ефименко. Кальнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи, «Русская старина», 1875, т. XIV, стр. 414).

Вальтер Венинг описал «стулья» так: «...тяжелые эти стулья колодни́ки принуждены таскать на себе, входя в нужные места, которые находятся на дальнем расстоянии». До 1941 г. экземпляр такого стула находился во Всесоюзном институте юридических наук в Москве. Он представлял собой короткий, в 75 см, тяжелый чурбан, окованный железным обручем. В один из концов этого чурбана вбит довольно массивный костыль на короткой цепи, заканчивающейся металлическим ошейником.

Что касается колодок, то их форма была очень различна, и они предназначались для надевания на ноги, на руки и на шею.

Еще разнообразнее было устройство цепей, предназначенных для надевания на руки, на ноги, на шею или вокруг тела по поясу, а также для приковывания к стене или полу.

Член Попечительного о тюрьмах общества Магницкий в своей записке от 1820 г., воспроизведенной в печати в 1879 г., свидетельствует о широком распространении рогаток, колодок и пр., а также знакомит читателей и с их устройством. Он писал: «Колоды, кандалы, оковы, стулья с цепями и рогатки не только во всех градских и земских полициях, но в каждом волостном и сельском правлении находятся. В них нет никакой соразмерности. Я сам видел в Симбирской губернии колоды из цельного дерева в аршин длиною надетыми на ноги несчастным и запретил их формальным образом правлению».

Стулья с тяжелыми цепями также делаются весьма большие и по большей части из дуба.

В городских полициях есть обыкновение всех содержащихся заключать на ночь в бревно, вырубленное наподобие колоды, для большей безопасности от побега...

Цепи бывают трех родов:

1) надеваемые на руки и на ноги отдельно; 2) на ноги, на руки и на шею вместе и 3) на ноги и на шею с прикреплением к стене.

Они все вообще весьма тяжелы, часто узки и выделаны весьма грубо, так что сглаживаются от одного употребления.

Рогатки неимоверной величины и тяжести по большей части употребляются в волостных селениях, при полициях и смирительных домах... На пойманного полицией преступника, еще несудившегося и, может быть, невинного, в уезде... тотчас надеваются или цепи или, стулья с цепями... При пересылке преступников из места в место к суду или по наказанию в Сибирь земские и градские полиции... заковывают всех посылаемых, как называется употребленным у них выражением, накрепко, дабы преступники с недостаточною стражею бежать не могли...» («Русская старина», 1879, февраль).

Состояние мест заключения в то время было таково, что администрация могла с легким сердцем признавать их ненадежными для воспрепятствования побегов из них. Само тюремное начальство было заинтересовано в том, чтобы всякими средствами помешать побегам арестантов и тем самым оградить себя от ответственности.

Сами арестанты пытались протестовать против цепей. В одном из таких случаев протест вылился в настоящий бунт. Шестеро арестантов в Херсоне в 1824 г. за попытку к побегу были посажены на шейные цепи. Но они сняли их с себя так же, как и кандалы. Остальные арестанты выступили на защиту этих шестерых. В чинов тюремной администрации, с которой прибыли губернатор, бригадный генерал и вооруженная сила, летели камни и доски. После стрельбы холостыми зарядами была произведена стрельба боевыми патронами, и трое арестантов были ранены.

Бунт был усмирен, и арестанты вновь посажены на цепь (ЦГИА в С.-П., «Журнал комитета министров», 11 октября 1824 г., № 1942).

В тюремных замках, острогах и других местах заключения велась упорная борьба за жизнь. В одном отношении победителями всегда выходили арестанты: мертвой тишины в этих мертвых домах не бывало. Никакие кандалы и цепи не могли наглухо сковать жизнь узников.

ГЛАВА 4. ПОМЕЩИЧЬИ ТЮРЬМЫ

Для той эпохи характерны не только государственные, но и помещичьи тюрьмы. (Об уложениях помещиков для их крепостных крестьян см. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. I, пар. 2).

В 1846 г. 21 января, т. е. всего за 15 лет до отмены крепостного права, закон подтверждал власть помещика без суда, по собственному его усмотрению ссылать своих крепостных в Сибирь на поселение, бить палками и розгами и сажать в свои, помещичьи «сельские тюрьмы». Правда, закон определял высший срок такого заключения в тюрьму в два месяца и устанавливал, что лишение свободы должно происходить по общим правилам, предписанным для тюрьмы (ст. 1860 Уложения о наказаниях 1846 года). Но эти оговорки оставались пустым звуком при фактической неограниченности власти помещиков.

Помещики не строили специальных тюрем, а превращали в них свои амбары, подвалы, погреб и сараи.

В поисках отягощения условий заключения они сажали малолетних крепостных в чуланы, конуры и даже в печь. Обычное в правительственных тюрьмах заковывание узников в кандалы применялось помещиками в совершенно неограниченных размерах и притом в еще более жестоких изобретенных ими формах. Крепостных приковывали к устроенным для этого столбам, бревнам, к стенам сараев, к жерновам.

Часто жертвами расправ были девочки-подростки и маленькие дети. 25 декабря 1836 г. в г. Александровске Екатеринославской губернии умерла 11-летняя девочка Лисокоенкова. За год перед тем она вместе с братом, матерью и отцом была куплена у одного помещика неким Кривоzubовым. Будучи начальником инвалидной команды, этот Кривоzubов мог распорядиться тюрьмой и гауптвахтой. Без законных оснований он посадил купленного им крепостного отца девочки в тюрьму, предварительно в целях глумления обрив ему голову. Жена крепостного, перенесши жестокое телесное наказание, скрылась неизвестно куда.

Но главной жертвой истязателей Кривоzubовых сделалась девочка Мария Лисокоенкова. Для нее были изготовлены специальные кандалы, натиравшие ей ноги в кровь. Закованную в кандалы, ее периодически сажали на гауптвахту и бросали в погреб при доме Кривоzubовых. Закованный ребенок попадал в темную холодную подземную тюрьму, отмененную законом даже для взрослых. Девочку наказывали розгами до потери сознания, предварительно распяв ее. В заточении ее мучили голодом. Она пыталась утопиться, но была поймана.

В декабре того же года девочка, страдавшая от голода, пошла просить милостыню и отморозила себе руки и ноги. Несмотря на это, Кривозубова, хозяйка, избивала ее палкой и плетью, привязав к перекладине и предварительно раздев донага. На другой день она снова билась, на этот раз по голове. В результате на следующий день девочка умерла (ЦГИА в Москве, Всеподданнейшие доклады III отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 4 эксп., 1837, № 250).

В другом случае закованным в кандалы узником помещика оказался мальчик 12 лет. Вместе с отцом и матерью он был перепродан одним помещиком другому (1850). Отец его бежал, но потом тайно вернулся и доставил своего сына в волостную контору с жалобой на жестокие побои помещика. Оставив мальчика в волостной конторе, крестьянин снова бежал. Помещик забрал мальчика, заковал его в шейную цепь и посадил на цепи в свою тюрьму-сарай. Через два дня девушка, принесшая ему хлеба и воды, нашла его мертвым. По заключению врача, смерть мальчика «последовала от чихотки легких и затвердения селезенки, развитию же болезни могли содействовать как побои, так и душевно-страдательное состояние» (ЦГИА в Москве, Всеподданнейшие доклады III отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 4 эксп., 1850, № 152).

В 1848 г. помещик Загорский придумал способ лишать свободы крепостного дворового мальчика 13 лет, сажая его в печь, где находились раскаленные уголья (Тот же архив, те же доклады, 4 эксп., 1848, № 63). Вина мальчика заключалась в том только, что он тратил на еду больше времени, чем это хотелось помещику.

В 1837 г. виленский помещик барон Торнау был изобличен в систематическом и строго организованном истязании и лишении свободы своих крепостных крестьян. Этот барон имел в своем распоряжении колодки,

ножные кандалы с цепями, которыми он приковывал своих арестантов к бревну; он надевал на провинившихся особые железные обручи, тоже с приделанной к ним цепью. Большой любитель кандалов всякой формы, барон Торнау приковывал своих крестьян цепями к жерновам и, обрив им голову, заставлял молотить зерно. (Тот же архив, те же доклады, 4 эксп., 1848, № 80).

В 1848 г. таким же любителем кандалов был князь Трубецкой. Трудно сказать, он ли помогал своей жене или княгиня была деятельной помощницей своего мужа в расправах над крепостными. У Трубецких был специальный столб, к которому они приковывали крестьян. Они заковывали крепостных в ножные кандалы на продолжительное время, даже на срок до трех лет, били их розгами, кнутом и руками. Следствие выяснило, что из всех крепостных женщин только три оказались ненаказанными. Соседние помещики отозвались полным незнанием о проделках Трубецкого, получившего в округе славу «лихого князя». В противоположность помещикам соседние крестьяне подтверждали издевательства над крестьянами княжеской супружеской четы (Тот же архив, те же доклады, 4 эксп., 1850, № 110).

В отношении помещичьих тюрем можно привести примеры лишь тех незаконных случаев лишения свободы, которые случайно становились известными центральной власти. К тому же лишение свободы провинившихся крестьян, конечно, по широте применения далеко уступало наказаниям их розгами, палками и пр.

РАЗДЕЛ III. ТЮРЬМЫ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

ГЛАВА 1. ПОЛОЖЕНИЕ В ТЮРЬМАХ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ. ПОПЫТКИ ГУМАНИЗАЦИИ ТЮРЕМНОЙ ПОЛИТИКИ

Спустя 150 лет после введения лишения свободы как самостоятельного вида уголовного наказания в странах Западной Европы появилась тенденция гуманизации этой меры наказания. Был выдвинут прогрессивный в тот период лозунг отказа от сословного суда и права-привилегии во имя победы принципов буржуазной законности, выставлялось требование признания и гарантирования государством «естественных прав личности». Это требование Иремия Бентам, Джон Говард и Людовик-Рее Виллерме распространили и на личность преступника (заключенного).

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ И ЕГО «ПАНОПТИКА»

Знаменитый английский юрист Иеремия Бентам, последователь просветительских идей XVIII в., спроектировал тюремное здание совершенно оригинального типа. Этот проект был изложен Бентамом в третьем томе его сочинений, названном «Паноптика». В России сочинения Бентама были изданы в 1805—1811 гг. на средства правительства. (Бентам Иеремия. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начала законоположения и всеобщего начертания полной книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. т. I—III, СПб, 1805—1811). Около ста страниц «Паноптики» Бентам отвел описанию своего проекта.

Во время французской революции в 1791 г. «Паноптика» была препровождена члену Законодательного собрания в Париже де Кулону. Собрание постановило ее напечатать, но обстоятельства не позволили этого выполнить. Бентам писал Кулону: «Позвольте построить темницу по сему образцу, и я буду в ней тюремщиком... Сей тюремщик не потребует оплаты и ничего не будет стоить народу... Сделать совершенное преобразование в тюрьмах, произвести улучшение в поведении и нравах заключенных, водворить здравие, порядок, чистоту, трудолюбие в сии жилища, зараженные пороками нравственными и физическими, утвердить безопасность общественную, уменьшив издержки вместо увеличения оных, и все сие произвести посредством одной простой мысли в архитектуре. Таков есть предмет сего творения» (стр. 263).

«Паноптика» по проекту представляла собой огромное шестиярусное здание в виде круглого театра, в середине которого располагалось другое здание в виде башни. По шести ярусам круглого здания размещались камеры для заключенных, на два-три человека каждая. Двери этих камер выходили внутрь, на галерею, которая имела в каждом ярусе. Стражники, находясь внутри башни, могли бы наблюдать за всеми камерами и были бы с ними соединены жестяными трубами для передачи своих распоряжений.

Между башней и ярусами с камерами должно было находиться пустое кольцеобразное пространство. Стража могла бы производить свои наблюдения за арестантами невидимо для них. В праздничные дни проект предполагал производить в башне церковную службу, на которой арестанты присутствовали бы, оставаясь в камерах.

Заключенные, будучи распределены по камерам соответственно их преступлениям и возрасту, должны были заниматься трудом. Работы производились бы через подрядчиков. На занятие арестантов трудом автор смотрел не как на отягощение их положения, а как на исправительное средство, обеспечивающее им заработок по выходе на свободу. Он говорил: «Делать работу ненавистною, обращать ее в страшилище для преступников, облекать ее некоторого рода поношением есть пагубное недоразумение» (стр. 310). За отказ от работы Бентам предлагал лишать заключенных пищи. В качестве других средств дисциплинарного воздействия Бентам рекомендовал смирительную рубашку за побои и насильственные действия, а за крики и брань — вложение в рот кляпа. Телесных наказаний в тюрьме не предусматривалось.

Здесь, внутри проектированной им тюрьмы, Бетам отступал от своих требований, чтобы наказание преступника выполнялось с наивозможной торжественностью, чтобы процессия к месту наказания совершалась под музыку, в особых одеждах, чтобы эшафот был под черным покрывалом, служители правосудия — в трауре, палач — в маске и пр.

Бентам говорит о некоторых преимуществах его предложения по сравнению с предложениями его современника и соотечественника Джона Говарда. Последний предлагал камеры без окон, но с отверстиями в потолке. Бентам же считал, что в камерах должны быть окна. По словам Бентама, Говард, боясь пожаров, рекомендовал оберегать от стужи арестантов соответствующим платьем, а Бентам предлагал провести в камеры трубы, через которые шло бы тепло. Предлагал он провести также и трубы с водой.

ДЖОН ГОВАРД — РЕФОРМАТОР АНГЛИЙСКИХ ТЮРЕМ

Тюремный деятель англичанин Джон Говард — автор нескольких работ по тюремному вопросу, в том числе с описанием состояния английских тюрем.

В 1777 г. в Англии вышла книга Джона Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе». Автор хорошо ознакомился с положением тюрем в своей стране, режим которых был настолько бесчеловечен, что Говарду оставалось лишь удивляться «выносливости человеческого организма и силе привычки к жизни». Пребывание в темной, залитой водой и нечистотами камере по 15—20 лет

было обычным явлением. В тюрьмах свирепствовали эпидемии, абсолютный произвол администрации, жесточайшие наказания и не менее жестокая эксплуатация труда заключенных. Говард описал выпущенного из тюрьмы английского арестанта, похожего на скелет. Побывавшие в тюрьме были уже не способны к труду вследствие их полного истощения.

Одну из своих работ Говард посвятил теме законодательного устройства тюрем. Здесь было обращение уже к самому законодателю и указывался новый распорядок в тюрьмах, который мог быть введен лишь при условии устройства новых тюремных помещений, введения новых правил размещения арестантов, их питания, труда, санитарных условий и пр. Говард говорил не об исправлении старой тюрьмы, а об устройстве тюрьмы на общих началах. Сам Говард предупреждал возражения со стороны тех, кто боялся притока в реформированную по его проекту тюрьму голодных бедняков, тунеядцев и т. д. Говард писал: «Не известно ли всякому, что самая ужасная пещера или вертеп приятны для того, кто живет в них и выходит из них по своей воле, и что самые великолепные палаты несносны будут для того, кто осужден никогда из оных не выходить и жить в них не по своей воле».

Говард спроектировал план новой тюрьмы. Особенностью фасадов зданий было устройство их на высоких сводах: почти во всю длину тюремного здания должны были находиться сквозные пролеты или ворота. По мнению Говарда, это затрудняло бы побег посредством подкопа. Отдельные тюрьмы с тюремными дворами и отхожими местами, по проекту Говарда, предназначались для несостоятельных должников, отдельные — для молодых преступников, для заключенных каждого

пола, при общих для них всех церкви, зданиях для зрителя, больницы, саде.

Одну из своих статей Говард посвятил голландским тюрьмам. В России перевод этой статьи был напечатан в 1805 г. (Д. Говард. О тюрьмах и смиренных домах в Голландии, «С.-Петербургский журнал», 1805 г., № 1, стр. 103—116).

В этой статье Говард очень хвалил состояние тюрем в Голландии. Для посетителя кажется даже невероятным, что это тюрьма. У каждого заключенного своя комната, деревянная постель с соломенным тюфяком и одеялом. Заключенные заняты трудом — пилят дерево, трут сандал, прядут. По воскресным дням — церковная служба. На арестантах одинаковая одежда. За хорошее поведение — досрочное освобождение, за нарушение тюремной дисциплины — заключение в тюремный карцер без кровати, на хлеб и воду на срок до 10 дней и публичное наказание среди тюремного двора. Но это была лишь показная сторона. На самом деле обычная тюрьма проявляла себя картинами порки и другими подобными мерами.

ПАВЕЛ СВИНЬИН — АВТОР ОЧЕРКА «НЬЮГЕТСКАЯ ТЮРЬМА И ЭШАФОТ»

Русский путешественник Павел Свиньин после своего возвращения из Англии опубликовал в журнале «Сын Отечества» за 1815 г. очерк, посвященный состоянию английских тюрем того времени («Ньюгетская

тюрьма и эшафот», из записок путешественника по Англии Павла Свиньина. «Сын Отечества», 1815 г., № 46).

Он считал, что благодаря усилиям Говарда английские тюрьмы доведены до такой степени совершенства, что Англия может ими хвастаться перед всеми европейскими державами. Здесь уже были устроены различные тюрьмы для различных осужденных и для несостоятельных должников.

Но не все, что видел Свиньин в лондонских тюрьмах, было столь безукоризненным. Например, в Ньюгетской тюрьме он присутствовал на заупокойной обедне, совершавшейся в присутствии самого заживо отпевавшегося молодого осужденного на смерть в цепях перед гробом, в который через 18 часов должен был быть положен его труп после казни через повешение. Против него сидели 8 других приговоренных к смертной казни, приговор которых еще не был утвержден. Молодой арестант, трогавший до слез присутствующих в тюремной церкви своей молодостью и красотой, стоял спокойно, и только тогда слезы покатились по его щекам, когда священник закончил проповедь обращением к нему, трижды повторив: «Завтра ты будешь повешен, умрешь, как изверг». Дальше этого жестокого издевательства над осужденным при главном участии служителя культа, казалось бы, идти было некуда.

Но английская тюремная практика пошла еще дальше. В камеру к осужденному после утверждения приговора каждый час входил человек, объявлявший смертнику, сколько часов осталось ему прожить до казни. Свиньин присутствовал и при казни на площади перед тюрьмой и видел, как тот же священник не прекращал потоков своего красноречия и на эшафоте; как осужденного с

колпаком на голове, с веревкой на шее продержали пять минут под столбами виселицы, прежде чем повесили. Он висел целый час, а по площади в толпе сновали старухи, продававшие печатные листки с изображением виселицы, с биографией осужденного, с его прощальным письмом к друзьям (такие листки носили название «баллад», и автор изложил содержание нескольких из них). В описанном случае преступление осужденного затрагивало интересы казны.

ПОЛОЖЕНИЕ ТЮРЕМ ВО ФРАНЦИИ. ЛЮДОВИК-РЕЕ ВИЛЛЕРМЕ

Во Франции в 1814 г. был издан приказ французского короля об устройстве образцовой тюрьмы. После этого в стране было воздвигнуто несколько новых тюрем. В них был введен труд, приняты меры к ограждению арестантов от притеснений тюремных стражей. В отчете министра внутренних дел Франции королю о состоянии тюрем в стране все эти факты нашли свое отражение, но все же авторы отчета принуждены были отметить, что «везде почти тюремные здания слишком малы и тесны; везде почти скудость средств и несообразное их расположение причиняют беспорядок и болезни, которые во многих тюрьмах представляют самые ужасные зрелища» (См. Донесения Его Величеству Королю Французскому министра внутренних дел о состоянии тюрем во Франции, «Сын Отечества», 1819 г., № 18, стр. 278 и № 19, стр. 326—329).

Отчет проектировал учреждение во Франции «Королевского французского общества приведения тюрем в лучшее состояние» с ежемесячными собраниями, с центральным советом в Париже и местными комитетами по городам. В состав общества проектировалось включать представителей власти, а само название его «королевское» предусматривало его аристократический состав.

Вскоре «Королевское французское общество» начало действовать. В Соборе Парижской Богоматери был проведен торжественный молебен. Первое собрание было проведено в доме архиепископа. Член королевской фамилии произнес речь, в которой в самых изысканных выражениях призывал членов общества направить усилия к «перерождению, если можно, душ, униженных пороком и гибельными страстями» («Королевское французское общество приведения тюрем в лучшее состояние», «Вестник Европы», 1819 г., № 9, стр. 297—301).

Тут же общество начало свою деятельность принятием решения выбить бронзовую медаль в память об открытии общества с изображением на одной стороне короля, а на другой — президента общества из членов королевской семьи. Заботу же о самих арестантах новое общество проявило разговорами о том, что в Париже у заключенных по одной холщовой одежде и зиму, и лето и что надо позаботиться и о другой.

Почти в то же самое время, когда члены французского общества по улучшению тюрем занимались придумыванием рисунка бронзовой медали для увековечивания своей еще не начавшейся деятельности, их соотечественник Людовик-Рее Виллерме увековечил тогдашнее ужасное состояние французских тюрем в своей книге (См. Виллерме Людовик-Рее, доктор медицинских и

других тюремных обществ член, «О тюрьмах в настоящем их положении и о состоянии, в каком оные должны в отношении к здоровью и нравственности заключенных и в отношении к политической экономии, перевод с фр., СПб, 1822, стр. 176). Оно было настоящим позором для французского правительства.

Книга Виллерме явилась, с одной стороны, негодующим и горячим призывом к обществу и правительству обратиться, наконец, внимание на состояние тюрем, а с другой — настоящим руководством для реформы мест тюремного заключения. В систематическом порядке в 17 главах книги автор подробно исследовал тюремные здания во многих местах Франции, одежду и постель заключенных, отопление, питание арестантов, состояние работ, режим, заболевания, смертность, меры исправления арестантов и пр.

Общее состояние мест заключения во Франции позволяло автору сказать, что арестантов не запирают, а погребают, и приговор к заключению является приговором к смерти. «Законы повелевают содержать человека под стражею, назначая ему умереть от зараженного воздуха».

Описательная и критическая часть этой книги производила на читателя сильное впечатление. Оно увеличивалось благодаря тому, что автор описывал то, что видел своими глазами, иллюстрируя изложение поразительными фактами. В той самой Франции, которая была законодательницей мод, шика и блеска, где дворцы поражали своей красотой, как нигде в мире, автор книги о тюрьмах раскрыл картины полного контраста. Заключенные содержались не только в лохмотьях, но и совершенно голые. По словам автора, гнилую солому, на ко-

торой они спали, у них оспаривали насекомые. Если в некоторых тюрьмах были окна, то они устраивались очень высоко и были так малы, что солнечный луч никогда не проникал сюда. Так, в башне «Святого Петра» в Лилле в помещении арестантов окна были пробиты в стене толщиной 18 футов. Люди, замерзая от холода, согревались тем, что прижимались друг к другу. Их кормили какими-то мучными затирками и безвкусными похлебками.

Описание и критика Виллерме сопровождались соответствующими практическими предложениями. Так как он был медиком по образованию, то особое значение приобретали его указания медико-санитарного характера. Они были многочисленны и разнообразны. Все они касались как основных сторон тюремного строительства и быта, так и мелочей и подробностей.

ГЛАВА 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЮРЕМНЫХ СИСТЕМ

В начале XIX в. в Англии и США особого рода тюрьмы стали именоваться пенитенциарными. Термин «пенитенциарный» происходит от латинского «poenitentarius» — покаянный, исправительный.

В связи с тем, что в большинстве европейских стран и в Северной Америке лишение свободы превратилось в преобладающий вид наказания, потребовалось не только увеличить число пенитенциарных учреждений, но и создать их новые организационные формы, их новый юридический статус. Начинают организационно складываться новые тюремные системы.

ПЕНСИЛЬВАНСКАЯ ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА

В 1786 г. в городе Филадельфии (штат Пенсильвания, США) была открыта первая тюрьма, построенная по системе строжайшего одиночного заключения. Основатели ее, американские квакеры, исходя из своих религиозных установок, считали, что преступник — это грешник, человек, нуждающийся в раскаянии, которое бы примирило его с Богом и людьми. Тюрьма — это место покаяния, а оставление преступника наедине с самим собой — средство, способное побудить преступника раскаяться. Отсюда вытекало одиночное заключение, полностью исключаящее какое-либо общение с внешним миром и дополненное усиленной религиозной

обработкой. Поэтому, вероятно, пенсильванская система именуется иногда келейной системой*.

По образцу тюрьмы в Филадельфии (а она была рассчитана всего на 30 одиночных камер) в США были построены большие тюрьмы — в Питтсбурге и Черри-Гилле. По системе строгого одиночного заключения был выстроен ряд тюрем и в Европе (в Англии — Пентонвиль, в Германии — Моабит, во Франции — Мазас; позже по этой схеме была построена тюрьма в Петербурге — «Кресты»; особенно же широко келейная система вплоть до недавнего времени применялась в Бельгии).

Режим этих тюрем был подчинен одной основной идее: заключенный как можно меньше должен отвлекаться от сознания собственного одиночества, а поэтому работа — лишь в одиночку и исключительно в порядке поощрения; чтение — лишь Библия или Евангелие; запрещение разговаривать и т. д. Не удивительно, что при таком режиме чрезвычайно высок был процент заключенных, сходявших с ума или кончавших жизнь самоубийством.

СИСТЕМА ОТДЕЛЕНИЯ

Разновидностью пенсильванской системы стала так называемая система отделения, рассматривавшаяся как несколько смягченная система келейного заключения. По характеристике С. В. Познышева, при этой системе арестант изолируется от других заключенных, но остается в более или менее живом общении не только с администрацией тюрьмы, но и с затюремным миром, с

родными и знакомыми, не внушающими опасения, что они войдут в какое-либо вредное с ним общение (С. В. Познышев. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912, стр. 558).

Обе эти системы возникли как реакция на средневековое бессистемное заключение. В свое время они рассматривались как прогрессивные и гуманные. В числе инициаторов создания пенсильванской системы был В. Франклин.

Однако одиночное заключение не оправдало возлагавшихся на него надежд. С. В. Познышев, например, совершенно справедливо указывал на ряд следующих оснований, в силу которых «его нельзя признать пригодным средством для преследуемой тюрьмой цели исправления: 1) заключенный в одиночную камеру будет вести себя хорошо лишь потому, что «он механически устранен от соблазнов плохого поведения». Отбыв длительное одиночное заключение, преступник выходит на свободу совершенно неприспособленным к новым для него условиям жизни; 2) одиночное заключение делает арестанта пассивным, расслабляет и усыпляет его духовные силы; 3) «Одиночная система отличается чрезмерностью, т. е. причинением страданий, ненужных с точки зрения предупреждения рецидива», оно «тяжко и причиняет много лишних страданий; 4) «Одиночное заключение... содействует появлению и развитию у арестантов душевных и нервных расстройств»; 5) Противоестественное состояние вынужденного одиночества вызывает нередко озлобление и расстраивает нервы» (С. В. Познышев. Очерки тюремоведения. М., 1915, стр. 59—62).

ОБУРНСКАЯ ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА (СИСТЕМА МОЛЧАНИЯ ИЛИ НОЧНОГО РАЗЪЕДИНЕНИЯ)

В 1820 г. в Обурне (штат Нью-Йорк, США) была открыта тюрьма, в которой заключенные помещались на ночь в одиночные камеры, а днем были заняты на общих работах, но с соблюдением требования сохранять абсолютное молчание. Позже в США по данной системе была построена одна из крупнейших тюрем — Синг—Синг. По обурнской системе строились тюрьмы и в Европе (особенно в Бельгии и Голландии).

Главными требованиями в тюрьме Обурн были неуклонное прилежание и абсолютное молчание. Так как последнее требование постоянно нарушалось, то его выполнение пытались обеспечить крайне суровой дисциплиной и системой телесных наказаний. Всякий проступок наказывался тут же на месте надзирателем, средством расправы служили кнут и плеть. Власть надзирателя была громадна и бесконтрольна, произвол администрации — ничем не ограничен. Вскоре после введения обурнской системы ее несостоятельность стала очевидной, т. к. варварское обращение не исправляло, а вселяло в заключенных озлобление, еще большую решимость и готовность совершать преступления.

ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА

Родиной прогрессивной системы является Англия, где она была введена в 1838 г. для лиц, совершивших тяжкие преступления. Суть ее заключается в том,

что весь срок наказания разбивается на ряд этапов, причем на каждом последующем этапе заключенный получает определенные льготы, облегчающие его жизнь в тюрьме. Передвижение заключенного по этапам зависит от его поведения: хорошее поведение облегчает режим, плохое, — наоборот, приводит к ужесточению режима.

Основная идея прогрессивной системы чрезвычайно проста. Лучше всего ее выразил один из создателей этой системы англичанин Мэконочи, который широко применил прогрессивную систему на каторге на острове Норфольк в начале 40-х гг. прошлого века. Он писал следующее: «Я старался лелеять и регулировать то стремление к улучшению своего положения, которое замечается в каждом человеке, а в преступнике, может быть, сильнее, чем во всяком другом...». «Тюремное воспитание, — писал он далее, — стремится образовать характер арестанта в лучшую сторону», а «силою, наказаниями этого результата достичь нельзя». По мнению Мэконочи, желание исправиться возникает тогда, «когда человек видит выход из печального положения к более радостному; имея перед глазами последнее и те препятствия, которые представляются ему, человек, по присущему ему чувству эгоизма, постарается преодолеть, побороть их, а борьба с препятствиями и есть лучшая школа исправления».

В Англии для заключенных, отбывавших лишение свободы по прогрессивной системе, весь срок наказания делился на три этапа: 1) пробный (одиночное заключение по типу пенсильванской системы); 2) исправительный (принудительные работы в условиях общего заключения); 3) условное досрочное освобождение.

ИРЛАНДСКАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА

Как разновидность английской прогрессивной системы существует ирландская прогрессивная система. Она отличается от английской тем, что между исправительной стадией и стадией досрочного освобождения есть стадия так называемого переходного заключения (заключение в тюрьме с полусвободным режимом, возможность выхода на работы без конвоя, получение отпусков и т. д.). Автор системы «переходных» тюрем — ирландец Крофтон.

Преимущества ирландской системы заключаются в том, что переход от жизни в тюрьме к жизни на свободе не так резок, как при освобождении осужденного (даже досрочном и условном) из обычной тюрьмы.

Прогрессивная система лишения свободы существует и поныне.

СИСТЕМА РЕФОРМАТОРИЕВ

Прогрессивная система применяется в самых различных вариантах. Одним из них является система реформаториев.

Система реформаториев была введена американцем Броквеем, который стал первым директором учреждения этого типа, открытого в поселке Эльмира около Нью-Йорка в 1876 г. Реформатории предназначались для содержания преступников из числа молодых людей

от 16 до 30 лет. Наказание в реформатории отбывалось и отбывается по принципам прогрессивной системы. Вот как описал режим Эльмиры С. К. Гогель: «...Все население реформатории разделяется на 3 класса; принимают в средний; за дурное поведение переводят в низший, за хорошее — в высший и затем освобождают. Здесь все примерно: и обязательное обучение грамоте и наукам, и конференции, и самые разнообразные ремесленные занятия — их до чрезвычайности много...; здесь же усиленные занятия гимнастикой и военной маршировкой; не гнушаются и телесных наказаний, а в то же время есть даже клуб и чуть ли не зеркальные окна с видом на Эльмирскую долину» (С. К. Гогель. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб, 1910, стр. 403).

Наказание в реформатории отбывается, исходя из принципов системы неопределенных приговоров. Суд, осудив преступника, назначает ему лишь род наказания, в частности, заключение в реформатории, а администрации предоставляет право держать осужденного в реформатории столько, сколько она сочтет необходимым, хотя и не более срока лишения свободы, указанного в законе за данное преступление. Излагая принципы организации реформаториев, Броквей, в частности, требовал абсолютной власти директора и полного невмешательства кого бы то ни было в его распоряжения.

В 1900 г. Международный тюремный конгресс признал невозможным применение системы реформаториев в странах Европы. Броквей был вынужден признать ее непригодность и выйти в отставку. Несмотря на это, система реформаториев и, в частности, ее основной элемент — неопределенные приговоры, — существует в

США по настоящее время и не только для осужденных из числа молодежи, но и для взрослых преступников.

БОРСТАЛЬСКАЯ СИСТЕМА

Одной из разновидностей прогрессивной системы является борстальская система. Она начала применяться в Англии в конце прошлого века. Основатель этой системы Рэггс-Брайс.

Борстальская система не является чем-либо принципиально новым и представляет собой применение к заключенным в возрасте от 16 лет до 21 года системы реформаториев. Однако такой существенный признак системы реформаториев, как неопределенность приговоров, отсутствует в борстальской системе. Поэтому ее можно рассматривать как «попытку выделить молодежь из общей массы заключенных» (Г. А. Туманов. Лекция. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел. М., 1965, стр. 16).

В Англии борстальская система существует и в настоящее время.

ГЛАВА 3. ГУМАНИЗАЦИЯ ТЮРЕМНОЙ ПОЛИТИКИ

В последние десятилетия в странах Запада происходит гуманизация тюремной политики.

В 60-х гг. в США был введен Институт условно-досрочного освобождения, которым устанавливалось, что заключенным в федеральных тюрьмах, если они беспрекословно соблюдают все тюремные правила, срок наказания может ежемесячно сокращаться на несколько дней: для лиц, приговоренных к трем годам лишения свободы, — на шесть дней; к пяти годам — на семь дней и т. д. по специально установленной шкале. В результате таких сокращений заключенный может быть освобожден условно-досрочно.

В ряде государств в настоящее время получили известное развитие элементы прогрессивной системы, применяемой к отдельным, определенным законом категориям преступников. В Англии, например, обвинительный приговор к тюремному заключению означает, что весь определенный судом срок заключенный отбудет в тюрьме, а в случае примерного поведения и старания может получить зачет в размере одной трети срока наказания.

Приведем другой пример. В США Законом от 10 ноября 1966 г. определены условия освобождения заключенных в федеральном округе Колумбия для выполнения работ. Законом устанавливается, что лица, приговоренные к тюремному заключению на срок не более одного года за совершение проступков, нарушение муници-

пальных и других подобных правил, неуплату штрафов, неуважение к суду, а также в других случаях при наличии смягчающих обстоятельств, могут быть привлечены к работе вне территории исправительных учреждений (тюрьмы).

Использование такого рода заключенных на работе может быть осуществлено по инициативе суда, вынесшего приговор, с учетом рекомендации департамента исправительных учреждений округа Колумбия или же по просьбе самого осужденного.

Суд предусматривает в своем постановлении срок и другие условия освобождения из места заключения для работы. Заключенный может быть использован на работе как по своему постоянному месту работы, так и по выбору департамента исправительных учреждений, который учитывает пожелания заключенного. Средства, полученные от использования заключенного на работе, вносятся на специальный счет министерства финансов США. Из этого счета производится выплата на содержание самого заключенного до 20 процентов, а остаток выдается заключенному по отбытии срока наказания.

Сейчас во многих штатах США разрешается использовать в дневное время труд заключенных на работах в соседних населенных пунктах (на фермах и предприятиях). Такая привилегия предоставляется только лицам с безупречным поведением, прошедшим шестимесячный испытательный срок.

Современное французское законодательство предусматривает два вида льгот для заключенных: перевод на режим работы вне тюрьмы и перевод на полусвободный режим.

Разрешение на работу вне тюрьмы под контролем администрации могут получить лица, которым осталось отбыть не более одного года лишения свободы, а также лица, к которым применимо условное освобождение.

Порядок работы заключенных вне тюрьмы детально регламентирован и исключает возможность их общения с посторонними. Работы производятся под конвоем, заключенные обязаны носить арестантскую одежду, а после окончания рабочего дня возвращаются в тюремные помещения. Заработанные заключенными деньги на руки им не выдаются: часть переводится на счет заключенного, а основная доля — в казну.

На полусвободный режим разрешается переводить: а) лиц, которым осталось отбывать не более одного года лишения свободы; б) заключенных, достигших определенной ступени прогрессивной системы; в) лиц, для которых полусвободный режим должен явиться испытанием перед условным освобождением.

Находящиеся на полусвободном режиме заключенные получают право поступать на работу на общих основаниях и освобождаются от надзора на период рабочего времени. Они обязаны ежедневно возвращаться в тюрьму и там проводить все выходные и праздничные дни, а невозвращение в тюрьму к установленному сроку считается побегом. Заработная плата лиц, находящихся на полусвободном режиме, пересылается работодателем в адрес администрации тюрьмы, которая перечисляет 70 процентов на личный счет заключенного, имеющего право брать с этого счета лишь небольшие суммы, необходимые на обед и транспортные расходы.

В 1969 г. произошли некоторые изменения и в тюремной системе Германии (в то время ФРГ). Осужденные, приговоренные к лишению свободы от двух месяцев до двух лет и уже отбывшие половину срока, смогли получить отпуск на праздники, чтобы встретить их в кругу семьи. Отпуск в таких случаях предоставляется, в зависимости от повода, от трех до семи дней. Кроме того, заключенные получают особый отпуск за три месяца до окончания срока заключения с тем, чтобы они смогли позаботиться о жилье и работе.

ОТКРЫТЫЕ ТЮРЬМЫ

В настоящее время законодательство Англии допускает возможность назначения «исправительного режима» вместо тюремного заключения, причем этот режим есть не что иное, как особого рода тюремное заключение. В Финляндии это называется мерами воспитания и покровительства.

Некоторые специалисты высказываются вообще за полную или частичную отмену тюремного заключения, на замену тюрем иными, открытыми учреждениями. «Сломать тюремные стены» предложил, например, английский тюрьмовед Джон Мартин, чья книга под таким названием вышла в 1955 г. в Лондоне и в 1956 г. в Нью-Йорке.

В настоящее время открытая тюрьма перестала быть предметом любопытства и стала реальностью. По словам П. Корниля, в Швеции, например, около 40 процентов заключенных отбывают наказание в таких тюрьмах.

Чем же характеризуются открытые тюрьмы?

Во-первых, в них осуществляется меньшая, чем в обычных тюрьмах, степень изоляции заключенных; в некоторых местах заключения даже практикуются отпуска заключенных и их бесконвойное передвижение.

Во-вторых, в открытых тюрьмах большее внимание уделяется культурным и образовательным программам и индивидуальной работе с заключенными, применяются различные формы психотерапии и т. п.

В-третьих, в открытых тюрьмах более мягкий режим.

В них вводятся системы дополнительных льгот, благоустраивается быт заключенных.

О том, каковы отличия открытых тюрем от других, можно узнать, ознакомившись со статьей Губерта Гундольфа «Исполнение наказания в Австрии на новом пути» (Hubert Gundolf. «Kriminalistik», Hamburg, September 1962, Heft, с. 33).

США, Швеция, Дания, Западная Германия и Англия, по мнению Гундольфа, «стремятся сломать обычный порядок исполнения наказания» прежде всего в отношении впервые осужденных несовершеннолетних преступников. Гундольф пишет о режиме и быте тюрьмы Обер-Фуха — отделения одной из крупнейших австрийских тюрем — тюрьмы Штайн. Здесь содержатся, как правило, лица в возрасте от 18 до 30 лет, осужденные за имущественные преступления, и так называемые сексуальные преступники (исключая насильников).

Во время пребывания в тюрьме Штайн заключенные содержатся в обычных условиях: они носят ручные кандалы, специальную одежду с нашивками опасного преступника. Вот как описывает Гундольф прибытие в тюрьму Штайн заключенного: «Как опасный преступник, убийца, садист, грабитель банков, рецидивист он получает ручные кандалы; через могучие ворота он входит в первый двор, слышит звон ключей; его как бы обдает холодной водой и он погружается в безобразную, скучную, унижительную пропасть тюрьмы, на которой стоят черные литеры каиновой печати...». Гундольф замечает при этом, что моральный шок, испытываемый преступником, «более эффективен, чем иные ненужные слова».

После пребывания в таких условиях отдельные заключенные по решению комиссии переводятся в Обер-Фуа — «идеальное, расположенное на холме учреждение, охваченное низкими белыми, имеющими больше символический, чем охранный характер, стенами, с низкими, широко разбросанными зданиями, зелеными насаждениями и деревьями». По мнению Гундольфа, режим Обер-Фуа — это режим полусвободы, «группового воспитания» и «психотерапевтического лечения». Гундольф называет Обер-Фуа «самым современным местом лишения свободы в Центральной Европе».

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

В настоящее время криминологи и тюремоведы стран Запада для морального воздействия на преступ-

ника используют так называемую «концепцию психотерапевтического воздействия». Согласно этой концепции, преступник рассматривается как носитель хронического заболевания, а тюрьма в таком случае представляется как своего рода больница, клиника.

Психотерапия известна в медицине как один из приемов, укрепляющих и формирующих в заданном направлении психику пациентов.

Одним из распространенных приемов психотерапии в тюрьме является так называемая групповая психотерапия. Суть ее изложена в статье крупнейшего криминолога и тюрьмоведа, французского ученого Шарля Жермена «Групповая работа» в обращении с заключенными». (Шарль Жермен являлся директором созданного в 1951 г. в Берне Международного института уголовного права и пенитенциарии). Весьма характерно следующее высказывание автора: «Можно считать преступность заболеванием, но если это так, то это социальная зараза, и общество вправе лечить ее при помощи наказания... Общество вправе принудить заключенного по примеру того, как оно принуждает лечиться или принудительно лечит заразного больного».

Жермен исходит из того, что «индивиды думают, чувствуют и реагируют по-другому, когда они объединены в группе, способной оказывать хорошее или плохое влияние». Основной вопрос, который пытался решить Жермен, по сути дела сводится к следующему: как создать группы, способные положительно влиять на мораль заключенных и содействовать их исправлению.

Одной из форм групповой психотерапии является коллективная беседа. Для проведения беседы заключенные

объединяются в группы до десяти человек, однородные по интеллектуальному уровню участников. Специализированные группы создаются для алкоголиков, наркоманов и так называемых сексуальных преступников. В каждой группе проводится «диспут» или «свободный обмен мнениями» на тему, интересующую заключенных. Беседы проводятся еженедельно и занимают по времени до полутора часов, но некоторые группы собираются чаще. Руководят беседой специально назначенные служащие, обладающие достаточными знаниями по психологии, психиатрии и социологии. Руководитель группы, стимулируя активность участников стихийной дискуссии, не должен высказывать категорических суждений, т. к. это может помешать заключенным «свободно обмениваться мнениями» и подорвать «спонтанность (самопроизвольность) движения души».

Руководитель группы (лидер) должен уметь устанавливать доверительные отношения с заключенными. Все, что при нем говорят заключенные, должно составлять такую же тайну, как тайна исповеди.

По мысли Жермена, групповые беседы должны помочь преступникам приспособиться к условиям жизни в тюрьме, повысить у заключенного чувство ответственности, развить рассудительность, сделать его более восприимчивым к другим методам воздействия, применяемым в тюрьме. При этом лидер группы должен действовать как врач, умело, тактично и мягко устраняющий слишком бурную реакцию «больного» (т. е. заключенного) на те или иные явления жизни.

ГЛАВА 4. ТЮРЬМЫ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ (воспоминания, интервью)

1. ТЮРЬМЫ В ИСПАНИИ

МЕЛЬКЕСИДЕС РОДРИГЕС ЧАОС — автор мемуаров «24 ГОДА В ТЮРЬМЕ».

Он родился 14 апреля 1919 г. в Мадриде. Во время фашистского мятежа принял активное участие в борьбе с фашизмом. В боях за Мадрид был ранен. В 1939 г., как и десятки тысяч республиканских солдат и офицеров, Чаос попал в руки франкистов. Военный трибунал приговорил Чаоса к тридцати годам тюремного заключения. В 1941 г. Чаос был условно освобожден. В августе 1943 г. его снова арестовывают и приговаривают к смертной казни, которая затем заменяется вновь тридцатью годами тюрьмы.

Через 24 года после первого ареста, в 1963 г., Мелькесидес Родригес Чаос вышел из бургосской тюрьмы. За долгие годы своего заключения Чаос находился в нескольких тюрьмах. Его мемуары — достоверное свидетельство человека, испытавшего на себе весь ужас тюрем Испании времен правления Франко.

Для ознакомления читателя с происходившими там событиями мы приведем несколько фрагментов из мемуаров Чаоса, изданных в Москве издательством «Прогресс» в 1971 г.

ПЛЕННИКИ ЗАМКА ЙЕСЕРИАС

Йесериас — огромное строение. Двадцать галерей по двадцать пять метров длины и шесть-восемь метров ширины. Снаружи стена в четыре-пять метров высоты.

Нас направили в четвертую галерею. Здесь, как и всюду, царила жуткая грязь, которую мы были не в состоянии сразу убрать, но, шаркая ногами, мы немного очистили пол. Затем постелили два одеяла, которые случайно удалось раздобыть. Чище от этого не стало, но во всяком случае грязи видно не было...

Тюремное начальство вынуждено было отдать один из залов под лазарет. Каждый день прибывали покалеченные и изувеченные товарищи. И хотя мы делали все возможное, чтобы облегчить их участь, это мало помогало. Нельзя было держать больных в галереях — каждую минуту они могли умереть. Многие умирали у меня на глазах.

Другие сходили с ума. И не только от побоев. Им надевали наручники на запястья, щиколотки, затылок, половые органы. Такое трудно было выдержать... Лечили их тем, что выливали на них по несколько ведер воды и после такого душа одежда сохла прямо на них — чистой смены белья не было.

В галереях находилось примерно по двести сорок человек. Спали на полу. Из-за страшной тесноты люди лежали, съежившись, упираясь ногами в подмышки соседа. В туалетах спали по двадцать человек...

Минуло восемь дней изоляции, и тюремная жизнь вошла в свою обычную колею — подъем, пересчет, допрос или Военный совет, новые заключенные, голод, смерть... Так мы дожили до Рождества в тюрьме...

ТЮРЬМА В ПАЛЕНСИИ

... Наконец мы прибыли в Паленсию. Со станции нас доставили в провинциальную тюрьму, расположенную в стороне от города. Встречать нас вышла почти вся тюремная служба во главе с начальником. Нас завели в помещение, пересчитали, сделали переключку и повели через коридор с зарешеченными окнами. Камеры уже были готовы — по шесть квадратных метров каждая. Не было ни воды, ни туалета. В каждую камеру поместили по десять человек и снова пересчитали...

В этот вечер после довольно сносного по тому времени ужина мы легли спать усталыми... Топчаны были лишь у Хоанильо и Рикардо. Они-то и предложили сдвинуть топчаны. Благодаря этому почти все смогли прислониться к ложу, более мягкому и теплему, нежели пол. Мучила нас проблема параша. Вместо стульчака в каждой камере стоял глиняный горшок в форме перевернутого цилиндра, куда мы и справляли нужду по ночам. Ставился он в центре камеры. Ночью, если кто-нибудь случайно вытягивал затекшие ноги, горшок мог опрокинуться. Чтобы избежать такой опасности, те, что были

меньше ростом, ложились в центре. В таких условиях мы вынуждены были спать скорчившись, чтобы не свалить проклятую парашу. А если кто-то ходил ночью по большой нужде, приходилось терпеть и запах. Ведь с шести вечера до семи утра трудно было кому-нибудь не сходить по большой нужде. Ветераны тюрьмы посоветовали сжигать клочок бумаги после процедуры с запахом и бросать его в парашу. Запах исчезал. Мы так и делали.

Мучились мы и из-за отсутствия воды. В нашем распоряжении находился трехлитровый глиняный кувшин. Эта вода шла на мытье тарелок и утоление жажды, которая нередко мучила нас. Но надо было терпеть, и мы терпели. По ночам двери камер не открывали даже в случае, если кто-то умирал. Если кому-то приходило в голову криком выразить свой протест, то на следующий день виновного подвергали наказанию. В семь часов утра трубили подъем.

День начинался утренней переключкой, затем выход во двор, где мы очищали парашу, набирали воду для мытья камеры и умывались. На умывание отводилось десять минут. В каждом дворе было только по одному крану — три на тюрьму. За эти десять минут должны были суметь умыться около тысячи заключенных.

В первый день мы встали в очередь в уборную и, когда вышли оттуда, не смогли подойти к умывальнику. Мы стали ждать своей очереди. В тот день мы не успели умыться. Ровно через десять минут раздался звонок — возвращение в камеры. И сразу же вышли пять надзирателей. Оплеухи посыпались направо и налево. Молодым удалось увернуться и убежать. Но людей пожилых эти звери догоняли и нещадно били. Больше всех до-

сталось дону Фаустино, 65-летнему сеньору. Он считал, что ему никто ничего не сделает, если он подождет и умоется. Но вскоре ему пришлось в этом разувериться. Его ударили дубинкой. От полученного удара он смог оправиться лишь через неделю. Хуже всего переносились не удары, а унижение человеческого достоинства. Дон Фаустино был человеком из средней буржуазной семьи, он привык к культурному обращению, он уже был пожилым, и его все уважали. Оплеухи, пинки и удары причинили этому человеку такую душевную травму, от которой он так и не смог прийти в себя.

Мы все были возмущены подобным обращением с заключенными. Но мы ничего не смогли сделать и лишь высказали друг другу свое негодование. Коллективный протест закончился бы расстрелом нескольких человек. А за индивидуальный протест заключенного избили бы дубинками и бросили бы на тридцать-сорок дней в карцер, откуда он вышел бы калекой. Мы смолчали. Однако по совету ветеранов тюрьмы мы купили в кооперативе большие консервные банки, чтобы можно было умываться по утрам без происшествий. Как только подходило время утреннего туалета, мы со всех ног бежали к бассейну, зачерпывали воду и шли в уголок двора, умывались, выливали остатки воды и снова, как сумасшедшие, бежали в камеру. Некоторые вынуждены были наполнять по две банки — для тех, кто был в это время занят чисткой параш, уборкой камер и т. д. Но и здесь нам часто не везло. После того как мы раздобыли банки, в камерах начались осмотры. И если находили наши банки, то их тут же забирали. Когда мы возражали, нам отвечали, что приносить банки в камеру запрещено. Их следует оставлять в умывальной. Но если мы оставляли банки там, то их выбрасывали в помойную яму или надзиратели забирали себе...

До войны в Паленсии насчитывалось 29 тысяч заключенных. Из них 5 тысяч были арестованы в первый же день мятежа. Сотни человек были расстреляны на месте, других посадили в провинциальную тюрьму. Когда тюрьма оказалась переполненной, арестованных начали помещать в сумасшедший дом. Чтобы никто не сбежал, с них сняли гражданскую одежду. Одним вручили длинные рубахи, другим — кальсоны, поскольку белья на всех не хватало. В таком виде людей заставляли выходить во двор, где их можно было увидеть из окон соседних домов. На глазах у жителей среди бела дня заключенных били палками, хотя эти экзекуции франкисты могли осуществлять и в подвале. Заключенных морили голодом...

На расстрел выводили ежедневно. Иногда приговоры выносил наскоро собранный военный трибунал. Но чаще всего обходилось даже без этой формальности. Настал день, когда почти всех заключенных приговорили к смертной казни. К смерти были приговорены также и те, кого перебросили в провинциальную тюрьму из разных районов Паленсии...

Толпами прибывали в Паленсию люди, приговоренные к смертной казни. И несмотря на спешку, с которой производились расстрелы, камеры были забиты до отказа. Никто не знает до сих пор, сколько народу погибло в провинции. Известно только, что приговоры приводились в исполнение каждый день в течение нескольких месяцев.

Обращались с заключенными кошмарно. За малейшую провинность их отправляли в «львицу» («Леона» — львица, так называли заключенные камеру пыток), ни сколько не заботясь о том, выживут они или нет после

избиения в пыточной камере. В истязаниях особенно отличался дон Сильвано, прозванный Кожаной Глоткой. Это был садист. Пытки и избиения доставляли ему наслаждение. Он стегал прутьями даже своих дочерей. При нас он забил нескольких людей насмерть. Мадридский анархист Кампа получил от него 50 ударов розгами. В подобных истязаниях участвовали и другие франкисты...

Зимой начались жуткие холода, и ветер проникал через все щели в небольшие тюремные дворы. Ходили мы на прогулку с трудом. Нашли выход из положения — ходили в два круга, один внутри другого. Во внутреннем кругу находились люди пожилого возраста, которым трудно было ходить. Во внешний круг становились мы, как более молодые. Стоило остановиться, как тело сводило от холода. А от быстрого бега мы задыхались, поскольку от нас уже оставались только кожа да кости. Мы смирялись с этим, и нам уже было все равно, куда идти.

Истощение привело к тому, что многие из заключенных покупали в кооперативе полкилограмма соли и всю ее съедали. Вначале это сходило. У съевших соль вздувался живот. Вызывали врача. Врач не мог поставить сразу диагноз и переводил людей в больницу. Пища там была лучше, можно было пролежать целый день в палате, где стояли настоящие кровати. Но когда начались повторные случаи «болезни», врач раскусил, в чем дело. Он вместо больницы потребовал, чтобы их наказали. По мнению врача, одно из наказаний включало в себя лишение мизерной порции хлеба, полагавшегося нам. Хлеб давали редко. И наказывал нас таким способом чаще всего врач из заключенных. Он был флангистом, арестованным за уголовное преступление. Если

кто-нибудь из-за плохого самочувствия не поднимался утром по сигналу, он входил в камеру и ставил на глазок диагноз. Затем приказывал не давать тяжелобольному жалкой дневной порции хлеба...

Вши заедали заключенных. В тюрьме установились драконовские законы. Каждую неделю нашу одежду дезинфицировали. Нам выдавали спецовки, и мы целыми днями ходили только в них, хотя холод был дикий. Дезинфекционная камера наполнялась серой. Наша одежда, находившаяся там, возвращалась нам только на следующий день, и мы должны были ее одевать прямо в камере. Из-за холода приходилось закрывать даже единственное небольшое окошко. Выходя утром, мы не могли говорить. У многих появилась кровавая рвота.

Уничтожали вшей, как я уже сказал, каждую неделю. Нас выводили во двор и заставляли раздеваться догола. Так мы стояли довольно долго, пока не заканчивалась процедура. Если день был более или менее теплым, мы спокойно стояли часа два совершенно голыми. Каждый из нас вынужден был быть участником и зрителем неприятного спектакля. Но зимою постоянные простуды были неизбежны. Если у кого-то находили вошь или гниду, даже дохлую, человеку брили волосы, отбирали у него и у всех соседей по камере одежду, которую подвергали дезинфекции до следующего дня.

23 декабря 1941 г. выдался необычно холодный день. Проходил очередной осмотр. У Гильермо Гарсиа Колао нашли дохлую гниду. Всем, кто находился с ним в камере, немедленно приказали раздеться. Им выдали знаменитые спецовки, а все остальное белье забрали. Мы думали, они не выдержат стужи целую ночь и пытались передать им одеяла. Тех, кто пытался помочь

им, схватили и наказали. 10 товарищей были обречены на холодную смерть, Первые часы они держались, тесно прижавшись друг к другу. Потом холод их донял окончательно. Они начали жечь книги. Этого оказалось мало. Тогда они сломали стол и тоже его сожгли. Только так они смогли продержаться всю ночь...

ТЮРЬМА ПОРЛИЕР

Тюрьма Порлиер разместилась в здании старого монастыря. Большие залы неплохо вентилировались и довольно сносно освещались. Только «предварилровку», находившуюся в сыром и плохо проветриваемом полу-подвале, можно было считать непригодной для жилья. Имелись два двора — большой и маленький.

Мы вынуждены были спать вповалку и, поворачиваясь с боку на бок, мешали друг другу. Число арестантов в то время перевалило за пять тысяч человек. Встречались галереи — например, вторая, где находились по 1200 заключенных. В такую галерею поместили и нас с Абадом. Как в «лучшие» времена, на каждого пришлось по 40 сантиметров. Одеяла не выдавали, циновок было мало. Те, кто имел по два одеяла — одно на подстилку, другое на покрывало, — считались привилегированными.

Во второй галерее находились сотни подростков 14—18 лет. Многие из них прибавили к своему возрасту по 2—3 года, чтобы избежать отправки в исправительную колонию: в колонии им увеличили бы срок заключения и обращались бы хуже, чем в тюрьме. Их арестовали за обычные преступления. В большинстве случаев это бы-

ли ребята, не имевшие отцов, — у одних родители были убиты, у других арестованы, у третьих находились в изгнании. Ребята, чтобы прокормить себя, вынуждены были заниматься воровством. Им не от кого было ожидать передач. После подъема можно было видеть, как из-под одного одеяла вылезали 6 или 7 голодных, грязных и полураздетых малышей. Малыши бросались к котлам с едой, как настоящие зверьки...

Горько было смотреть на эти создания. Но еще больнее было наблюдать за их нравственным падением. Испанские тюрьмы были идеальной средой для воспитания малолетних преступников. Среди ребят, поневоле начавших воровать, находились уголовники, которые являлись, как они выражались, «тертыми» и действовали в любых условиях, какими бы грязными они ни были. Многие из подобных мерзавцев, попавших в тюрьму с деньгами, подкупали детей. Они предлагали им хлеб и что-нибудь еще, чтобы те дали себя использовать в роли женщин. Дети страшно голодали и в большинстве случаев давали согласие на это. Так начиналось их падение, после которого уже трудно было снова стать человеком.

Обо всем этом хорошо были осведомлены тюремные и гражданские власти, но никто пальцем о палец не ударил, чтобы ликвидировать это безобразие. Напротив, власти предоставляли должности некоторым из уголовников, а это давало растлителям возможность заставлять ребят делать все, что им заблагорассудится. Одним из таких подонков был сержант провинциальной тюрьмы, отбывавший срок за то, что кого-то убил. Он разрезал труп на куски, и его взяли, когда он нес расчлененный труп в чемодане, чтобы выбросить его в море. В армии Франко он служил офицером, после чего

был разжалован. Он использовал подростков в своих гнусных целях и угрожал им, если те сопротивлялись и не удовлетворяли его грязной похоти...

БУРГОССКАЯ ТЮРЬМА

Бургосская тюрьма знаменита. Ей сопутствует мрачная слава, и столь же мрачную историю пережила она. Здесь совершались зверские преступления...

До сих пор на тюремных стенах, выходящих во двор Акаций, сохранились следы пулеметных очередей. Тысячи антифранкистов погибли в этой тюрьме, а те, кто вышел из нее, были обречены на скорую гибель. Никто не знает, сколько узников прошло через одиночки бургосской тюрьмы... Попыткам и истязаниям не было конца. Мы знаем только то, о чем рассказывали люди, сидевшие в те годы в бургосской тюрьме. Среди них был и Пепильо. Он спасся чудом.

Тюрьма была рассчитана на 400 узников. Для размещения арестованных были пригодны только 8 галерей верхнего этажа. Нижние галереи предназначались для мастерских и подсобных помещений. По расчетам, в каждой галерее могло находиться максимум от 45 до 50 человек. Однако иногда общее число заключенных в тюрьме доходило до 6 тысяч. Заключенных размещали в сырых галереях нижнего этажа, где обычно проходили занятия, и в складских бараках. Больные размещались не лучше.

Каждый новый заключенный должен был провести от 6 до 8 месяцев в одиночной камере. В течение этого сро-

ка через 20 дней после поступления разрешалась часовая прогулка утром и вечером. Запрещалось покупать что-либо в тюремной лавке, а также получать передачи. Если кто-нибудь курил в камере, то за это жестоко наказывали. Запрещалось даже смотреть в глазок, диаметр которого составлял несколько сантиметров. Тюремные старожилы рассказывали, что однажды надзиратель по кличке Койот заметил, что один из заключенных смотрел через глазок. Прижимаясь к стене, Койот незаметно приблизился к двери камеры и всадил нож в глаз узника.

Из одиночки заключенного переводили в общую камеру, узники которой должны были поддерживать чистоту в тюрьме. В общей камере тоже не разрешалось курить. Нарушителей немедленно возвращали в одиночную камеру и жестоко избивали. Если кто-нибудь заговаривал с товарищем во время прогулки, тут же следовало наказание. С раннего утра, проглотив похлебку, называемую здесь завтраком, нужно было до самого вечера заниматься уборкой помещения. Заключенных заставляли мыть пол, стоя на коленях, чистить дверные козырьки. Зимой эта работа становилась невыносимой, мокрые тряпки леденели. От этой работы никого не освобождали. Долгие годы камера уборщиков находилась в подчинении тюремщика Матиаса; каждый раз, когда заключенные мыли пол, он наступал своими коваными сапогами им на руки. Этот негодяй весил около 100 кг и был столь же толст, как и жесток.

В течение многих лет бригадиром уборщиков был уголовник Мантекон. Он имел право в любую минуту до смерти избить каждого из своих подчиненных. Щадил он только тех, кто давал ему деньги и делал подношения. Из-за Мантакона погибло немало людей и многие

остались на всю жизнь калеками. Пепильо рассказал нам об одной из проделок этого выродка...

Дело было так. Трое заключенных из бригады уборщиков мыли общую кухню. Зима в тот год была очень суровой. Мантакон непрерывно опрокидывал ведра с водой на пол. Одежда уборщиков, мывших пол на коленях, вся вымокла. Кухня была залита водой. Один из уборщиков попросил не лить больше воды, т. к. заключенные уже промокли до нитки и им трудно было поспевать за Мантеконом. Тот ухмыльнулся, взял два ведра и снова наполнил их водой. Затем, повернувшись к работникам, он опрокинул ведра на спины узников.

Один из уголовников, отбывавший срок в Бургосе, через несколько недель после выхода на свободу убил Мантекона.

Режим для остальных заключенных был немного легче. В семь часов утра всех заставляли спускаться во двор. Здесь производилась поверка, здесь заключенные завтракали, обедали и ужинали. В любое время, несмотря на погоду, общие камеры запирали на день и открывали только после отбоя, когда люди ложились спать. Такой режим приводил к тому, что многие узники не раз теряли сознание. Не имея возможности согреться иным способом, заключенные старались как можно больше двигаться, чтобы не околеть во дворе. За любой протест следовало наказание: одиночная камера, побои и сокращение продовольственной нормы наполовину. За ясно выраженное недовольство можно было попасть и в изолированный корпус одиночных камер...

Этот жестокий режим сохранился вплоть до 1942 г...

2. ТЮРЬМА В ГЕРМАНИИ

ГЮНТЕР ВАЙЗЕНБОРН (1902 — 1968) — немецкий писатель-антифашист, создатель мемуарного романа «МЕМОРИАЛ».

Во время второй мировой войны он был участником Сопротивления, а с конца 1937 г. — членом подпольной антифашистской организации «Красная капелла», в рядах которой находился более трех лет. При разгроме «Красной капеллы» гестаповцами Гюнтер Вайзенборн был арестован. Его судили и приговорили к смертной казни, замененной заключением в тюрьме Лукау, где он находился до конца войны.

«Мемориал» — книга повседневных записей, книга-дневник о пережитом в фашистской тюрьме. Предлагаем вниманию читателей несколько страниц из этой книги, выпущенной издательством «Прогресс» в 1973 г.

...В тюрьму переправляли следующим образом.

Нас выгрузили из вагона, двадцать человек заключенных. Построили и, окружив отрядом полицейских, повели. Мы шагаем через город, связанные друг с другом цепями...

Но вот тяжелые чугунные ворота каторжной тюрьмы с грохотом захлопнулись за нами, и мы стали так называемым «новым поступлением». Для начала нас ведут в подвал, где в длинном холодном коридоре вдоль стены лежат двадцать узелков. Приказ: раздеться и сдать старые вещи надзирателю. Потом каждого подводят к табуретке, где в мгновение ока он оказывается остри-

женным наголо. Затем ты получаешь узелок и одеваешься во все тюремное — в огромные, на несколько номеров больше, чем тебе нужно, штаны и подштанники с тысячью заплат и в серую влажную рубаху, пахнущую больницей. Еще тебе выдают башмаки на деревянной подошве и круглую черную бескозырку, которая, конечно, оказывается мала. Одним словом, вид у тебя явно смехотворный, и делается это преднамеренно. Так вот и начинается твоя тюремная карьера — стуча деревянными подошвами по лестнице, весь в заплатах, с желтыми выцветшими полосами на брюках и рукавах, к тому же наголо стриженный, неловкий новичок. Уже слышно, как хлопают первые оплеухи — у кого-то соскочил башмак. Штаны волочатся за тобой по полу, и ничего-то и никого-то ты здесь не знаешь. Успеется. Все и вся узнаешь!..

Во время прогулок шагом в ногу по тюремному двору — я и сейчас еще слышу, как орут: «Дистанция три метра!» — инвалиды ходили медленней и по малому кругу. В стороне от остальных, примерно двухсот заключенных, стучавших своими деревянными подошвами, ходили трое слепых. На них была черная в желтую полосу тюремная одежда, и они шли, держа друг друга под руки. Высоко подняв белые лица, как это делают все лишненные зрения, они глядели в пустоту. Слева и справа от них ковыляли на костылях двое одноногих. Слышно было, как они время от времени переговаривались, до нас долетали отдельные слова. Кто-то из них уже отсидел восемь лет, да и остальным предстоял немалый срок. А может быть, это совсем неплохо, что они не видели, — в те годы ничего хорошего нельзя было увидеть. А уж здесь и подавно...

Это было в воскресенье после полудня. Надзиратель, сидевший с утра до вечера в нашей камере и ни на минуту не спускавший с нас глаз, вдруг страшно разозлился, потому что один из заключенных положил свою книгу в шкафчик обрезом налево, а не направо, как полагалось по инструкции. Заключенный этот был голландец, пекарь по профессии, ему и родная-то речь давалась с трудом. Примерно около двух часов дня надзиратель, дюжий и раздражительный детина, вдруг приказал нам всем встать и тут же принялся размахивать резиновой дубинкой. Клопоча от бешенства, он гонял маленького визжавшего пекаря по всей камере, словно охотясь за летучей мышью. Мы все стояли по стойке «смирно». И было нас сорок мужчин, и мы без труда могли бы разорвать этого надзирателя на куски. Разумеется, нас за это убили бы. Гнев кипел в нас, мы дошли уже до белого каления, но мы стояли «смирно». Около половины пятого надзирателя сменили. И все это время он избивал голландца. Однако домой он ушел в отлично выутюженном воскресном мундире, должно быть, выпил пива, играл в карты и, наверно, ворчал по поводу «неприятностей на службе»...

Утро в тюрьме чудовищно. Серый сумрак в зарешеченном окне. Со всех сторон храп. Ты лежишь на соломенном тюфяке под двумя стершимися, старыми-престарыми одеялами, между которыми положил свою тюремную одежду. Так она просохнет и в то же время будет греть тебя. Но все равно холодно. Клопы, насосавшись, оставили тебя в покое. Вот гремят ключи, открывается дверь и раздается крик: «Подъем!» И сразу же начинается суeta усталых, грязных, опустившихся людей. Они кое-как умываются, причесываются, натягивают на себя непросохшую одежду. Команда следует за командой, одна резче и противнее другой.

— С парашами... выходи!

— Водоносы... выходи!

— В сортир... выходи!

— Дежурные... выходи!

В длинных, пустых и голых коридорах, будто в кругах Дантова ада, то и дело слышатся глухие удары. Все суетятся, бегают. Тускло светит одинокая лампочка. Вдруг крик:

— Внимание! Камера IV — сорок два человека. Все на месте.

Входит старший надзиратель корпуса. Все застыли, не сводят с него глаз.

Он осматривает заправку коек, срывает одеяла, где она не понравилась, и если выдается хороший день, то никого не бьет.

Следующая команда — строиться! Каждый получает по кружке кофе и куску хлеба толщиной в палец. Шум, крик, ругань. Проходит несколько минут, и опять команда:

— На выход!..

Он сидел за повидавшим виды деревянным столом в общей камере и вместе с нами всеми хлебал из жестяной миски вечернюю баланду. Он был уже очень стар, с белой бородой и белым как полотно лицом. Медленно под-

нимая ложку, он упрямо подводил ее ко рту, время от времени роняя ее. Потом рука его упала на стол, миска опрокинулась, похлебка выплеснулась, и сосед ударил старика по лицу.

А он медленно выбрался из-за стола и с открытым ртом пополз к тюфяку. Так и не раздевшись, лежал он измученный, только до половины натянув на себя рваное одеяло.

Рано утром на следующий день кто-то сказал:

— Гляди, старик-то скончался.

И действительно, он был мертв. Но всем было некогда, уже дали команду строиться. Мы только доложили надзирателю, и санитар, громадного роста мясник, явился к нам и унес старика, взвалив его на плечо. Белые руки его раскачивались из стороны в сторону...

Месяцами я грузил уголь. Чаще всего выгружал из вагонов в бункера тяжелый, с острыми гранями антрацит для паровозных топков. Зимой он был смерзшимся, и я голыми руками хватал куски, раскачивал и бросал. Весь почернеешь от такой работы, кожа на ладонях потрескается, то и дело спотыкаешься в скользкий уголь, и очень скоро из тебя дух вон. Другие заключенные таскают тяжело груженные корзины по лестнице — пятнадцать ступеней вверх. И только выгрузишь один вагон, подкатывают еще 7—8. А когда уголь мелкий, его набирают на короткие вилы, какими обычно пользуются истопники, — один с левой, другой с правой руки. Пыль стоит столбом, гвалт, ты сгребашь и сгребашь, другие носятся с корзинами, а часовой орет:

И ты должен работать еще быстрее. Время от времени вдруг перед тобой появляется черное, страшное лицо. Это твой товарищ по заключению. Ругнется и исчезнет. А маленькие скромные снежинки пляшут вокруг ствола винтовки — как они далеки от нашего черного рабского труда, столь похожего на пляску в аду...

Я грузил уголь. Тяжелый кусок антрацита придавил мне замерзшую руку. Образовался небольшой кровоподтек и ссадина. Потом началось нагноение. Но я продолжал работать и снова сдирал кожу. В конце концов рука распухла. Заключенные поопытней посоветовали при выходе на работу разыграть обморок, тогда меня назначат на работу в помещении. «В лазарет не ходи», — предупредили они меня.

Но я был еще неотесанным упрямцем: для чего же тогда существует лазарет? — сказал я себе и отправился туда. Владыка лазарета, долговязый фельдфебель, многие годы назад побывавший на курсах санитаров, решительно разрезал нарыв и со всей силой принялся выдавливать. Я хорошо понимал, что это нелепо. Нарыв еще не созрел. Но сопротивляться было поздно, вот и пришлось стоять перед ним, сжав зубы: боль была адская! Да и потом рука болела сильно, к вечеру две красные полосы потянулись к плечу. Чувствовал я себя прескверно, рука горела, кисть сильно распухла. На следующий день я опять попросил отвести меня в лазарет, но там зарешеченная дверь оказалась запертой. В конце концов фельдфебель все же явился и, ударив меня связкой ключей по больной руке, закричал, чтоб я такими пустяками не смел его беспокоить. Дверь была еще заперта, и он не смог собственноручно спустить ме-

ня с лестницы, как это у него вошло в привычку. Я ушел. Товарищ по камере помог мне перевязать руку, а ночью я подвесил ее на петле к верхней койке и стал поливать холодной водой. Через несколько дней заражение крови прошло. В тюрьме есть две присказки. Заключенные говорят: «Заболеешь — помрешь»; «Кто гниет — тот и подохнет», — говорят надзиратели.

Заражению крови у нас отдавали предпочтение перед другими видами смерти...

Все его так и звали Кастратом. Хорошенький и беспомощный парень лет двадцати семи. Кожа у него была как у девушки. Его кастрировали по приговору суда.

Заключенные издевались над этим несчастным человеком, вот уже семь лет сидевшим в каторжной тюрьме...

Я приучил себя мгновенно проглатывать пищу. В камере нас было больше сорока человек и среди них больные всеми болезнями. Для мытья сорока с лишним мисок в нашем распоряжении имелось лишь одно грязное ведро, до половины наполненное холодной водой. После того как вымоют первый десяток мисок, в ведре оставалась только грязная жижа. Выход один — как можно скорей проглатывать свою порцию, чтобы первым ополоснуть миску. В тюрьме надо торопиться, здесь ты вечно как затравленный зверь...

Самым сильным среди нас был Антон, по профессии мясник. От зари до зари мы работали в поле, убирая рожь. Каждый должен был пройти от тридцати до пятидесяти метров, увязывая снопы, потом косилка снова прострекочет мимо и швырнет к нашим ногам новые валки. Трудились мы, как дьяволы, от шести утра до

десяти вечера, пекло невыносимо, и мы уже ничего не соображали и ничего не чувствовали, кроме отчаянного голода, боли в руках и бесконечного одиночества. В один из таких дней Антон, вязавший рядом со мной, вдруг упал. Я сам задышался от усталости, пот ел глаза. Увидев, как Антон упал, я бросился к нему и поставил несколько снопов так, чтобы тень от них падала на него. Часовой с угрозой приблизился ко мне, и я отскочил на свою полосу. Тогда часовой пнул Антона ногой, опрокинул поставленные мной снопы и приказал соседям Антона слева и справа увязывать его валки. В раскаленной преисподней желтого ржавого поля это было выше человеческих сил. А часовой все кричал:

— Скорей, еще скорей, еще!..

С того дня я понял, что такое отчаяние. Антона вновь отправили в тюрьму. Он не выдержал...

Когда мы рыхлили свеклу, мы шли группами по десять человек, близко друг к другу, каждый обрабатывал три ряда. Надзиратель шагал вслед за нами. И сразу же начиналась ожесточенная борьба за существование. Большинство заключенных были уголовниками: мелкие воры, насильники, грабители, спекулянты. Они старались выслужиться, заработать дополнительную порцию баланды, и ряд наш распадался: кто-то уходил далеко вперед, метра на три от него отставали двое, метров на семь — еще несколько. Слабые отставали больше всех. А надзиратель их на этом и словил.

На некоторое время мне удалось установить следующий порядок: впереди шел всегда один человек, который и определял темп, и каждый день он сменялся, а все остальные шли на одинаковом расстоянии от него.

Так и самый вредный часовой не мог обнаружить слабейшего, и мы сами определяли темп работы, кстати не чересчур быстрый. Но затем кто-то выдал старшему надзирателю наши уловки и меня, зачинщика всего этого.

Меня лишили питания и в одно из воскресений заставили весь день чистить ботинки. Несколько пар сапог часовой нарочно бросил в ведро с водой, чтобы я их не смог начистить до блеска. А раз я не начистил их до блеска, то в наказание меня заставили три недели подряд чистить нужник. Так и ружнули наши планы совместного отпора из-за глупости нескольких заключенных...

Когда мы вечером, усталые и отупевшие, останавливаемся у ворот, нас еще долго обыскивают. Бывает, что приходится раздеваться догола. При этом мы пользуемся случаем перебраться словом со старостой из заключенных, дежурящих у ворот. Как-то у ограды мы увидели два длинных, грубо сколоченных ящика. Спросили, что это.

— Гробы, — шепотом ответил он, делая вид, что поглощен чисткой дверной ручки.

Вот оно что! Один из нас, стоя по стойке «смирно» и глядя в другую сторону, спросил:

— А сколько гробов требуется для нас в день?

— В среднем два, — ответил староста, пронося мимо ведро с золой.

Раздалась команда, и мы тронулись. Позже в камере мы стали подсчитывать: в год, значит, нас умирает семьсот человек, а всего здесь около тысячи заключенных. Получается, что через полтора года мы выйдем все до последнего, если, конечно, не будет новых поступлений. А заключенные, правда, каждый день прибывают.

Обычно из нашей среды назначали двух помощников в лазарет. Но это не должны были быть врачи, которых среди нас все же имелось несколько и которые клеили пакеты и плели корзины. Сила — вот что требовалось для работы в лазарете. Основная обязанность была тащить мертвецов. В мое время одним из таких помощников при лазарете был мясник, а другим — трактирщик. Начальником их был фельдфебель санитарной службы, для которого все мы делились на три категории: здоровый, мертвый и симулянт. Тяжело больных он избивал. Все мы ненавидели и презирали его. Ходили слухи, что при тюрьме был и врач. Даже имя его называли — доктор Мюллер. Но мы его звали доктором Невидимкой. Кое-кто даже утверждал, что ходил к нему на прием, но это были явные зазнайки. У нас умирали без врачебной помощи. И очень успешно...

Когда я был дровосеком — а я был им в течение целой зимы, — надзиратель однажды привел черную дворнягу.

— Хозяин говорит, надоела она ему. Можете сварить, — сказал он, отвяывая ее от велосипеда. — Молли зовут.

Нас было двенадцать заключенных, одетых в лохмотья. Мерзли мы ужасно и голодали. Обед нам привозили в лес — двадцатилитровый бак с водянистой похлебкой.

Проглотив ее наскоро, мы грелись немного у костра. Работали мы топорами и поперечной пилой, стоя по колено в мокром снегу. Все мы были жадные, опустившиеся и оборванные. Мясник подозвал собаку. Виляя хвостом, она подбежала к нему.

Я со своим партнером резал двадцатитрехметровую сосну — падая, они сначала свистят, потом шуршат и с грохотом, сотрясая землю, умирают, — когда вдруг услышал визг собаки.

«Нет, ни кусочка в рот не возьму мяса собаки, которую звали Молли!» — тут же поклялся я. В обед мы со своими жестяными мисками сгрудились у костра. Отсветы пламени плясали на диких, небритых и жалких лицах каторжников. Изумительно пахло жареным мясом. Мясник даже после того, как я отказался, протянул мне ложку: «На, попробуй!» И я попробовал. И я съел свою порцию, кусок величиной с кулак, и все мы жевали мясо с тем блаженным чувством, какое способны испытывать только голодные и отверженные люди. Мясо! От сытости нас покачивало, будто пьяных. Наши посиневшие, распухшие руки еще дрожали от напряженного труда, но мы уже сыто смеялись, жалко насвистывая при этом. Впрочем, двоих потом вырвало. Но не потому, что им было противно, а с непривычки.

В тюрьму мы в тот вечер вернулись королями. Все остальные заключенные с завистью смотрели на нас, будто мы не люди, а боги. Мы съели собаку, которую звали Молли...

Шмитт-88 звали одного пожилого заключенного, живописно драпировавшего лохмотьями свою отощавшую фигуру. До тюрьмы он был музыкантом, трубачом, как

он сам себя называл. Весил он не более сорока килограммов, и страсть у него была одна — табак. Из клочка газетной бумаги он сворачивал нечто похожее на рог, собирал в него всякий мусор, картофельную ботву, листья и очень глубоко затягивался. Один раз в неделю каждому заключенному выдавали кусочек жира величиной с почтовую марку, но некоторые и его меняли на сигареты. И таких было немало. И все они скоро умерли. Опытные каторжники говорили Шмитту-88:

— Так ты и полгода не протянешь.

Но старый музыкант только смеялся в ответ, уверяя, что в похлебке тоже есть немного жира. Без курева он не может, а без маргарина как-нибудь да проживет.

И полугодом не прошло, как он умер.

Мы об этом узнали, возвращаясь с работы. «Говорили ведь ему...» — таков был некролог старому артисту. Чувств мы никаких уже не испытывали, когда кто-нибудь умирал. В те долгие годы умирали слишком многие, и каждому из нас приходилось изворачиваться, чтобы не попасть в их число...

3. ТЮРЬМА В ПАНАМЕ

КАРЛОС ФРАНСИСКО ЧАНГМАРИН (р. 1922 г.) — панамский писатель. Несколько книг стихов и прозаические произведения Чангмарина отмечены высшими литературными премиями Панамы. Он является автором книги «ЖИЗНЬ ВО МРАКЕ», вышедшей в свет в издательстве «Молодая гвардия».

За свои политические взгляды Чангмарин два года находился в тюрьме, где пережил нечеловеческие страдания.

В его книге «Жизнь во мраке» собраны рассказы о тюрьмах. Это в большинстве своем реальные случаи, пережитые самим автором в тюрьмах Панамы. Время описываемых событий — начало 60-х гг.

Предлагаем читателям небольшие отрывки из этой книги, где описываются события, произошедшие на Койбе — острове-тюрьме.

Если очертить контуры южного побережья провинции Верагуас, то линия пройдет по золотистым пескам обширных пляжей. К юго-западу от побережья, приблизительно в семидесяти милях, лежит в Тихом океане остров Койба. В начале нынешнего века он был продан государству частным владельцем из Верагуас. В те времена остров весь был покрыт сельвой, в которой царствовали змеи и прочая тварь. До сих пор там есть места, где солнце не в силах пробиться сквозь густые кроны высоченных деревьев. Койба — это остров-тюрьма. Лагеря разбросаны в основном вдоль всего побережья, но есть и в горах, и в низовьях реки Сан-Хуан. Они соединены между собой дорогами, построенными каторжанами, кроме того, из лагеря в лагерь можно добраться на лодках и катерах. Чтобы обогнуть остров на лодке с подвесным мотором, понадобится примерно день...

Сентябрьские дни тянулись долгой мучительной чередой. Казалось, они разбухли от бесконечных ливней. Сквозь железные решетки на окнах виднелись вдалеке сумрачное небо да свинцовое море, покрытое серым туманом.

Но заключенные знали, что скоро и этому придет конец: тюрьма со страхом ждала списка новых жертв, которых отправят на Койбу. Недавно оттуда вернулась партия каторжан, и из камеры в камеру передавались их рассказы о кошмарах Острова Дьявола. Одни не сомневались, что им не миновать Койбы, другие же вообще были далеки от подобной мысли. Поговаривали, что в порту уже якобы стоит готовое к отплытию судно, даже называли точную дату отправки.

— Говорю тебе, приятель, Койба — прекраснейший остров! — со вкусом рассказывал «ветеран». — Какие пляжи! Какие реки! Взять хотя бы Сан-Хуан! А что за ласковые имена у лагерей. «Кативаль», «Мария», «Белый пляж», «Тростничок»... Там тебе куры несут яйца — во! Коровы дают прямо сливки, а не молоко; и в грязи валяются не свиньи, а вкуснейшее жаркое. К тому же там удивительные дожди, каждый божий день. И что за дожди, парень! В довершение всего, чтобы скрасить горечь дней твоих, тебя кусает какая-нибудь змейка, и ни один доктор не спасает тебя от ее яда...

— И все же лучше на остров, на свежий воздух, чем гнить в душной клетке, — добавил другой.

— Я тоже предпочитаю Койбу этим вонючим погребам, — вставил третий.

Ветераны считали, что в тюрьме человек гибнет медленно, а на острове сразу: или его убивают наповал, или вмиг проглатывает акула.

В разговорах и томительных ожиданиях шли дни.

Но вот однажды вечером появился долгожданный список.

На первой галерее стоял помощник тюремного секретаря и громко выкрикивал имена заключенных.

Названный горемыка принимался собирать вещи, если не сделал этого заранее. Его лицо мрачнело, глаза туманились, точно он шел на расстрел. Товарищи смотрели на него, не в силах вымолвить ни слова. Некоторые не откликались на вызов и пытались отмолчаться.

— На выход! На выход! — несколько раз повторял помощник и раздражался злобной бранью, пока какой-нибудь «легаш» не помогал разоблачить спрятавшегося, которого в наказание бросали в одиночку и держали там до самого отъезда.

Для некоторых отправка на Койбу была полной неожиданностью. Убитые горем, они прощались с товарищами и просили передать на волю свое последнее желание...

...В незапамятные времена на Койбе жили мирные индейцы, промышлявшие рыбной ловлей и земледелием. Как рассказывают, остров тогда был известен под именем Кибо, а коренные жители называли его Себако. В ту далекую эпоху по заливу Монтихо плавал прославленный вождь Уррака (индейский вождь, герой борьбы с испанскими завоевателями). Затем на Койбе поселились испанские конкистадоры. В прошлом веке Койба в составе Панамы входила в республику Колумбию. В 1912—1916 гг., когда президентом был Белисарио Поррас, Койба стала местом каторги...

... Домой мы вернемся не скоро — не раньше, чем истечет срок заточения. Осужденные на двадцать лет вполне могли считать себя заживо погребенными тут. Правда, многие в глубине души лелеяли надежду на побег, на смену правительства, которое объявит амнистию или освободит досрочно. Остров окружали суровые, необъятные воды океана, шансов на побег — почти никаких. Я утешал себя тем, что наконец-то смогу познакомиться со знаменитым островом. «Чем больше узнаешь родину, тем сильнее любишь ее», — успокаивал я себя...

«Тростничок» — так нежно называется лагерь, в котором произошла печальная история.

В то утро надзиратель по своему обыкновению поднял людей на рассвете. Только Лысый отказался выйти на работу.

— Начальник, — простонал он, — я хочу попросить у вас разрешения сходить в больницу. У меня что-то с глазами, почти ничего не вижу.

— Ах ты, падаль! — закричал жандарм. — А ну, повтори, что ты сказал! Я тебя так огрею прикладом, гадина!

— Да нет же, начальник, не вру я. Поверь: мне больно смотреть на свет.

— Хочешь увильнуть от работы, скотина? А ну, бери корзину! Пойдешь таскать маис. И попробуй послушаться. Не думай, подлюга, что вас сюда прислали лечиться. Воруете, курите «травку», а отвечать за это не хотите, черномазая сволочь!

Каторжники отправились на работы, Лысый обулся и взвалил на плечо корзину.

* * *

Обе плантации, где работали заключенные, простираются далеко в глубь острова. Это обширные поля риса, маиса, фасоли и других культур. В каждом лагере — тысячи голов крупного рогатого скота, сотни свиней, куры, утки. Добавьте к этому еще лесопилки, добычу копры кокосовых орехов, кожевенное производство, и вы представите себе размер всего хозяйства.

... После адского труда подгоняемые окриками охранников каторжане едва волочили ноги, возвращаясь в свои бараки. Но шли они не с пустыми руками. Их заставляли нести бревна, корзины с рисом и маисом.

Под тяжелым бременем судьбы заключенные теряли человеческий облик, грубо ругались, им был ненавистен весь мир. Они собирали обильные урожаи, но им не доставалось ничего. Заключенные ходили чуть ли не голыми: им не давали одежды, а пища их состояла в основном из тушеных бананов, юки да мяса морских черепах. Только иногда в оловянных арестантских мисках появлялась фасоль, а уже совсем редко — говядина.

Случалось, что в свободное время им позволяли порыбачить или наловить крабов и рачков; порой они варили бананы с мякотью кокосового ореха — типичную арестантскую похлебку. Таким образом, им иногда удавалось разнообразить свою пищу. А куры, яйца, молоко предназначались только для охранников и хозяев острова.

Подчас рабы не выдерживали мук голода. Вдвоем-втроем тайком ловили свинью, резали и вялили ее в укромном местечке. Если же они попадались, то их бросали в карцер. А в лютые времена капрала по прозвищу Уголь попавшихся обмазывали салом заколотой ими свиньи и привязывали к пальме, и муравьи оставляли от них одни кости...

* * *

В тот день, несмотря на угрозы надзирателя, Лысый вернулся с полпути и пошел в лагерь «Центральный», чтобы показаться врачу. Когда капрал-охранник пришел на место, где Лысый должен был собирать маис, то не нашел его. Ему сказали, что парня видели по дороге в «Центральный».

— Сбежал, собака! — закричал капрал и приказал доверенному заключенному тотчас же направиться одной дорогой, а сам поспешил другой. Они договорились встретиться в условленном месте.

Капрал настиг больного, когда тот стоял и спокойно разговаривал со знакомым заключенным, работавшим на поле. Охранник приказал Лысому не двигаться; тот повиновался и потом послушно зашагал за капралом, как ему было приказано.

Они направились к условленному месту, где их уже поджидал доверенный заключенный, и все втроем вернулись в «Тростничок».

В караулке капрал доложил надзирателю, который не отпускал Лысого в больницу, что заключенный все же

самовольно пытался уйти в «Центральный», но по дороге был задержан и при этом не оказал никакого сопротивления.

— Ты мне заплатишь, подлюга! — закричал надзиратель.

Он отвел парня в строящееся ранчо, связал ему руки и, продев веревку под пояс, повесил к балке. Это было примерно в половине одиннадцатого утра. Однако ноги подвешенного касались земли. Тогда надзиратель приказал выкопать под ним яму, а затем принялся его бить. Иногда жандарм делал передышку и снова брался за плеть.

— Сбеги у меня еще раз, гадина! Хочешь, чтобы за твой побег меня посадили? Вот тебе! — И надзиратель кулаком бил подвешенного под ложечку.

— Я не собирался бежать, начальник, — стонал истязаемый. — Сжался! Не бей!..

Но надзиратель осатанел. В приступе ярости он схватил лопату, которой рыли яму, и ударил подвешенного по спине.

— Ай, мама! Услышь своего сына!.. Боже! Боже мой, мама, где ты теперь?.. Мамочка!.. Ай!..

— Я тебе покажу мамочку, черномазая сука! Ты у меня попомнишь!..

Лысый висел до трех часов дня — до тех пор, пока все не вернулись с работы.

Тогда надзиратель приказал снять Лысого; и тот, словно мешок окровавленного мяса, рухнул на землю.

— Что с моими руками? Боже милостивый, где мои руки? — стонал несчастный. Он не мог пошевелить переломанными конечностями. — Ой, мои руки!..

Двое заключенных перенесли его в барак и с трудом взгромоздили на самый верх многоярусных нар. Неудовлетворенный надзиратель велел готовить лодку, решив отвезти проштрафившегося в лагерь «Центральный». Он подошел к нарам, схватил парня за шиворот и сбросил на пол.

— Вставай, падаль! Не вздумай сказать, что не можешь идти.

Лысый охнул и закатил глаза на лоб, словно хотел найти в небе самого Господа Бога и попросить у него избавления.

... А в это время в одном из дворов грязного бедняцкого квартала Чоррильо в столице Панаме стояли две старые женщины и разговаривали.

— Соседка, — вдруг взволнованно воскликнула одна из них, — ты знаешь, я только что слышала голос сына. Он крикнул: «Мамочка, где ты?!»

— Успокойся, соседка, должно быть, бедняга просто вспомнил о тебе...

... Увидев, что Лысый без сознания, надзиратель приказал окатить его водой.

Один из заключенных вылил на Лысого одну банку с водой, другую и вдруг испуганно закричал:

— Капрал, капрал, идите сюда!

— Ну, что там еще? — недовольно буркнул изувер. — Боишься полить водой? Хочешь, чтобы я сам это сделал?

— Нет, мой капрал. Кажется, он того...

Лысый лежал неподвижно, впившись зубами в мокрую землю.

* * *

Через год капрал-изверг с острова Койба, полностью оправданный, вышел из здания суда в городе Пеноме...

4. ТЮРЬМЫ В ВЕНЕСУЭЛЕ

Вечером 5 февраля 1967 г. в Венесуэле произошло событие, весть о котором мгновенно облетела всю страну: из средневековой крепости Сан-Карлос, превращенной правительством в тюрьму, бежали три смельчака. Побег был совершен по по подземному ходу длиной около 60 метров, на строительство которого потребовалось много месяцев напряженной работы.

Одним из участников сенсационного побега был ГИЛЬЕРМО ГАРСИА ПОНСЕ. Его небольшая книга «ТУННЕЛЬ САН-КАРЛОСА», выпущенная издательством

«Прогресс», — волнующий человеческий документ, написанный в форме дневника. В кратких, но емких записях автор зафиксировал наиболее важные события тюремной жизни во времена правления президентов Ро-муло Бетанкура и Рауля Леони.

Предлагаем читателям несколько фрагментов из этой книги.

10 октября 1963 г.

Меня арестовали в доме № 17 по улице Н., район Эль-Пинар, Эль-Параисо в 5.30 вечера... В 6.45 меня перевели из здания дихеполя в Чагуарамос в казарму Сан-Карлоса.

11 октября 1963 г.

Меня не удивила встреча с этой старинной крепостью, превращенной в военную тюрьму...

Построенная испанцами в конце XVIII в. крепость использовалась для многих целей: она была и казармой, и лазаретом, и арсеналом...

Время порядком разрушило и привело в запустение старинную крепость, но для тюрьмы, как толковали это понятие люди во все времена, она подходит как нельзя лучше.

Внутри нее грязь, теснота, духота, нездоровый воздух, крысы. При всем этом здание отвечает главному требованию тюремщиков: может считаться надежным застенком для заключенных...

17 октября 1963 г.

Я заметил, что крепость внутри разделена на различные секторы с целью лучшего контроля над заключенными. Каждый сектор отделен от другого специальными сооружениями и находится под строгим наблюдением часовых, вооруженных винтовками ФАЛ и автоматами.

Подсчитал, что нас охраняют триста солдат. Они отобраны среди военной полиции, национальной гвардии, морской пехоты и других родов войск. Они прошли шестимесячный курс по изучению методов службы в военных тюрьмах, информации и контринформации, личной обороны...

Внешняя стена крепости достигает в некоторых местах толщины 1,6 метра. Многочисленные сторожевые вышки поставлены в стратегически важных местах тюрьмы. Нельзя пройти и десяти метров по внутренним проходам, чтобы не встретить хорошо вооруженных часовых...

23 октября 1963 г.

Наши камеры находятся в секторе, прозванном «дымной пещерой», где раньше солдаты отбывали дисциплинарные взыскания. Это узкий мрачный каменный ящик, куда не проникает ни луч солнца, ни дуновение ветерка. Удел узника — созерцание грязных стен. В «дымной пещере» три камеры...

В северной части, а также в правом крыле крепости имеются другие секторы для заключенных.

Самый ближайший от нас сектор находится над солдатскими уборными и называется Ла-Пахарера — «птичья клетка». Она разделена на три камеры. Еще дальше расположен сектор Ф-1, более обширный, рядом с ним — Ф-2, также состоящий из трех камер. Как Ф-1, так и Ф-2 имеют один небольшой дворик, где заключенные совершают прогулки. В правом крыле крепости на втором этаже находятся секторы А и Б. Сюда сажают офицеров и младших офицеров вооруженных сил, подсудных военному трибуналу.

Когда скапливается много заключенных, их размещают в другие места: изолятор и камеры, находящиеся рядом с Ла-Пахарерой.

30 октября 1963 г.

Прежде чем попасть в Сан-Карлос, большинство арестованных проводят некоторое время в застенках СИФА (секретная служба вооруженных сил Венесуэлы), в так называемом Белом дворце, расположенном напротив президентского дворца Мирафлорес.

Если от подследственного намерены сразу же добиться показаний, то его сажают в «каву» — «нору». Это герметически закрытое помещение, откуда не слышны крики жертвы. СИФА располагает персоналом, специализирующимся на пытках, в прошлом это боксеры, которые умеют наносить удары в самые чувствительные места человеческого тела. С арестованного срывают одежду, сажают на стул, не забыв надеть на него наручники. Избиения могут длиться непрерывно несколько суток, до тех пор пока арестованный не «запоет» или палачи не выдохнутся.

У палачей всегда имеется под рукой какой-либо медикамент, чтобы привести жертву в сознание. До или же после «кавы» арестованный может быть передан «комиссии». Его волокут до автомобиля, а затем увозят на пустынную дорогу. Например, на Эль-Хункито или ту, которая идет на Гуаренас. Если какое-либо высокое начальство решает его «ликвидировать», то действует «трибунал», состоящий из трех сопровождающих. Подобный фарс могут завершить в любом месте. Исполнение «приговора» не задерживается и на пять минут. Как правило, это расстрел. Приговоренного могут прошить очередью из автомата на краю дороги или отвезти его в антипартизанскую зону, где он будет убит «во время столкновения между военным патрулем и группой бандитов», как об этом будет объявлено в официальной сводке министерства обороны.

Показания арестованных, полученные под пытками, передаются в военный трибунал и могут послужить доказательством «вины» любого задержанного гражданина...

15 марта 1964 г.

В «дымной пещере» жизнь нашу мы организовали по определенному распорядку.

Один из нас — дежурный, пост которого ежедневно занимаем по очереди, — занят уборкой, едой и представлением группы властям тюрьмы. У нас очень мало претензий, обходимся немногим в этой каменной щели. Несколько коек с вонючими матрасами и тонкими тряпичными одеялами получены от хозяйственного отдела тюрьмы. Остальное состоит из пары брюк и рубашек, зубной щетки и других мелочей. Так как нам разрешили читать книги, то их у нас в изобилии...

17 ноября 1964 г.

Начинают прибывать в Ф-1 арестованные по делу Смолена. Их доставляют из подвалов дихеполя, и почти у всех у них имеются следы пыток...

Газета «Экстра» в своем номере от 22 октября разоблачила пытки, а комиссия палаты депутатов подтвердила это. В своих показаниях Рафаэль Селестино Чавес, один из подвергшихся пыткам, заявил:

«Меня три раза пытали. Первая пытка началась в субботу с двух часов дня и продолжалась до семи вечера. Меня били по ребрам и жгли руки горящими сигаретами. Затем меня отвели в камеру, а на следующий день, в воскресенье, на рассвете снова пытали. На этот раз применили электрический ток и били по голове. Меня спрашивали, знаю ли я каких-то майора Серхио и Парасини. В понедельник меня пытали еще полтора часа... Затем ко мне обратился один из чиновников и сказал, что полиция заинтересована в опровержении заявлений о пытках. Мне было сказано: если тебя будут спрашивать о пытках, отрицай все, иначе будет плохо. Если в комиссии, а также судье скажешь, что с тобой ничего не произошло, предоставим тебе свободу. Если этого не сделаешь, передадим суду военного трибунала и расстреляем. Все это мне сообщили перед тем, как я вошел в этот зал. Об этом же мне сказал и директор дихеполя Патиньо Гонсалес...

5 сентября 1965 г.

Политические заключенные тюрьмы в Маракайбо подтверждают свои разоблачения о пытках, применяемых

в антипартизанских лагерях штатов Лара, Фалькон и Португес...

В этих местах пытали многих и среди них:

Хуана Рафаэля Бертомонде и его отца Родриго Бертомонде, задержанных 22 марта 1965 г. Хуана Рафаэля, после того как избili, повесили за половые органы. Во время перевозки в военный штаб в Эль-Токуйо его привязали к джипу и волокли по дороге. Затем отца и сына связанных поставили к столбу и «поджаривали» электрической лампой в 500 свечей.

Доминго Гонсалеса повесили за половые органы.

Симона Родригеса и Бонифасио Эскалону, задержанных в поселке Эль-Сальвахе в районе Кубито, закололи штыками.

Луиса Кастильо, председателя студенческой федерации штата Лара, пытали электрическим током и горящими сигаретами.

Хулиана Атонио Гойо, арестованного в поселке Эль-Сальвахе, избивали в течение двух дней.

В поселке Лас-Кокуисас, в Умокаро-Бахо, 15 солдат из военного лагеря Лас-Пальмас ворвались в дом сестры крестьянина Калиано Варгаса, изнасиловали ее и силой уволокли ее отца и мужа.

В Лас-Чамисасе 30 солдат из лагеря Ла-Бланкита изнасиловали 45-летнюю крестьянку Хуану Колмеранес на глазах трех ее дочерей. Женщина была беременна...

Такое происходит каждый день в крестьянских районах штата Лара, главным образом в районах Мора, Торрес и Хименес...

22 ноября 1965 г.

...Качипо — концентрационный лагерь для политических заключенных. Он расположен недалеко от шоссе, соединяющего Матурии с Карипито, на юге Кирикири, неподалеку от нефтепромыслов Мирафлорес и Эль-Кисе... Лагерь площадью в 2000 кв. метров окружен колючей проволокой и охраняется военной полицией. Недалеко от входа находится военная палатка, названная «палаткой правды» — здесь пытаются арестованных. Дальше расположены камеры. Первые четыре разделены на блоки, окна в них забиты досками, чтобы заключенные ничего не смогли увидеть и чтобы их никто не увидел. Еще дальше, на расстоянии 40 метров, расположены другие тюремные помещения, среди которых темный, полный крыс и другой нечисти барак, названный «крысиным барак». На некотором расстоянии от него — карцеры. Рядом с проволочными ограждениями размещены санитарные помещения для охраны. Около 250 солдат и военных полицейских охраняют этот концентрационный лагерь, служащий одновременно базой для антипартизанских частей.

Когда в Качипо доставляют заключенного, его немедленно направляют на допрос в «палатку правды». Там, если ему повезет, он отделяется побоями, и его заточают в «крысиный барак». Но если СИФА и офицеры специального батальона хотят получить от него требуемые им показания, начинается длительный процесс жестоких пыток, и тогда заключенный несколько недель может находиться в «палатке правды» или в одном из

карцеров-одиночек. Если его не постигнет трагическая судьба Хуана Педро Рохаса (художника, бывшего директора музея изящных искусств в Каракасе; в Качипо его подвергли жестоким пыткам с целью вынудить пойти на самоубийство — по сообщениям газет, его нашли повешенным), его переводят в исправительный центр в Ориенте, в тюрьму Ла-Пика...

1 сентября 1966 г.

Политические заключенные рассказывают о пытках в Качипо, Ла-Пике и других тюрьмах и концентрационных лагерях в Ориенте.

Луис Мария Санабриа: «Меня задержали в Каракасе 1 ноября 1965 г. в 10.30 утра, когда я направлялся на площадь Венесуэлы, и доставили в отделение дихеполя. В 12.30 привели в ванную, заставили раздеться и, надев наручники, подвесили к железной скобе. В таком состоянии держали семь часов. Через четыре дня перевели в Качипо и здесь в 5 утра 5 ноября передали военным властям. Здесь пять дней подряд мне угрожали расстрелом, все время держали у моего лица ярко горящую электрическую лампу. На шестой день привязали за ноги и за руки к центральной стойке в «палатке правды». Три офицера одновременно начали меня избивать: один намотал на руку бинт, другой обернул руку пластиком, третий резиной. Били по спине, по плечам, в грудь, по рукам, в живот, по ногам. Помню, потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что лежу на полу развязанный и меня бьют ногами в спину. Так продолжалось несколько часов, затем пытали электрическим током. Мою жену арестовали с двумя маленькими детьми. Детей отпустили домой, а жена две недели находилась в карцере в Качипо».

Луис Канделарио Аристеги Наварра: «Когда меня доставили в Качипо, то отвели в походную палатку, называемую «палаткой правды». Меня предупредил один военный, что я должен до 7 вечера «заговорить» и что в противном случае после этого срока я испытаю все «последствия». Когда срок истек, в палатке появилось несколько человек, которые начали меня истязать. Попытки продолжались более четырех часов. Меня жестоко били по животу, по спине, по рукам и ногам, по половым органам, используя резиновые жгуты, палки и проволоку. Затем, когда я уже был в полубессознательном состоянии, сбили с ног и избивали ногами. После каждого тура избияния какой-то субъект приставлял стетоскоп, выслушивал меня и говорил: «Пусть немного передохнет, а то еще загнетса».

Хесус Лауреано Луна Карденас: «25 сентября 1965 г. меня взяли на улице Варгас-де-Кумана два агента дикополья и привели в полицейский участок. Там жестоко избили. Били прикладами в живот и в грудь. Один из агентов зажег коробку спичек и прижег мне половой орган. В 4 часа дня меня доставили в Качипо, а на следующий день из камеры №3 двое военных отвели в палатку, надели наручники и начали избивать черным резиновым жгутом. На другой день повторилось то же самое, и так несколько дней подряд. Из-за москитов, грязи в камере, куда потом запирали, раны на спине начали гноиться. Медицинский персонал вынужден был заняться мною, т. к. нагноение быстро усиливалось...»

Александр Фарфа: «Меня задержали 17 июля 1966 г. в моем доме, в поселке Ла-Паленсия, и сразу же доставили в лагерь. Жестоко избивали прикладами ружей, сначала привязали за руки, а потом за половой орган и жгли тело раскаленным железом...»

Эдгар Эстрада Астудильо: «Меня задержали 15 октября 1965 г. В отделении заставили встать на железный столик, используемый в канцеляриях для пишущих машинок, и держаться за стену, опираясь на указательные пальцы. Когда столик откатывался и я падал, заставляли снова влезать, обрушивая град ударов прикладами и ногами. Потом перевели в Качипо.

В палатке раздели и связанного привязали к стойке, поддерживающей палатку. Девять человек избивали меня резиновыми жгутами и рукоятками пистолетов до тех пор, пока я не потерял сознание. Так повторялось несколько дней».

Педро Хосе Гевара: «Был задержан 23 сентября 1965 г. Доставили в «палатку правды». Надели наручники и подвесили к центральной стойке. Начали избивать резиновыми жгутами, дубинками и прикладами. Поднесли зажженную спичку к заднему проходу и прижгли половой орган. Бросили на пол и топтали ногами...»...

Список тех, кого пытали в Качипо, очень длинный...

5. ТЮРЬМА В США

ЭЛИЗАБЕТ ГЭРЛИ ФЛИНН, автор книги «В ОЛДЕРСОНСКОЙ ТЮРЬМЕ» — видная участница американского рабочего движения. В образе бунтарки ее увековечил в прекрасном стихотворении поэт США Джо Хилл, расстрелянный в 1915 г.

В 1951 г. Элизабет Гэрли Флинн была арестована за нарушение закона Смита. Этот закон был принят конгрес-

сом США 28 июня 1940 г. по предложению члена палаты представителей Говарда У. Смита (демократ от штата Виргиния). Закон регулировал условия допуска и пребывания в США иностранцев и был направлен против так называемой «подрывной деятельности».

Элизабет Гэрли Флинн была отдана под суд, вынесший обвинительный приговор. Начались годы тюрьмы. Свой срок заключения Э. Г. Флинн провела в женской тюрьме в Олдерсоне (штат Западная Виргиния), которая считается образцовой тюрьмой в Соединенных Штатах. Здесь она находилась с 1951 по 1957 г. вместе с уголовными преступницами.

Книга Флинн проникнута сочувствием к несчастным женщинам, попавшим в тюрьму. В ней показаны условия их содержания в Олдерсоне, а также быт и нравы заключенных.

Мы приведем несколько фрагментов из этой книги, вышедшей в издательстве «Прогресс» в 1964 г.

ОЛДЕРСОН ПРИ МЭРИ ГАРРИС

Однажды, перебирая фонды библиотеки, я обнаружила изданную в 1936 г. книгу под названием «Я познакомилась с ними в тюрьме». Ее написала д-р Мэри Б. Гаррис, первая начальница Олдерсонской тюрьмы, именовавшейся тогда «Федеральным промышленным заведением для женщин»... Мэри Гаррис описывает начальный период существования этого заведения — первой в США федеральной тюрьмы для женщин, открытой в 1928 г. В прежние времена осужденных женщин

направляли в тюрьмы штатов, в рабочие дома и другие исправительные заведения. И вдруг появляется тюрьма, не обнесенная стенами, почти без решеток, и всем кажется: какой огромный шаг вперед, какая реформа пенитенциарной системы!

Поначалу сюда привозили только «первосрочниц», а рецидивисток и нарушительниц режима досрочного освобождения изолировали в других местах. Считалось, что так можно скорее добиться исправления и перевоспитания «начинающих» преступниц.

Город Олдерсон... подарил тюрьме 200 акров земли. К ним прибавились еще 300, приобретенные правительством. Участок расположен на высоте 1600 футов над уровнем моря. Климат умеренный, если не считать нескольких холодных дней в зимнее время. Воду для нужд тюрьмы забирают в реке, очищают и фильтруют. Дома, построенные в характерном колониальном стиле, располагаются в виде двух прямоугольников, называемых «городками». Есть канализация, центральное отопление, своя электростанция, хорошие дороги и тротуары. Тюрьма была задумана как небольшая самостоятельная община с собственной фермой, молочным хозяйством, теплицами, школой, часовней, библиотекой, зрительным залом, швейной мастерской, прачечной, пекарней и кухнями. Во время сооружения тюрьмы д-р Мэри Гаррис настояла на сохранении множества прекрасных деревьев — американского ореха, берез, дубов, каштанов, кленов, тополей и хвойных пород. Строительство тюрьмы и вспомогательных служб обошлось в два с половиной миллиона долларов.

Первоначально она была рассчитана на 500 заключенных.

В своей книге Мэри Гаррис называет 21 организацию, которые в 1923 г. собрались в Вашингтоне на совещание, посвященное созданию этого исправительного заведения. Практически там были представлены все существовавшие тогда женские организации США... Многие из этих организаций послали своих представительниц и на официальное открытие тюрьмы.

...В каждом коттедже работали женские комитеты, существовал совет представительниц, регулярно встречавшихся с Мэри Гаррис. При введении новых правил она всегда прислушивалась к мнению совета. Незначительные нарушения рассматривались на заседаниях комитетов коттеджей и не влекли за собой наказания карцером... Правда, некоторые американские судьи резко критиковали за это Олдерсон, говоря, что там-де не занимаются подлинным «исправлением» преступниц. Но в своей книге Мэри Гаррис как раз подчеркивает, что число попыток к бегству в ту пору резко сократилось, женщины ценили человеческое отношение к ним, а чтобы попасть в одиночку, нужно было особенно «отличиться» — подраться или отказаться выйти на работу.

... При Мэри Гаррис широко поощрялась полезная трудовая и общественная деятельность. На территории резервации были лошади, коровы, свиньи, кошки и собаки. Были клубы друзей птиц и деревьев. В погожие дни, на заре, когда вся округа наполнялась птичьим гомоном, женщин выводили на прогулки; ежегодно устраивались тюремные ярмарки и рождественские базары; работали танцевальные, хоровые и театральные кружки; желающих обучали музыке, уходу за детьми; часто проводились полезные дискуссии. Короче, делалось все, чтобы заполнить жизнь заключенных чем-то значи-

тельным и отвлечь их от дурных помыслов. Мэри Гаррис называла все это «предохранительным клапаном»...

Д-р Гаррис верила, что можно предупреждать душевные кризисы у заключенных, она общалась с каждой из них, старалась помогать им в личных делах, поднимать их настроение... Благодаря ее методам никого не приходилось пересылать в тюрьмы со строгим режимом, кроме заболевших психически... При д-ре Гаррис существовала «клиника исправления характеров», которой руководила мисс Хайронимэс, имевшая юридическое образование, ведавшая в тюрьме делопроизводством и потом сменившая д-ра Гаррис на посту начальницы тюрьмы. Эта женщина также пользовалась большой любовью среди «старожилов» тюрьмы, как заключенных, так и служащих.

Что же из всего этого застали мы? Только музыкальные вечера, циклы лекций о «правильной жизни»... и беседы о «текущих событиях», которые проводила Боумэн, впоследствии ставшая начальницей тюрьмы Терминэл-айленд...

«ОРИЕНТАЦИЯ» В 26-м КОТТЕДЖЕ

...Первый трехнедельный период пребывания заключенных в тюрьме назывался подготовкой, или «ориентацией». Он предшествовал классификации по профессиям и назначению на ту или иную работу. В период «ориентации» проводился общий медицинский осмотр, делались противотифозные и противостолбнячные прививки; кроме того, производились «тесты» для проверки общего развитиями профессиональной подго-

товки заключенных. Ежедневно нам зачитывали официальные правила внутреннего распорядка... Нарушение правил каралось аннулированием зачетных дней (дни, на которые заключенным за «хорошее поведение» сокращался срок отбытия наказания) карцером, а то и тем и другим. За некоторые чрезвычайные проступки, например за порчу казенного имущества или передачу записки посетителю, заключенную иногда вновь отдавали под суд и приговаривали к дополнительному сроку. Об этом нас неоднократно предупреждали...

В Олдерсоне не пользовались швабрами на длинных палках — они были запрещены. Женщин заставляли мыть и натирать полы, ползая на четвереньках... В течение всего периода «ориентации» ежедневно проверялись чистота и порядок в комнатах. Придирчиво осматривались карнизы, окна, двери, батареи отопления и прочее...

За курение в постели или невымытую пепельницу заключенных запирали в комнате на шесть часов или лишали права курить. Администрация панически боялась пожара. Регулярно устраивались противопожарные учения. На каждом этаже висели огнетушители... На ночь начальницы коттеджей уходили домой. На всей территории тюрьмы оставалось лишь несколько дежурных надзирательниц. Ночной патруль совершал свои обходы через большие промежутки времени. В незарешеченные окна были вделаны массивные неподвижные щиты, исключавшие возможность побега. Опасность пожара усугублялась обилием горючих жидкостей для натирки полов и полировки мебели, а также множеством мягкой мебели в общих комнатах. В Олдерсоне я боялась только одного — ночного пожара. Все мы сгорели бы заживо...

Так проходили дни «ориентации». Большая часть времени уходила на починку и переделку выданной нам одежды. В то время каждой заключенной полагалось по несколько хлопчатобумажных платьев и брюк. Многие платья были ветхие, выцветшие, в уродливых заплатках. Носить их приходилось круглый год. Зимой они не грели. «Папиросная бумага» — так окрестили мы свои одеяния.

ЗНАКОМСТВО С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Период «ориентации» выявляет множество людских свойств и склонностей. Мелкие кражи были обычным явлением. Давали себя знать и расовые предрассудки...

Многие, еще совсем молодые, очутились в тюрьме впервые... Преступления были самые разные: кражи и подделка денег, угон автомобилей через границы штатов, самогоноварение и тайная торговля спиртным, растраты, шантаж, проституция и переправка проституток через границы страны и штатов, контрабанда, торговля наркотиками и наркомания...

В столовой были скатерти и салфетки. На посуде красовались эмблемы армии, флота и медицинского корпуса. Кормили нас «крахмальной» пищей, вроде макарон и картофеля, бобами и другими овощами, отваренными на южный манер. Можно было накладывать себе сколько угодно, если, конечно, хватало, но оставлять что-нибудь на тарелке запрещалось. Большинство женщин вежливо передавали друг другу еду. Разрешалось отдавать кому-нибудь свою порцию, если не хотелось есть

или пить. Удавалось «пожиться» и мне, ибо иногда на столе появлялись грейпфруты, томатный сок или шпинат, которых многие не употребляли, т. к. не привыкли к такой пище или не любили ее. Те, кто подолгу сидел по тюрьмам, ели прямо-таки с волчьим аппетитом. Что касается наркоманок, многие из которых считались «вылеченными», побывав в кентуккийском госпитале, то им всего было мало...

Дважды в неделю было богослужение, раз в неделю показывали кинофильм. Посещение церкви, когда-то обязательное, теперь стало добровольным. Многие заключенные были религиозны и истово молились, другие верили, что хождение в церковь поможет им досрочно освободиться...

Наконец «ориентация» закончилась. Всех нас по одиночке повели в подвал для проверки личного имущества. Кое-что можно было оставить при себе, а остальное — отправить по почте домой (за свой счет).

Наконец нас «распределили», т. е. решили, где каждой из нас находиться и какой работой заниматься... Пройдя по верхней территории, мы спустились по длинной лестнице к административному корпусу. В ожидании вызова мы уселись на скамейки, расставленные в коридоре. Вся процедура носила чисто формальный характер; с нами ни о чем не советовались, а лишь сообщали заранее принятые решения... Меня направили в Дэвисхолл...

ПОД «СТРОЖАЙШИМ НАДЗОРОМ»

Дэвис-холл — внушительное сооружение с импозантным фасадом и белыми колоннами. Своим названием этот дом обязан д-ру Кэтрин Дэвис, инициатору тюремной реформы и первой женщине, ставшей начальницей женской тюрьмы. Нижний этаж здания просторен и прилично обставлен. Зато на втором этаже так неприглядно, что не хватает слов это передать. Темный и узкий коридор, а по обеим его сторонам — камеры-одиночки с зарешеченными окнами и дверьми. Меня ввели в обшарпанную комнатку с некрашеными стенами и полуразвалившейся мебелью. Я вспомнила время «ориентации», и оно показалось мне каким-то далеким сном. Заметив мое разочарование, надзирательница сказала: «Устраивайтесь сегодня, как сумеете, утром подумаем, как быть»...

На другой день после моего заточения в Дэвис-холл 2 я узнала от надзирательницы, что одна из моих новых соседок предлагает мне свою комнату, чтобы самой спуститься вниз, т. к. она боится негритянки, живущей напротив, которая якобы хочет ее убить. Потом выяснилось, что она преследовала совсем иную цель: ей хотелось быть поближе к какой-то своей любимице. Я не стала возражать и переселилась в более просторную комнату с хорошо окрашенными стенами и окном на юг. От моей предшественницы мне остались две циновки, большое кресло и занавески. Душевая, уборная и прачечная находились в нескольких шагах. На ночь, когда комнаты запирались на ключ, в нашем распоряжении оставался белый эмалированный горшок с крышкой. Прежде заключенным выдавались открытые алюминиевые параша старого образца, и начальство приказывало драить их до блеска. Одна женщина, приговоренная

к пожизненному заключению, рассказывала, как однажды удостоилась особой похвалы надзирательницы за образцовое состояние этого сосуда.

В первый же день щуплая надзирательница-ирландка приказала мне навести порядок в хозяйственном шкафу, где хранились веники, тряпки, мыло, ненужная бумага и т. п. Работа оказалась нетрудной, и я быстро справилась с ней. Я удивилась, почему мне не поручили латать одежду, как об этом говорила начальница тюрьмы. Но впоследствии я занималась только шитьем, исключая те дни, когда добровольно вызывалась выполнять другие задания... Я работала в своей комнате. Другого подходящего места просто не было. Перед сдачей старых вещей на склад я чистила их, чинила, пришивала пуговицы. Я нашивала метки «ДХ2» на новые простыни, наволочки, покрывала, на матрасники, полотенца и скатерки перед их отправкой в прачечную. Я ремонтировала личную одежду освобождаемых женщин, не умевших шить. Все это была чистая, приятная работа, и никто меня не подгонял...

В тюрьме считается дурным тоном спросить товарища: «За что сидишь?» Но время шло, и постепенно я узнавала множество самых разнообразных историй. Стоило высказать малейший интерес к судьбе той или другой заключенной, и она сразу же раскрывала тебе свою душу. Первая женщина, с которой я подружилась, была хромая и частично парализованная — она попала в автомобильную катастрофу. Уроженка Среднего Запада, очень миловидная и по-настоящему начитанная, она некогда слыла «королевой бандитов». С помощью шайки юнцов и укрывателей краденого, работавших на нее, она организовала несметное количество хищений. Ее ребята воровали все, что плохо лежало: фотоаппараты,

часы, пишущие машинки. «Королева» хвасталась своей великолепной памятью: когда следователь показал ей «плечики» для платьев, она по их виду точно определила, какому из обворованных магазинов они принадлежали. Ей предстояло отсидеть в Олдерсоне немалый срок; вдобавок власти нескольких штатов, где она тоже «отличилась», потребовали не выпускать ее по отбытии «федерального наказания», а передать местным судам для разбора дел о ее прежних преступлениях.

Или вот еще одно из моих первых знакомств: пожилая дама с тихоокеанского побережья по кличке Бабушка-бандитка, которая умудрилась ограбить банк, пригрозив клерку игрушечным пистолетом. Ей поручили регистрировать выдачу одежды, и она отлично с этим справлялась. Она походила скорее на набожную старушку, чем на арестантку...

Мою соседку по смежной комнате, женщину какого-то юго-западного штата, посадили за беспатентную торговлю виски. Она то и дело причитала: «Попасться на какой-то несчастной пинте!» Ее возмущение не имело предела — год тюрьмы, по ее мнению, можно было дать по крайней мере за один галлон (американская пинта — 0,47 литра, галлон — 3,78 литра). Это была скромная женщина средних лет, имевшая несчастье вступить в брак с молодым мужчиной. Она перевела на имя мужа свой банковский счет, автомобиль, бриллиантовое кольцо и, наконец, бар, где тайно продавала спиртные напитки. Вскоре ее арестовали — несомненно, по его доносу. Два или три раза он написал ей в тюрьму, а потом как в воду канул. Приятельница сообщила ей, что муженек продал все имущество с молотка и укатил с какой-то блондинкой в Калифорнию. Она попыталась покончить с собой — порезала бритвой вену на запяс-

тье — и в конечном счете очутилась в нашем отделении «строжайшего надзора». Ее назначили на работу в мастерскую художественных изделий — единственное место, за которым наблюдал врач по трудовой терапии... Уходя на волю, бедняжка торжественно поклялась убить своего неверного супруга и его любовницу. Больше мы о ней ничего не слышали и решили, что она их не нашла...

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Много лет назад, когда Олдерсонскую тюрьму только открыли, слова «одиночное заключение» означали нечто совсем другое, чем теперь. Речь шла о действительно полной изоляции заключенного, и эта мера наказания применялась лишь после того, как все остальные оказывались безуспешными. В одиночку сажали только за самые серьезные проступки. Теперь же к этому наказанию прибегали при любых, даже самых пустяковых провинностях. Все зависело от прихоти надзирательниц. В мужских тюрьмах одиночкой обычно служила темная подземная камера, так называемая «дыра». У нас же одиночные камеры располагались на втором этаже, где был свет и воздух, где наказанные могли видеть проходящих мимо людей и даже разговаривать с ними, хотя последнее формально запрещалось. Обычно из этих камер, находившихся в обоих концах наших коридоров, доносились вопли и крики — заключенные нередко дрались друг с другом через окошки. Днем и вечером (до того, как запирались двери), рискуя получить дисциплинарное взыскание, другие заключенные подкрадывались к одиночным камерам, чтобы хоть немного утешить пострадавших подруг.

Иной раз запертые женщины часами били кулаками в дверь, истошно вопя и требуя, чтобы их выпустили. Однажды какая-то девушка, попавшая в одиночку, подожгла свой матрас. Для нас было загадкой, как ей удалось протащить туда спички. Когда охранники прибежали гасить огонь, девушка впала в истерику. Часто мы видели, как злополучных «одиночниц», одетых в ночные рубашки и халаты, водили по коридору в душевую. Конвойные грубо обращались с ними, подталкивали в спину, пинками загоняли в камеру.

Самым серьезным нарушением правил считалась попытка к бегству. Таких попыток было немало, но все они кончались одинаково: через несколько часов пойманных беглянок приводили обратно...

Вторым по серьезности проступком считалась драка. Независимо от обстоятельств, обеих дравшихся подвергали изоляции, что, конечно, было несправедливо, ибо почти всегда одна была нападающей стороной, а другая ее невинной жертвой. Но никому не приходило в голову разбираться в причинах ссоры и устанавливать, кто прав и кто виноват. Иногда в ход пускались бритвенные лезвия. Лезвие, плотно зажатое между пальцами, — очень опасное оружие. Как-то одна заключенная попросила меня зашить ей брюки, разрезанные «в бою» на целых 6 дюймов в длину. На ноге у нее был глубокий порез. Другой девушке сильно поранили веко, едва не лишив ее глаза. В третьем случае одна пожилая заключенная, приревновав свою молодую подругу, нанесла ей глубокий удар ножом, украденным у маляров и отточенным наподобие стилета. К счастью, нож не проник в сердце. Многие из этих кровавых стычек происходили между ревнивыми лесбийками...

Одиночному заключению подвергались и лесбийки, пойманные с поличным. Практикуемая тайно, лесбийская любовь не преследовалась и как бы считалась допустимой. Надзирательницам было не так-то легко уследить за многочисленными привязанностями этого рода. Женщины придумывали десятки уловок, чтобы избежать наблюдения и слежки. Например, какая-нибудь девушка нарочно задерживала надзирательницу за рабочим столом, чтобы изложить ей ту или иную вполне законную просьбу, а в это время этажом выше ее подружки предавались любовным утехам. Иногда выставлялись «дозоры», и при появлении надзирательницы на лестнице раздавался предупреждающий сигнал — свист или пение. Если же парочку застигали врасплох, то обеих любовниц наказывали одиночным заключением, после чего расселяли по разным коттеджам. Сначала обе чувствовали себя одинокими и несчастными, тайно переписывались, обменивались сувенирами. Но, как говорят, с глаз долой — из сердца вон. Старые привязанности забывались, возникали новые.

Не могу поручиться за правдивость всего, что рассказывали женщины, побывавшие в одиночке, ибо сама никогда в ней не сидела. Рассказывали, что надзирательницы и охранницы, вопреки запрету, часто подвергали побоям посаженных в одиночку женщин, всячески издевались над ними, что они выносили из одиночек на ночь обычные параша и вместо них выдавали заключенным посуды из бумаги. Раз одна женщина выплеснула содержимое этой посуды в лицо надзирательницы... В общем, от пребывания в одиночках заключенные исправляются не больше, чем, скажем, дети, которых в наказание запирают на какое-то время в темный клозет...

В ЧЕМ РАЗНИЦА?

Один из моих корреспондентов спрашивал меня: «В чем, по-вашему, главное различие между женской и мужской тюрьмой?» Я ответила:

«Очувтившись в тихий воскресный день в мужской тюрьме, вы наверняка не увидите пеленок на бельевой веревке и не услышите плача младенцев. Физиологические особенности женщин — менструации, климактерический период, беременность — в тюремной обстановке сплошь и рядом до крайности обостряют их эмоции. Женщины, безусловно, куда менее выдержанны, чем мужчины, которые подчинены некоему кодексу мужества и не желают выглядеть плаксами и маменькиными сынками в глазах товарищей. А в наших женских тюрьмах считается вполне нормальным, когда заключенные рыдают, впадают в истерику, стенают или визжат. Уж так повелось, что мужчина в обыденной жизни, в армии или в тюрьме обязан хорошо владеть собой, не хныкать, быть тренированным и выносливым. Для женщин все это вовсе не обязательно. Они просто не замечают своей недисциплинированности, своей подчас ребяческой неразумности... Рассказывали об одной девушке, которая прибежала к надзирательнице с жалобой: «Мэри сказала, чтоб я сдохла!» Усталая надзирательница ответила: «Пожалуйста, только не поднимайте при этом шума!»..

Заключенные женщины, бесспорно, уделяют своей внешности много больше внимания, чем мужчины в том же положении. Почти все, в особенности «долгосрочницы», смертельно боятся рано состариться. Для многих это было главным, что поглощало их внимание. То и дело они причесывались, делали себе маникюр, мазали

лицо и руки кремом, летом старались загорать, похудеть или поправиться. Многие прибывали в тюрьму коротко остриженными, но в тюрьме было невозможно как следует ухаживать за прической... Арестанткам разрешали подстригать друг другу волосы, но если они оказывались чересчур короткими, как у мужчин, виновных наказывали. И все-таки у нас было множество коротко остриженных голов. Кое-кто, желая походить на Элвиса Пресли, причесывался даже на пробор...

Обычно женщины старались хоть как-нибудь приодеться, когда шли в церковь, принимали посетителей или сдавали экзамены... По непонятным причинам женщин обязывали во что бы то ни стало носить лифчики, заставляли возвращаться в коттеджи, чтобы надеть их, непослушных наказывали. Многих это раздражало — туго натянутые бретельки мешали на работе. Многие всеми правдами и неправдами обходили это нелепое распоряжение и резонно жаловались на его неоправданность в месте, населенном только женщинами...

Беременных переводили на легкие работы, кормили диетическими блюдами, за их здоровьем следили врачи. Одна негритянка с Юга, мать восьмерых детей, рассказывала мне, что в тюрьме ей впервые в жизни была оказана врачебная помощь при родах. В швейной мастерской будущие матери шили для своего потомства распашонки и башмачки из мягкой белой кожи. Иногда за этой работой можно было увидеть сразу по 7–8 женщин — негритянок и белых. Когда до родов оставалось совсем немного, беременных отправляли на ночь в больницу. Утром они возвращались в коттеджи. Это делалось во избежание неожиданностей в ночное время, когда все заключенные спали взаперти.

Матерям разрешалось брать новорожденных на несколько месяцев в коттедж. Мужья или другие родственники приезжали и забирали детей домой, а если не могли приехать, то ребенка отвозила им надзирательница. В прежние годы дети оставались в тюрьме в течение 2–3 лет. Теперь этого больше не было. В отдельных случаях матери отказывались от своих детей, иной раз даже не хотели взглянуть на них. Это были совсем молоденькие, незамужние девушки или жертвы насилия. Для их детей приходилось подыскивать приемных родителей. Но присутствие младенца в коттедже само по себе оказывало на всех облагораживающее влияние. Женщины ухаживали за ним, кормили, вязали ему шапочки, крохотные свитеры и носки. Все в один голос порицали нерадивых матерей, не умевших должным образом заботиться о своих малютках.

Матерей и малышей содержали в так называемых «кормовых коттеджах», т. е. в тех, где были кухни и столовые. Матери, как правило, помогали на кухне. Бывало, дежурная надзирательница во время обеда приносила в столовую какого-нибудь младенца и тогда не было конца умилениям, охам и ахам. Страшные сцены разыгрывались при разлучении матери и ребенка, особенно если первой предстояло еще долго сидеть. Горе и тревоги этих несчастных женщин резко сказывались на их здоровье и душевном состоянии и порой приводили к тяжелым психическим травмам...

ИЗГНАНИЕ ИЗ ОЛДЕРСОНА

Я не могла понять, по каким причинам одних «федеральных заключенных» направляли в Олдерсон,

других — в федеральные тюремные больницы, а третьих — в исправительные заведения городов или штатов. Срок наказания был здесь явно ни при чем. В Олдерсоне, например, постоянно находились «краткосрочницы», осужденные всего лишь на несколько месяцев. Я терялась в догадках.

Когда-то это «федеральное исправительно-воспитательное заведение для женщин» всячески стремилось сохранить вывеску образцово-показательного учреждения, и поэтому «неисправимых» старались сплавить в другие места. Их переводили либо в психиатрическую больницу св. Елизаветы, либо, скажем, в рабочий дом в Цинциннати — своего рода женский Алькатрас (Алькатрас — бывшая военная тюрьма, а с 1933 г. — «федеральная тюрьма для опасных преступников», находится на скалистом острове того же названия в бухте Сан-Франциско). За несколько лет до нашего прибытия в Олдерсон оттуда была «изгнана» целая группа провинившихся заключенных, которые варили самогон, взломали какую-то дверь и пытались бежать в автомобиле надзирательницы. Эта история до сих пор передается из уст в уста.

Судя по рассказам и описаниям, отбывать наказание в Олдерсоне куда легче, чем в тюрьме в Цинциннати — старинном сооружении, состоящем внутри из ярусов, начиненных железными камерами, точно улей сотами. Но, как ни странно, некоторые женщины предпочитали Олдерсону Цинциннати. Их почему-то угнетал вид окрестных гор, красота природы не трогала, а гробовая ночная тишина приводила в ужас...

Одна из заключенных, высланная из Олдерсона, была феноменально толстая женщина с неразвитым, полу-

детским умом... Толстуху осудили за вымогательство: она пыталась получить деньги от убитых горем родителей, сказав им, что знает, где находится их похищенный ребенок. Это была ложь. К счастью для нее, она на самом деле ничего не знала. Преступников же схватили и казнили за убийство ребенка... В тюрьме эта полукретинка развлекалась довольно странным способом — вырезала дверные и другие замки и выбрасывала их в окно. Однажды она сорвала все замки с окон и дверей общей комнаты 26-го коттеджа. Девушки тут же подошли к распахнутым окнам, выходящим на Дэвис-холл и больницу, и принялись болтать с проходившими мимо заключенными. Когда надзирательница обнаружила исчезновение замков, доступ в общую комнату был прекращен и она оставалась закрытой, пока все окна не снабдили массивными щитами. Виновницу наказали одиночным заключением. Но вскоре она снова набедокурила — нарочно засорила водопровод и канализацию. После долгой, кропотливой работы охранникам наконец удалось прокачать и очистить трубы. Из канализационного колодца около коттеджа они выудили ее огромное платье и несколько пар брюк. Женщинам пришлось потратить целое воскресенье на мытье полов, залитых водой нечистотами. Психопатку снова водворили в одиночку и продержали там, пока все немного поостыли. Ее бессмысленная выходка вызвала общую ярость... Она была явно невменяемой, и ее отправка из Олдерсона не опечалила никого...

Вообще должна сказать, что я питала большую симпатию к тем молодым заключенным, которых почему-то упорно называли «неисправимыми». Почти все они выросли в исправительных домах, не знали радостей детства и семьи, всех их вечно били, бранили и всячески третировали. Мне хорошо запомнилась одна «неисправимая» — коренастая и сильная молодая негритянка с

крайнего Юга. Она никому ни в чем не доверяла, ни с кем не дружила и, чуть что, лезла драться. Наивность и прямолинейность сделали ее предметом бесконечных насмешек со стороны более «культурных» негритянок и белых женщин из северных штатов. Часто они вели себя с ней просто жестоко. Однажды она спросила нашу надзирательницу: «Мисс В., вы замужем?» Надзирательница ответила: «Да, замужем». «И я бы хотела выйти замуж, — продолжала молодая негритянка, — но здесь мне все говорят, что я должна жениться на девушке». Надзирательница вспыхнула, но, овладев собой, спокойно сказала: «Они просто дразнят тебя. Придет время, встретишь хорошего человека, и он станет твоим мужем». Это ей очень понравилось...

Но порой случалось и так, что издевательские шутки приводили ее в бешенство, и тогда начиналась потасовка. В конце концов ее увезли в другую тюрьму...

Я не хочу осуждать ни лесбияк, ни наркоманок. Ни в тех, ни в других я не видела преступниц... Самыми беспомощными и безнадежными казались мне наркоманки...

В числе наркоманок, отбывавших наказание в Олдерсоне, было несколько медицинских сестер и бывших военнослужащих; другие пристрастились к наркотикам еще в школе. Самой знаменитой из наших наркоманок — мы ее уже не застали — была негритянская певица Билли Холидэй, одна из известнейших исполнительниц блюзов. Она отсидела в Олдерсоне ровно год. Билли очень полюбилась заключенным за то, что однажды отказалась петь для каких-то гостей начальницы тюрьмы, составившись на свой контракт, запрещающий бесплатные выступления. Но она имела право выступать с благо-

творительной целью и как-то вызвалась дать концерт для заключенных. Этого ей, конечно, не разрешили.

Билли Холидэй скончалась 18 июля 1959 г. в возрасте сорока четырех лет. В некрологе, помещенном в «Нью-Йорк таймс», говорилось, что «она стала певицей скорее с отчаяния, чем по призванию». Она родилась от тринадцатилетней матери и пятнадцатилетнего отца... Впервые интерес к музыке пробудился в ней, когда, еще совсем ребенком, она нанялась рассыльной в публичный дом. В награду за ее услуги проститутки разрешали ей слушать пластинки с записями Луиса Армстронга и Бесси Смит... Известность пришла к ней в 1938 г., когда она начала выступать в кафе «Сосайети». Там впервые прозвучал «Странный плод» - одна из ее лучших песен, на слова Льюиса Аллена, гневное изобличение позорного суда Линча.

После освобождения из Олдерсона, запятнанная судимостью, она никак не могла добиться разрешения выступать в кабаре. В последние годы агенты по борьбе с торговлей наркотиками не отставали от нее. Даже в больнице, куда она легла с воспалением легких и пороком сердца, ее обвинили в хранении наркотиков и взяли под арест. У изголовья больной поставили полицейского. Лишь через несколько дней по распоряжению судьи его удалили из палаты.

Эта красивая и талантливая женщина как-то заявила: «Мне часто говорили, что никто не умеет спеть слова «голод» и «любовь» так, как я. Все, что я знала в жизни, выражается этими двумя словами». В другом случае она заметила: «Нет никого, кто мог бы с уверенностью сказать, что победит в себе наркоманию прежде, чем наступит день его смерти».

Эти слова следовало бы высечь вместо эпитафии на ее могиле...

Если наркоманок арестовывали в одурманенном состоянии в первый раз и они попадали в нью-йоркский дом заключения, то там их ожидало «угощение холодной индейкой»: женщин погружали в ванну с холодной водой и держали в ней, пока действие наркотика не прекращалось. Эта варварская процедура вызывала рвоту, жестокую простуду, обмороки. Бывали даже смертельные случаи. До отправки в тюрьму на «отсидку» долгих сроков некоторых женщин «лечили» в Лексингтонской больнице... К моменту прибытия в Олдерсон самые тяжкие страдания, вызванные отсутствием привычных доз наркотика, были обычно уже позади. Однако есть только один радикальный способ лечения — полное воздержание, и наркоманы знают это. Но «зарканенные» ничего не могут с собой поделаться, даже страх перед судом и наказанием не может их удержать. За наркотики сажают в тюрьму на срок от пяти до десяти лет. Условное наказание или досрочное освобождение наркоманов не практикуются. В крайних случаях их приговаривают даже к пожизненному заключению или смертной казни. Но пагубная страсть настолько сильна, что и это не останавливает...

Отбывая длительные сроки в тюрьме, предоставленные самим себе, заключенные наркоманы, стремясь любой ценой раздобыть наркотики, прибегают подчас к самым страшным и опасным средствам. Однажды на доске объявлений появилось... предупреждение, что жидкость для чистки пишущих машинок представляет собой смертельный яд и что если кто-нибудь вдохнет ее пары, то серьезно повредит себе носоглотку и дыхательную систему. В нашей больнице уже лежало не-

сколько женщин, рискнувших «принюхаться» к этому составу. Потом одна заключенная вздумала «раскурить» гребень из пластмассы. Она чуть не умерла, навсегда повредив себе легкие и сердце, и настолько исхудала, что муж, приехавший на свидание с ней, не сразу узнал ее. Несколько оправившись, она снова стала являться на работу в мастерской, но жила в Дэвисхолле под строжайшим надзором. Ее кормили особой пищей и запрещали курить сигареты, от которых у нее наступало удушье и даже обморочное состояние. Она выпрашивала курево у других заключенных, но те, заметив, какое действие производит на нее табачный дым, и испугавшись ответственности, перестали «выручать» подругу. Ей разрешили причесываться только металлическим гребнем и убрали подальше все пластмассовые изделия. Она прибыла в Олдерсон с виду здоровой и упитанной, а вышла оттуда полускелетом...

Особый интерес я проявляла к узницам, приговоренным к пожизненному заключению. При мне их было 6 человек, из них три — жены американских солдат... Две «пожизненные» убили своих мужей, когда жили с ними на военных базах за рубежом, третья сидела по обвинению в убийстве троих своих детей, совершенном в состоянии временного умопомешательства. Это жуткое преступление случилось на американской военной базе в Эритрее. Этих женщин судили военные трибуналы, хотя все они были гражданские лица, а одна — английская подданная. Впоследствии Верховный суд США вынес решение о несоответствии этих приговоров конституции и распорядился доставить обвиняемых в Америку для пересмотра их дел в гражданских судах. Одна из преступниц была дочерью генерала. Когда их увозили из Олдерсона, никто не завидовал им, а особенно молодой детоубийце, чей муж приехал за ней с их четвертым ребенком — чудом уцелевшей маленькой де-

вочкой. Заключение постарше комментировали это событие репликами вроде следующей: «Уж лучше бы я убила своего старого мужа. По крайней мере скорее бы выбралась отсюда!»

Немало разговоров было вокруг другой «пожизненной». Эта женщина ухитрилась стать женой целой дюжины солдат, чтобы получать с них деньги по аттестатам. «Как это нам не пришло в голову такое?» — шутили заключенные...

6. ТЮРЬМЫ В КАНАДЕ И США

ЭРНИ ХОЛЛАНДС — автор книги «**ПОЙМАН, ЧТОБЫ БЫТЬ СВОБОДНЫМ**», вышедшей в издательстве «Мастерс Фаундейшен» в 1993 г.

Автор этой книги провел в тюрьмах Канады и США в общей сложности 20 лет. Родился он в 1930 г. в Галифаксе (пров. Новая Шотландия, Канада). Еще будучи ребенком, начал воровать. Был отправлен на перевоспитание в трудовую школу Галифакса.

С этого момента началось его знакомство в тюрьмой, т. к. трудовая школа фактически была колонией для несовершеннолетних преступников. Из нее Эрни Холландс неоднократно совершал побеги (в последний раз в 1946 г.). Так началась его жизнь, полная скитаний.

Эрни Холландс становится уголовником-рецидивистом, патологическим вором, грабителем банков. Во время одного из ограблений он стрелял в полицейского. Холландс неоднократно оказывался в различных тюрьмах

Канады и США, из которых несколько раз совершал побеги. Окалла, Оттава, Гвелф, Кингстон, Детройт, Лос-Анджелес, Дочестер, Миллхейван... В тюрьме Кингстон в момент душевной депрессии он совершил попытку самоубийства.

Пройдя путь вора-рецидивиста, Эрни Холландс нашел в себе силы вырваться из замкнутого круга «ограбление—отсидка». Поворотным моментом в его жизни стала переписка, а потом и встреча с владельцем спортивного магазина, евангелистом Грантом Бейлеем. До этой встречи религией Эрни Холландса, по его словам, была прибыль, а его Богом — долларовая купюра. Жизнь для него потеряла всякий смысл.

Под влиянием Бейлея Эрни Холландс стал верующим человеком. 12 марта 1975 г., находясь в камере тюрьмы Миллхейвен, во время ночной молитвы Эрни увидел, по его словам, Иисуса Христа, стоящего рядом с ним.

Вот как он сам говорит об этом: «Я открыл глаза и увидел Иисуса Христа, Сына Господня, стоящего рядом со мной. В этом чудодейственном видении Он положил руку Свою на мое левое плечо — я почувствовал Его прикосновение, — и Он сказал мне три вещи:

— Я рад, что ты не убил того полицейского.

Говоря это, Он мягко улыбнулся мне.

— Ты избавлен от всех прежних прегрешений, — сказал Он, сопровождая слова Свои движением рук Своих.

— Ты можешь все начать с начала.

Видение закончилось. Он исчез.

И с этого исключительного момента я перестал быть пленником себя самого. Перестал быть насекомым. Перестал быть беглецом. Мои грехи, мои преступления, мое фальшивое прошлое внезапно удалились от меня так далеко, как восток от запада. Силой Господней я, наконец-то, был свободен, наконец-то, удовлетворен, наконец-то, счастлив, — все это ранее было для меня недостижимо!»

После досрочного освобождения в 1976 г. из Джойсвилльской тюрьмы Эрни Холландс стал евангелистским проповедником. Со своими проповедями он выступает в церквях, по телевидению, по радио в Канаде, США, странах Африки и Европы.

Книга Эрни Холландса — это повесть о его жизни и перерождении.

Приводим несколько выдержек из нее, в которых описываются тюрьмы Канады и США, где довелось побывать автору.

Окалла — это большая тюрьма, известная своим насилием. Расположена недалеко от Ванкувера...

Огромное уродливое четырехэтажное здание-ящик с толстыми стенами и зарешеченными окнами и являлось тюрьмой Окалла. От вида этой уродины мне стало плохо. Сначала меня отвели в подвал, где сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Потом меня раздели, отправили в душ, причем заставили мыться щелочным мылом, обладающим удушающим запахом. Мыло долж-

но было убить потенциально возможных насекомых, в том числе вошь. Меня постригли под нулевку. Тюремный работник выдал мне зубную щетку, небольшую коробочку с зубным порошком, мыло, полотенце, бритву и помазок для бритья. Я также получил пакет табака и бумагу для самокруток. Отныне только это было здесь моей собственностью.

Потом меня проводили в мой новый дом: камеру первого блока, расположенную на самом нижнем тюремном жиллом этаже, камеру в два метра шириной и примерно четыре длиной.

Днем заключенные выполняли какую-либо работу, для этого, естественно, покидали свои камеры. Несколько молодых заключенных первого блока, которых по непонятной мне причине звали Группой Звезд, были гомиками. Я понял это по их взглядам в мою сторону и по их жестам, телодвижениям. Насмотрелся я их в своей жизни уже достаточно. Мне стоило больших трудов держаться от них подальше и стараться одновременно не раздражать их...

... Самую долгую свою отсидку я начал в камере ожидания в Оттаве, где я провел три полных месяца. Ждал, пока в Гвельфской тюрьме не освободится камера. Вместе со мной в камере сидели мужчины-проститутки, убийцы, мелкие воры (щипачи) и воры покрупнее, был даже русский шпион по имени Роуз. Тюремные решетки стерли со всех нас печать индивидуальности. Днем мы либо играли в карты, либо мечтали. Мы мечтали о жизни за тюремными стенами, о новых дерзких похождениях на свободе. А наяву — обыгрывали друг друга в различные карточные игры...

Постепенно место в моей душе, занимаемое настоящей семьей, заняла тюремная «семья». Я практически не заметил, как это произошло. Началось это, пожалуй, еще в Оттавском накопителе, потом в тюрьме Гвелфа. Свою настоящую семью я так и не узнал, не понял до донца, не стал я и ее частью... Теперь мои мысли, чувства и страдания я делил с «Пешеходом» МакГри, «Убийцей» ДиСантисом и Бэнни-Крысой. В стенах тюремного каземата мы создали альтернативное общество, в котором были свои порядки, свои неписанные правила и законы. Был разработан особый стиль поведения, придуманы ловушки и наказания. Существовала своя субкультура. Не зная как жить в нормальной взрослой среде, я начал учиться этому в тюремной подпольной субкультуре.

Пришло время покинуть Оттавский накопитель и окунуться в настоящую суровую тюремную жизнь. Прибыл большой черный автобус — мы звали его «Черная Мэри» — и мы были туда загружены. Предварительно нам заковали руки и ноги. В автобусе было душно и грязно, стоял тошнотворный запах. Мы проделали весь путь до Торонто, где затем временно остановились в старой тюрьме Дон Джеил. Этажи этой тюрьмы соединялись винтовыми лестницами старой постройки, тюремные камеры располагались блоками. Через два дня за нами снова приехала «Черная Мэри», мы вновь все были закованы в цепи и посажены в автобус. Предстояла долгая дорога в Гвелф.

Тюрьма Онтарийский Реформатор получила свое название не случайно. Заключение здесь были заняты своеобразным трудом. Молодые парни-заключенные переносили по частям огромный холм земли с одного места на другое. Потом переносили земельный холм на

старое место и опять на новое. Одновременно этим занимались примерно человек шестьдесят. Несмотря на название тюрьмы, за все время ее существования данная работа никого еще не исправила. Но при этом все заключенные всегда были заняты работой.

Онтарийский Реформатор был также известен дедовщиной. Несколько группировок заключенных терроризировали все остальное население тюрьмы. Они угрожали самодельными ножами, бритвами, а иногда и просто стальными мускулами. Воровство пищи и личных вещей были обычным явлением. Физические издевательства и гомосексуальный разврат были столь же популярны, как и воровство. Раньше мне удавалось избегать столкновения со всем этим. Это было раньше.

Используя прямой подкуп и переговоры, мне удалось получить место на кухне, готовящей еду для надзирателей. Это была фантастическая работа. Еды было навалом, кроме того, всегда можно было украсть что-нибудь из кухонной утвари — некоторые образцы хорошо шли на черном рынке. Эти вещи я крал для себя, это был мой личный хлеб.

Однажды утром я резал хлеб на кухне и не заметил, как туда прокрались двое парней. Они подкрались ко мне сзади, один из них, неожиданно появившись сбоку от меня, прошептал:

— А ты заманчиво выглядишь сзади.

Злость и страх прострелили меня одновременно, я резко повернулся, чтобы смотреть им прямо в лицо. В руке у меня был большой хлебный нож, который, поворачиваясь, я выставил как оружие. Длинное и острое лез-

вие ножа прошло в сантиметре от их тел, лица парней побелели. Их будто ветром сдуло, но слух об этом случае быстро разнесся по тюрьме. Больше никто никогда не приставал ко мне с сексуальными притязаниями. Другим везло меньше. Только раз они побоялись противостоять притязанию, побоялись защитить себя, и вся их жизнь в тюрьме превратилась в кошмар. Их покупали, продавали, проигрывали по тюремным законам, физически издевались над ними...

Я кочевал по камерам разных тюрем. Я ел, спал, играл в карты, и теперь здесь в тюрьме я чувствовал себя явно спокойнее и комфортабельнее, чем раньше. Днем я по большей части мечтал о том, как я смогу усовершенствовать свое умение, как я стану самым известным и почитаемым в преступном мире воров. При полном отсутствии женщин вокруг, я был переполнен похотливыми фантазиями. Эти мысли уживались в моей голове с ненавистью ко всем полицейским, в особенности, к теперешним надзирателям. Я становился классическим представителем постоянного тюремного жителя. Но я не понимал, что со мной происходило...

Из Оттавы до Кингстона мы ехали два с половиной часа. Здание тюрьмы выглядело огромным Колоссом, высокие стены были сделаны из крупных каменных глыб, уже изрядно потрескавшихся. Тюрьма, казалось, была построена лет тысячу назад, не меньше...

Место выглядело ужаснее, чем я предполагал. Эту тюрьму пытались закрыть уже трижды, но всякий раз из-за перегруженности канадских тюрем этого сделать не удавалось. Здание тюрьмы «Кингстон» было своеобразным: в центральной части помещения находилась вышка с помещениями для охранников и офисами для

наблюдения, вокруг высотой с четыре этажа располагались камеры для заключенных. Это строение носило название «Доум» и служило домом для более чем девяти сот преступников.

В комнате-приемнике меня раздели догола, усадили на стул и остригли голову. Меня отправили в душевую, где работник тюрьмы опрыскал меня каким-то порошком, убивающим всех насекомых, которых я мог принести на себе. После душа мне выдали тюремный костюм: тюремные ботинки и носки, нижнее белье и тюремную робу. К моим футболке и куртке был пришит номер на белом куске материи, номер «819». Теперь это было моим новым именем.

Меня повели в блок 1-С, состоящий из самых маленьких камер во всей тюрьме. Моя камера была не более полутора метров шириной и двух с половиной длиной. На этом пространстве умещались толчок, ржавый умывальник, маленький деревянный шкафчик, стул и кровать, приделанная к стене. Мне выдали два одеяла, очень тонкую подушку, пару пижам, туалетные принадлежности (включая стандартный тюремный заменитель зубного порошка) и длинный список тюремных правил.

Я был напуган. Вокруг меня было узкое пространство тюремной камеры. Я все еще был молодым парнем, когда оказался среди восьмисот отъявленнейших преступников Канады — убийц-психопатов, гомосексуалистов, насильников и воров всех категорий. Чтобы выжить, я должен был держать язык за зубами и ни во что не вмешиваться. Может быть тогда, думал я, смогу через три года выбраться отсюда живым.

Я был приписан к тюремной почте, где еще с несколькими заключенными должен был разбирать почтовый мусор, который затем почтальон разносил от камеры к камере. Монотонность тюремной жизни изредка нарушалась боксерскими встречами, которые проводились на специально выстроенной арене в центре «Доума».

Шел 1950 г. В это время тюремная система в Северной Америке претерпевала некоторые изменения. Это было время экспериментов. Одной из экспериментальных программ была программа, носящая название «Вознаграждение». Заключенным, в зависимости от их поведения и продуктивности выполняемой работы, платили зарплату. Это давало им возможность после выхода из тюрьмы тратить свои собственные деньги. Этот эксперимент вскоре дошел и до Кингстона, где мы имели возможность на свои деньги покупать конфеты, газированную воду, хрустящий картофель, жевательную резинку, даже сигары и сигареты и многое другое.

В остальном же тюремная жизнь была ночным кошмаром. Заключенные проводили в своих душных и тесных камерах по 18 часов в сутки. На прогулку всех одновременно выводили в тюремный двор. Вместо выполнения разнообразных физических упражнений нас заставляли ходить по кругу, только по кругу, опять и опять. Разговоры были запрещены. Прогулки проходили под неусыпным надзором вооруженных охранников, наблюдавших за нами с высоких тюремных стен.

В тесных камерах мы делили территорию с грызунами. В тюрьме было столько же крыс, сколько заключенных, и, пожалуй, в два раза больше мышей. Мыши, однако, частенько развлекали нас. Смастерить мышеловку из пустой консервной банки было не очень сложно: банка

устанавливалась вверх дном на спичку, под нее клался кусочек хлеба. Как только мышь оказывалась под банкой, нужно было щелчком выбить спичку — мышь была поймана. Поскольку заключенным не на что было тратить свое время, то они с успехом занимались дрессировкой мышинового населения тюрьмы. В некоторых камерах были даже дрессированные птички. В тюрьме заключенные учились исключительно двум вещам: самосовершенствованию в совершении преступлений и терпению.

Уголовники Кингстона были профессионалами во многих областях. Были такие, которые конструировали в своих камерах секретные устройства для перегонки самогона, причем лучшего качества, чем то, что удавалось украсть у тюремного персонала. Были и одаренные скульпторы, искусные столяры и мастера по коже. Их продукция: торшеры, абажуры, кофейные столики, дамские сумочки, — на воле продавалась за большие деньги. Некоторые создавали прекрасные коврики, другие писали маслом удивительные картины.

Иные прозябали в тупом бездействии, и за это были презираемы остальными.

Я привык к тюрьме, и многое мне здесь нравилось. Меня вполне удовлетворяло гарантированное постоянство некоторых вещей, как-то: трехразовое питание, ежедневный душ, радионаушники, которые я включал в розетку в стене и мог слушать четыре радиоканала (спорт, музыка и т. п.). В тюрьме я также учился ненависти. Я все больше и больше ненавидел все, что имело какое-либо отношение к жизни на свободе, я ненавидел ту жизнь. Конечно, я ненавидел полицейских, судей и власти, которые были виновны в разделении для

меня этих двух миров. Восемнадцать часов из двадцати четырех я проводил в камере. Я читал, слушал музыку и спал, и после всего этого у меня была еще уйма времени, которое не на что было потратить. Поэтому я сидел, сидел и думал — и ненавидел.

За несколько месяцев до окончания срока... я был переведен в тюрьму менее строгого режима. Тюрьма Коллинз Бэй расположена в четырех милях от Кингстона. Это было исключительно новым местом. Тюрьма была выстроена в центре фермы, на которой выращивалось около двух или трех сотен коров и свиней. Далее за фермой тянулись акры полей, засаженных овощами.

Здесь моя камера была больше, новее и чище. В камере кровать стояла больше, платяной шкаф был новее, умывальник чище. Коллинз Бэй включал только два блока камер, и заключенных здесь было вполовину меньше по сравнению с Кингстоном. В тюрьме было больше открытого пространства и больше воздуха. В воскресные дни, мое любимое время, мы выходили на огромную зеленую лужайку за зданием фермы. Там мы играли в мяч, грелись на солнышке и рассказывали друг другу разные истории. Обычно я не сидел на месте, бродил по лужайке, разговаривал с другими ворами. Я обменивался с ними опытом, учился, как в школе. Я хотел быть профессионалом своего дела, когда окажусь на воле.

В эти дни тюрьма не казалась мне такой глупой и ужасной. Я вполне прижился здесь и находил это место пригодным для жилья.

Глубоко в моем подсознании я даже сомневался, действительно ли я хочу выйти на свободу, уйти отсюда. Тюрьма стала моим домом...

Тюрьма графства Вейн на авеню Клинтон представляла собой многоэтажную крепость, режим в которой и предосторожности были сильнее, чем где бы то ни было на моей памяти. Там был собран весь цвет Детройтских отбросов. Но я там «прописался» и продолжал обучение. Именно там, ожидая суда, я научился от другого заключенного способу открывания наручников (за пару минут, используя обычную скрепку). Так что для меня время в тюрьме не прошло бесполезно...

... Я получил пять лет, которые должен был отбывать в тюрьме Дочестер, Новый Брунсуик.

Дочестер будто древний замок стоял на вершине холма. Мне был присвоен номер «5110». Каждый предмет туалета, выданный мне в тюрьме, имел этот номер. В тюрьме, к своему удовольствию, я обнаружил, что являюсь героем для остальных заключенных. Никто из них не грабил банков в Сент-Джонсе. Я был первым. Три дня подряд местные газеты отводили первую полосу для освещения моих походов.

Я жил как король. Мне гладили одежду. Я ел шоколад, пил газировку, курил сигары и сигареты и листал порнографические журналы. Я ел три раза в день, да еще подкреплялся ночью. Я слушал радио и смотрел телевизор. В выходные нам показывали кино. Я пил самогонку, играл с товарищами в покер — выигрывал деньги. Летом я валялся на лужайке за территорией тюрьмы и грелся на солнце. В тюремной столовой я покупал мороженое. У меня вообще не было обязанностей. На-

против, в соответствии с программой «Вознаграждение» за каждый день ничегонеделания мне полагался доллар. Мне могли отказать в долларе лишь в случае моего плохого поведения. Но я всегда вел себя хорошо. Я потолстел. Я был дома. Тюрьма для меня была даже больше, чем дом. Тюрьма была моим миром.

Только одна вещь могла сделать меня еще более популярным в тюремном мире: побег из тюрьмы. Поэтому, когда мне дали работу на кухне, я стащил из мастерских ножовку и осторожно принялся перепиливать решетку на кухонном окне. Мой друг, Майкл, помогал мне. Каждый день мы на немного продвигались вперед.

Неожиданно нас перевели из кухни в другое место. Одержимый идеей побега, я не растерялся. Я сдружился с заключенными, работавшими в гараже. Они стащили для меня большую отвертку, тяжелый молоток, несколько толстых труб и домкрат для грузовика. С помощью этих инструментов я и несколько моих друзей стали «работать» над оконной решеткой в моей камере. Через неделю работы нам удалось перепилить решетку, — но мы были еще не готовы к побегу. Нам пришлось припрятать результат нашего секретного труда до лучших времен.

На следующий день ко мне в камеру пришел охранник, полный подозрений. Он стал проверять решетку на окне и в один момент был даже очень близок к тому, чтобы ее выломать. И тем не менее его активность имела результат: он обнаружил инструменты (трубы, лезвие ножовки). Тут же камеру наводнили охранники, а я был отправлен в ужасный каземат Дочестера.

Я был в подземелье, у меня не было воды, не было кровати. В углу камеры была лишь дыра, которую использовали для справления своих нужд. Запах мух, крыс и мышей сводил меня с ума. Три раза в день я получал тарелку баланды, овсяную кашу в металлической миске, два куска хлеба и кружку воды. Разговаривать и курить было запрещено.

Когда я все-таки был выпущен из каземата, меня привели в офис начальника тюрьмы, где поставили в известность о том, что меня лишают возможности получить условно-досрочное освобождение. Его обычно давали всем заключенным, кто во время отсидки первых двух частей срока не получал замечаний. Но когда я вновь влился в тюремный коллектив, я опять был героем. Теперь я был знаменит не только как грабитель банка, но и как специалист по побегам. Последнее, по моему мнению, было более престижным.

По иронии судьбы я опять попал работать на кухню. Там я воровал отличное мясо и на завтрак готовил себе блины, яичницу или поджаренный хлеб с горой масла или с хорошим толстым куском свиной вырезки.

Пять лет в Дочестере прошли сравнительно безмятежно...

... Затем... я был переведен из Дочестера в тюрьму Кингстон, что в провинции Онтарио. Тюрьма Кингстон, построенная лет сто пятьдесят назад, стояла на озере, и считалось, что оттуда сбежать было невозможно...

Меня поместили в блок-С в одну из самых маленьких камер в тюрьме. Вскоре мне удалось получить хорошую работу, я стал помощником электрика и, кроме того,

стал ремонтировать радиоприемники. Эта работа была наиболее желаемой в тюрьме. Мне она вдобавок дала дополнительную свободу передвижения. Каждый вечер я выходил на дежурство. Я ходил между камерами и ждал вызова. Каждая камера была оснащена наушниками, через которые заключенные слушали музыку, спортивные и прочие известия. Всякий раз, когда наушники ломались, что случалось часто — либо заключенный неправильно с ними обходился, либо перекручивал ручку регулировки громкости, — заключенные кричали «Радиоремонтник!». Я брал свой набор инструментов, шел в камеру и ремонтировал.

В связи с работой радиоремонтника я был переведен в камеру блока 1-1-Н, находившуюся как раз напротив каземата. Это было интересно и познавательно. Всякий раз, когда кто-либо вляпывался в неприятности, я узнавал об этом первым, задолго до того, как об этом знало остальное население тюрьмы.

Мои ночные дежурства давали мне возможность видеть самое плохое в тюремной жизни. Я видел, как один заключенный бритвой изрезал себе всю ногу до кости. Другой, которого звали Голубой Жук, подрезал себе горло и сидел над туалетом, пока не умер от потери крови. Еще один пырнул себя ножом в живот и, вымазав руки кровью из раны, возил пальцами по стене. Когда я ремонтировал наушники в психиатрическом отделении тюрьмы, я видел как молодой парень, сошедший с ума, с разбегу разможил себе голову о стальную дверь. Некоторые из заключенных вскрикивали всю ночь, другие орали только тогда, когда крысы высовывались из их унитазов. Однажды, дежуря под Рождество, я видел молодого девятнадцатилетнего парня, лежащего на полу в луже крови и выглядевшего дет на две-

надцать. Кровь еще сочилась из раны на запястье. На стенах камеры он написал собственной кровью: «Счастливого Рождества и веселого Нового года!»...

... На следующий день меня отправили в тюрьму округа Лос-Анджелес, имевшую самое большое здание, когда-либо виденное мною. Этажи и этажи, забитые заключенными, которые продолжали прибывать полными автобусами. Они прибывали ежедневно сотнями, мне даже казалось — тысячами. Меня поместили в камеру, рассчитанную на четырех заключенных, а нас было в ней семеро: двое белых, не считая меня, двое черных и двое латиноамериканцев. Кто не оказался достаточно счастливым и не захватил первым топчан, тому приходилось спать на полу, или сидя на туалете. Пища была ужасной. Сильна была напряженность на почве расизма. По ночам раздавались крики и всхлипывания...

Чего я не знал, так это того, что сидеть этот год мне предстоит в тюрьме строжайшего режима Вейсайд, расположенной за пределами Лос-Анджелеса. Тюрьма славилась своими жесточайшими правилами. Никогда за всю свою взрослую жизнь я не сталкивался с такой дикостью — это было похоже на усовершенствованную версию режима трудовой школы-колонии Галифакса с тем лишь отличием, что заключенные здесь увечили друг друга. Более сотни заключенных спали в одном большом зале, где каждая группа занимала строго свою территорию. Избиения и ножевые раны, наряду с кражами личных вещей, были обычным явлением. Ночами было опасно. Моя мать умерла, когда я находился в этой жуткой и страшной тюрьме. Мне сообщили об этом только через два дня после ее смерти. Я плакал.

Я был освобожден под честное слово через восемь месяцев. Эти восемь месяцев стали для меня самыми долгими в жизни.

Сразу же после освобождения я был доставлен в Торонто, где ожидали меня канадские власти, жаждущие поквитаться за мой побег из тюрьмы-фермы Джойсвилл, а может быть, из тюрьмы Кингстон. Меня отправили в тюрьму Миллхейвен — тюрьму со сверхстрогим режимом, расположенную в местечке Батс, что в двадцати милях от Кингстона.

Впервые я попал в новое здание тюрьмы. Миллхейвен был открыт совсем недавно — и с опережением графика. Это произошло из-за бунта заключенных в одной из тюрем. По зданию тюрьмы были разбросаны кольца проволоки, куски перегородок. Охрана разъезжала на джипах или передвигалась пешком в компании немецких овчарок. Даже глубокой ночью все пространство перед тюрьмой было ярко освещено.

Внутри тюрьма была построена по типичному принципу вагона с офисом надзирателей в центре здания, имевшего форму круга. Надзиратели в контрольном офисе, защищенном пуленепробиваемым стеклом, были вооружены, у них были пистолеты, баллончики со слезоточивым газом и дубинки.

Здание было напичкано электроникой, каждую дверь можно было открыть нажатием кнопки на панели контрольного офиса. Камеры были со стальными дверями, которые плавно ходили вдоль стены, открываясь и закрываясь.

Камера, два на четыре метра, была оснащена как обычно. Оконная рама была сделана из цельного стального куска, в который под самыми разными углами были часто натыканы прутья решеток. Их невозможно было выпилить...

Как бежавший заключенный я был брошен в Миллхейвенский каземат на 30 дней. Даже там я не особо страдал: у меня было радио с наушниками, много еды, сигареты, книги — все, кроме возможности заниматься физическими упражнениями. В Миллхейвене выпускали лишь на одночасовую прогулку. Однако мне этого вполне хватало. Я был удовлетворен...

Зэки в камерах... знали, что я пальнул в полицейского. Они не догадывались, что виной тому был глупый случай. Я обнаружил, что меня заужавали еще больше. Я был крупным грабителем банков, мастером побегов, который совершил первый успешный побег из тюрьмы графства Вейн в Детройте, а также профессионалом с 20-летним стажем в тюрьмах, большинство из которых было строгого режима. Кроме того, у меня была безупречная репутация — я никогда не заискивал, не говоря уже о стукачестве, перед тюремными властями. Теперь я украсил свою автобиографию выстрелом в полицейского — для вора в авторитете не могло быть характеристики лучше моей.

Три с половиной года в Миллхейвене пролетели быстро, несмотря на то, что по сравнению с другими канадскими тюрьмами эта была настоящим зоопарком. За три с половиной года я провел на воздухе не более 48 часов. Все остальное время в тюрьме происходили бесконечные кризисы, заварухи, бастовали охранники, Зэки резали друг друга, поднимали восстания, в

которых я не участвовал никогда, и так далее, и тому подобное без конца и края...

7. ТЮРЬМЫ В АНГЛИИ

ТОНИ ПАРКЕР (TONI PARKER; род. в 1923 г.) — английский писатель, автор около двадцати книг, написанных в жанре «устных историй».

Его книга «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ» вышла в Англии в 1990 г. Она написана на основе интервью, взятых автором у двенадцати убийц, отбывших или отбывающих длительные сроки заключения за совершенные преступления в английских тюрьмах. Эти интервью представляют несомненный интерес.

С отдельными фрагментами из них мы и предлагаем познакомиться читателям.

АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНЫЙ, САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ПОЛ ЭРРОУСМИТ

Это абсолютно нормальный, самый обыкновенный человек, — говорил мне его надзирающий инспектор (должностное лицо министерства внутренних дел, осуществляющее надзор за условно освобожденными осужденными), — на улице пройдете мимо него — не заметите. Он убийца, освобожден из тюрьмы по ордеру (освобождение по ордеру производится досрочно по

специальному решению (ордеру) министерства внутренних дел) чуть меньше года назад. Если, допустим, вы кому-то скажете: вот этот парень, который едет с вами в автобусе, — убийца, вам никто не поверит...

Он был высокого роста, хорошего сложения, у него бледное лицо, короткие светлые волосы и карие глаза. Одет в полинялую голубую футболку в полосу, старенькие кроссовки и заплатаанные джинсы. Он сидел в кабинете надзирающего инспектора в вертящемся кресле и во время нашего разговора медленно поворачивался то влево, то вправо, обхватив затылок ладонями и широко расставив локти.

... Начать с чего хочу? Ладно, мне тридцать пять лет. Я работаю клерком в одной конторе и сегодня у меня выходной. Когда я хожу на службу, я надеваю чистую рубашку, галстук, костюм — я их ненавижу, потому что не привык к такой одежде и, как только возвращаюсь домой, тут же переодеваюсь во что-нибудь более привычное — вроде того, что на мне сейчас. Я уже два года как из тюрьмы вышел — или пять месяцев, смотря что понимать под нахождением в тюрьме. Два года назад я все еще сидел в камере, но потом меня перевели в общежитие (имеется в виду «открытая тюрьма» — место жительства осужденных, где они содержатся в ожидании даты полного освобождения. Они могут устраиваться на работу, но обязаны ночевать в общежитии), где я должен был находиться вплоть до самого дня освобождения. Я ходил на службу из общежития и вечером туда же возвращался. И вот пять месяцев назад меня освободили вчистую. Я переехал из общежития в собственную квартиру.

Вот так и живу. Не знаю, интересно ли вам слушать про тюрьму и общежитие — я лучше о чем-нибудь другом расскажу. О работе. Я работаю, значит, клерком в небольшой инженерной фирме. Там не очень много платят, но работа нетрудная: перекладываю бумажки, входящие-исходящие, веду картотеку и кое-что еще в том же духе. Место для меня нашло тюремное начальство, как только я переехал в общежитие. В нашей конторе работает шесть человек. Менеджер — мужчина лет пятидесяти, который всем там руководит, четыре замужние женщины — они работают неполную неделю — и я. Кто из них в курсе, откуда я взялся и какое у меня прошлое — что я получил пожизненный срок и т. д. и т. п. — я не знаю. Иногда мне кажется: никто ничего не знает. Они такие веселые, приветливые, держатся со мной вполне естественно, а то вдруг бывают дни, когда в конторе чувствуется какое-то напряжение — то ли из-за меня, то ли еще из-за чего-то, кто их разберет. Это, кстати, характерно для всех пожизненников: если что не так, или почувствуешь к себе враждебность на работе, или в автобусе, или в магазине — так первая твоя мысль: это все из-за меня, они все видят печать Каина у меня на лбу. Или Авеля? Нет, кажется, правильно — Каина.

Господи, какую чушь я несу! Мой надзирающий инспектор сказал мне однажды, что люблю почесать языком, да все впустую. Я у него каждую неделю отмечаюсь. Кроме этого пожизненного срока у меня не было судимостей. Нет, если говорить точнее, то одно дело за мной все же есть — не очень серьезное, я тогда еще был подростком... Случилось это девятнадцать лет назад — мне тогда было шестнадцать. Как и многие мальчишки в этом возрасте, я любил похулиганить — особенно если в компании с друзьями. Мы с ума сходили по мотоциклам: я не мог ни спать, ни есть, ни думать ни

о чем — только о мотоцикле. В конце концов меня задержали на улице за езду без номеров, а потом через неделю еще раз — за то, что угнал мотоцикл и ездил на нем без прав, без страховки; словом, меня засадили на три месяца в колонию для несовершеннолетних, после чего дали три года условно.

Мой надзирающий инспектор оказался хорошим человеком, он меня научил уму-разуму: заставил пройти курс автодела, сдать экзамен на права, а потом определил на курсы телемехаников и нашел мне работу в фирме по прокату телевизоров. Я был подростком-преступником, который осознал свои провинности, получил шанс испустить вину и — исправился.

Кроме этого проступка, который можно считать чистой случайностью — ну, оступился мальчишка, с кем не бывает — в моей биографии нет ни одного намека на то, что потом со мной произошло. Я однажды в тюрьме прочитал книгу про убийц — в тюрьме всегда много времени для чтения. Там было написано, что почти у каждого из них в прежней жизни было нечто такое, что неизбежно приводило их к преступлению. Можно было даже проследить, как все к этому шло. Но ко мне это совсем не подходит. Вы бы ни за что не сказали, что убийство было как-то предопределено — нет, ни за что. Вот почему это было таким шоком...

Тринадцать лет назад мне было двадцать три года, и я монтировкой забил до смерти человека...

— Когда я попал в тюрьму, в самом начале срока у меня было такое ощущение, что это случилось не со мной. Что это с кем-то еще произошло, а ко мне никакого отношения не имеет.

За те несколько месяцев, что я провел в КПЗ, мне никто не писал, никто меня не навещал — так что можно сказать, что никто не хотел знать о моем существовании. Могло показаться, что всем совершенно все равно, жив я или нет, существую ли я вообще на белом свете. Я сидел в тюрьме, там у меня были имя и номер — все. Когда судья вынес мне приговор: пожизненное заключение — мне было наплевать. Я скажу вам: это как будто не обо мне шла речь. Я ждал пожизненного заключения и был уверен, что его получу. Но я никогда об этом не думал, как о каком-то определенном количестве лет. Да и зачем? Для меня жизнь — это жизнь. И точка. Если мне суждено умереть, скажем, в сорок лет — значит, это и есть мой срок. Если я умру в сорок пять лет — значит, мой срок кончится, когда мне исполнится сорок пять лет. А иначе я и думать не мог.

Не знаю, как бы это поточнее объяснить. Это было похоже на то, как если бы меня переселили в другую страну и сказали, что больше я оттуда не уеду, что мне там предстоит жить всю жизнь. И эта другая страна, куда я уехал, была тюрьма, и мне предстояло быть гражданином тюрьмы, мне надо было выучить языки обычаи тюрьмы, вжиться в образ тюремной жизни и никогда не знать ничего другого. Я не горевал и не жалел об утрате прошлой жизни, я все принял как есть...

— Тогда я этого не знал, но позднее понял, что на самом деле это обычное состояние большинства заключенных в начале большого срока. Многие так себя ведут в течение первых пяти-шести лет. Я где-то читал, что это называется «периодом адаптации». Это время, которое проходит, прежде чем заключенный начинает осознавать, что это только начало срока, и вот с этого момента его мышление начинает меняться. Говорят, это

как-то связано с природой человеческой психики. Начиная с какого-то момента, в мозгу у заключенного происходит какой-то сдвиг, его постоянно гложет надежда, ну, что-то вроде того.

Со мной все точно так и было. В первые четыре или, может, пять лет я жил словно в раковине. Я никогда не пытался с кем-то заговорить — ни из начальства, ни из заключенных. Долгосрочники так себя и ведут, как правило. У кого два или три года — те держатся так, словно заглянули в тюрьму на денек-другой. А я просто существовал: спал, просыпался, ел, выполнял поручения, мел двор, мыл посуду, стирал, чинил, подстригал траву на тюремном дворе — потом ужинать и спать. Были там еще часы «общения», как их называли — пара часиков после вечернего чая, когда ты можешь выйти из камеры, посмотреть телик или качаться на тренажере в спортзале — все, что захочешь. А я только телевизор смотрел, в течение трех или четырех лет я ни с кем даже словом не перекинулся, ну, во всяком случае, ни о чем существенном не говорил.

Должен сказать, что это была только половина моего существования. Была, конечно, и другая моя половина — совсем другой человек, не похожий на того парня, который спрятался в своей ракушке. Тот другой был великий спорщик и забияка, который вечно устраивал скандалы, орал, распускал кулаки и с заключенными, и с тюремными властями. Я, конечно, не дрался в буквальном смысле — я неважный драчун, но как только начинался какой-нибудь шум, спор или кто начинал бунить — не важно по какому поводу, — я был тут как тут. Меня лишали поощрений, штрафовали, грозили, что откажут в праве на помилование, сажали в карцер, ну, в общем делали со мной все, что только можно. А

мне на все было начхать, я все равно находил повод, чтобы поскандалить. Самое простое объяснение моему поведению — сказать, что я таким образом самоутверждался — как скандалист. Если повода не было, я все равно его находил, чтобы все знали: я — скандалист.

И в то же самое время я продолжал держаться особняком, наблюдал за тюремной жизнью как бы со стороны и считал, что все это ко мне не имеет ни малейшего отношения. Я думаю, поэтому я так долго и сумел продержаться: я же считал, что они наказывают вовсе не меня, а другого человека. И так продолжалось четыре года. Бог его знает, сколько бы это тянулось, если бы кое-что не случилось. Меня переводили из одной тюрьмы в другую, я побывал во всех — в Гартри, в Бристолле, в Гулле, в Престоне, в Бланстоне, в Льюисе и так далее — все не перечислишь. И куда бы я ни попадал, я продолжал со всеми спорить, нарушать режим, дерзить начальству — по любому поводу. Время от времени какому-нибудь очередному начальнику тюрьмы взбрело в голову, что он — единственный человек в мире, кто может образумить меня. Многие пытались, да ничего у них не вышло.

Ну, я мог бы о тюрьме еще много чего порассказать. Но вот что случилось в одной из тюрем, куда я попал, — теперь уж и не припомню, в какой из многих. Словом, однажды мне предложили пойти на прием к психологу. Не то, чтобы мне предлагали там какую-то помощь, а просто у них проводилось какое-то исследование и им надо было получить какие-то данные. Сто мужчин шести футов росту, из них — восемьдесят два — правши, родившиеся между 10 июня и 21 июля — что-то в таком духе. Я тогда был совершенно свободен, это, знае-

те, не нарушило моих планов провести летний отпуск в Швейцарии — и я согласился: отчего бы не пойти. Прошло несколько дней, а может, и неделя, и меня повели к психологу — меня и еще двух ребят. Посадили нас за столы и стали проводить тест на мгновенную реакцию. «Если на ваших глазах паровой каток задавит кошку — что вы сделаете: разрыдаетесь, расхохочетесь, рассердитесь на водителя катка, сочтете это деянием Божиим, просто пожмете плечами и пойдете дальше?» Нужно выбрать один из вариантов, наиболее подходящий для вас. Второй вопрос: «Если на ваших глазах паровой каток задавит старушку...» ну, и так далее. В тюрьме часто проводятся подобные викторины — заключенные к ним быстро привыкают и могут отвечать на вопросы без запинки, чтобы в результате получилось что-нибудь забавное. Потом все ответы собирают, закладывают в компьютер, и машина выдает ответ: в слесарной мастерской стены надо перекрасить в ярко-зеленый цвет.

Я тогда серьезно к этому не отнесся. Но прошла неделя, и меня опять вызвали к психологу. Я, естественно, послал их куда подальше и сказал, что уже все для них сделал и, мол, пойдите найдите себе другого идиота. Но мне говорят: нет, это следующая стадия. Трех участников предыдущего теста вызывают для дальнейшего обследования. Ну, пошли мы опять. На этот раз нас троих посадили в кружок в кабинете психолога, и она начала нам задавать вопросы и записывать на отдельных листочках. Ну, думаю, ладно, время-то идет — в камере скукота, а тут хоть какое-то развлечение. Так я тогда и думал — не более того. Но вот меня вызывают в третий раз. Теперь только меня одного, чтобы задать новые вопросы. И тут я не выдержал — хватит, думаю, больше я с ними в эти игры не играю. И я до сих пор не пойму, почему я все-таки передумал. Могу только сказать: чистая случайность. Когда подошел срок идти

на прием, я все решил в самый последний момент. А так я думал: нет, не пойду, точно не пойду; а, ладно, все равно ведь делать нечего.

Наш с ней разговор был какой-то неинтересный, и я не вспомню, о чем; я отвечал на вопросы, заполнял какие-то диаграммы — какая из пяти фигур выглядит необычно и тому подобное, не более. В конце она сказала, что эксперимент закончен, что она собрала все необходимые ей данные и спасибо, мол, вам за помощь. И потом, уже когда я выходил из ее кабинета, она вдруг сказала — просто так, — что если мне захочется с ней поболтать, я могу зайти в любое время. Это был просто знак вежливости с ее стороны, как обычно говорят: до встречи, мол, или — теперь я ваша должница.

Прошло недели две, сижу я как-то после ужина, делать нечего, и вдруг я подумал: знаю, что сделаю — пойду-ка к ней поболтать, она же сама предложила. И пошел к ее кабинету, но она была занята, кто-то у нее был. Тогда я заглянул к ней на другой день, мы поговорили — как-то очень натянуто — обо всем и ни о чем, весь разговор длился минут десять. На следующей неделе я опять к ней зашел и через неделю — опять.

Нет ничего странного в том, что мужчины-заключенные влюбляются в женщин — да и не только в женщин. Я бы сказал, это настолько обычно, что происходит с каждым вторым в тюрьме. Другой вариант — это влюбиться в мужчину, стать на какое-то время «голубым», или, как там говорят, иметь «тюремную слабость». Я знал ребят, которые на свиданиях замечали, скажем, чью-нибудь сестру и влюблялись в нее до потери сознания, даже не зная ее имени, и потом предлагали ее брату целое состояние — горы табака — только за то, чтобы уз-

нать ее имя и адрес. У нас с Дженнифер все было по-другому. Долгое время она была просто моей знакомой, к которой я изредка заходил поболтать о том о сем, и я себе говорил: это только так, чтобы время убить. Мы никогда не говорили ни о чем личном — она не спрашивала о моем прошлом, я — о ее. Только одно я про нее знал, что она замужем: на пальце у нее было обручальное кольцо.

Очень скоро мы оба поняли, что случилось. Мы полюбили друг друга. И не стеснялись в этом друг другу признаться и говорить об этом — и с тех пор наши отношения были такими откровенными... Мы считали себя любовниками — так ведь оно и было, и все это продолжалось примерно год. Я думаю, когда любишь, бывают куда более трудные ситуации, но только сейчас что-то ничего не вспомню для примера. Но мотать пожизненный срок и влюбиться в женщину, которая в тюрьме появляется два раза в неделю да еще и замужем, — такое случается не каждый день. Нет, мы не были любовниками в физическом смысле — потому что там это было невозможно, но во всем остальном, да, мы были любовниками. Мы продолжали встречаться, потому что знали, что когда-нибудь ситуация переменится и мы будем вместе полностью. И эта надежда не позволяла нашему роману превратиться в печальную безысходную историю. Это было лучшее из возможного в тех условиях, и мы оба принимали все как есть и решили набраться терпения и ждать. Во время наших встреч мы, конечно, осторожничали, даже старались не прикасаться друг к другу. Но только для нас это не имело большого значения.

Потом меня перевели в другую тюрьму, на север. Моя первая мысль была: ну, вот и все. А получилось совсем

наоборот. Ничего не кончилось, и во многом даже нам стало легче: теперь мы хоть могли переписываться. Она мне сообщила, что ушла от мужа, взяла опять свою девичью фамилию, и я мог писать ей на ее лондонскую квартиру. Она ко мне не приезжала, правда. Для нее это было рискованно — навещать меня, ведь кто-то из тюремного персонала мог ее узнать. В письмах мы выражали свои чувства куда свободнее, мы только не вспоминали о том, при каких обстоятельствах познакомились.

Здорово было! Это было хорошее время, потому что во мне что-то проснулось — чувства, любовь, я любил, меня любили... Нельзя думать, что это меня полностью изменило, потому что все мои чувства, надо думать, изначально были в моей душе... и Дженнифер их разглядела. Она помогла раскрыться доброй половине моей души. В тюрьме внутри меня как бы два человека сидели: один был вредным скандалистом, а другой — полюбил. Оба соединялись во мне, они противоречили друг другу, но оба уживались в одном человеке...

Тогда я мог получать увольнительные домой на уик-энд, если мне было с кем провести время. И я уезжал к Дженнифер. Она уже тогда развелась, ушла из тюремной системы и получила место где-то в Средней Англии. У нее была квартира, куда я приезжал на увольнительные. Мы ничего не обсуждали с ней заранее, но знали, что для обоих это будет испытанием...

Но никаких осложнений не возникло — наоборот, все оказалось довольно просто. Все было совершенно нормально и естественно, ни в чем никаких трудностей... И когда я ушел из общежития и переехал к ней, нам казалось, что мы прожили вместе уже много лет. Думаю,

еще может возникнуть одна проблема, но пока мы об этом не задумываемся. И ведь опять — может возникнуть, а может, и нет, кто знает? Могут сказать: вы обязательно расстанетесь! Потому что у нас большая разница в возрасте: мне тридцать шесть: а ей пятьдесят семь — это много, конечно. Так что поживем — увидим.

ЗАДИРА БИЛЛИ: УИЛЬЯМ ДЭВЕНПОРТ

Грузный мужчина в поношенной футболке и джинсах, ростом в шесть футов четыре дюйма и весом почти в 130 кг с трудом умещался на двухместной кушетке, стоявшей в углу гостиной на первом этаже его небольшого дома. Он говорил тихо, с северным акцентом и время от времени потягивал апельсиновый сок из высокого стакана в зеленую и красную полоску. Ему было тридцать два года.

— О тюрьме... Что вам рассказать о девяти годах тюрьмы, такого, что другие не рассказывали. Мне было девятнадцать, когда я получил срок — к тому времени я уже просидел почти год в камере предзаключения. Мои домашние меня не позабыли. Хотя я сидел в Брикстоне — дожидался там суда, а они жили здесь, на севере, меня регулярно навещали. Они знали — и я знал, — что мне грозит пожизненное и никакого иного варианта быть не может. Нас только одно волновало — скоро ли состоится суд, и потом — сколько мне предстоит сидеть. Очень трудно сейчас описывать свои ощущения после того, как мне огласили приговор. Наверное, облегчение: ожидание кончилось. Родители были просто убиты, хотя я им сразу сказал, что надеяться не на что. А

я смирился. Я был соучастником бессмысленного убийства. Убили человека, которого я не знал, не ссорился с ним, даже почти и не разговаривал. Так если честно — какое наказание я должен был понести? На этот вопрос ответить невозможно: все, что можно сказать, — так это то, что я заслуживал куда более суровой кары!

Я с самого начала отсидки твердо решил, что постараюсь сделать все, чтобы моя жизнь в тюрьме была хотя бы сносной. Это покажется странным, но ведь я вышел не из криминальной среды и в уголовника превращаться не собирался. Я не говорю, что я не был преступником — был, как раз был! Ужасным преступником! Но, помню, один пожизненник, с которым я там почти сразу познакомился, говорил мне: «Постарайся, сынок, сохранить человеческое достоинство — никогда не знаешь, может, что хорошее тебя и ждет». Он был одним из тех немногих долгосрочников, с кем я там сдружился. Он мне здорово помог. Я старался держаться подальше от молодых прохвостов и драчунов, не втягиваться в тюремные привычки — знаете: драки, наркотики, гомосексуализм, конфликты с начальством и тому подобное. Я послушно выполнял все, что мне поручали, был тише воды, ниже травы, не выступал, старался как можно лучше себя вести. И это помогло. Я повзрослел, возмужал. В тюрьму я пришел мальчишкой, а вышел — мужчиной.

Вы, наверное, знаете, что в тюрьме кое-кому удается окончить среднюю школу и даже получить диплом «открытого университета». Я-то знал, что мне для этого не хватит мозгов, но по крайней мере решил, что хоть немножечко подучусь — а то ведь совсем был безграмотным. Я подал заявку на получение среднего образования, прошел вступительный тест и мне сказали, что

сначала мне надо пройти подготовительный курс, чтобы дотянуться до нижнего уровня, с которого можно было бы продолжать учебу...

В некоторых тюрьмах можно получить очень хорошее образование, но есть и такие, где обучение поставлено из рук вон плохо. В этом смысле мне повезло: сначала я был в Лестере, а потом в Ноттингеме. Там дают так называемый лингафонный курс языка — берешь учебник, кассеты с записями уроков и работаешь самостоятельно, так что можно продвигаться в силу своих способностей и не бояться выглядеть дураком перед всем классом.

Еще я написал своим родителям, чтобы они просили тех, кто будет обо мне спрашивать, присылать мне интересные книги. Мне было все равно, что читать — вестерны, триллеры, биографии, художественные, документальные — все, что угодно. Я им написал, что хочу получить образование, что только выучился как следует читать и мне нужны любые книги — чем разнообразнее, тем лучше. Я получил огромное количество посылок — в моей камере скоро накопилось больше книг, чем в нашей тюремной библиотеке...

Мне повезло: со мной обошлись по-божески и я отсидел только девять лет — это нормально, тем все и кончилось. Я собрался начать новую жизнь. И можно с уверенностью сказать, что после тюрьмы я стал другим человеком. Ну, во-первых, если учесть, что я получил образование, и, во-вторых, я изменился к лучшему как личность. Ужасно, что это случилось ценой человеческой жизни — об этом тоже надо сказать. Это уже не исправить, но такое больше не повторится. И если бы ме-

ня решили держать в тюрьме вечно, то я вам точно говорю: это было бы вполне заслуженно.

— По крайней мере, мне было куда возвращаться — в родной дом, в свою семью. Это очень много значит, спросите у любого заключенного. Мне попался хороший надзирающий инспектор — женщина, она до сих пор меня курирует. Она мне здорово помогла. Я знаком с ней пять лет: три года на свободе, и до этого она несколько раз меня навещала, готовила к освобождению. Она предупреждала, что мне трудно будет найти работу, — и оказалась права. Но она мне посоветовала, еще когда я работал и жил в тюремном общежитии, что мне следует скопить немного денег и устроиться на курсы автовождения и получить права — потом пригодится.

Я сдал экзамены через неделю после выхода. Потом начал искать работу. Я обошел десятки мест, но все без толку. Меня это ужасно удручало. Я сказал своей инспекторше, что хочу, чтобы на моей будущей работе все заранее знали обо мне всю правду — откуда я вышел и что я натворил. И вот я начал думать, что из-за этого у меня и возникли трудности с трудоустройством. Я до сих пор не знаю точно, так ли это — никогда ведь не знаешь. Тогда Шийла — это моя инспекторша — ... помогла мне устроиться на общественных началах развозчиком продуктов для пенсионеров. Так я перестал сидеть сиднем и горевать о своей судьбе...

Вот я уже четыре года на свободе. Шийла говорит, что пора ей подавать в министерство внутренних дел бумагу о снятии с меня надзора. Но сказать по правде, мне все равно — причем дело не в ней. Теперь уже не важно, надо туда ходить отмечаться или не надо. Она мне очень помогла в самом начале, здорово поддержала. А

вообще-то самое главное, что было в моей жизни, — это, во-первых, тюрьма. Там я получил хорошее образование. Второе — это родители, к которым я вернулся. Третье — работа, которая всегда обеспечит меня куском хлеба. И четвертое, самое главное, — это семья...

ТЕОРИЯ УСТРАШЕНИЯ: АЛАН РОБИНСОН

В возрасте девятнадцати лет Алан Робинсон убил полицейского — молодого парня, которому тоже было девятнадцать. Оглашая приговор — пожизненное заключение, — судья особо отметил, что это было «ужасное и прискорбное дело, где мы имеем не одну, а две загубленные жизни, ибо этот молодой человек, несомненно, проведет большую часть своей жизни в тюрьме». Он уже отсидел одиннадцать лет. В прошлом году ему сказали, что он не может рассчитывать на помилование в ближайшие девять лет.

Массивный обрюзгший мужчина, темноволосый и кареглазый, в тюремной робе и фланелевой рубашке апаш, сидел за столом в небольшом складском помещении и говорил низким голосом, сжимая и разжимая ладони, чтобы унять дрожь в руках. Снаружи в коридоре раздавались крики и грохот — звуки тюремной повседневности, шумливой и бессмысленной.

... Давайте обо мне поговорим... Да только о чем говорить тридцатилетнему разжиревшему мужику, который сел в тюрьму девятнадцатилетним? Это вопрос. Ничего ведь нового я вам не сообщу. Тюрьма она и есть тюрьма — вчера, и на прошлой неделе, и в прошлом ме-

сяце, и в прошлом году, и такой же тюрьмой она будет и завтра, и через неделю, и через месяц, и через год. А что было вчера — я и не помню. В связи с ненужностью завтрашний день упраздняется! Вот и все, что можно сказать. Иногда, знаете, такая тоска нахлынет, а в другой раз сидишь как пень, ни о чем не думаешь. Все одно и то же, одно и то же. И никакой возможности что-либо изменить. Правда, теперь, когда я об этом думаю, кажется, что все не так. Я раньше — теперь-то нет, а раньше я «кидался» — так время и проводил. «Кидаться» — значит, по-здешнему скандалить, нарываться на наказания. Я все время этим баловался — до прошлого года. Худшее наказание здесь в тюрьме — вот это ужасно обидно — когда у тебя отбирают часть ремиссии. Ежели у тебя определенный срок, то автоматически его могут скостить с начала отсидки — на треть за хорошее поведение, так что ежели тебе дали год, то ты реально — по ремиссии — можешь отсидеть восемь месяцев. Ежели ты скандалишь с начальством, то сидишь девять месяцев, т. е. один месяц из твоей ремиссии снимают — это много, да? Ты вот сидишь и думаешь, что к Рождеству дома будешь, а тут бац! — и ты уже не выйдешь до середины января. Обидно!

Но это бывает, только ежели у тебя определенный срок, а не пожизненное. Тут же нет точной даты освобождения, а есть какой-то день в неопределенном будущем, когда тебя могут выпустить по ордеру. Так что у тебя им нечего отбирать...

Так что я и «кидался», набрасывался с кулаками на первых встречных, задираю всех подряд. Я это делал сознательно — расчетливо — так ведь надо сказать? Меня вызывали к начальнику тюрьмы, и он говорил: «Робинсон, отправляйся в карцер, отдохни маленько». Я

ему: «Хорошо, сэр, спасибо, сэр, хоть какое-то разнообразие». Один — звали его, кажется, Большой Лартин — мне сказал однажды: «Робинсон, я не знаю, что с тобой сделаю!» Я отвечаю: «А я знаю — вы меня в карцер засадите, мать вашу...» Он говорит: «Да, именно так и сделаю». Я говорю: «Засадите меня снова в карцер — что вы еще можете?»

Сволочная это работенка — начальник тюрьмы. И чего это они сюда идут? Понятно, кто идет в надзиратели — эти болваны ни на что другое не годны, ни на какую пристойную работу. А начальники — многие из них с высшим образованием. Кто их поймет, что их заставляет командовать этой кучей дерьма — тюрягой то есть. Многие из них — я точно знаю! — думают, что делают нужное дело, служат на благо обществу. Это — да, ежели они держат под замком таких, как я, — чтобы уж никому не причиняли вреда. Но ведь за мной тут могут присматривать и эти дрессированные мартышки — надзиратели, а так стоит ли университеты кончать, чтобы потом зэков караулить? Какое уж тут удовлетворение от работы для интеллигентного человека? Я чего-то этого не понимаю, никак...

— Вы спрашиваете о моей репутации. Вот недавно подходит ко мне один хмырь в столовке — новенький — и говорит: «Ты Алан Робинсон — мне тут на тебя показывали». «Да, говорю, — и что?» Он говорит: «Я был в Скрабсе, блок Д, ты там тоже был, но мы не встречались, потому что ты все время сидел в карцере». Я говорю: «Правильно, и что?» Он говорит: «Ты, парень, полицейского убил? Ну, держи пять, молодец, всегда приятно встретить парня, который укокошил одного из этих гадов». А я ему: «А ты когда-нибудь убивал полицейских?» «Нет, говорит, — мне дали шесть месяцев за

кражу со взломом». «Так чего ж я молодец — что просижу тут двадцать лет?»

Иногда трудно понять, о чем только люди думают. Он вот не думает о том, что жила на свете мать-старушка, у которой был единственный сын, ее гордость, который пошел служить в полицию, служить государству... Я не собираюсь тут нюни распускать, я не к тому. Я о нем ничего не знал — только имя и возраст, но как бы там ни было, он этой смерти не заслужил. Как сказал судья: «Это была трагически погубленная жизнь». Общество должно строго воздавать по заслугам — тут вопроса нет. Но ведь это было случайное стечение обстоятельств, и этот риск — неизбежен при его профессии — и в моем случае отчасти тоже неизбежен. Когда я говорю, что это было случайностью, я не имею в виду, что не хотел его убивать. Конечно, не хотел, но ведь и не мог не убить — иначе бы он меня сцапал... Мне надо было от него удрать и я удрал, да только при этом у него жизнь отнял. И в результате и у себя тоже жизнь отнял, вот так. И, наверное, многие скажут: ну и поделом тебе, дураку. Но попробуй Расскажи все это тому гребаному чудаку, который подходит к тебе после ужина и «дает пять». «Кража со взломом». Господи, чего он знает о жизни? А сам небось залез в магазин игрушек с водяным пистолетом — только и всего...

— Вы, наверное, уже устали слушать про тюремные порядки. Но когда у тебя большой срок, то ни о чем другом и не знаешь. Ты ведь этим живешь, целыми днями, все это вокруг тебя, так что ничего другого и быть не может. Познаешь беспросветность тюремной жизни — ведь сидишь тут взаперти с целой кодлой этих... И на что они там надеются? Отрезали тебя от

нормальной жизни и думают, что этим тебя можно исправить? Но не может такого быть, да?..

Одиннадцать лет в тюрьме уже отсидел и еще больше предстоит — ничего себе срок, а? Да как же это выдержать, как же это пережить, что со мной будет в конце-то?.. Ну, перво-наперво, надо быть двужилым — надо им доказать, что им тебя не сломать, надо держать себя в руках, сохранять достоинство, не гнуть перед ними спину. Это я делаю всю дорогу — лет пять или шесть я держался. Это не потерянное время, в тюрьме время вообще не теряешь, а проводишь.

Как-то подходит ко мне один мужик — замначальника тюрьмы, — было это в Престоне, а может, и в Паркхерсте. Он пришел ко мне в карцер, сел рядом и говорит: «Ну, Робинсон, расскажи-ка мне, зачем ты это все вытворяешь». Я такие подколки не люблю, знаете — корчит из себя шибко рассудительного. Все это подозрительно. Я говорю ему: «Катись-ка ты к такой-то матери, а не то я тебе вмажу пару раз и надзиратель не поможет». Он говорит: «А надзирателя нет — можешь выйти проверить». Я сходил посмотрел — и точно, не было. Я ему говорю: «Мужик, ты сильно рискуешь — приходишь сюда один, а я-то падла известная. Чего ты добиваешься: хочешь получить Орден Британской империи за мужество, проявленное в поединке с опасным преступником, а?» Смешной мужичок был — лысый, пожилой. Я говорю: «Слушай, мужик, ежели хочешь поговорить по душам, обращайся, вон, к стенам!» Он отвечает: «Нет, я не собираюсь тебе проповеди читать. Но разве ты хочешь так и остаться, как ты выразился, «известной падлой»? Ты, говорит, что, хочешь тут проторчать всю жизнь? Ведь, говорит, — тихо так, спокойно говорит, — ведь коль ты хочешь, то ладно, мы тебя тут

можем продержаться всю жизнь — не сомневайся. Встал, повернулся и ушел.

Я стоял там и, знаете что — хохотал! Да, хохотал. Думал, ах, сукин сын, ты меня пугнуть захотел. А я что? Схватил тебя за шиворот да об стену трахнул, как сделал бы, ежели бы ты был надзирателем? Нет. Или шарахнул столом об стену и кровать к двери подтащил и забаррикадировался, как я обычно в таких случаях делал? Тоже нет. Мне просто было смешно — и я хохотал.

Не хочу сказать, что после этого случая все пошло по-другому, нет. Я не стал пай-мальчиком. Более того, после того я стал вести себя еще хуже. Пару месяцев буйнил вовсю. Словно пытался ему назло сделать и словно говорил ему: да, да, да, я хочу быть падлой, да! Я сам себе это доказать пытался. Но все же иногда, побуянив и «на кидавшись», я сам над собой начинал подсмеиваться. Не то чтобы очень, т. е. я и сейчас могу так разгуляться, что ого-го! — только задень меня. Да не шибко и не часто — понимаете, да? Внешне я такой крутой или делаю вид. А внутри не то, чтобы тихоня, но все же таки стараюсь больше не вести себя как пацан.

Через полгода он записался в заочный семинар литературного творчества и до сих пор там занимается, а недавно подал заявку на сдачу вступительного теста в тюремный колледж.

8. ТЮРЬМА В ГОЛЛАНДИИ

В августе 1990 г. журналист ЮРИЙ ФЕКЛИС-ТОВ вместе со своим другом, студентом университета, голландцем Марко Зонневельдтом, побывал в следственном изоляторе, расположенном в Амстердаме.

О своих впечатлениях от посещения голландской тюрьмы он рассказал в очерке «ГЛОТОК СВОБОДЫ, ИЛИ ПЯТЬ ЧАСОВ В ГОЛЛАНДСКОЙ ТЮРЬМЕ», помещенном в журнале «Огонек» в октябре того же года (№ 41).

Приводим с небольшими сокращениями этот весьма любопытный для наших соотечественников материал.

Официальное название тюрьмы: Penitenciaire inrichtingen Over-amstel (следственный изолятор у Овер-амстел), в разговоре — просто «Белмербайез». Это современный комплекс, построенный в конце 70-х гг., состоящий из шести высотных зданий, где находятся около 670 заключенных. В одном здании сидят женщины, в остальных — мужчины. 95 процентов заключенных находятся под следствием. Максимальный срок нахождения в этой тюрьме — два года, после переводят в другую. Самое тяжелое наказание в Голландии — пожизненное заключение (таких 5 человек на всю страну). Смертная казнь отменена. Во всей Голландии около семи тысяч заключенных...

Проходим через магнитную раму, перед нами открываются двери. Это двое молодых людей в голубых рубашках, сидя за пультом, видят нас на мониторе и нажимают кнопку открытия дверей. Мы оказываемся в комна-

те для посетителей. Первое, что бросается в глаза: нет решеток на окнах! В комнате сидели молодая негритянская пара с ребенком и человек из администрации, который читал книгу. К заключенному могут прийти сразу три гостя на один час один раз в неделю. Ограничений для передач нет. Правда, нельзя передавать электронику, которая может повлиять на систему охраны. Письма, записки обычно не просматриваются, т. к. их очень много, да и пишутся они на разных языках, т. к. в этой тюрьме сидят и иностранцы. Заключенный может позвонить по телефону в любой город мира. Оплата — по счету. Иногда администрация тюрьмы может выборочно записать телефонный разговор.

Каждый гость или родственник может перевести на счет заключенного любую сумму денег. И компьютер выдаст счет человеку, чтобы тот знал, сколько у него денег.

В тюрьме есть и две комнаты для свиданий со стеклянными перегородками, но использовались они всего раз пять за все время существования этой тюрьмы.

Потом мы осмотрели пункт личного досмотра. Это небольшие кабинки, похожие на душевые, где производится осмотр впервые поступивших.

Пройдя центральный диспетчерский пульт, опять же со множеством мониторов, мы попадаем в длинный, широкий коридор, соединяющий все здания тюрьмы. По нему с сумкой шел заключенный. Один. За ним наблюдает телекамера. Он подошел к нужной двери, нажал кнопку, дверь открылась. И он пошел дальше по направлению к своей камере. Его как эстафету передавали от

одного пульта к другому, он всегда был виден на мониторе.

Ну, а мы, взяв ключ, осмотрели комнату для отправления религиозных культов. Это большое, светлое помещение со стульями, с кафедрой, со свечами. Для разных религий — разные дни. Для мусульман сложно организовать, т. к. им нужно часто молиться и важно положение солнца. Для тех, кто не верит в Бога, есть «гуманитарный помощник». Ему заключенный может исповедаться, как в церкви. Тайна исповеди строго соблюдается. Только в случае, если что-то затевается страшное, священник скажет администрации, но не указывая фамилии исповедовавшегося.

Проходя по коридору, через стекло мы увидели изостудию, где стояли неоконченные картины. Видели скульптурную мастерскую. Прошли мимо библиотеки. Заглянули в медицинский кабинет. Каждый день в здании — врач и две дежурные медсестры. Есть изолятор, но больные там обычно не лежат. Людей могут лечить и в их камерах (делать уколы, давать таблетки). Есть в тюрьме зубной врач. Есть и окулист, который может подобрать очки. Каждому заключенному при поступлении делают снимок легких. За лечение заключенных платит государство. Если болезнь серьезная и требуется операция, то вызывается врач из городской больницы и больного госпитализируют. Для особо опасных преступников Гааге есть спецбольница с охраной.

Поднявшись на лифте, мы оказались в одном из павильонов. Павильон — это сектор здания, где на двух этажах находится 24 камеры. За порядком смотрят двое человек из охраны. Заключенные убирали, кто тряпкой, кто пылесосом, свои камеры. Каждый свою. Сидят-то

они по одному. Спросив разрешение у одного из хозяев, мы, вытерев ноги, переступили порог камеры. Это комната, примерно 12 кв. метров. Большое окно (без решетки, но в стекло впаяны металлические проводки сигнализации). Оно не открывается. Наверху задвижки для вентиляции. Под окном вмонтирована батарея с терморегулятором. Пол из линолеума. Мягкая кровать, кресло, стул, стол, настольная лампа, занавески на окнах, телевизор, вмонтированное в стену радио с тремя программами, домашние тапочки, крем и щетки для обуви, плечики для одежды, мусорное ведро, стаканы, вилка, нож, ложки, книги, фотографии родных на полке, джинсы, реклама на стенах, утюг... В углу отгорожены калиточкой умывальник и унитаз. Над умывальником — зеркало, полочка для сушки одежды. Естественно, есть и туалетная бумага. На полочке — бритва, мыло, одеколоны. В стене два окошка. В исключительных случаях, если вахтеру кажется, что была попытка самоубийства, он может из коридора заглянуть в камеру и в туалет. Если заключенному это не понравилось, он может написать жалобу администрации, и у вахтера будут неприятности.

В камере есть переговорное устройство для связи с пультом вахтеров: можно высказать свои просьбы. Если в камеру зашел сосед и заключенные ведут беседу, то вахтер может подслушать разговор, но в тот момент, когда он включается в систему, в камере над дверью загорается красная лампочка. Телекамер в комнатах нет.

У каждого заключенного свой ключ от камеры. Но есть еще ключ и у вахтеров от наружного замка, который заключенный не может открыть изнутри. Постельное белье меняют каждую неделю. Каждый человек ходит

в своей одежде, носит прическу, какую хочет. Родственники могут принести одежду по сезону.

В коридоре стоят теннисный стол, бильярд, шахматы, настольный хоккей. Есть и холодильник, где под номерами комнат хранятся фрукты, молоко, «кока», «пепси». Холодильник без замка, как в наших больницах. Алкоголь запрещен. Разрешено только безалкогольное пиво.

Есть в тюрьме и магазин. У входа висит надпись: «Больше трех не входить». Там можно купить и продукты питания, и разные хозяйственные вещи. Он работает по расписанию.

На 24 камеры — три душевые комнаты. Подъем в 8.00. Спать кто когда захочет, но надо соблюдать тишину и не мешать соседям. Если не хочешь идти на работу, то можно и не ходить, тогда просто не платят деньги. В неделю заключенный зарабатывает около 30 гульденов (около 20 долларов США). Здесь выполняют разные работы по заказам фирм. При нас в одном цехе собирали настенные часы, в другом — тумбочки для подледного лова рыбы. Женщины делают конверты, шьют флаги, стирают белье. Заключенные работают полдня, а вторая половина — свободное время (гости, библиотека, учеба, спорт).

Четверть обслуживающего персонала тюрьмы — женщины, но администрация хочет, чтобы их было 50 процентов. Наш провожатый господин Фрише считает, что женщины в мужском отделении лучше обеспечивают спокойствие. При них мужчины меньше ругаются, не дерутся. На женщин никто не нападает. Ну, а если все-таки это случилось, у каждого сотрудника тюрьмы есть маленькое сигнализационное радиоустройство. При

опасности на центральном диспетчерском пункте загорается лампочка: ясно, с кем и где что-то произошло. И вызывается оперативная группа с оружием. У остального же персонала оружия нет.

Спустившись вниз, мы попали на кухню. Обед уже закончился, и всюду мыли полы и посуду. Заключение на кухне не работают — в целях безопасности. Повар принес мне обед. На чистой фарфоровой тарелке, которая находится на горячей большой каменной подставке, лежали три огромные картофелины, соус, стручки фасоли, жареная рыба, на ней — ломтик лимона. Сбоку кофейный десерт, груша, салат из огурцов, помидоров и перца. Сверху тарелка закрывалась крышечкой с дырочкой. На подносе лежала бирка с номером здания, комнаты и фамилией заключенного. Все порции помещаются в контейнеры, наподобие наших аэрофлотских, и развозятся по камерам.

Заключенных кормят на пять гильденов 25 центов в день. Меню... составлено на шесть недель. Каждый день — разные блюда. После этого цикла собирается совет по меню, в который входят представители администрации из каждого здания. Учитываются и жалобы заключенных. Каждый день готовятся, как бы у нас сказали, «диетические столы»: для обычных людей, для мусульман, для вегетарианцев, для диабетиков и т. д. Вот, например, обед для обычного человека в пятницу: венгерский гуляш, мясо с ананасом, рис, фрукты; в воскресенье: грибной суп, карбонад с овощами, яблочный мусс, жареная картошка, фрукты. Есть, допустим, определенный вид мяса, который можно давать один раз в две недели. Половина заключенных просят на гарнир картофель, другая половина — рис. Поэтому очень важно не перепутать порции. Заключение происходит

дением из Индии, Африки, Китая и других стран могут в магазине заказать какие-то свои национальные продукты и им привезут. Они могут купить в магазине электроплитку и приготовить что-то сами.

Завтрак, обычно бутербродный, заключенным выдают вместе с ужином. А утром в камеры подают только горячий чай или кофе.

Мы спросили господина Фрише, как обстоит дело с наркоманами. Он сказал, что в тюрьме их очень много. И сделать что-то нельзя. Отлажена четкая подпольная система купли и продажи. Служебные собаки могут найти только анашу.

Заклученных, которые хорошо себя ведут и которые совершили небольшое преступление, могут на день отпустить домой. Некоторых отпускают и на 72 часа. Но по возвращении их строго проверяют.

За нарушения в тюрьме существуют три вида наказаний:

- 1) официальное письмо-предупреждение от администрации заключенному,
- 2) запрет прогулки,
- 3) изоляция на 10 дней (но питание при этом не меняется).

Могут ограничить посещения гостей, если гости передали что-то запрещенное. Если заключенный не согласен

с наказанием, то он может жаловаться в комитет по защите или начальнику тюрьмы.

Итак, наше знакомство с голландской тюрьмой подходит к концу. Но где же, где решетки, засовы, колючая проволока? Хоть что-то напоминающее о тюрьме? Я выхожу на футбольную площадку, наверху забора вижу колючую проволоку с сигнализацией. Но мне кажется, что и мысли не возникнет бежать отсюда. Здесь все уважают человека, все его права охраняются. Ко всякому человеку относятся как к равному себе. Ему улыбаются, с ним вежливо разговаривают. Человек лишен только свободы. Но свобода - это все, особенно для голландца...

РАЗДЕЛ IV. ТЮРЬМЫ СНГ

1. КАК ВЫЖИТЬ В ТЮРЬМЕ СНГ

В 1992 г. вышла в свет книга «Как выжить в советской тюрьме» (инструкция для будущих заключенных), подготовленная к изданию Общественным центром гуманизации пенитенциарной системы. Руководитель авторского коллектива Валерий Абрамкин сам провел шесть лет в тюрьмах и лагерях для обычных уголовников.

В основу текста книги положены фрагменты из нескольких десятков интервью, которые брались в 1988—1991 гг. сотрудниками Общественного центра по специальной методике, разработанной социологом Валентиной Федоровной Чесноковой.

Предлагаем читателям отрывки из раздела книги, в котором тюрьма и тюремный мир описаны изнутри, с точки зрения заключенного.

АРЕСТ

У каждого времени свой стиль, свои ритуалы. При Сталине людей арестовывали чаще всего ночью. Дома. Звонок или стук в дверь, приглушенные голоса,

осторожные шаги, пустынные улицы, «черный ворон», к которому выводили как бы украдкой. Ночь, мрак, тайна. И не каждому к этой тайне можно прикоснуться. Помимо людей в форме НКВД, дворник. специально назначенные понятые.

Сейчас все проще. Если человек подозревается в серьезном преступлении, то его не «берут» (дома, на работе, при вызове в прокуратуру, в милицию и т. д.), а захватывают. Образуют специальную группу — группу захвата. Если же преступление не настолько серьезно, и человек, подлежащий аресту, считается неопасным, то его может ждать арест при вызове на допрос к следователю или на беседу к прокурору. Для ареста в этом случае приезжает специальная команда (обычно два конвоира в штатском). Им следователь и сдает с рук на руки арестованного, которого после оформления бумаг выводят на улицу, где уже поджидает «уазик». На нем арестованного отвозят в КПЗ.

КАСТЫ

На любой зоне (среди заключенных именно так и говорится: на тюрьме, на зоне) существует несколько каст, т. е. групп арестантов (слово «арестант» употребляется в современной тюрьме чаще, чем «зэк», «заключенный», и звучит оно уважительнее) разного «достоинства». Главных каст четыре. Существуют еще и промежуточные.

Первая, высшая каста — блатные; вторая, самая многочисленная — мужики; третья, более или менее большая

(в зависимости от зоны) — козлы; четвертая, низшая — петухи, отверженные.

Блатные, они же воры, жиганы, путевые, авторитеты и т. д. Это профессиональные преступники. Для них тюрьмы и лагеря являются обязательными этапами профессиональной карьеры. Само понятие «вор» для преступного мира свято. Ворами называют только тех преступников, которые были «окрещены» ворами, т. е. приняты в воровское сословие. При таком «крещении» соблюдаются подходящие процедуры: своеобразный «кандидатский стаж», рекомендации, собрание — «сходка». Тех, кто зарабатывает на жизнь кражами, называют в зависимости от их специализации, например, карманника — крадун, ширман, щипач... По разным оценкам сейчас в странах СНГ таких воров всего несколько сотен. Они объединены в несколько враждующих группировок.

Если на зоне нет настоящего вора, воровской мир посылает туда своего представителя, так называемого «смотрящего», задачей которого является наблюдение за тем, чтобы заключенные соблюдали воровской закон и воровские «наказы». Воровские наказания — это обычно новое правило, которое создается в результате какого-то спора между заключенными или как ответ на новую акцию тюремной администрации. Из наказов и продолжает составляться неписанный тюремный закон. Воля смотрящего для других зэков — такой же закон, как воля вора. При смотрящем или воре есть группа его помощников. Это и есть высшая каста в лагере — блатные. Если в каком-то лагере нет вора или смотрящего, то обязательно есть люди, которые считают себя профессионалами, тюрьму — родным домом, а всех остальных ее обитателей — пришельцами.

В касте блатных есть главный — «пахан», «авторитет». При пахане — что-то вроде политбюро, несколько блатных, каждый из которых занимается своим делом: один присматривает за «мужиками», другой — за «общаком» и т. д. Их тоже могут называть «авторитетами». У пахана и его приближенных есть своя гвардия — «бойцы», «гладиаторы», «атлеты».

Стать блатным может не каждый заключенный. Прежде всего, он должен быть чист по вольной жизни. Раньше, например, в нее не принимали тех, кто работал в сфере обслуживания, т. е. официантом, таксистом, а также тех, кто отслужил в армии или хоть раз вышел на зону на работу. Сейчас эти требования в некоторых зонах отменены.

Блатные — это реальная власть на зоне, которая борется с властью официальной, т. е. с администрацией зоны. Кроме того, блатные имеют определенные привилегии — право не работать, право брать себе из общака все, что они сочтут нужным. У блатных есть и обязанности. Правильный пахан обязан следить затем, чтобы зона «грелась», т. е. получала нелегальными путями продукты, чай, табак, одежду, водку, наркотики. Он обязан также решать споры, которые возникают между другими заключенными, не допускать стычек между ними, он обязан также следить затем, чтобы никто не был несправедливо наказан, обижен, обделен. Все это не означает, конечно, что для пахана правильный порядок на зоне важнее личных благ. Часто его забота о братве — только предлог для того, чтобы давить ее и грести все под себя. Но и зон, где пахан не вылезает из ШИЗО и весь срок проводит на хлебе и воде ради того, чтобы братва жила мирно и не впроголодь, тоже хватает.

Мужики — это следующая каста. Она состоит из случайных, в общем-то, на зоне людей (например, один машину казенную разбил, другой с работы что-то украл, третьего жена посадила за пьянки, четвертый подрался, пятый — бомж, жил без прописки, и т. д.).

Мужики прежде всего работают. Пашут на обычной работе — не бригадирами или мастерами, а простыми работягами. Ни на какую власть они не претендуют, никому не прислуживают, с администрацией зоны не сотрудничают. В дела блатных вмешиваться они не могут, права голоса на «разборках» они не имеют. Правда, среди них есть уважаемые люди, к которым блатные прислушиваются, не говоря уже об остальных мужиках. Словом, мужики — это заключенные, которые после отбытия срока собираются вернуться к нормальной жизни.

Третья каста — козлы. Это открытые сотрудники лагерной администрации, те, кто согласился принять какую-то должность — завхоза, заведующего клубом, библиотекаря, коменданта зоны и т. д. Те, кто надел «косяк» — красную повязку. Те, кто вступил в СПП — «секцию профилактики правонарушений», т. е. во внутреннюю полицию лагеря. Козлов еще называют «суками», «ссученными». Лагерная администрация называет их «активом», «лицами, твердо вставшими на путь исправления». Конечно, зэки относятся к ним плохо. К предателям везде плохо относятся, а если учесть, что на каждой зоне между администрацией и зэками война идет — то «холодная», то настоящая, — такое отношение станет понятным. С козлами можно здороваться, общаться с ними, прикасаться к ним, но ни в какие разговоры с ними вступать нельзя. Вобщак их тоже не пускают.

Последняя каста — петухи, они же «обиженные», «опущенные», «пидеры» и т. д. Это пассивные гомосексуалисты, изгои, неприкасаемые, отверженные. На том же уровне в зоне находится промежуточная каста: «чушки», «черти». С той только разницей, что в качестве пассивных педерастов они не используются — это просто неприкасаемые.

Гомосексуализм в тюрьмах существовал всегда и был, как правило, делом добровольным и для других малоинтересным. Но с какого-то времени — по некоторым сведениям, с реформы «исправительно-трудовой» системы 1961 г. — на зонах начал распространяться обычай: наказание в виде насильственного обращения виновного в педераста.

До этой реформы для всех заключенных был один вид лагерей для всех зэков. Реформа поделила лагеря на режимы: общий, усиленный, строгий, особый. В результате первоходчики, которых стали сажать в лагеря общего режима, были отделены от рецидивистов. Те оказались на других режимах, чтобы на первоходчиков «не оказать дурного влияния». Отделили первоходчиков тем самыми от выработанного многими поколениями опыта принудительной совместной жизни, которым рецидивисты, кроме всего прочего, владели. Этот опыт позволяет худо-бедно, но жить в мире. В прежних лагерях к тому же сидели люди всех возрастов. И борьба за превосходство там в какой-то степени смягчалась существованием большого числа людей пожилых и старых.

А теперь представьте: орды молодых мужиков (а первоходчики, как правило, — люди одного и того же возраста, лет 20—22), которых сама природа обрекла на

постоянное соревнование и выяснение, кто главнее, сильнее, умнее. Естественно, между ними постоянно будет грызня, раз они не могут хотя бы на время разойтись, отдохнуть от этой «спартакиады», пообщаться с теми, с кем состязаться смысла не имеет, — со стариками, женщинами, детьми. В зонах для малолеток дела еще хуже именно потому, что там нет старших. Даже тюремная администрация это понимает и подсаживает в камеры малолеток взрослого арестанта — «батьку». А эти «батьки» малолеток грабят, почему и считается должность «батьки» косячной.

В результате всего перечисленного больше всего людей опускают в зонах для малолеток, т. е. там, где не знают тюремного закона. Этот закон жестокий и страшный, но единственный, при котором люди могут выжить и остаться людьми. После малолеток больше всего опущенных дают тюрьмы. В лагерях опускают гораздо реже, чем в тюрьмах. Чем режим жестче — тем реже. Вообще, чем тяжелее в лагере режим, тем легче тем, кто в нем сидит. Говорят, что лучше умереть, чем стать петухом. Обращаются с петухами другие заключенные очень жестоко. Самые дикие вещи с ними творят в общем режиме, не говоря уже о зонах для малолеток (например, кидают в параша, заставляют на деревьях жить и т. д.).

Брать у петухов ничего нельзя. У них отдельные места, отдельная посуда, отдельная работа (они моют сортиры, метут плацы т. д.). Правда, петухам можно что-то дать, бросить, чтобы случайно к ним не прикоснуться. Хотя здесь есть исключения. Когда их «употребляют», это оскверняющим контактом не считается. В ШИЗО иногда только через петуха что-нибудь передать можно — если между ШИЗО и жилой зоной лежит «запретка»,

запретная полоса. Считается, что в такой ситуации ни вещи, прошедшие через руки петуха, ни тот, кто их получил, не «зашквариваются», т. е. не оскверняются.

На некоторых зонах есть целые бараки петухов, которые называются «обезьянниками», «обиженками». На нормальных зонах петухи просто у входа в барак спят и дальше не ходят. У них обычно есть свой «пахан» — главпетух, который является влиятельной фигурой. Он ведь может приказать какому-нибудь петуху поцеловать заключенного из другой касты на глазах у всех. Петуха, конечно, за это убить могут, но тот, кого он целует, сам автоматически становится петухом.

Если петух приезжает на зону, где его никто не знает, он обязан сказать о своем статусе. Если он этого не делает, а рано или поздно это все равно узнают, то его жестоко наказывают: избивают и даже могут убить, т. к. считается, что такой петух осквернил («зашкварил») всех тех, кто его считал себе равным.

В опущенные попадают за грубейшие нарушения тюремного закона, например, за стукачество, крысятничество (воровство у своих), неуплату карточного долга, беспредел. Если кого-то опустили без вины, то те, кто его опускал либо был паханом камеры, где это произошло, сами становятся кандидатами в петухи.

До сих пор в каждой колонии на сотню заключенных приходится примерно 10—14 петухов.

Следует упомянуть еще несколько групп. Кроме чушковых и чертей есть на зонах также «шестерки» — прислуга. В шестерки попадают слишком слабые или услужливые люди. В тюрьмах и в лагерях излишняя ус-

лужливость не в чести. Если человека попросят что-либо сделать для другого заключенного (например, подать кружку с водой или постирать чужие носки) и он согласится, то быть ему шестеркой, даже если это сделано за плату. В тюрьме принято обслуживать себя самостоятельно.

ТЮРЕМНЫЙ ЗАКОН

Тюремным законом запрещено ругаться матом. Во-первых, потому, что для вора мать — понятие святое. Поэтому на строгом режиме, например, мата практически не услышишь. Во-вторых, выругаться матом — значит, почти в любом случае оскорбить кого-то. В условиях зоны послать человека на х., означает, что его считают петухом. Если этот человек не является петухом, то оскорбивший его будет держать за свои слова ответ.

Нельзя также называть человека козлом, если таковым он не является. А козла нельзя посылать на х... — он ведь козел, а не петух. Барак, в котором живут мужики, нельзя называть курятником, а разгорячившемуся человеку нельзя сказать: «Ты чего петушишься?»

На зоне ответственность за слово гораздо выше, чем на воле. Прежде чем сказать что-то (рассказать о себе, отозваться о другом человеке), заключенный должен хорошо подумать.

Частью воровского закона являются правильные понятия, которые все заключенные должны соблюдать. Правильные понятия — это еще и совесть заключен-

ных, с которой каждый должен сверять свои поступки, чтобы не испортить жизнь себе и другим; это сама атмосфера жизни людей, оказавшихся вместе на долгие годы в очень тяжелом положении. Они сами эту атмосферу создают и поддерживают для того, чтобы выйти на волю ценой меньшей крови. На воле многое в правильных понятиях может показаться диким, жестоким и даже бессмысленным (например, запрет носить ложку в верхнем кармане рубашки, класть в карман надкусанный кусок хлеба и т. п.), хотя каждое из таких понятий, безусловно, имеет определенную причину своего появления.

Полностью расписать по правилам можно только первые какие-то предостережения, чего нельзя делать, чтобы человек, впервые попавший на зону, сразу не сделал ошибку. Со шкварными, например, нельзя общаться, но об этом предупредят в камере. Предупреждать человека, чтобы он не был стукачом? О чем еще можно предупредить? Смотрят на человека, предположим, в течение месяца. Есть понятие: «человек косячный». Если он не впитал в себя правильных понятий, не понял, как нужно себя вести, что можно, что нельзя, — этот человек «косячный»... А это человек вообще опасный, просто опасный рядом с тобой. Он может запороть любой косяк, как считается, за который ты ответишь, потому что ты находишься рядом.

Нельзя просто пригрозить, а потом отказаться от этого. Если уж бросил, даже невзначай, какую-то угрозу конвоиру или козлу, то должен ее выполнить. Нужно отвечать за свои слова. В тюрьме не признается никакое изменение ситуации, не признается никакое «нечаянно». Что значит «нечаянно»? Нечаянно — это значит, что ты сам что-то не предусмотрел. Поэтому с человеком слу-

чается нечаянность. Нечаянно — тоже какой-то признак ненадежности. Ценностью этого мира является человек, который вообще уверен, уверен в себе. В мире, где все очень ненадежно, ценностью становится надежность. Привлекает надежность человека.

Надо, чтобы в твоей уверенности были уверены и остальные, чтобы человек, который идет рядом с тобой, понимал, что ты сейчас ничего не напорешь, что сюда не бросятся овчарки. Поэтому авторитетом на зоне пользуются люди, в которых ощущается надежность. То есть человек стоит надежно, не размазывается, не говорит сегодня одно, завтра другое, не ищет мелкой выгоды, может быть, желает жить удобно... На самом деле всегда здесь выгода получается за счет другого...

ЗАПРЕТЫ

Самые серьезные запреты касаются опущенных. Но есть и другие. Например, нельзя с земли ничего поднимать, особенно, если упало на плац. Пусть хоть шапка зимой упадет — она после этого считается зашкваренной. Упала — иди дальше, ищи другую. Не ходи часто в штаб, особенно один — могут заподозрить тебя в стукачестве. В столовой у поваров ничего нельзя покупать, потому что считается, и правильно, что, покупая из общего котла, ты воруюшь у братвы.

Нельзя брать чужое. Вот одна из самых распространенных «примочек». Ты взял, полистал чужую книгу и положил ее на место. Подходит хозяин книги: «Давай стольник». — «Какой стольник?» — «Ты книгу брал?» — «Брал». — «А в ней стольник лежал, давай обратно».

ПРАВИЛЬНАЯ ХАТА

В камерах малолеток и первоходчиков встречается довольно агрессивная публика, знакомая с тюремным законом только понаслышке. А закон этот до конца и не всякий рецидивист знает. Первоходчики под тюремным законом понимают обычно власть физически более сильного над слабым. И начинают играть в тюрьму, думая, что выполняют ее закон, и не зная, что они закон нарушают и когда-нибудь за это жестоко поплатятся. Как они играют? Издеваются над новичками. Прописку чаще всего именно в таких камерах устраивают.

При этом кое-где ограничения существуют: нельзя прописывать «микронов» — тех, кому шестнадцать не исполнилось, и арестантов в возрасте, начиная лет с тридцати, тех, кто сильно пострадал, кто в камеру сильно избитым пришел, и тех, у кого не первая ходка.

Прописка начинается с того, что новичка заставляют загадки разные отгадывать. С нар нырять, головой о стену с разбега биться и так далее — все это «приколами» называется. Бросают, например, веник: «Сыграй на балалайке». Новичок должен бросить его обратно: «Настрой струны». Подводят к батарее: «Сыграй на гармошке». Следует ответить: «Раздвинь меха». Устраивают «свадьбу»: «Что будешь пить: вино, водку, шампанское?» Надо ответить: «Вино». Налиют кружку воды — новичок должен выпить. Спросят опять то же самое. В ответ надо сказать: «Водку». Опять нальют полную кружку — следует выпить. И так будут наливать, пока новичок не скажет «тамаде»: «То же, что и ты».

Или: «Кем хочешь стать — летчиком или танкистом?» — «Летчиком». — «Прыгай вниз головой». Новичок прыгает, его ловят. Должны, по крайней мере, поймать, потому что если он разобьется, с виновных за это спросят. Сейчас прописку новичкам реже устраивают, чем раньше. Особенно в «нормальной» камере.

«Нормальной» камерой считается та, в которой царит не власть кулака, а тюремный закон. Этот закон очень суров, но справедлив. Он гласит: тюрьма — это твой дом. Пришел человек — прежде всего поздоровайся с ним, не приставай к нему с вопросами: за что сел, как было дело? Расскажи о порядках тюрьмы и камеры, дай ему место, предупреди о том, чего нельзя делать. Братва — то есть обитатели камеры — должна новому человеку обо всем рассказать, все показать, а уже после этого спрашивать за нарушения тюремного закона, если он такие нарушения допустит. Человек, только что пришедший с воли, согласно тюремному закону (который еще называют «правильными понятиями», «правильной жизнью») чист. На воле он мог быть кем угодно и творить, что угодно, а здесь он начинает новую жизнь.

В тюрьме между собой арестанты чаще говорят не «камера», а «хата». Так что по-тюремному нормальная камера будет звучать так: правильная хата. И порядки в правильной хате в основном те же, что и у правильных людей на воле. Пришел с дальняка, т. е. из туалета, — руки помой. Сядь за стол — сними лепень (пиджак). Когда кто-нибудь ест, нельзя пользоваться парашей. Когда все музыку слушают или передачу какую-нибудь — тоже. Свистеть нельзя — срок насвистишь. Нельзя сор из избы выносить, т. е. без особой нужды

рассказывать другим камерам о том, что в вашей хате происходит.

Еще один момент — уборка камеры. В тюрьме такого порядка, как в армии, — салаги пол драят, а деды балдеют — нет. Убираться в камере должны все по очереди, абсолютно все.

Если все-таки новичок попадает в неправильную камеру, где ему ничего не объяснят, и видит там заключенного, который лежит под нарами или у параша и с которым никто не разговаривает, — то не следует к нему подходить.

В тюрьмах люди проявляют фантастическую изобретательность. Огонь добыть трением или от лампочки, ботинком решетку перепилить, чифир сварить в газете, записку на соседнюю улицу бросить — все это там умеют. Связь между камерами есть в любой тюрьме, но организуется она не везде одним и тем же способом. Самое простое, когда контролер от двери подальше отошел, просто крикнуть через решетку («с решки»): хата такая-то... Правда, в следственном изоляторе межкамерная связь — одно из серьезнейших нарушений режима содержания...

Можно и так: откачать веником или тряпкой воду в унитазе: канализационная труба что телефон. Через нее же при известной сноровке можно и передать все, что угодно: чай, сигареты, записки. Можно взять кружку, приложить ее к трубе отопления и прокричать в нее все, что тебе надо, — в других камерах через ту же кружку услышат и примут к сведению либо дальше передадут. Можно «коня» запустить: делаешь удочку из газетной трубки и нитки, привязываешь к ней записку

с адресом и опускаешь за решетку — ниже поймают. Можно перестукиваться. Если заключенный знает азбуку Морзе — вообще никаких проблем.

Новых зэков на зонах встречают так же, как и в тюрьме, в зависимости от зоны. Чем беспредельные зоны отличаются — на них надо за все платить. В том числе и за место в бараке. Не заплатишь — можешь зиму провести на улице. На правильных зонах этого нет. Там вновь прибывшему заключенному, как и в тюрьме, должны показать зону, рассказать о существующих порядках, предостеречь от опасностей. Могут предложить вступить в общак, в семью, в кентовку. Если новичок не захочет вступать — это его дело. Правда, на зоне одному трудно, большинство зэков в семьях живут. Одного загрызут.

СЕМЬЯ

В следственной тюрьме хата — это не только отведенная для зэка клетка с номерком на двери, это люди, семьями ее обживающие. Если камера маленькая, на пять, на семь человек, то, как правило, они и составляют одну семью. В тюремной семье, точно так же, как и в вольной, всякое может случиться — и ссоры, и нелады, но от этого общее между ними не исчезает. Не пользуются уважением у арестантов хаты, где каждый сам по себе. В большой камере, на несколько десятков человек, семей бывает несколько, в семье все поровну. Здесь появляется и общак, что-то вроде фонда взаимопомощи. Трудно с куревом, чаем — создают общаковый (общий) запас чая, махорки, табака, каждый получивший посылку или отоварившийся в ларьке делает сюда

свой добровольный взнос. А те, у кого ничего нет, этим общаком пользуются.

Общак — дело святое, и те, кто жадничает, уважением общества не пользуются, не помогут и ему в трудную минуту. Заходит, например, новичок в хату: «Привет, братва». Развязывает мешок не торопясь, достает пару сигарет, может быть, чай, кусок сала, кулек конфет: «Это на общак...» Сразу видно: путевый человек, арестант, бродяга. Другой закатывает в камеру с огромным сидором и начинает, что называется, менжеваться — к кому бы ему повыгоднее пристроиться. Все одно он свой сидор не убережет, в карты проиграет или прокладку ему какую сделают — арестанты в этом отношении народ ушлый...

В зоне общак — общий фонд денег, продуктов, вещей, в который зэки добровольно, кто сколько хочет, делают свои вклады. Считается, что если на зоне есть общак, зона правильная. В общеке могут участвовать все мужики и блатные. Козлы, петухи и прочие — нет. Но у тех свои общаки бывают.

Общак стараются держать в деньгах — так его легче прятать. Выбирают смотрящего за общаком — честно-го, чистого по этой жизни зэка. Тот сам набирает себе помощников. Им каждый член общека и отдает долю всего, что он получает сверх пайки и казенной одежды, — часть посылки, часть отоварки в ларьке, часть денег, которые они получают за левые заработки или от родственников. Средства общека, в свою очередь, используются как на общие нужды, так и на помощь отдельным людям. Приходит, например, человек этапом, еще не обжился, отовариться не успел, на свидании не был. Вот ему на первое время самое необходимое будет из

общака. То же для тех, кого внезапно на этап отправляют, на крытую и т. д. Из средств общака помогают одеждой и деньгами тем, кто освобождается.

В лагере семья — это группа эков, ведущих общее хозяйство, имеющая общий доход. То есть помимо общелагерного общака у них есть свой небольшой общак. Одна семья состоит из двух или более (до 15—20) человек. Посемейники заботятся друг о друге, в беспредельных зонах защищают своих членов. Хотя защита такая, конечно, нормальным явлением не считается. На правильных зонах арестанта защищает закон. И если он этот закон нарушил, семья заступаться за него не имеет права. Наоборот, посемейники связаны круговой порукой, т. е. коллективной ответственностью за поступки каждого члена своей семьи. Семья и штраф за своего посемейника заплатить должна, чтобы того не опустили или не убили, и наказать его как следует, если он будет признан на разборке преступником.

Есть еще такое слово — кентовка. Во-первых, это синоним слова «семья». Но есть тут и второе значение слова. Если в семью обычно приходят самые разные люди — как правило, только из-за личных симпатий или из соображений выгоды совместной жизни, то кентовка состоит в основном из земляков. Площадь «земли», прежние обитатели которой могут собраться на зоне в одну кентовку, практически не ограничена. Может быть сибирская кентовка в какой-нибудь среднеазиатской зоне. А в зоне, расположенной в городе, может быть кентовка, состоящая только из жителей одной улицы этого города.

Существуют также национальные кентовки. Иногда между ними возникают напряженные отношения — со-

перничество, недоверие, злорадство. Но каких-то серьезных межнациональных стычек на зонах не бывает. Тюремный закон, как и его прародитель воровской закон, национальностей не признает. Для воровского закона национальный вопрос — вопрос, недостойный внимания нормального человека.

Голодовка на зоне является самым крайним средством сопротивления. Если все кругом начинают объявлять голодовки, они тем самым лишают последней защиты того человека, который действительно находится в очень тяжелом положении...

Перед тем, как объявить голодовку, заключенными используются все другие средства отстаивания своих прав. Например, пишутся заявления (одним или группой заключенных). В крайнем случае объявляется забастовка. Самое худшее, чем может кончиться забастовка, это — бунт. Бунт обычно подавляется очень жестоко — все равно, настоящий это бунт или спровоцированный. Тут обе стороны средств не выбирают, так что убить могут запросто.

Родственником зэка быть очень тяжело. Это значит годами стоять в очередях, терпеть унижения и постоянные «нельзя», учиться давать взятки и искать деньги на них. Это значит осваивать феню и правила конспирации, чувствовать себя личным врагом власти, переполняться ненавистью в роду человеческому, вообще находить в себе много плохого, о чем раньше и не подозревал. Все это предстоит родственникам зэка. В обмен на лишения родственников зэк будет получать посылки, письма, свидания. Без этих знаков заботы, без ощущения того, что тебя помнят, без дозволенных к получению пряников на зоне прожить очень трудно, иногда

невозможно. Чем теснее связь зэка с домом, тем менее испорченным он возвращается. Но испорченным он вернется обязательно — к этому родственники тоже должны быть готовы.

(По материалам газеты «Совершенно секретно», №№ 4, 5, 7, 1992 г.)

2. БЕСПРЕДЕЛ

КАМЕРА № 19

...Год 1987-й. Из постановления городской прокуратуры: «Учитывая, что для решения возникающих в ходе следствия вопросов необходимо произвести эксгумацию трупа Кравцова Николая Павловича»... Экспертам предстояло выяснить причину смерти.

А причина, казалось бы, была предельно ясна: «Смерть Кравцова наступила в результате заболевания туберкулезом легких». И это заключение патологоанатомов вряд ли вызвало бы сомнение, если бы не рентгеновский снимок, сделанный незадолго до кончины, и запись в медкарте: «Легкие без особенностей».

Итак, истинная причина смерти ставилась следователем И. Поветкиным под сомнение. Но сомнение это разрешить по прошествии двух лет было практически невозможно. Тем не менее эксперт, внимательно исследовав останки, обнаружил: «Скальпированную обширную рану головы, раневые поверхности в области крестца,

левой голени и левого плеча; прижизненные переломы ребер и тела грудины».

Это все, на что была способна экспертиза. Остальное же оставалось тайной, которую унес в могилу двадцатидвухлетний Кравцов. Но надежду вселяла одна-единственная строчка из акта экспертизы: «По давности переломов можно высказаться о сроке в 3—12 месяцев до момента смерти...»

Из короткой же биографии Кравцова было видно, что этот последний отрезок жизни он находился в следственном изоляторе города Ставрополя. В одной из тюремных камер...

Это была самая рядовая камера СИЗО. Ряды двухъярусных коек, обшарпанный длинный стол с кучкой косяшек домино, параша в углу и традиционная решетка на двухметровой высоте от каменного пола. И тем не менее данная камера явно выделялась в ряду других, отличаясь по местному своему статусу в уголовной среде. Об этом говорили материалы уголовного дела № 23005, которое вел старший следователь горпрокуратуры И. Поветкин.

«Когда меня поместили в камеру, — показал бывший заключенный В. Каменамостский, — то сразу спросили, знаю ли я, что это за камера. Я ответил, что не знаю. И сокамерник Шеховцев сказал, что в эту камеру просто так не сажают...»

Из показаний контролеров изолятора: «Был случай, когда заключенный Стусов, содержащийся в этой камере, говорил мне, что их «хата» держит в подчинении весь изолятор... Однажды, помню, один молодой осуж-

денный «выламывался из той камеры, говорил, что если его не уберут оттуда, то он вскроет себе вены».

И тем не менее, мало кто знал, что крылось там, за глухими засовами двери, ведущей в камеру. Но, чтобы понять, что же происходило по ту сторону двери, обратимся к некоторым добровольным явкам с повинной, написанным в стенах этой тюремной обители...

«Я, Кошик В. Н., после освобождения из мест лишения свободы 25 января совершил ряд краж из квартир в Шпаковском и с. Грачевка... В районе хутора Садового я облил труп Митинева бензином и поджег его... Выскочил из машины и выстрелил в пассажира через стекло, который сидел рядом с водителем...»

Проведенный следственный эксперимент не подтвердил, а, напротив, поставил под серьезное сомнение то, что эти преступления совершил именно Кошик. Тогда кто же? И зачем Кошику оговаривать себя?

Не меньше удивляли и другие явки с повинной. Заключение Семенов, например, убеждал, что совершил «изнасилование». С той же легкостью шли на самооговор заключенные Амбросашвили, Подкопаев, Лыков и многие другие. Они «крали» и «грабили», «убивали» и «насильничали». Но надуманные эпизоды рассыпались как карточные домики. И единственное, что объединяло их, так это то, что многие из них были написаны за дверью все той же камеры под номером 19...

Особой зоной являлась эта тюремная территория для рядовых контролеров СИЗО. Не каждый из них решался без особой надобности переступить порог этой каме-

ры. То, что они видели в дверной глазок, видно из дела № 23005:

«Заключенный Онойко прыгал на Кошкина со второго яруса кроватей. Он же поджигал на Сезко одежду... Шеховцев разбил голову какому-то цыгану».

«У одного молодого парня вместе с зубами вырывали золотые коронки нагретой ложкой — били чем-то по ложке, несмотря на то, что парень умолял этого не делать и сильно кричал от боли».

«Заключенного Халиса с силой, резко «сажали» на ягоды, ударяя об пол...»

«Б. избивали в течение двух месяцев каждый день... С ним же насильно совершали половые акты, заставляли мазать на хлеб кал и есть...»

«Подкопаева избивали скамейкой до такой степени, что сломали ему обе руки...»

Происходящее в камере скорее походило на пытки. Какова же цель этих пыток?

«Цель избиения и совершения мужеложства — заставить любой ценой написать явку с повинной», — показал потерпевший Лыков.

Но зачем одним заключенным понадобилось понуждать других к явке с повинной? Именно на этот вопрос и предстояло ответить следователю И. Поветкину. Он-то и выяснил, что истязали арестованных несколько заключенных во главе с Долгополовым — «баринном» ка-

меры. Он же и собирал явки с повинной. Добытые пытками явки с повинной Долгополов кому-то относил. И не только это.

Связь «пресс-хаты» с внешним миром была налажена отменно. И не случайно «барин» со своими приспешниками в отличие от остальных сокамерников пользовались определенными привилегиями. В камере можно было найти запрещенные режимом изолятора сигареты с фильтром, спички (одно из орудий пыток), даже дорогие духи. Имелись и наркотики, наглотавшись которых, изуверы принимались за свою очередную жертву.

Некоторые из жертв показали позже: «Еще до избивания меня Долгополов намекнул, что он работает на какого-то «кума». «Я написал сразу три явки, которые Долгополов передавал майору внутренних дел по кличке «цыган».

Согласно служебным характеристикам и наградным листам, в этом здании бывшей тюрьмы Николая I «строго соблюдались требования социалистической законности», а сам СИЗО состоял исключительно из «честных, грамотных и принципиальных» сотрудников. Потому-то и сыпались на кители принципиальных сотрудников СИЗО награды за отличную службу в органах МВД. Одним из таких «отличников» и являлся Виктор Петрович Лазаренко, зам. начальника СИЗО по оперативной работе. Он же «кум», он же «цыган».

Вот еще несколько цитат из уголовного дела:

«Лазаренко поручил мне в буквальном смысле «выбить» любым способом из Кошика явку с повинной об убийстве и сожжении трупа где-то в поле, об убийстве

людей в машине. Кошика избивали месяца полтора, и он все время писал явки».

«Майор Лазаренко дал задание Долгополову избить заключенного Сезко В. В. с целью получения от него явок с повинной. В процессе пыток на Сезко поджигали одежду».

«Майор зачитывал перечень преступлений, совершенных в Краснодарском крае: изнасилование у какого-то вагончика, кража из магазина. Когда меня, избивая, вынудили писать явки, я стал вспоминать те чужие преступления, о которых мне читал Лазаренко, предлагая взять их на себя».

В приговоре по данному делу говорится, что «с целью создания видимости благополучия в проводимой под его контролем оперативной работе среди подследственных и осужденных, в погоне за высокими показателями раскрываемости преступлений подсудимый Лазаренко с помощью созданной им группы доверенных лиц из числа осужденных... организовал систематическое применение физического насилия к арестованным с целью получения от потерпевших явок с повинной». Если так, то одному ли Лазаренко нужна была эта видимость, платой за которую стали человеческие судьбы?

Смерть двадцатидвухлетнего Николая Кравцова, скончавшегося в стенах СИЗО при довольно странных обстоятельствах, так и осталась неразгаданной. Не случайно старший следователь И. Поветкин в постановлении о производстве эксгумации трупа Кравцова (якобы умершего от туберкулеза легких) отмечает: «Возникает сомнение в том, что причина смерти Кравцова установлена правильно».

Ведь обнаруженные при эксгумации прижизненные увечья появились у Кравцова именно в период его содержания в «пресс-хате». Но о переломах упорно умалчивается в медицинской карте Кравцова. Как указали эксперты, «каких-либо записей о телесных повреждениях в этом документе (медкарте) нет». Получается: в медчасти изолятора о травмах умолчали. Почему? Чтобы не вызывать подозрений у заезжих комиссий и надзирающих прокуроров? Ведь именно для этого, в целях конспирации, весь состав «прессовщиков» периодически перемещался из одной камеры в другую. Из 19-й в 58-ю, из 58-й в 59-ю и так далее...

Это была камера-призрак, камера-ад, кочующая по всему изолятору...

Бывший майор Лазаренко получил в итоге лишь три года лишения свободы условно.

(Журнал «Огонек», № 23, 1989 г., Михаил КОРЧАГИН, «Камера № 19»)

«ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»

...УБ-14/9, в народе «девятка» — это колония строгого режима и по статусу, и «по жизни». Ее начальника Виктора Костенко ставят в пример на совещаниях ведомства. До него, еще два года назад, бал здесь правили урки: офицеры на зону и носа не казали; а посреди плаца гуляли пьяные зэки с гармошками. Довольно быстро Костенко утвердил свой излюбленный принцип: «На зоне должен быть один блатной — ее начальник».

Жизнь в колонии стала правильнее, но вряд ли веселее. «Девятку» настигла российская болезнь — безработица.

Судьба свела их во второй камере ШИЗО. В этой внутренней тюрьме для зэков сидели за нарушения режима. Все трое практически ровесники. Александр Маслич в свои двадцать три уже четыре раза был судим — грабежи и угоны. Алексей Голузов на два года постарше, а судимостей на одну поменьше — все по кражам и грабежам. У третьего сокамерника, Алексея Дзюбы, в двадцать три вторая судимость и тот же набор — грабеж, кража, угон. Правда, Маслич был единственным среди них, имеющим статью за убийство, — уже на зоне задушил заключенного из-за «возникших неприязненных отношений».

Распорядок в ШИЗО спланирован и утвержден на века: подъем—отбой да прием пищи. В промежутках скучно. Можно спать. А можно и просто, одурев от ничегонеделания, чесать языки. Несмотря на меньший опыт «отсидок», самым заводным оказался Дзюба: по вечерам страшилки рассказывал да фантазировал. Дескать, неплохо бы посмотреть на мир. Безотказный способ перевода в другую колонию — убийство. За заключенного, как правило, много не дают — всегда можно сослаться на «самооборону», договорившись с толпой свидетелей.

Дзюбе долго не пришлось уговаривать корешей — убить так убить, чего же проще! Тем более, что Маслич — специалист. Придумали задушить первого, кого посадят к ним в камеру.

Новый сотоварищ оказался идеальным кандидатом. Во-первых, Л. был на десяток лет постарше заговорщиков, во-вторых, дружелюбием не отличался. Ночью, когда

контролер прикорнул на посту, Маслич и Дзюба накинулись на жертву. Но то ли Л. оказался посильнее, то ли поопытнее — ему удалось освободиться. Отделался синяками. На следующее утро, подыскав предлог, Л. перевелся в другую камеру.

Троица затаилась в ожидании новой жертвы. Как-то вечером Дзюба предложил: «А что если нам человеченки попробовать? Людоедов обязательно на экспертизу в Москву отправят — покатаемся. А если повезет — под придурков закосим!»

Идея понравилась. Маслич припомнил, как еще маленьким слышал несколько историй, когда закрывали кафе и рестораны из-за того, что там якобы обнаруживали пирожки с человечинной. Саше тогда хотелось попробовать, как это все на вкус... Голузов, по природе своей более инертный, он и выглядел менее развитым, — к предложению отнесся без эмоций. Но ему тоже хотелось в Москву...

Маслич чертил по вечерам на кусочке картона: «Хочется съесть кого-нибудь». Эта записка потом попадет в дело...

Но больше в камеру никого не подсаживали. И однажды, когда Дзюба отправился спать, его сотоварищей осенила идея: убить и съесть самого инициатора — Дзюбу. Практически в тот же вечер Маслич выработал план — как всегда, сопровождая мысли рисунками: на картонке появился маленький расчлененный человечек и бачок для питьевой воды, водруженный на огонь.

«Жертвоприношение» было намечено на ближайшую ночь. Но сорвалось: по коридору почти до утра заклю-

ченных водили в душ. Дверь же в камеру, в которой сидели эти трое, была сетчатая — чтобы легче было наблюдать за происходящим внутри.

Но следующий вечер выдался на редкость спокойным. Контролер отправился на пост, соседи в камерах угомонились, а Дзюба на удивление быстро заснул. Маслич и Голузов дождались полуночи и приступили к исполнению своего плана.

Перед тем, как задушить Дзюбу, из неведомых соображений его разбудили. Маслич накинул жертве тесемку на шею, а послушный Голузов ухватил за ноги. Дзюба даже не сопротивлялся...

Потом приступили к разделке тела обломками от безопасной бритвы. Легкое Масличу показалось темным и мало аппетитным, и он выбросил «требуху» в унитаз, куда перед этим вылили кровь жертвы.

Бачок для воды укрепили над унитазом, в «очке» развели костер из одеяла и брюк Дзюбы...

Как можно сварить мясо в камере с сетчатой дверью, чтобы контролер в трех метрах ничего не учуял? Сотрудники следственных органов утверждают: именно сетчатая дверь и сыграла свою роль — дело происходило летом, на окнах только решетки без стекол, и дым из камеры выдувало сквозняком в окно.

Заклученные из соседних камер потом рассказывали, что в «двойке» всю ночь пели песню «Белый лебедь на пруду» и смеялись.

В шесть пятнадцать утра патруль начал обход. «Эй, гражданин начальник! Сначала к нам подойдите, — закричал Маслич. — Мы Дзюбу съели! По-настоящему!»

... В изоляторе, в ожидании суда, Маслич задушил еще одного сокамерника, который проиграл ему в карты деньги, а отдать не смог.

На скамье подсудимых людоеды выглядели не страшными: ни дать, ни взять — трудные подростки. Судья думал пять дней. Чтение приговора заняло сорок пять минут. Суд приговорил Голузова к пятнадцати годам, Маслича — к смертной казни.

(По материалам газеты «Комсомольская правда», № 139, 2 августа 1995 г. Лидия ТЕРЕНТЬЕВА, Андрей ПАВЛОВ. «Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!» Рубцовск, Алтайский край)

ЧП В НОВОКУЗНЕЦКОМ СИЗО

Людьми и природой было сделано все, чтобы трагедия в Новокузнецком СИЗО состоялась

В начале июля Новокузнецк «поплыл». Жара на улице стояла такая, что люди просто дурели. Плюс 35—36 градусов в тени при относительной влажности 100 процентов. Не спасали ни вентиляторы, в мгновение ока раскупленные в магазинах, ни пляжи, ни даже холодный душ — именно в эти дни в городе начались привычные перебои с водой.

В это время в самом большом Новокузнецком изоляторе номер 2 начали происходить странные вещи. В медчасть стали обращаться заключенные, все тело которых было покрыто мелкой сыпью. Они жаловались на сильное головокружение, некоторые говорили о потере сознания. Первая реакция медиков — отравление. В спешном порядке проверили пищу — все нормально. Родилось подозрение: сыпной тиф. Больных срочно переправили в городские больницы. Там, недолго провозившись с ними, отправили всех обратно в изолятор — без диагноза.

Через два часа после возвращения из больницы в медсанчасти умер первый больной. Еще через час — второй. К утру скончался третий. Началась паника.

Из города вызвали несколько реанимационных бригад. Пригласили всех медицинских «светил», бывших на тот момент в Новокузнецке. Посоветовавшись, «светила» вынесли наконец вердикт: тепловой удар. К этому моменту в изоляторе уже около двадцати человек находились в крайне тяжелом, критическом состоянии.

Тут же были освобождены пять камер — из них сделали подобие реанимационных палат. Медики встали на круглосуточное дежурство. На такое же дежурство перешли и все работники СИЗО.

Однако жара и дикая, сумасшедшая духота в камерах — по свидетельству врачей, в них не загорались даже спички — методично и тупо делали свое дело. Вечером следующего дня умерло еще трое заключенных, потом еще столько же, потом еще...

Со всех аптек и лекарственных баз города в СИЗО в спешном порядке свозили медикаменты, необходимые для лечения, прежде всего соляные растворы. Последние три с половиной миллиона рублей, которые были на счету у СИЗО, испарились в мгновение ока. Помогла городская администрация, срочно выделившая на его лекарственные нужды еще 10 миллионов.

Однако время было упущено. Больных становилось все больше и больше. И тут в изоляторе случилось еще одно ЧП: отключили воду. Полностью.

В это время температура в камерах достигла 45—46 (!) градусов. Чтобы хоть как-то помочь заключенным — а их к этому моменту скопилось в изоляторе свыше 3000 при предельной норме 2000 — персонал изолятора начал на свой страх и риск ломать незыблемые приказы и инструкции.

Первым делом убрали часть решеток на окнах-жалюзи. Открыли все смотровые щели в дверях. Начали устанавливать в камерах вентиляторы. Видавшие виды зэки обалдевали: «Свихнулся, начальник?»

Набрав в резервных емкостях воды, контролеры круглые сутки таскали баки по коридорам, поили заключенных. По настоянию медиков, после определения диагноза питьевую воду начали немного подсаливать. Однако зэки воспротивились — специально травите? Объясняли, убеждали — не помогло. Пить «мочу» зэки категорически отказывались.

Самое страшное начиналось после десяти вечера, когда духота достигала пика. Воздух в камерах, казалось, застывал навечно. зэки ложились на пол, облепливали

дверь с открытым глазком, старались быстрее заснуть. Камеры, где было больше погибших, находились на третьем этаже изолятора, под самой крышей. И спали они в основном на самых верхних, третьих нарах. Многие теряли сознание незаметно, по-тихому. Сокамерники думали — спит. А зэк был уже в глубокой коме, вывести из которой было практически невозможно.

Чтобы хоть как-то выправить положение, администрация СИЗО решила прекратить прием новых подследственных в изолятор и вывезти в близлежащие колонии примерно 500 человек, в отношении которых приговор еще не вступил в законную силу, — так называемых «кассационников». По распоряжению начальника изолятора, была увеличена продолжительность прогулок, вентиляторная система начала работать круглосуточно. Через каждый час медики осуществляли профилактические обходы камер.

Однако число больных росло и приблизилось уже к сотне. Шестнадцать человек в тяжелом состоянии, трое — в коматозном. Администрация изоляторов молилась на погоду. Тщетно...

Среди тюремных контролеров в ходу такая шутка: русские и американцы решили на время обменяться заключенными. Обменялись. Через некоторое время заключенные написали петиции с просьбой. Русские — дать им пожизненное заключение. Американцы — смертную казнь.

В каждой шутке, говорят, есть только доля шутки...

Специалисты утверждают: такого еще не было. Что-то похожее случилось в середине восьмидесятых в одной

из красноярских колоний — там тогда одновременно скончалось сразу пятеро заключенных. Об этом там помнят до сих пор.

Здесь скончалось одиннадцать заключенных. Один за другим. Как сговорились.

(По материалам газеты «Комсомольская правда», № 133, 22 июля 1995 г. Олег КАРМАЗА. «Тюремная камера превратилась в газовую»)

3. СМЕРТНИКИ

Кто они, эти люди? Какого возраста?

Вот что на этот вопрос обозревателя газеты «Совершенно секретно» Елены Светловой ответила член Верховного суда России Татьяна Талдыкина:

— Большинство — 66 процентов — молодые мужчины от двадцати до тридцати пяти лет. Двадцать процентов впервые преступили закон, остальные имели криминальное прошлое, причем приговоренные к смертной казни за умышленное убийство на сексуальной почве ранее осуждались за половые преступления. Каждая пятая жертва не успела достичь совершеннолетия, среди замученных и убитых есть четырехлетние дети.

Как сохранить беспристрастие, как не дать выход эмоциям, как подавить в себе естественные человеческие чувства? Известно немало случаев, когда потрясенные жестокостью преступника люди требовали для него

только смертной казни. Любой другой приговор общество сочло бы непрослительно мягким. Хотя смертная казнь, по убеждению Татьяны Талдыкиной, должна быть именно исключительной мерой наказания.

— Так говорит закон, — продолжает она, — то есть здесь играет роль совокупность двух обстоятельств: особая жестокость содеянного и исключительная опасность личности преступника. Но скажу честно: бывали в моей практике дела, когда я говорила самой себе, что не дрогнула бы рука...

И. был осужден за убийство четырех человек. Одной жертве он нанес 18 ударов молотком, один удар ножом. Затянув веревочную петлю и глумясь, отрезал половые органы... Через несколько дней, узнав о намерении знакомой сообщить в милицию, он зверски расправился и с ней — убил, нанеся множество ударов, затем сковородкой вбил сверло в височную часть головы. Чтобы скрыть это убийство, он совершил новое.

М., молодой парень с неблагополучной судьбой и нарушенной психикой, привыкший к сексуальным извращениям, пытался совершить половой акт с шестилетним мальчиком и хотел задушить его проволокой, но по чистой случайности не сумел. А через некоторое время он завел в баню шестилетнюю девочку, изнасиловал ее в извращенной форме, глумился. Прелестная девочка, единственная дочка в семье.

— Такого рода преступления и в уголовной среде считаются особенно подлыми.

— Как видно из жалоб, осужденных, которые совершили половые преступления, истязают и в камере, и в ла-

гере. Над ними ежедневно, ежечасно совершается насилие. И никто не в силах это пресечь. Есть случаи, когда преступник, надругавшийся над ребенком, сам просит применить к нему смертную казнь, прямо указывая, что теперь он находится в положении жертвы. Сейчас передо мной лежит уголовное дело. П. и С., осужденные за умышленное убийство, узнали, что их сокамерник В. обвиняется в изнасиловании трехлетней девочки. Они решили лишить его жизни. В течение нескольких часов избивали В., заставляли лежать возле бачка с нечистотами, требовали, чтобы он сам вскрыл себе вены или повесился. Около пяти часов утра С. сделал жгут из тряпок и попытался задушить В., но жгут оборвался. Тогда С. потребовал, чтобы В. снял брюки, вырезал полоску ткани для своего же удушения. Тот отказался. После этого С. сам вырезал такую ленту и вместе с другими осужденными задушил В.

— Совершился самосуд... Что ждет теперь С. и П., отмстивших за поруганную девочку?

— Их приговорили к смертной казни...

— Каковы сроки исполнения смертного приговора?

— Иногда проходит до полутора лет. В кассационной инстанции Верховного суда России определены жесткие сроки рассмотрения — не более месяца. Если судебная коллегия определила оставить приговор Верховного суда без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения, то идет телеграмма в следственный изолятор. С этого момента у осужденного есть право подать ходатайство о помиловании в Верховный Совет России. Это ходатайство посылается как в Верховный суд России для дачи заключения, так и в Прокуратуру

республики. 27 декабря 1991 г. создана комиссия по вопросам помилования при президенте Российской Федерации, в которую наряду с юристами входят представители общественности — священник, писатели, врачи. Каждое ходатайство рассматривается очень тщательно, ведь речь идет о жизни... Снова взвешиваются обстоятельства совершения преступления, учитывается возраст преступника, раскаяние в содеянном, факт первой судимости, реже трудные условия воспитания или наличие на иждивении детей. Смертную казнь Верховный суд может заменить наказанием в виде лишения свободы на 15 лет, а помилование означает двадцатилетний срок.

— Все ли пишут ходатайства о помиловании?

— Бывает, что осужденные отказываются от этого, даже не желают обжаловать приговор. Некоторые считают себя невиновными или заканчивают жизнь самоубийством после вынесения приговора. Но закон таков, что эти дела рассматриваются в кассационной инстанции независимо от воли осужденного. Это не просто проверка, ведь могут открыться новые обстоятельства, прозвучать иные доводы.

— Как вы лично относитесь к возможности замены смертной казни на пожизненное заключение?

— Общественное мнение настроено решительно: смерть за смерть. Наше государство сегодня не готово принять осужденных к пожизненному заключению. Ведь тогда надо создать соответствующие условия. Галина Старовойтова рассказывала в телепередаче «Тема» о западном опыте. Но у нас-то не так. В местах лишения свободы обстановка такова, что о каком-то самоусовершен-

ствовании или воспитании не может быть и речи. Напротив, там ненависть и злоба правят бал. Заменяют преступнику смертную казнь за умышленное убийство пятнадцатью годами, а он совершает новое в колонии... Перспектива смертной казни вряд ли остановит занесенный нож, в то время как опыт стран, отказавшихся от этой меры наказания, показывает, что там не наблюдается роста тяжких преступлений. Я считаю, что пора переходить от эмоциональных дискуссий по проблеме смертной казни к делу, и отсутствие условий для отбывания пожизненного заключения не должно быть непреодолимым препятствием для отмены высшей меры.

Мне думается, что пожизненное заключение более страшное наказание, чем смертный приговор. Быстрая смерть легче бессрочной каторги, существования в клетке без малейшей надежды когда-нибудь выбраться на волю. Говорят, что человек привыкает ко всему и готов цепляться за жизнь любой ценой. Но ведь это не жизнь...

В Бутырской тюрьме, где содержатся смертники, они чаще думают о самоубийстве, чем о побеге. Бежать из Бутырки — вещь бессмысленная. Это верная смерть. Упасть с разбегу на горячий асфальт запретки подстреленным часовым, как бешеная собака, без размышления и печали. Иное дело — добровольный уход из жизни, какой-никакой, но выбор, пусть даже последний. И ни один тщательный шмон не лишит узника этого права. Изобретательный глаз даже в зарешеченном мире намертво прикрепленных к полу табуреток, небьющихся стекол и ложек с закругленными короткими черенками найдет орудие смерти.

— Повеситься можно на чем угодно, — говорит начальник бутырской тюрьмы Геннадий Орешкин. — Майку разорвал — вот и петля готова. А в прошлом году один разбежался, ударился головой о косяк кровати — височная кость ушла в мозг... Был и необычный случай, когда самоубийца оставил предсмертное письмо, в котором не только указал мотивы своего решения — стыд, невозможность жить дальше, но и подробно описал способ ухода из жизни. Сначала он связал себе ноги, заткнул рот полотенцем, чтобы не закричать, затем связал руки, вставил голову в петлю и упал. Это точное следование «инструкции» навело нас на мысль, что в камере произошло убийство, тем более что сокамерники в этом деле были профессионалами. Провели расследование, которое подтвердило, что осужденный покончил с собой. Обычно такие вещи происходят в самые глухие часы, до рассвета, с трех до пяти. Это время самоубийц.

— Наверное, на самоубийство чаще решаются смертники?

— Я бы не сказал. Ведь человек жив надеждой, и почти каждый из них в глубине души надеется на помилование.

Камеры смертников, как правило, одиночные, находятся на специальном этаже. Здесь и стены толще, и изоляция строже, и контролеры молчаливее. На прогулку смертников не выводят, и передачи им не положены, но пуст тюремный ларек, поэтому родственникам разрешают в порядке исключения принести продукты, которые тщательно проверяются администрацией.

На этаж, где им предстоит провести многие месяцы между жизнью и смертью, они попадают после вынесе-

ния приговора. Приходит выписка: «Приговор к смертной казни», и только тогда преступника наголо стригут, переодевают в полосатую одежду и ведут в сумрачный коридор.

Что дальше? Он будет писать ходатайства о помиловании, будет верить в чудо амнистии, надеясь, что никогда не настанет день, когда за ним придут. Сомкнутся на запястьях наручники, и сурово взглянет рослый юный солдат. Куда повезут? О маршруте знает только конвой.

Произойдет это, наверное, в городе Н. Ночь пути в скором поезде Москва — Н. И больше суток в «столыпинне», пропускающем другие поезда и никогда не останавливаемом на больших станциях.

(По материалам газеты «Совершенно секретно», № 10, 1992 г.)

4. «В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ ПЕЛА ДАЖЕ РУСЛАНОВА»

(Несколько малоизвестных фактов из жизни Владимирского централа)

Владимирский централ собрал под своими сводами целое созвездие ярких имен.

... Лязганье автоматических замков, гулкие переходы из корпуса в корпус, мертвенный свет в камерах, траченные жизнью лица заключенных...

Это — владимирская тюрьма № 2, когда-то главная тюрьма КГБ, еще раньше — МГБ, еще раньше — Владимирский каторжный централ. Тюрьма, знаменитая на весь мир именами содержавшихся здесь арестантов, стала открытой сначала для иностранцев, а потом и российских журналистов.

... «Железные маски» не канули в Лету вместе со взятием Бастилии. Учетная карточка некоего Васильева Василия Павловича — не указаны ни время, ни статья, ни срок. Только время ареста — 28 апреля 1953 г.

Василий Васильев появился во владимирской тюрьме в стылом январе 1956 г. в сопровождении двух полковников. Оформлял его прибытие сам начальник тюрьмы, что было совершенно не по форме, а потому удивительно. Дальше пошли куда большие чудеса — в одиночке, где содержался Васильев, настелили деревянный пол, туда провели радио, поставили цветы. Здоровье у вновь прибывшего узника оказалось неважнецким, передвигался он даже по камере с клюшкой, жаловался на глаза и печень, и потому частой «гостьей» у него была начальник тюремной медчасти Е. Н. Бутова...

Вскоре тюрьма узнала, что под фамилией Васильев в почетном заключении находится сын Сталина Василий, летчик, генерал-полковник. Длительные свидания тогда были запрещены в тюрьме всем, кроме Василия Сталина. Не раз за время его отсидки к нему приезжали жены. (Именно так все вспоминавшие и говорили: жены). Одна из них будто была грузинка, другая — славянка. На славянку показывают, как на дочь Василевского. Правда, есть иное мнение — что это была дочь Тимошенко. Так или иначе, женщина была из себя видной, ухоженной, привозила богатые гостинцы. Сам Сталин

был, по определению бывшей тюремной надзирательницы В. И. Проскуриной, мужчиной жиденьким.

Несмотря на мучившие его ноги — болезнь яростного курильщика, — он пытался найти себе какое-нибудь занятие. В то время производственных мастерских в тюрьме еще не было, и его определили на хоздвор механиком. Механиком, говорят, он был хорошим, и однажды одна из жен привезла ему на машине целый чемодан железок для токарного станка.

Разные чины ходили «на Василия Сталина», как на выставку. Как-то пришел прокурор по надзору. Зашел в камеру: жалобы есть? Жалоб не было, и прокурор ушел разочарованный — даже не поговорили толком.

Выпустили сына Сталина в 1958 г. Некоторое время он писал Е. Н. Бутовой. Сообщил, что был на приеме у Хрущева, получил в Москве квартиру. А потом, как можно было понять из писем, жизнь у него опять расстроилась — запил, переехал в Казань. Там он и скончался, там и похоронен.

Народная артистка (не по званию) Лидия Андреевна Русланова была арестована в сентябре 1948 г. за «участие в антисоветской группе». Во Владимир ее доставили в июле 1950 г. из лагеря. Как вспоминает та же Елена Николаевна Бутова, поведения певица была интеллигентного и гордого. Единственное, что не поддавалось ее контролю, — желание петь. Однажды, когда обитательниц камеры строем повели в туалет, она не сдержалась и запела что-то разудалое, вольное. На ее несчастье, рядом случился начальник тюрьмы. «В карцер!» — немедленно последовал приказ. Руслановой в то время было уже 50 лет. Заступилась за нее доктор Е.

К. Богатова, бывшая с начальником тюрьмы в хороших отношениях, и певицу выпустили. Петь она, конечно, не перестала, но пела уже не в коридоре, а в камере или на прогулке и вполголоса.

Освободилась Лидия Андреевна в августе 1953 г. Сразу же после освобождения она дала во владимирском Доме офицеров концерт. Билеты достать было очень трудно — зал в бывшем дворянском собрании маленький, но многие тюремные чины туда попали, некоторые из них были с цветами.

В одной камере с Руслановой сидела Зоя Федорова, террористка, как значится в ее учетной карточке. «Звезда» экрана довоенных и снятых во время войны фильмов («Подруги», «Музыкальная история», «Гармонь», «Фронтвые подруги») была арестована в декабре 1946 г. и приговорена к 25 годам тюрьмы.

История ее посадки в тюрьму красива и трагична: полюбила американского офицера, представлявшего в Москве войска союзников. Родила от него дочь. После войны американца в спешном порядке отозвали из СССР, а Федорову посадили. Как она утверждала, за подаренный ей в знак любви и верности золотой пистолет. Свою историю она рассказывала всем — врачу, надзирателям. Те шарахались от нее, как от зачумленной, — всякие неслужебные разговоры строго карались, и не ровен час — сядешь рядом.

В марте 1954 г. Зоя Федорова освободилась, а в декабре 1981 г. она была убита в своей московской квартире при невыясненных обстоятельствах. Последний раз Зоя Федорова снялась в роли вахтерши общежития в филь-

ме «Москва слезам не верит». Ее дочь Вероника живет в США.

Графа Василия Шульгина, лидера русских монархистов, принимавшего отречение Николая II от престола, арестовали в 1949 г. в Югославии, когда туда пришли советские войска. Одно время он сидел вместе с князем Петром Долгоруким, арестованным аналогичным образом, только в Праге. Шульгин был невысокого роста и необыкновенно прямо держался. Долгорукий, напротив, был ростом почти два метра и постоянно горбился. Последний, кроме того, очень живописно выглядел — ходил в феске и шелковом халате с кистями. Ему соорудили бюро, и он, стоя, писал мемуары.

Вышел Василий Шульгин из владимирского политизолятора с началом хрущевской оттепели — в 1956 г., а через несколько лет в «Известиях» были опубликованы его письма к русской эмиграции, где он призывал не относиться враждебно к СССР.

«...Пауэрс Фрэнсис Гарри. Место рождения — город Бурдайн, штат Кентукки; место жительства — Паунд, штат Вирджиния. Должность — летчик; место работы — подразделение 10-10 ВВС США. Арестован 1.05.60, характер преступления — шпионаж. Осужден военной коллегией Верховного суда СССР на десять лет».

Пауэrsa привезли во Владимир спустя три месяца после того, как его дерзкий полет был прерван в районе Свердловска. Выглядел 31-летний летчик как типичный американский супермен — высокий, мужественно-красивый, в черных лакированных ботинках и в темных солнцезащитных очках. Он неплохо говорил по-русски, иногда делился с тюремными сотрудниками новостями

из дома: «Вот жена пишет, что научилась в гольф играть».

Поначалу Пауэрс сидел один, позже к нему посадили латыша, пойманного на шпионаже в пользу Швеции. Тот «разрабатывал» Пауэрса, а в соседней камере сидели девчонки в наушниках и днями, и ночами напролет бдили за их беседой. Латыша, признав его помощь полезной, освободили, а Фрэнсиса Гарри в октябре 1962 г. увезли в следственный изолятор КГБ — в Лефортово. Как известно, его обменяли на Абеля.

В семидесятых годах в тюрьме отбывали срок Владимир Буковский, Кронид Любарский, Егор Давыдов (его голос иногда можно услышать по «Радио Свобода»), Анатолий Марченко — всего около 80 человек, осужденных по статье 70-й, часть 2-я (антисоветская агитация и пропаганда). Их называли семидесятниками. Приставленному к ним воспитателю — он подчинялся тюремному начальству и областному управлению КГБ одновременно — ставилась задача: разagitировать диссидентов. Больше, чем на два месяца, терпения работать с ними ни у кого не хватало.

Кто задержался надолго, так это капитан А. А. Дойников. Как выходит теперь, именно диссиденты заставили Дойникова задуматься, «почему одним коммунистам все, а другим — ничего». Дойников с женой и двумя детьми жил в заплесневелой одокомнатной квартире. Да и сейчас, кстати, там живет.

Диссидентов вначале начали водить на работу, а потом «закрыли», чтоб они не потревожили дремучее целомудрие в головах уголовников. Да они и не рвались, писали жалобы — это было их оружие против тюремного

режима и режима вообще. В своей книге «И возвращается ветер» Владимир Буковский пишет, что в итоге этой двухлетней «жалобной» войны «нашего начальника тюрьмы сняли и отправили на пенсию». На самом деле полковник В. Ф. Завьялкин ушел преподавать в школу МВД. Как он утверждает, это было повышение. Сейчас он работает в управлении юстиции администрации области. Книгу Буковского видел, но не читал, т. к. получил ее всего на час. Только и успел — снять ксерокопию с той страницы, где рассказывается о нем.

Также увековеченный Буковским капитан А. А. Дойников уже не раз был атакован иностранными и московскими журналистами. От интервью он решительно отказывается, зато строчит книгу — как бы ответ Буковскому. Дойников уверен, что продать ее можно будет дорого...

(По материалам газеты «Комсомольская правда», № 70, 19 апреля 1995 г. Татьяна ФИЛИППОВА. «В этой тюрьме пела даже Русланова»)

5. ИНТЕРВЬЮ, ВОСПОМИНАНИЯ...

ИЗ ЗАПИСОК БЫВШЕГО ЗАММИНИСТРА ТОРГОВЛИ

18 декабря 1985 г., на следующий день после официального обеда в Грановитой палате Кремля в честь советско-американского торгового экономического

совета, был арестован его глава — 65-летний Владимир Сушков. Человек, который лично знал не только высшее руководство СССР — от Анастаса Микояна до Михаила Горбачева, но и «генералов» зарубежного бизнеса и политики — Д. Анжелли, А. Гарримана, Д. Рокфеллера, Д. Кендалла, И. Накасоне. Верховный Суд приговорил к 13 годам лишения свободы его и к 11 годам — его жену, Валентину Сушкову, ответственного работника Государственного комитета по науке и технике. В колонии она тяжело заболела, стала инвалидом, а спустя год после освобождения умерла. У Сушкова отобрали все государственные награды и квартиру в престижном доме ЦК КПСС, конфисковали дачу близ Москвы. Сейчас Сушков на свободе. Ему уже 73 года. Ни дома, ни семьи у него нет. Так советское государство рассчиталось с одним из своих высших чиновников, грех которого состоял лишь в одном: не всегда соблюдал ведомственную секретную инструкцию о правилах обращения с подарками, полученными от иностранцев.

Предлагаем читателям выдержки из книга В. Сушкова «Заключенный по кличке Министр», которая была подготовлена к публикации в издательстве «Совершенно секретно».

Уже больше недели я работаю в колонии на швейной фабрике. Я контролирую качество готовой продукции и упаковываю ее для отправки на ульяновскую фабрику. Начинаю уже привыкать к работе. Бывают неприятности. Возвращая бракованное, получаю порцию недовольства. Что, мол, ты стараешься, пусть сами ковыряются, Ты мешаешь мне выполнять норму! Объясняю, что брак снова вернут к нам и будет еще хуже. А почему другие не придираются? Вот они не придираются, а вчера вернули три тысячи штук брака. Теперь оставят

исправлять его в сверхурочное время. Вместо отдыха. Я заметил, что если не объяснить, то без переделки снова попытаются всучить ту же продукцию. Работают через силу, озлоблены.

Особенно меня мучили ночные смены. Неделю работа в дневную смену. Только адаптируешься, а следующую неделю идти в ночную смену. Я очень плохо это переносил. Закончилось тем, что я заболел и медицинская комиссия сняла меня с работы в ночную смену. По выздоровлении меня оставили в стационаре санчасти колонии старшим санитаром. Но это будет потом...

А сейчас ночь. Я только недавно вернулся со смены, очень устал и буквально мгновенно уснул, даже не стал ужинать. Правда, и ужин был только по названию: черный хлеб и чай. Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. В нашем бараке у входа горела небольшая красная лампочка, и я никак не мог понять, кто и зачем меня будит. Я сказал: «Отстань, я хочу спать!» — «Сушков, вставай, надо поговорить». Человека, который меня будил, я в темноте не видел, голос был незнакомый. «Не валяй дурака, вставай, одевайся! Иначе сейчас получишь в лоб!» Я кое-как оделся, и мы пошли в дальний угол барака. Одна койка была пустая, а на другой, смутно я различил, сидели четверо. Я сел, стараясь разглядеть этих пятерых. «Ну что, очухался? — сказал тот, кто сидел в середине. — Расскажи-ка нам, как ты грабил народ? Ты коммунист?» «Да, я коммунист», — сказал я. «А что, разве тебя не исключили из коммунистов?» — «Исключили, но я остаюсь при своих политических убеждениях». «Вот, падло, что говорит!» — прокомментировал один из сидящих. Тот, что в середине, видимо старший, сказал: «Коммунисты — скоты! Их мы будем уничтожать! Выйдем отсюда, «калашников» в

руки и кое с кем рассчитаемся. А сейчас твоя очередь. Нам надо решить, что с тобой делать. У нас в зоне бугров-коммунистов пока не было». Я понял, что бугор — это значит начальник, руководитель. «Как ты попал сюда? Ведь для бугров, таких, как ты, есть специальные зоны, где держат подлецов, ментов, следователей, прокуроров и партийную птичку. А наша зона черная». — «Я не знаю почему и могу только догадываться. Я инженер-авиационник, а здесь зона работает на строительстве авиационного комплекса. Но, возможно, это дополнительное для меня наказание со стороны прокурора». — «Что, давил специально?» «Да, было дело», — ответил я. «Так ты, значит, остаешься коммунистом, несмотря на то, что они тебя посадили на 13 лет? Не боишься, что мы тебя здесь причешем?» — «Я об этом не думал. Я считал, что человека судят один раз. Меня осудили коммунисты, сфабриковали против меня дело. Будто бы я брал взятки у иностранцев. А теперь вы еще хотите меня судить за то, что я коммунист». «Да, ты коммунист, а мы их стреляем», — прошипел сидящий слева. «Подожди стрелять, — сказал сидевший в центре. Я так понял, что он был главным. — Пусть расскажет, за что осудили. Пусть нам скажет правду, скажет то, что он сам думает».

«Ну что же, слушайте. Мое дело было больше политическое, чем уголовное. Когда вышел закон о нетрудовых доходах, партией были организованы суды в МИДе, ГКЭСе и Внешторге. Надо было показать, что партия наказывает, невзирая на ранги. Не приемлет коррупцию, взяточничество. У нас решили арестовать замминистра Гришина. Но его предупредили. Он испугался и умер от инфаркта. Тогда выбор пал на меня. Я был не партийным боссом, а рядовым членом партии. Министр, замы, Ю. Брежнев — сын генсека, Комаров — бывший помощник министра внутренних дел — все они

были депутатами, членами или кандидатами в члены ЦК. Сделали просто: посадили моего помощника в КГБ и заставили писать на меня донос. Он это сделал легко, т. к., наверное, давно был стукачом, информировал КГБ о моем поведении.

Арестовали меня с нарушением закона: без санкции прокурора, без допросов. Утром трое штатских ворвались в квартиру, схватили, отвезли меня в Лефортовскую тюрьму, обыскали, раздели, надели на меня арестантскую одежду — брюки без пояса и пуговиц и ботинки без шнурков, посадили в камеру 26. Я сразу без всякого суда стал осужденным. Действовали уверенно, т. к. имели согласие, а может быть, и указание ЦК КПСС. Помощник написал, что я брал взятки с иностранцев. Обвинили в связи с японской разведкой и в том, что у меня в швейцарских банках лежит валюта. Это, конечно, была неправда, но только что за взятки расстреляли директора Елисеевского магазина. Я понял, что мне не выкрутиться. Если КГБ не был специалистом по взяткам, то что касается шпионажа, измены Родине — это был их хлеб.

Следователь дал понять, что если признаю взятки, то обвинение в связях с японской разведкой отпадет. Я 40 лет работал за границей, и сфабриковать против меня обвинение в шпионаже и измене Родине было очень легко. Быстро бы купили и свидетелей. Недавно в газете «Известия» было написано, что КГБ — это государство в государстве и если захочет кого-либо уничтожить, то это только вопрос времени. Я понял, что если не признаю получения взятки, то меня быстро расстреляют.

«Неплохо с тобой расправились менты! Ты что, был приятелем Брежнева?» — «С чего вы взяли?» — «Но ведь у тебя работал его сын». — «Это никакого значения не имело. У вас неверная информация». — «А почему пишут, что ты построил Тольятти и КамАЗ?» — «Дело в том, что создание этих гигантов было поручено Внешторгу. А практически все оборудование для этих заводов было куплено мной. Я отвечал за его установку и пуск в эксплуатацию. За эти заводы я был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени». — «А где твои ордена?» — «У меня было 6 орденов и 14 медалей Верховного Совета РСФСР за заслуги, но все у меня отобрали». — «Вот видишь, как поступают коммунисты, менты? Все отобрали, заслуги отняли. Тебе 70 лет, выйдешь — будешь нищим. И твоя жена и дочь с тобой вместе будут побираться. А у нас не так. Вот я скоро освобождаюсь. Приеду, соберутся человек 30—40, сядут, положат шляпу. Ну, по сколько скинемся для начала? Ну, по 5—6 тысяч. Вот мне и деньги, буду годик отдыхать, гулять. А квартиру тоже дадут. Вот у Марьи Петровны есть квартира, незапачканная, живет одна. Скажем, что я ее двоюродный брат. Вот так-то у нас ценят своих! Ну ладно, я думаю, ребята, наказывать его сейчас не будем. Сами его же партийцы с ним расправились что надо. Ну, а если начнет вредничать, стучать начальству, тогда и решим. Никуда он не денется. Пускай пока живет. Так мы и решим». «Вы все говорите «мы», «мы», а кто это «мы»? — осмелился я спросить. «Мы — это настоящие хозяева в зоне. Вот кто мы. Начнешь лизать задницу начальству, стучачить, вот тогда мы, именно мы, тебя так накажем, что едва ли оправишься. А сейчас все. Уже светает. Уходим. Иди спать и смотри помалкивай, иначе я за твою жизнь и деревянного рубля не дам».

Я тихо пробрался к себе и нырнул под одеяло. Я так до сих пор и не знаю, кто они были — мои судьи. Конечно, я молчал об этом ночном судилище. Правда, через два дня меня вызвал зам начальника колонии по режиму майор Е. Он сообщил мне, что умерла моя дочь. Оставшись одна, она, хронически больной человек, не могла себя обслужить, попала в больницу. И медикам оказалось достаточно одного месяца, чтобы отправить дочь на тот свет. Майор высказал мне соболезнование и вдруг сказал, что ко мне в зоне проявляется нездоровый интерес. Предупредил, чтобы я был осторожен. Я думаю, что какая-то информация в администрацию просочилась. Ведь ночной суд был в бараке, где находилось 110 человек. Возможно, что некоторые не спали, прислушивались, хотя разговор шел почти шепотом. Не знаю. Больше подобных инцидентов со мной не было. Я знал, что группа осужденных враждебно относится к бугру-коммунисту, но их меньшинство. Постепенно я завоевывал своим поведением и отношением к осужденным в зоне доверие. Стали приходиться ко мне с просьбами помочь написать прошение о помиловании.

Но эту ночь, когда состоялся надо мной второй суд, я запомнил на всю жизнь. Ведь они разрешили мне жить! Как жизнь человека зависит от разных случайностей! Был бы у них старшиной не тот, что сидел в центре, а крайний слева, тот, что собирался стрелять коммунистов, выйдя на свободу, судьба моя могла быть иной.

(По материалам газеты «Совершенно секретно», №10, 1994 г. «Арестован по приказу Кремля»)

БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ ЛЕФОРТОВО

Знакомьтесь: полковник КГБ Александр Петренко. На протяжении шестнадцати лет он был начальником Лефортовской тюрьмы. Ушел на пенсию в 1987 г. А. Петренко фигурирует в книге А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом», правда, под другой фамилией — Комаров.

В 1992 г. он дал интервью корреспонденту газеты «Совершенно секретно» М. Дементьевой о своих встречах с великим русским писателем во время его нахождения в Лефортовской тюрьме, а также о своей работе в этом бастионе КГБ.

Приводим текст состоявшейся беседы с небольшими сокращениями.

— Почему вы тогда, в Лефортове, представились Солженицыну как Комаров?

— А вы подадите руку человеку, зная, что у него — чесотка? Я не хотел, чтобы он потом, по заграницам, трепал мое имя.

— Так вы знали, что писателю предстоит высылка?

— Разумеется.

— Вы хорошо помните вашу встречу?

— У меня вообще очень хорошая память.

Как только Солженицына привезли в Лефортово, мне позвонили сверху: интересовались, как он себя ведет. Я лично пошел снять информацию. Входим к нему с моим замом. Солженицын сидит голый.

— Почему голый?

— Так после обыска — его же только что привезли. Произошел такой разговор:

Зам. Встать!

Я. Зачем вы так? Он должен знать, что в таком культурном учреждении положено вставать, когда входит начальник.

Солженицын. А вы — начальник?

Я. Вы не новичок и должны знать, что здесь вопросы сначала задает начальство, а потом уже, когда предложат, то вы. Я — начальник следственного изолятора Лефортова полковник Комаров. Фамилия, имя, отчество, год рождения?

Солженицын ответил.

— Простите, а зачем вы спрашивали о том, что и так прекрасно знаете и что есть в деле?

— Это прием. Такие вопросы очень хорошо «охлаждают» человека, который чем-то недоволен, ставят его на место. Разговариваем дальше.

Я. Какие вопросы у вас?

Солженицын. Почему отобрали крест?

Я. Вы же знаете правила: металл нельзя.

Солженицын. А почему вы — в артиллерийской форме?

Я. В какой форме я начал служить, в такой хочу и закончить.

Солженицын. Я тоже воевал в артиллерии.

Я. Да, когда-то мы были по одну сторону баррикад. А теперь вы пытаетесь стрелять в нас из своего ржавого пистолета, забывая что на нашей стороне — пушки.

Солженицын улыбнулся.

— Но вы хорошо знали его убеждения. Для чего же провоцировали?

— А он первым меня стал провоцировать — насчет формы. Как бы намекал, что мне форма органов не по душе.

Солженицын, когда его арестовали, о высылке не подозревал, думал, что попадет в зону. И оделся соответственно: выдавшие виды брюки, дубленый старый тулуп, шапка-кубанка. И тут я подумал: а зачем его высылать в таком виде? Когда-то, давно, я прочитал, как ночные горшки Наполеона продавали за бешеные деньги. Так зачем же Солженицыну давать возможность эти его тряпки продавать на Западе как реликвии? Звоню Андропову, докладываю, рассказываю про ночные горшки.

Юрий Владимирович говорит: «Интересно, я этой истории не знал. Насчет Солженицына подумаем». Через несколько минут перезвонил: «Принято решение переодеть».

Я велел доставить Солженицыну новую одежду, в соответствии с распоряжением Андропова. Все принесли подходящее — только кроликовая шапка, ну, страшно поношенная. Я говорю: «Как же его в такой шапке за границу отправлять? Давай пусть и кроликовую, но новую». «Нету», — отвечает сотрудник. Опять звоню Андропову. Он приказал не дурить. Короче, выдали Солженицыну новую ондатровую шапку. Так он за границу и полетел.

— А что вы сделали с его одеждой?

— Да сожгли, конечно.

— Александр Митрофанович, а как вы попали в органы, стали начальником Лефортова?

— После войны я учился в Военно-политической академии. Как-то возвращаюсь я домой, а соседка мне и говорит: «Ну, Саша, жить тебе в Москве (я не москвич), работать на Лубянке. Сегодня двое приходили, расспрашивали про тебя, я все самое хорошее сказала: не пьет, не курит, жена, двое детей». Действительно, вскоре меня направили на спецподготовку. После этого я двенадцать лет проработал следователем КГБ, а в 1966 г. меня назначили начальником следственного изолятора Лефортова.

— Что представляло собой Лефортово тогда?

— До меня здесь сменилось тринадцать начальников, все они особо подолгу не задерживались. Хозяйство было в плохом состоянии, в пищеблоке — грязь, паутина. Я стал наводить в Лефортове порядок, чистить, красить, ремонтировать. А еще достал такую немецкую плитку для бани, что заключенные сразу не верили, что эта баня — их, а не начальства.

— А какие были порядки?

— Да обычные. В 6 — подъем, в 22 — отбой. Часовая прогулка, питание трехразовое, тогда — на 44 копейки в день. Раз в месяц — передача от родных пять килограммов, покупка в ларьке на десять рублей в месяц. В ларьке продавались продукты не скоропортящиеся, всегда была сухая колбаса. Было масло, заключенные держали его в воде. Кстати, Солженицын писал, что хлеб в Лефортове хуже обычного, — это не так. Мы получали его из обычной булочной.

Будучи начальником Лефортова, некоторые правила я изменил. Так, заключенный после подъема не имел права ложиться на койку. Это вызывало конфликты. В 1972 г. стало разрешаться после подъема заправить койку и лечь. Ввел я и обязательное для заключенных «доброе утро» при подъеме и при отбое — «спокойной ночи».

— Как принимались решения об изменении режима?

— Я писал докладную записку генералу, и все решалось.

— Когда в Лефортове, с вашей точки зрения, порядки были либеральнее — тогда или сейчас?

— Я по сей день часто туда захожу — скучно очень, и, по-моему, все то же самое, только радио разрешили. Раньше почему-то нельзя было. Я знаю, что за границей в тюрьмах есть и холодильники, и телевизоры. В наказание там, например, запрещают смотреть цветной телевизор. Но у нас-то нет этого...

— Как прослушивались камеры?

— Ничего ответить не могу, ничего про это не знаю.

— А про «подсадных уток» знаете?

— Все перемещения по камерам происходят по требованию следователей.

— А что представляет из себя карцер?

— Ну, там похолоднее, заключенному выдается роба, питание — через день, в «пустые дни» — только хлеб и вода. Спят в карцере на голых досках, в камерах же есть постельное белье, очень хорошее. Наказание карцером — до пятнадцати суток...

— В Лефортове расстреливали?

— Нет. Там для этого места нет, на расстрел увозили.

— А вы когда-нибудь при расстреле присутствовали?

— Никогда. Один раз мне было предложено, но я отказался, не хотел этого видеть.

— Побегии заключенных при вас были?

— Нет, из Лефортова не убежишь. Случай побега здесь был только один, в 26-м г. — сбежали два брата-уголовника.

— Андропов часто приезжал в Лефортово?

— Да, чаще, чем все остальные, примерно раз в год. Особенно запомнилась наша первая встреча. В 1968 г. Андропов только заступил на пост — сменил Семичастного, их Аллилуева «развела». И приехал смотреть Лефортово. Я волновался — не снимет ли меня? Поговорили, и Андропов велит: «Показывай свое хозяйство». Ну, думаю, раз «свое», значит, оставляет меня. Повел Юрия Владимировича сразу на второй этаж. А там на стене портреты членов Политбюро висят. Андропов спрашивает: «Этот иконостас здесь нужен?»

А то я скажу «не нужен», когда он сам там в кандидатах висит! «Так точно!» — отвечаю. «Объясните». «Поскольку, — говорю, — это советское учреждение, то советские люди должны знать своих руководителей». Андропов смеется: «Ну, убедил». Осмотрел он все подробно, зашел в камеру, справился о режиме. Понравилось ему все, особенно порядок. Потом мы сели пить чай. Андропов поблагодарил меня и сказал — если что понадобится, обращайся. Мы встречались еще не раз. А потом, когда он стал Генеральным, однажды мне понадобилась помощь, и я набрался наглости и обратился к нему. Он мне помог.

— С заключенными у вас бывали доверительные беседы?

— Да, я со всеми по-человечески разговаривал.

— А особо кто-нибудь запомнился?

— Да, я всех помню, а знаменитостей у меня перебывала уйма. Кстати, это неправду писали, что для Чурбанова камеру специально ремонтировали, — ремонт был на всем этаже. Перед самой пенсией у меня побывал Руст. Я с ним шутил: «Руст, я в Сибири уже договорился с начальником лагеря, он по знакомству отложил для тебя пилу «Дружба», это ведь большой дефицит. Готовься заниматься прополкой тайги». Он спрашивает: «А что это такое?» — «Ну, деревья рубить в лесу». Руст удивляется: «А зачем же рубить деревья?» У них к лесу другое отношение.

Бывали у меня и другие иностранцы. Одних немцев посадили за то, что приехали к нам как туристы и стали разбрасывать листовки антисоветского содержания. И вот возвращаются они из Мордовии, каждый в лагере по 1666 рублей заработал. А советские рубли вывозить нельзя. Я предложил — пустим их с надзирателями по магазинам, пусть отовариваются. Начальство говорит — убегут. Да куда они денутся! Короче, пустили их — одного по Кутузовскому, другого — по Калининскому, третьего — по Ленинскому проспекту. А начальство перестраховалось и за каждым немцем еще машину наблюдения пустило, с полковником из центра. А я им на прощание по две банки черной икры по знакомству достал. Уехали они очень довольные.

Хорошо помню и Буковского. Он неправду написал, что я дал ему в камеру Уголовный кодекс с дарственной надписью Семичастного. Если бы у меня такой был — с дарственной, разве бы я с ним расстался! Правда, Семичастный мне пообещал, что, когда выйдет новый кодекс, он обязательно мне его надпишет.

(По материалам газеты «Совершенно секретно», № 5, 1992 г., Мария ДЕМЕНТЬЕВА, «Бодался теленок с дубом Лефортово»)

ЭКС-ВАЛЮТЧИК ШОУ-БИЗНЕСА

Юрий Шмильевич Айзеншпис — очень известный продюсер. Послужной список его в этом качестве внушительен: «Кино», «Технология», «Янг Ганз», Влад Сташевский. Даже партийная пресса в свое время называла его «патриархом отечественного шоу-бизнеса».

Но была в его жизни и другая сторона: незаконные валютные операции, за которые он отсидел 17 (!) лет в три захода в советских тюрьмах.

Уже в 65-м Юрий Айзеншпис, подопечными которого в то время была первая советская рок-группа «Сокол», был занесен КГБ в списки идеологических диверсантов, т. к. начал пропагандировать «чуждую музыку» в «стране Советов», стране, где так утомительно (по Б. Гребенщикову) служить послом рок-н-ролла.

По словам самого Юрия Айзеншписа, он вынужден был крутиться с наваристой валютой и старым золотом для того, чтобы покупать музыкальные инструменты. КГБ,

естественно, стало известно, что он занимался валютными операциями. Первый раз его арестовали 7 января 1970 г., изъяв при аресте валюту, и отвезли на Петровку.

Вот что Юрий Айзеншпис сам рассказал о том, что было дальше, во время беседы с журналистом Евгением Додолевым.

— Приходит следователь, представляется: майор КГБ. Его стиль допроса был другой, чем у работников милиции. Те отличаются грубостью, напористостью, а этот сразу: «Больше расскажешь, меньше получишь». Я — в отказе. Ничего не понимаю. Вот так меня перевезли в следственный изолятор КГБ, в Лефортово. До этого я в Бутырке сидел. В 252 камере. (Потом в последний раз я тоже в этой камере сидел.)

... В Лефортове меня сперва обыскали, потом пригласили врача. Он меня осмотрел, у меня никаких жалоб. Потом отвезли в баню, дали белье и привели в камеру. Я сидел, наверное, суток 13 или 15 один. Там раз в неделю или через день делает обход администрация. В один из таких обходов заходит ко мне в камеру начальник следственного изолятора, как сейчас помню, полковник Петренко. Седой высокий мужчина. Единственное, что он сказал: «Расплодил вас Рокотов» (Рокотов — известный валютчик, расстрелянный при Н. С. Хрущеве) — и захлопнул дверь. Я спросил: «Долго ли я буду сидеть один?» Он ответил: «Разберемся. Когда нужно будет — переведем в другую камеру». Но меня никуда не перевели. У меня была 88-я, «расстрельная статья» — слитки золота и валютные операции.

Потом следствие, суд. Меня осудили, дали десять лет.

— Музыка никак там не всплыла? — задал вопрос Е. Додолев. — Все-таки четверть века назад рок-н-ролл был созвучен преступлению. «Сегодня слушаешь ты джаз, а завтра Родину продашь!» — обещали агитпроповские плакатики.

— Приобретение гитар и аппаратуры по сравнению с тем, что я занимался валютой, — это ничто. КГБ это было неинтересно — просто связующее звено. Но тем не менее по приговору у меня: гитары «Элдита», «Терна» и даже чешская гитара «Тайфу» вроде была. Тогда еще появился первый орган (он назывался «клавиши»), который когда-то принадлежал Джорджу Марьяновичу (инструменты были приобретены за валюту)...

— А как в лагере тогда отнеслись к валютчику?

— Меня этапировали в Красноярск. Собственно, я не знал куда. Везут и везут.

Первая остановка у нас была в Свердловске. Это самая кошмарная тюрьма и по сей день, по-моему. Привели меня в какую-то камеру, а камера эта, может быть, две моих комнаты или чуть больше. С одной стороны — двухэтажные нары, а с другой стороны, прямо у входа, — стол. И, как обычно, напротив обеденного стола удобства все, т. е. туалет с умывальником. (Я всегда говорю: живешь в тюрьме со всеми удобствами, удобства рядом.) И кучи людей. То есть лежат вповалку. Прямо на полу.

Получилось так, что я шел из КГБ, на мне было пальто шерстяное, были замшевые ботинки. Хорошо я тогда был одет, солидно.

Находясь в КГБ и привыкнув к тепличным условиям (относительно тех, которые имеют место, например, в уголовной тюрьме), я расслабился. Привык, что со мной разговаривают на «вы». И даже когда сидел в Бутырке, я же не сидел на общаке (общее отделение для обычных эков), а сидел на спецу (отделение с камерами меньшего размера). Того, что творится в общих камерах, я практически не видел. Там всякие прописки, записки, отписки.

Когда я пришел в Свердловск, хорошо одетый, то на меня сразу же глаз положили. Сейчас, думаю, дербановка начнется. Может быть, и я подвергся бы всему этому унижительному процессу. Но! Сидит какой-то такой... «Ты откуда?» Говорю: «Из Москвы». «Валютчик, что ли?» Киваю: «Да. А ты что, бакинец?» Говорит: «Да». «Ну, землячок, иди сюда, иди ко мне». И оказалось, он друг моего приятеля, которого впоследствии арестовали. (Но это совпадение, конечно.) Сразу — друзья. И он дал мне место, рядышком. Он сидел там уже года три.

— Но, насколько я помню из материалов твоего дела, ты с Лубянской не расстался во время своей первой ходки в Краслаг? Тебя там, на площади Дзержинского, крепко «полюбили» и все время желали видеть?

— Вызвали меня в полшестого, вытащили из камеры. Смотрю, конвой офицерский. Шмонали, посадили в «уазик» и повезли в аэропорт. Прямо к самолету. Другое, оказывается, дело завели. Я по тому, новому, делу прошел уже свидетелем. И оказался в Лефортове. В образцовой «кагэбэшной» тюрьме, где все так вежливы и аккуратны.

Я просидел там еще с полгода, а потом прошел тот же путь до Красноярска второй раз. Но уже бывалым. Уже знал все примочки. Знал, что почем и как с кем говорить.

Достаточно сказать, что был на допросе. К тебе другое отношение. Когда начинался разговор, я просто давал приговор: «Следственными органами КГБ СССР арестована группа валютчиков. Преступный доход составил 700 тысяч, нажива такого-то составила столько-то». Цифры! Несмотря на то что мне было тогда 23 года. Было написано: «Преступной группой было скуплено и перепродано столько-то килограммов золота, столько-то шуб, столько-то монет царской чеканки».

Приговор делал из меня крутого. И поэтому волей-неволей уважение. Если я начинал им рассказывать свою жизнь, рестораны, девочки... Про КГБ, про тех, с кем сидел...

— А с кем сидел?

— Валютчиков обычно не сажают с валютчиками. Сперва я сидел с диверсантом каким-то: он на шахте диверсию совершил. Но с ним пребывание в камере меня угнетало: больной человек.

Следующим «пассажиrom» в моем «купе» стал курсант военного училища. Его за участие в военной организации «Солдаты свободы» привлекли, могли дать 15 лет.

— Что за организация?

— Какая-то политическая группировка свободных офицеров. Не солдат, а офицеров. Он был молодой, моего возраста. Рисовал. Нам было интересно.

— Когда меня перевели в другую камеру, появился Макаренко, осужденный по 73-й статье (агитация и пропаганда) и по 88-й (валюта). Всего он получил восемь лет. Человек очень интересный и по тем временам, можно сказать, зэк номер один. О нем писала вся западная пресса. Когда освободился в 77-м г., узнал из советской прессы, что Макаренко уже работает в Мюнхене, на радиостанции «Свободная Европа». Очень известный человек. С одной стороны, он вроде умелый коммерсант, с другой — крупный коллекционер. В его коллекции были картины Шагала, Пикассо. Ему вменялось то, что он был зам. председателя Центрального Исполнительного комитета Коммунистической партии (Всесоюзного движения «Трудящиеся за коммунизм»). Тайной партии, якобы созданной в Советском Союзе в 1948 г.

Мне вообще везло. Я пришел в зону, там человек был, которого судили за наркотики. Стюард на авиалинии Москва—Баку. И когда у меня были дела, связанные с Баку, я все время летал на самолете, где он был стюардом. Его звали Коля-выключатель. Такой здоровый, метр девяносто, громила.

Я пробыл в этой зоне три месяца, и меня опять вернули в КГБ. И после этого, благодаря стараниям моей ма-тушки меня перевели в Тулу. (Мать у меня была пробивная женщина.) Я где-то около пяти лет просидел в Туле. Там очень хорошая зона. Благоустроенная. Горячая вода. Кругом асфальт. И когда время пришло (я отбыл две трети), я решил ехать на поселение.

— Освободился, и прописали меня не в Москве, а в Александрове. Помню, приехал к девушке в Москву. Вдруг меня «берут» по всем правилам, отвозят на границу области и передают представителям власти Александрова. Как на границе шпиона меняют.

Прошло несколько месяцев, и КГБ выполнил свою угрозу меня посадить — мне навесили еще «червонец». Тогда, в 1977 г., я просто ничего не успел сделать. Но КГБ считал, что я должен сидеть. Дело было полностью сфабриковано, ни один нормальный суд не принял бы его к рассмотрению. В своем последнем слове я пошутил: «Я — советский человек, учился в советской школе и институте. Но в моих жилах течет кровь буржуазных предпринимателей».

Государство сейчас радо — я приношу ему прибыль. Меня ведь судили не столько за валюту, сколько за рок-движение вообще. Предъявлять счет государству бессмысленно. Лежит у меня бумажка с официальными извинениями, и с меня достаточно.

Я вовсе не считал и не считаю себя явлением, я просто неплохой профессионал. Ведь сейчас то же самое государство хлопает меня по плечу и говорит: «Давай, давай, Юра, молодец!» Кстати, хлопает оно, а на душе тревожно — статья та не отменена до сих пор, и завтра я не сумею доказать, что доллары заработал, а не купил. И — вперед снова по Владимирке...

(По материалам газеты «Совершенно секретно», № 2, 1992 г. Евгений ДОДОЛЕВ. «Экс-валютчик шоу-бизнеса»)

АЛЕКСАНДР РУЦКОЙ: «НАДЕЮСЬ, ЧТО НА ЭТОТ РАЗ МОЙ ПАРАШЮТ РАСКРОЕТСЯ»

Александр Руцкой. Генерал-майор авиации, экс-вице-президент Российской Федерации. После печально известных событий «черного октября» 1993 г. он, вместе с другими членами оппозиции был арестован и препровожден в Лефортово. Там Александр Руцкой находился в течение 5 месяцев, вплоть до принятия Государственной Думой в конце февраля 1994 г. постановления об амнистии.

Вскоре после освобождения Александр Руцкой дал интервью корреспонденту «Комсомольской правды» Александру Гамову, в котором, наряду с изложением своего взгляда на события сентября — октября 1993 г., рассказал о «лефортовском периоде».

Приводим отрывки из этого интервью.

— Александр Владимирович, до сего дня почти ничего не известно о Вашем «лефортовском периоде». Как Вы жили эти пять месяцев в заключении?

— Начнем с того, что салом и солеными огурцами, как вы однажды написали в «Комсомолке», я там особо не увлекался. Потому что передачи разрешалось приносить два раза в месяц по 5 килограммов. А в этот вес входило абсолютно все: и туа-

летные принадлежности, и сигареты, да и многое другое.

— Насчет сала и соленых огурцов беру свои слова обратно. И все же — как в «Лефортово» кормежка?

— Сказать, что там плохо готовят еду, просто язык не поворачивается. Мои соседи по камере, а у них это была уже не первая «ходка», со всей ответственностью утверждают, что «Матросская тишина» или «Бутырка» — кошмар по сравнению с «Лефортово». Каждую неделю меняют простыни, еженедельно — баня. Отношение обслуживающего персонала к арестованным — в соответствии с законом. То есть никаких оскорблений, хамства, издевательств.

Но, откровенно сказать, сидеть тяжело. Все-таки тюрьма. Да и сам режим — «крытка», как его называют в уголовном мире... Пол и потолок — бетонные, стены — кирпичные, маленькое окошечко и то с затемненными стеклами. На прогулку выводили только один раз в сутки, точно в такую же камеру, но без крыши. Вода в камере только холодная. И тут же, рядом с умывальником, туалет — «параша», как ее называют, и три кровати — «шконки». «Жизненное пространство» — 4 x 2,5 метра... Первые два месяца — полное отсутствие аппетита, бессонница: от переживаний. Даже малейший шум где-то в соседней камере или в коридоре — и ты уже просыпаешься.

— Кто были Ваши соседи по камере?

— За пять месяцев поменял три камеры, сидел в одиночке, вдвоем, втроем. Разные люди были — и контрабандисты, взяточники, и торговцы оружием, и те, кто занимался провозом и торговлей наркотиками. Каждый из них по-своему был интересен.

— Как они к Вам относились?

— С уважением. Всегда делились со мной всем, что им приносили, разумеется, я с ними делился тоже. Жили дружно.

— Со взяточниками и контрабандистами?

— Причем тут взяточники и контрабандисты — это прежде всего люди.

— А в тюрьме не перестукиваются?

— А с кем перестукиваться? Если нас, оппозицию, держали на достаточно большом расстоянии друг от друга. К тому же начнешь перестукиваться, тут же открывается камера, входит надзиратель — в блатном мире его называют «вертухай», — требует прекратить.

— Конечно, в тюрьме не повеселишься... И все же, какие-то смешные эпизоды были?

— Своих сокамерников я, как правило, приучал делать зарядку, «качаться», после этого мыть все тело из-под крана ледяной водой. А ведь зима, хо-

лодно! Как-то ко мне подселили сингапурского китайца, который попался на перевозке наркотиков. Он дикими глазами наблюдал за моими водными процедурами. Я ему говорю: «Давай, подключайся». При каждом таком предложении он забивался в угол. А потом я взял, да и помыл его. Визгу, обид было хоть отбавляй, но потом раз, другой — китаец привык, сам начал мыться. Так из китайца мы сделали российского «моржа». «Вертухай», конечно, смеялись до слез, наблюдая в «глазок» за нашими процедурами.

— А если говорить в целом — чем для Вас примечателен» лефортовский период»?

— Я многое передумал, глубоко осмыслил весь комплекс причин и обстоятельств, поставивших Россию в тяжелейшее кризисное состояние. Осмыслил причины трагедии и нашего поражения. Кроме всего этого, много работал, готовясь к показаниям при допросах. Кстати, у меня эти протоколы сохранились, мне их не стыдно кому-либо показать, потому что я вел себя достойным образом. Писал одновременно две книги: «Крушение державы» и «Обретение веры». Первая содержит анализ всех тех событий, которые произошли в Советском Союзе и в России, начиная с 1990 г. и заканчивая октябрьской трагедией 1993 г. После того как вышли «Записки президента», я вынужден дополнить свою книгу еще одной главой, посмотреть на события «черного октября» с позиций демократической прессы и «записок». Все помнят, как средства массовой информации нагнетали страсти о снайперах верховного Совета, но ни одного в «Лефортово», «Бутырках», «Матросской ти-

шине» так и не оказалось. Отсюда вопрос — чьи были наемники убийцы-снайперы?

«Обретение веры» — это книга, рассказывающая о моем мировоззрении, о моих взглядах в отношении будущих преобразований, направленных на возрождение российской великодержавности. Вот, собственно, чем я занимался в тюрьме. Сейчас, конечно, режим не тот — встречи, звонки... Иной раз, в шутку, конечно, подумываешь: хоть возвращайся назад, в тюрьму, потому что там по крайней мере никто не мешал. Но лучше туда не попадать...

(По материалам газеты «Комсомольская правда», №93, 27—30 мая 1994 г. Александр ГАМОВ, «Надеюсь, что на этот раз мой парашют раскроется»)

ЧАСТЬ II НАКАЗАНИЯ

Часть 1. Телесные наказания

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ У РИМЛЯН

В первобытные времена человек в глубине лесов был одинаково свиреп в припадке гнева, как и разнуздан при удовлетворении своего сладострастия; законодатель сумасбродный, судья пристрастный, тюремщик строгий и палач жестокий, он командовал своими слугами, женами и детьми как стадом животных. Самым обычным наказанием, к которому прибегал господин, было телесное наказание, оно же являлось самым действенным средством заставить себе повиноваться.

Позже, когда главы нескольких кланов соединились и образовали государство — монархию или республику, могущество его поддерживалось только полным развитием самодержавной власти, инструментом рабства, и домашняя тирания являлась для государства образцом.

В те отдаленные времена главным принципом было положение, что господин не может быть несправедлив к своему рабу, так как все были убеждены, что люди рождаются рабами.

Таким образом повсюду законы закрепили институт рабства и, естественно, что наказания, предназначенные для рабов, стали назначаться и свободным гражданам даже за самые маловажные проступки. Телесным наказаниям, более или менее жестоким, начинают подвергать всех граждан, но самые жестокие из наказаний были предназначены для презренных рабов.

Самым древним сведением об этих наказаниях, дошедшим до нас, является рассказ Гомера об осаде Трои, когда Терсит позволил себе оскорбить словами главнокомандующего, за что и был собственноручно наказан Улисом. — «Немедленно своим жезлом, он наносит удары по обнаженным плечам и спине Терсита. Терсит согнулся под ударами золотого жезла и горько плачет; на его спине появляются кровавые рубцы. Он дрожит, садится, испытывая боль и ужас; он бросает, вытирая слезы, по сторонам взгляды, которые никого не трогают, а только вызывают смех среди греков».

В первобытные времена рабов, под угрозой телесных наказаний, заставляли исполнять тяжелые работы. Во вновь сформировавшихся государствах освобожденные рабы и даже от рождения свободные люди, но бедные обязаны были исполнять эти работы.

В колониях, до освобождения негров, а в России, до освобождения крепостных, заставляли работать под ударами плетей или розог. В те времена и солдат и моряков, при обучении, постоянно подвергали наказанию

палками, плетью или розгами. Повсюду тогда господин, по своему произволу, подвергал своих рабов или подчиненных всевозможным истязаниям из мести или чтобы заставить платить себе оброк.

Законы, а впоследствии гнусные правила Инквизиции позволяли каждого обвиняемого подвергать наказанию плетью и другим истязаниям, чтобы вырвать у него сознание в своей вине, после чего только и можно было подвергнуть его смертной казни.

Итак, телесные наказания, более или менее жестокие, самые страшные пытки назначались свободным людям, а несостоятельные должники отдавались в рабское состояние, когда их могли подергать самым ужасным телесным наказаниям.

На одной скале в Египте нашли выгравированное изображение, подтверждающее, что телесное наказание существовало в те отдаленные времена. На нем изображен распростертый на земле обнаженный человек, которого один держит за ноги, другой за руки, а третий наказывает палкой.

В Фивах был найден подобный же рисунок, только наказываемый стоит на коленях, с согнутой спиной.

У евреев Моисей сохранил наказание плетью в несколько измененном виде. Ни царь, ни главный священник, никто из Левитов не мог приказать самолично наказать кого-нибудь плетью, а подобное наказание назначалось только собранием судей, вроде наших присяжных заседателей. Кроме того, было запрещено давать более сорока ударов: «из боязни, говорит закон, причинить слишком сильную боль, и чтобы твой ближ-

ний не подвергся недостойному обращению на твоих глазах». Закон требовал, чтобы число ударов назначалось в зависимости от важности проступка.

Телесным наказаниям подвергались решительно все, начиная от самых низших и до самых высших лиц.

Мы уже говорили в 1-м томе, что у индусов закон Ману повелевал наказывать воров деревянными палками или железными прутьями и каждый индус мог наказывать плетью или бамбуковыми прутьями свою жену, своих сыновей, своих слуг или служанок, своих учеников и своего младшего брата.

Плутарх говорил, что в Персии подвергались телесным наказаниям за проступки самые высокопоставленные лица.

Артаксерс был первый из царей, который повелел для наказания таких лиц подвергать сечению только их одежду. Впоследствии подобная привилегия была отменена, и высокопоставленные лица не только подвергались одинаково со всеми телесным наказаниям, но обязаны были после него идти и лично благодарить царя за то, что он удостоил вспомнить о них.

Из Персии, Сирии и Индустана телесные наказания распространились в Африке, стране рабства, во всей Азии и Европе.

Орды фанатических браминов и авантюристов из Сирии и Египта перенесли их в Македонию и Грецию — страны свободные. Из этих стран вместе с рабством негров наказание плетью перешло в Америку.

Мусульмане приняли от евреев телесное наказание, но только гибкой тростью для лиц свободного состояния, а для рабов и евнухов была сохранена плеть. Эти наказания обыкновенно производились в сералях. Наказание палкой из гибкого дерева производилось чаще всего по пяткам.

В XV в. в Мекке подвергали телесному наказанию тех, кто продавал ил пил кофе, но вскоре, впрочем, заметили, что напиток божественный и дозволили его.

В азиатской Турции есть секта так называемых верящихся Дервишей, которые являются страшными любителями активной и пассивной флагелляции вследствие религиозного фанатизма. Эта оригинальная секта существует до сих пор. Последователи ее подергают свое тело страшным истязаниям.

В России, главным образом на Кавказе, существуют многочисленные секты хлыстов. Подобно турецким Дервишам, хлысты истязают свое тело ременными плетками, в концы хвостов которых вплетены гвозди. Приведа себя в сильное возбуждение отчаянной пляской, хлысты начинают себя хлестать по обнаженному телу. Обыкновенно Дервиши наносят себе удары собственноручно. В России же идут еще дальше и когда сектант не в состоянии уже от утомления наносить себе удары, то он находит сострадательных лиц, которые продолжают хлестать его до тех пор, пока он не потеряет сознание. Если в Турции в эти секты женщин не принимают, то на Кавказе, наоборот, женщины охотно принимаются, и они-то, главным образом, являются самыми горячими поклонницами флагелляции. Собрания происходят в уединенных местах, в глухих лесах или в уединенных домах, куда посторонним лицам трудно

проникнуть и помешать сектанту достигнуть прямым путем рая при помощи истязания своего тела, истязания нередко столь сильного, что последствием его является смерть.

Последователи Магомета, как мы уже сказали выше, подвергают свободных лиц палочным ударам, а рабов и евнухов наказывают плетью. Женщины очень часто подвергаются телесным наказаниям палками, плетью или розгами. Наказывают их всегда в сераль и при помощи евнухов.

В Африке повсюду телесные наказания и самые жестокие в большом ходу.

Св. Августин говорил, что, по словам Цицерона, децемвиры установили, что виновный в оскорблении кого-нибудь в публичном сочинении наказывался розгами до смерти. Этот закон вскоре был изменен и римские граждане, которые соглашались подвергнуться изгнанию, избавлялись от телесного наказания.

Юстиниан подвергал духовных лиц телесным наказаниям.

Римские солдаты, как сухопутные, так и флотские, подвергались телесным наказаниям. Полип утверждает, что наказываемые часто умирали под ударами. Тацит и другие авторы говорят, что этот вид смертной казни был причиной многих военных бунтов и падения дисциплины, что благоприятствовало нашествию варваров.

У римлян число ударов не было законом ограничено и вполне зависело от усмотрения судьи.

Обычай требовал, чтобы всякий раб или зачисленный в рабское состояние даже за самый пустой проступок присуждался к телесному наказанию.

После падения римской Империи, варвары, которые разделили ее между собою, продолжали также применять телесные наказания, но они подвергали им только рабов или колонов (вроде рабов). Толщина палки или розги была определена особым законом. Наказание производилось по обнаженному телу. Число ударов должно было быть дано не меньше шестидесяти и не более двухсот, а иногда трехсот. Столь большое число ударов позволяет предположить, что у варваров палачи били с меньшей силой, чем у римлян; впрочем, Григорий Турский сообщает, что наказываемые иногда умирали под ударами палок.

Изучение римского права, сделавшееся всеобщим, привело к тому, что в феодальной Европе стали применяться телесные наказания.

И гражданские, и духовные судьи стали по произволу подвергать свободных людей наказанию розгами публичному или в тюрьмах.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991. — репринтное издание)

СВЯТЕЙШАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

Большинство историков относит учреждение инквизиции к первой половине XIII столетия (1228—1231). Но до второй половины XV в. не существовало

особого постоянного трибунала, на который возлагалась бы обязанность судить еретиков. Обычно время от времени в тот или иной город присылался епископ-инквизитор, который производил следствие и выносил приговор. Исполнение приговора поручалось светской власти. Это, однако, нисколько сути дела не меняло: подлейшее из подобных судебных учреждений оставалось таковым и тогда, когда суд производился единолично епископом, и тогда, когда это делалось целым коллективом.

«Сам бог был первым инквизитором, а первым инквизиционным судом был суд над Адамом и Евой после «грехопадения» — так рассудили основатели инквизиции и, освятив свое «благое» начинание ссылкой на бога, принялись томить в тюрьмах, пытать, душить, сжигать тысячи людей.

Перед лицом «святейшей» — так называли инквизицию — человек чувствовал себя лишенным всяких прав. Тот, кого вызывала инквизиция, кого приводили к инквизитору на допрос, наперед уже считался виновным на основании сделанного на него доноса. От него требовалось только, чтобы он «сознался в своей вине». С этой целью инквизитор, ведя следствие, старался опутать жертву сетью хитро продуманных вопросов. Допрос тянулся долго, много раз повторялся, сопровождался возмутительным крючкотворством, чередовался с утонченными пытками: водой, железом, огнем, пыткой на дыбе. И обвиняемый часто сам переставал понимать, еретик он или нет.

Все ходили под страхом обвинения в какой-нибудь ереси, в богохульстве или вольнодумстве.

Друзья, знакомые, случайные встречные — все находились под взаимным контролем, все, во славу Божию, свидетельствовали друг на друга, все были предметом поголовного сыска. Родители предавали детей — кто по религиозному рвению, а большинство от страха; дети отрекались от родителей. Многие сами являлись в инквизицию с повинной и, в расчете на милость, «сознавались» в не совершенных ими грехах и преступлениях.

Нужно ли удивляться, что благодаря страху, нагнанному инквизицией, в обществе процветали доносы, шпионаж, провокации. Доносчики, официальные и добровольные, лезли буквально во все щели семейного и общественного быта, опутывали клеветой мирных граждан, пытались проникнуть в их мысли и сердца недреманным оком и всюду проникающим ухом, преследовали обреченных. Люди трусливо осматривались по сторонам и прислушивались ко всему, что могло внушить хотя бы только тень подозрения. Не доверяли друзьям, членам семьи и домочадцам. Боялись стен своих, трепетали в подлых цепких лапах предательства.

И было из-за чего трепетать, особенно в Испании XV столетия, когда во главе инквизиции стал хитрый, как лиса, и хищный, как изголодавшийся волк, «великий инквизитор» — Фома Торквемада (1420—1498).

Уже в самом начале своего владычества «великий инквизитор» отправил на костер триста человек и около сотни еретиков осудил на вечное заточение в тюрьмах. А за все время его «плодотворной деятельности на пользу церкви и государства» было сожжено свыше десяти тысяч человек. Это составило несколько меньше одной трети всех сожженных в Испании еретиков за время энергичной работы инквизиции, продолжавшей-

ся усердствовать и в XVI в. Сжигались не только люди, но и «вредные книги». Так, согласно распоряжению того же Торквемады только в одном городе сожгли шесть тысяч книг различных авторов; с его же благословения огонь пожрал огромную библиотеку королевского принца. Еще бы! Книги, наука, образование числились в ряду самых опасных врагов церкви и поддерживающей ее власти.

Все только что перечисленные «богоугодные» дела Торквемады и иных больших и малых инквизиторов преследовали две цели: «спасение души убиенных еретиков» и пополнение кошельков церкви и правительства. Ведь имущество заточенных и приговоренных к смерти конфисковывалось, а за мелкие прегрешения взимались штрафы различных размеров, причем две трети этих доходов, согласно уставу, выработанному под руководством Торквемады, шли в церковную казну и одна треть — в правительственную. При конфискации имущества рекомендовалось не иметь никакого сострадания к детям виновного, ибо, как гласит один из параграфов инструкции для инквизиторов, «по всем божеским и человеческим законам дети наказываются за грехи отцов».

Инквизиция существовала в Италии в XIII в. и позже (Рим, Венеция, Неаполь). Существовала она задолго до испанской и во Франции. Практиковалась в Нидерландах и в Германии. Но пальму первенства надо все же отдать Испании и ее «великому инквизитору»: испанская инквизиция была поистине «виртуозной». Поэтому познакомимся с ней несколько основательнее.

Обвиняемого содержали в небольшой сырой и мрачной камере — длиной в 5, а шириной в 4 шага, — где сиде-

ли шесть и более (смотря по улову) таких же узников. Спали они — мужчины и женщины — вместе, либо на полу, либо на нарах на грязной соломе. Все виды издевательств и насилия применялись к ним. За малейший протест раздевали догола и бичевали. Женщин насиловали. Из темницы выводили только на допрос. Если при допросе узник не винился, упорствовал, то наступал второй момент знаменитого суда — пытки.

Пытки тоже были разные. Их придумали изобретательные головы. И применялись они не как попало, а, так сказать, в плановом порядке.

Начинали с «кроткого увещевания» и «отеческого побуждения»: обвиняемый голый стоял перед орудиями пытки и «знакомился» с тем, что ожидало его.

Затем приходил черед «суровому испытанию», имя которому — дыба: узника со связанными на спине руками подымали вверх на веревке, привязанной одним концом к рукам, а другим перекинутой через блок; затем быстро опускали и вновь стремительно вздергивали. И это истязание, которое сами инквизиторы называли «умалением членов», повторялось несколько раз, пока измученный узник не выражал желания дать показания. Если эти показания не удовлетворяли палачей, они приступали к дальнейшим мерам «увещевания» грешников.

Третьим номером шло «испытание водой» (и для судей, и для палачей речь шла лишь об исполнении определенного номера, т. е. параграфа наказа для инквизиторов, не больше).

К чему же сводилось «испытание водой»?

Туго связанный по рукам и ногам еретик укладывался на стол с углублением наподобие корыта. Затем рот и нос его покрывали мокрой тряпкой и начинали медленно и долго поливать его водой. Мученик захлебывался, задыхался. Тряпка окрашивалась кровью, хлынувшей из носа и горла.

Если узник все же не сдавался, не признавал себя виновным (ему не в чем было каяться, не от чего отречься), то проводили «испытание огнем».

Ноги еретика забивались в колодку. Подошвы смазывались маслом и повертывались к огню. Кожа трескалась. Обнажались кости. Удушливым чадом распространялся запах горящего мяса. Мученик испускал душераздирающие крики. Редко кто выдерживал это последнее испытание: одни умирали под пыткой, другие, еле живые, сдавались «на милость» своих судей.

Так «святейшая» добивалась «признания» и самообвинения. И в этом деле не было пределов ее изобретательности: рассказанное не составляет и десятой доли тех мук, которым подвергали еретиков инквизиторы, эти суровые изуверы со злобной, прожженной фанатизмом душой.

После всех пыток оставшимся в живых выносился приговор: одним — вечное заточение, другим — удушение, третьим — сожжение на костре. Были, наконец, и такие «избранники» инквизиции, которых по ее приговору сперва душили, а потом сжигали. Чтобы избежать обвинения в кровожадности, инквизиция не исполняла своих приговоров сама, а поручала делать это представителям светской власти, лицемерно заявляя: «Мы передаем обвиняемого в руки светской власти, которую

просим и убеждаем, как только можем, поступить с виновным милосердно и снисходительно». А это «милосердие» сводилось к тому, что обвиняемый должен быть наказан «без пролития крови», т. е. либо удушен, либо сожжен на костре. Догадливая светская власть так это и понимала...

ПЫТКИ ВРЕМЕН ИНКВИЗИЦИИ

Уличенный или только подозреваемый в ереси лишался прав. Тело его отдавалось на благоусмотрение Церкви, и если самое мучительное физическое страдание могло принудить его сознать свое заблуждение, то не останавливались ни перед каким мучением, чтобы спасти его душу. Среди чудес св. Франциска, которые вызвали его канонизацию, приводят рассказ об известном Пьетро Ассизском; он был заключен в Риме в тюрьму по обвинению в ереси и передан в руки епископа Тоди, который, желая обратить его, заключил его в оковы и посадил в темную камеру на хлеб и воду. Доведенный, таким образом, муками до раскаяния, он, обливаясь слезами, воззвал к св. Франциску накануне праздника в честь его памяти. Тронутый его ревностью, святой явился и приказал заключенному выйти. Цепи упали, и двери тюрьмы растворились; но несчастный так обезумел, что уцепился за дверь и начал громко кричать; на его крики прибежали тюремщики, тотчас же явился в тюрьму и благочестивый епископ; он преклонился пред божественной силой и послал папе разбитые оковы, как свидетельство чуда. Еще поразительнее случай, приводимый Ниддером, как происшедший в бытность его профессором венского университета. Один священник, впавший в ересь, был ввергнут в тюрьму

своим епископом; самые выдающиеся богословы, трудившиеся над его обращением, признавались, что он был не менее их силен в диалектике. Полагая, что муки просвещают разум, они, в конце концов, приказали крепко привязать его к столбу. Веревки, впивавшиеся в мясо, вызывали такие мучения у несчастного, что, когда они пришли к нему на другой день, он настойчиво умолял их, чтобы его развязали и сожгли. Они бесстрастно отказали ему и оставили его привязанным еще на двадцать четыре часа. К концу этого времени пытки и истощение сломили его упрямство; он смиренно отрекся о заблуждений, удалился в монастырь Полит и вел там после этого примерную жизнь.

Понятно каждому, что Инквизиция не задумывалась прибегать к энергичным мерам, чтобы сломить упорство заключенного, который отказывался сознаться и отречься. Если надеялись достигнуть цели, играя на его семейной привязанности, то допускали к нему в камеру жену и детей, слезы и убеждения которых могли склонить его. После угроз прибегали к ласкам. Заключенного выводили из его смрадной тюрьмы и помещали в удобной комнате, где его хорошо кормили и где с ним обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и отчаянием. Искусные в умысле влиять на сердце человека, инквизиторы последовательно применяли все приемы, которые могли дать им победу в неравной борьбе против несчастного, выданного ему без всякой защиты. Одним из наиболее действенных приемов была медленная пытка бесконечными отсрочками разбора дела. Арестованный, который отказывался признаться или признания которого казались неполными, отсылался в свою камеру, и ему предоставлялось размышлять в уединении и в темноте. За исключением некоторых редких случаев, Инквизиция не дорожила временем: она могла

ждать. После многих недель и месяцев наступал, наконец, день, когда заключенный просил выслушать его снова; если его ответы были опять неудовлетворительны, его снова запирали, и он мог, таким образом, целые годы и даже десятки лет терпеть предварительное заключение. Если только смерть не освобождала его, он почти всегда сдавался; все авторы единогласно признают благотворное, хотя и медленное, действие одиночного заключения. Только этим — иначе трудно понять — можно объяснить страшную медленность многих процессов Инквизиции. Часто бывало, что между первым допросом заключенного и окончательным решением протекало три, пять или даже десять лет; у нас даже есть примеры еще более долгих отсрочек. Бернальда, жена Гильема де Монтегю, была заключена в тюрьму в Тулузе в 1297 г. и в том же году принесла признание, но в действительности она была приговорена к тюрьме только на ауто 1310 г. Я уже упоминал о Гильеме Гаррике, которого привели в Каркассон для дачи дознания в 1321 г. после почти тридцатилетнего тюремного заключения. На аутодафе 1319 г. в Тулузе был осужден Гильем Салавер, который дал недостаточные признания в 1299 г. и новые в 1316 г.; он держался так стойко, что Бернар Ги, побежденный, наконец, его упорством, отпустил его, приказав ему только в виде епитимии носить кресты, приняв во внимание его двадцатилетнее заключение. На этом же ауто было осуждено десять несчастных, которые только что скончались в тюрьме; двое из них дали свои первые признания в 1305 г., один — в 1306, двое — в 1311 и один — в 1315 г. Это ужасный прием не практиковался ни одним другим судилищем. Гильем Салавер был одним из участников в беспорядках в Альби в 1299 г.; многих привлеченных по этому делу судили почти немедленно. Их осудили епископ Бернар де Кастене и каркассонский инквизитор Николай д'Аббевиль; но некоторым досталась более жесто-

кая участь — заключение без всякого суда. Обратились к папе, и Климент V написал в 1310 г. епископу и инквизитору, назвав по имени десять несчастных, среди которых было несколько уважаемых граждан Альби, которые сидели в тюрьме в ожидании суда восемь лет и более; некоторые из них сидели прикованные на цепь в тесных и темных камерах. Папа приказал немедленно произвести над ними суд; его не послушали, и в следующей своей грамоте он упоминает, что несколько заключенных уже умерло, и снова повторяет свое приказание решить судьбу оставшихся в живых. Еще раз инквизитор, действовавший только по-своему, ослушался. В 1319 г. кроме Гильема Салавер, двое других — Гильем Кальвери и Изарн Колли — были выведены из темницы и отреклись от признаний, вызванных у них пытками. Кальвери и Салавер попали на ауто, торжественно совершенное в Тулузе в том же году. Мы не знаем, какому наказанию подвергся Колли, но в отчетах королевского комиссара Арнольда д'Ассали о конфискациях 1322—1323 гг. упоминается собственность некоего *Isarnus Colli condemnatus*, так что его конечная судьба не подлежит сомнению. На ауто 1319 г. выступают также имена двух граждан Корда Дуранда Буаса и Бернара Уврие (уже скончавшихся), признания которых помечены 1301 и 1300 гг.; несомненно, они принадлежали к тому же разряду несчастных, которым приходилось терзаться в безвыходном отчаянии десятки лет.

Когда хотели ускорить результаты, то ухудшали положение узника настолько, что оно становилось невыносимым. Как мы увидим ниже, тюрьмы Инквизиции были вообще невероятные конуры, но всегда была возможность, если это было в интересах инквизитора, сделать их еще более ужасными. *Durus carcer et arcta vita* — положение узника на цепи, полумертвого от голода, в яме без воздуха — считалось прекрасным средством

добиться признания. Ниже мы увидим пример этого жестокого обращения, которому подвергся в 1263 г. один свидетель, когда старались уничтожить могущественный дом графов Фуа. Отмечали, что соответственное уменьшение количества пищи ослабляло волю настолько же, насколько и тело, и узник делался менее способным устоять перед угрозами смерти, сменяемыми обещаниями снисхождения. Достаточно сказать, что голод считался одним из дозволенных законом и особенно действенных средств, чтобы привести к соглашению свидетелей и обвиняемых. В 1306 г. после официального следствия папа Климент V объявил, что узники обыкновенно были вынуждены приносить признания целым рядом мук, которым их подвергали в тюрьме, — это лишение постели, лишение пищи и пытка.

Можно удивляться, что инквизиторы, имея в своем распоряжении так много принудительных средств, находили нужным прибегать к более грубым и простым орудиям пытки. Употребление кобылы и дыбы затрагивало к тому же так грубо не только основные принципы христианства, но и все традиции Церкви, что применение этих средств Инквизицией для распространения и восстановления веры представляет одну из самых печальных аномалий этой мрачной эпохи. Я в другом месте отметил уже, с какой твердостью Церковь восставала против пытки; в грубый XII в. Грациан заявляет, считая это принятым положение канонического права, что ни одно признание не должно быть вынуждаемо муками. Кроме того, за исключением вестготов, варвары, создавшие государства современной Европы, не знали пытки, и их законодательные системы развились независимо от этого чудовищного обычая. И только тогда, когда римские законы стали пользоваться уважением, и когда Латеранский собор 1215 г. запретил ордалии, законоведы стали чувствовать необходимость прибегнуть

к пытке как к быстрому способу расследования. Более древние примеры, найденные мною, содержатся в Веронском кодексе 1228 г. и в Сицилийских Конституциях Фридриха 1231 г., но в обоих случаях пытка применялась с оговорками и после зрелого размышления. Даже сам Фридрих в своих жестоких эдиктах 1220 и 1239 гг. не упоминает о ней; согласно с Веронским декретом Луция III, он для людей, подозреваемых в ереси, предписывает обычную меру *purgatorium canonicum*. Но идея о пытке пошла быстрыми шагами в Италию. Когда в 1251 г. Иннокентий IV издал свою буллу *Ad extirpanda*, он одобрил применение пытки для раскрытия ереси. Однако вполне законное уважение к старинным предубеждениям не позволило Церкви уполномочить лично инквизиторов или их помощников применять пытку в отношении подозреваемых; было поручено светским властям принуждать всех захваченных еретиков признаться и выдать своих соумышленников, прибегая для этого к пыткам, которые должны были щадить жизнь и целостность тела, «подобно тому, как воры и разбойники должны признаться в своих преступлениях и назвать своих соучастников». Оставшиеся в силе церковные каноны запрещали лицам духовного звания принимать в этом участие и даже присутствовать при пытке, так что, если увлеченный ревностью инквизитор приходил посмотреть на страдания своей жертвы, он должен был очиститься раньше, чем снова приступить к отправлению своих обязанностей. Это не соответствовало политике Инквизиции. Быть может, вне Италии, где пытка была еще почти неизвестна, Инквизиция встречала какие-либо затруднения в своем стремлении обеспечить себе в этом содействие государственных чиновников; она всегда и повсюду жаловалась на усложнение судопроизводства, которое нарушало полную тайну, необходимую для ее действий. Так, в 1256 г. четыре года спустя после буллы Иннокентия IV, Алек-

сандр IV лицемерно устранил затруднение, дав инквизиторам и их помощникам право взаимно отпускать друг другу грехи и взаимно условиться относительно разрешения за «неправильности». Это разрешение, неоднократно подтверждаемое, рассматривалось как устраняющее всякое препятствие: отныне непосредственно сам инквизитор и его помощники могли подвергать подозреваемого пытке. В Неаполе, где Инквизиция была слабо организована, до конца XIII в. она употребляла в качестве заплочных мастеров государственных чиновников, в других местах ими являлись сами инквизиторы и их помощники. Даже в самом Неаполе в 1305 г. брат Томасо д'Аверса употреблял самые дикие пытки в отношении францисканских спиритуалов, а когда он увидел, что этими мерами нельзя довести их до самообвинения, то он прибег к гениальному средству: он в течение нескольких дней не давал есть одному из самых молодых братьев, а затем дал ему изрядное количество крепкого вина; когда несчастный опьянел, то было уже нетрудно заставить его признаться, что и он, и его сорок товарищей были все еретиками.

Пытка сокращала трату времени, и не приходилось долго держать обвиняемого под арестом; это был скорый и действительный прием, чтобы добиться желаемых признаний, и он скоро приобрел себе расположение Инквизиции, тогда как светский суд медлил применить его. В 1260 г. в грамоте, данной Альфонсом деПуатье городу Озону, специально говорится, что обвиняемые, каково бы ни было возводимое на них преступление, отнюдь не подвергались пытке. Это ясно показывает, что пытка медленно входила в употребление. В 1291 г. Филипп Красивый счел нужным ограничить злоупотребление; в своих грамотах сенешалю Каркассона он упоминает о недавнем введении пытки Инквизицией, причем следствием этого явились осуждения невинных,

и по всей стране распространились ропот и уныние. Он не мог вмешиваться во внутренние дела святого трибунала, но он смягчил зло, запретив производить аресты по одному простому требованию инквизиторов. Как можно было предвидеть, эта мера была только паллиативом; безразличное отношение к человеческим страданиям росло по привычке, и злоупотребления этим позорным приемом расследования стали только хуже и чаще. Когда крики отчаяния населения понудили Климента V назначить следствие по поводу беззаконий каркассонской Инквизиции, то кардиналы, посланные в этот город в 1306 г., были предварительно уведомлены, что пытки, которым подвергались обвиняемые, были настолько ужасны, что заставляли искать смерти; и, действительно, в документах следствия пытка упоминается как прием совершенно обычный. Но нужно отметить, что в дошедших до нас отрывках судопроизводства Инквизиции упоминания о пытке чрезвычайно редки. Вероятно, чувствовали, что упоминанием о пытках ослабляли до известной степени значение добытых свидетельских показаний. Так, в делах Изарна Колли и Гильема Кальвери, о которых мы уже упоминали, говорится, что они отреклись от своих показаний, данных под пыткой; но в протоколах, содержащих эти показания, нет никаких указаний на применение пытки. В 636 приговорах, занесенных в тулузский список с 1309 по 1323 г., единственное упоминание о применении пытки мы встречаем в деле Кальвери, тогда как есть много примеров показаний, данных осужденными, уже лишившимися надежды на спасение; очевидно, все эти показания были даны под пыткой. В эту эпоху тулузская Инквизиция находилась в руках Бернара Ги, который горячо настаивал на пользе пытки как верном средстве заставить говорить не только обвиняемых, но и свидетелей; и трудно сомневаться, чтобы он сам лично не прибегал к ней.

Следствие, назначенное Климентом в 1306 г., привело к попытке произвести реформу, которая в 1311 г. была одобрена венским собором; но Климент со своей обычной нерешительностью откладывал издание канонов, принятых собором, до самой своей смерти, и они были изданы только в октябре 1317 г. его преемником Иоанном XXII. Среди злоупотреблений, которые он думал сократить, было злоупотребление пыткой; для этого он предписал, чтобы она применялась только с согласия епископа, если с ним можно было снестись в течение восьми дней. Бернар Ги протестовал, говоря, что этим создаются препятствия для деятельности Инквизиции, и предложил заменить редакцию папы другой, совершенно ничего не значащей и гласившей, что пытка может быть применяема только «после зрелого и серьезного размышления»; но его протест не имел успеха, и правила Климента сделались и остались законом для Церкви.

Но инквизиторы вообще очень мало привыкли к дисциплине и не могли долго мириться с подобным ограничением их привилегий. Правда, неповиновение лишало их суд законной силы, и несчастный, перенесший ужасные пытки, примененные без согласия епископа, мог обратиться с жалобой к папе; но это не удовлетворяло его за претерпенные муки; кроме того, до Рима был далеко, и большинство жертв Инквизиции было очень бедно и беспомощно, чтобы прибегать к этой призрачной защите. В «Practica» Бернара Ги, написанных, по всей вероятности, около 1328—1330 гг., говорится только о совещаниях с экспертами, а не с епископами. Эмирик придерживается Клементина, но его указания, касающиеся вопроса, как поступать в случае нарушения этих правил, свидетельствует, что нарушения эти были очень часты; что касается Цангино, то он смело утверждает, что этот канон должен быть толкуем как разрешающий

пытку с одобрения епископа или инквизитора. В течение известных судебных процессов против вальденцев Пьемонта в 1387 г., если обвиняемый не сознавался на первом допросе, то надписывали, что «инквизитор остался недоволен»; узнику давали двадцать четыре часа срока на дополнение своих показаний, во время перерыва его подвергали пытке, чтобы ослабить его волю; затем на другое утро, если он оказывался послушным, отмечали, что признание было сделано без пытки и не в застенке. Кроме того, тонкие схоластики разъяснили, что Климент говорил вообще о пытке, а не упомянул именно о свидетелях; отсюда заключили, что пытка свидетелей — самое вопиющее злоупотребление Инквизиции — была оставлена на усмотрение инквизиторов; в конце концов, это было принято, как правило. Еще шаг, и признали, что обвиняемый, после того, как был уличен свидетельскими показаниями или признался сам, становился, в свою очередь, свидетелем по вопросу о виновности своих друзей, и что, следовательно, его можно было подвергать сколько угодно пытке, чтобы добиться от него разоблачений. Да даже тогда, когда соблюдались правила Климента, восьмидневный срок, предписанный ими, давал инквизитору возможность действовать по своему усмотрению, раз истек установленный срок.

Всеми признавалось, что свидетелей можно подвергать пытке, если будет видно, что они скрывают правду; но законоведы расходились в мнениях относительно того, при каких условиях оправдывалось применение пытки в отношении обвиняемого. Очевидно, если только не было прочного основания полагать, что имеется дело с еретиком, применение подобного способа розыска не находило себе оправдания. Эмерик говорит, что, когда имеется два свидетеля против обвиняемого, человек, пользовавшийся хорошей репутацией, может быть под-

вергнут пытке; тогда как человек дурной репутации может быть прямо осужден и подвергнут пытке на основании показаний одного свидетеля. Цангино, со своей стороны, утверждает, что показаний одного уважаемого лица достаточно, чтобы приступить к пытке, какой бы репутацией не пользовался обвиняемый; Бернард Комоский доходит до того, что заявляет, что для этого достаточно «народной молвы». Со временем были разработаны подробные инструкции для руководства инквизиторов по этому вопросу; но их считали бесполезными, так как окончательное решение было предоставлено усмотрению судьи. Само собой разумеется, немного нужно было, чтобы оправдать применение этого усмотрения, та как законоведы считали достаточным поводом, если обвиняемый на допросе проявлял страх, запинаясь или менял выражения своих ответов, хотя бы против него и не существовало никаких свидетельских показаний.

Правила, принятые Инквизицией для применения пытки, были впоследствии усвоены светскими судами всего христианского мира и поэтому заслуживают внимательного рассмотрения. Эмерик, указания которого по этому вопросу разработаны лучше и подробнее других, по крайней мере, в нашем распоряжении нет лучших, признает, что этот вопрос вызывает большие затруднения, разрешение которых неопределенно. Пытка должна была быть умеренная, и при этом должно тщательно избегать пролития крови; но как нужно понимать «умеренность» в этом деле? Некоторые узники были настолько слабы, что при первом обороте блока, сознавались во всем, что от них требовали; другие же были настолько упорны, что готовы были претерпеть все, и добиться правды от них было невозможно. Из тех, кто уже подвергался подобному опыту, одни могли сделаться более выносливыми, другие — более слабыми, ибо

руки некоторых становились более твердыми, но у большинства они навсегда делались более слабыми. В общем, взгляд судьи был исключительным правилом, которое играло здесь роль.

По закону, должны были присутствовать и епископ и инквизитор. Узнику показывали орудия пытки и убеждали признаться. Если он отказывался, его раздевали и скручивали веревками, затем снова убеждали говорить, обещая ему снисхождение во всех тех случаях, где было можно его применить. Это часто достигало желаемого эффекта, и мы в праве думать, что действительность пытки не столько вытекала из ее непосредственного действия, сколько от страшного ужаса, который внушала она множеству слабых душ. Но если угрозы и увещания не достигали цели, то пытку применяли с постепенно возрастающей жестокостью. Если обвиняемый продолжал упорствовать, то приносили новые орудия пытки и предупреждали жертву, что они один за другим будут применены к ней; если же и после этого несчастная жертва не ослабевала, то ее развязывали и назначали на другой или на третий день продолжение пыток. По правилу пытка могла применяться только один раз; но это предписание, как вообще все те, которые были направлены в пользу обвиняемого, легко обходилось; достаточно было приказать не повторить, а лишь продолжить пытку; и, как бы ни был велик перерыв между двумя последовательными действиями, почтенные казуисты могли продолжать их бесконечно. Можно было также заявить, что добыты новые свидетельские показания, и что они требуют для полного освещения новых пыток. Если старания инквизиторов продолжали разбиваться об упрямство жертвы, то ее подвергали тем же или еще более тяжелым пыткам. В тех случаях, когда не добивались ничего после мучений, найденных судьями достаточными, по мнению некото-

рых авторов, следовало отпускать несчастных на свободу с удостоверением, что за ними не найдено никакой вины; другие же думали, что их следует оставлять в тюрьме. Процесс Бернара Делисье в 1319 г. показывает нам другое хитросплетение, чтобы обойти запрещение повторных пыток: расследователи могли, во всякий момент следствия, приказать применить пытку, чтобы удовлетворить их любознательность по одному пункту и бесконечно продолжать ее ради освещения соприкасающихся пунктов.

Всякое признание, добытое в застенке, должно было быть потом подтверждено. Обыкновенно пытка применялась до тех пор, пока обвиняемый не выражал желания сознаться; тогда его развязывали и вносили в соседнюю залу, где выслушивали его признания. Если же признание было сделано в комнате пыток, то его после читали узнику и спрашивали его, правдиво ли оно? Существовало, правда, правило, предписывавшее перерыв в двадцать четыре часа между пыткой и признанием или подтверждением признания, но обыкновенно это не исполнялось. Молчание считалось знаком согласия. Продолжительность молчания определялась судьями, которые должны были принимать во внимание возраст, пол и физическое или нравственное состояние узника. Во всех случаях признание записывалось в протокол с отметкою, что оно сделано добровольно, без угроз и принуждения. Если обвиняемый отрекался от своего признания, то его можно было снова подвергнуть пытке, которая являлась лишь продолжением прежней (заботливо говорят нам), за исключением случая, когда решали, что он уже был «достаточно» подвергнут пытке.

(Генри Чарльз Ли. История Инквизиции. — М., «Ладомир», 1994.)

Когда судья решается прибегнуть к пытке обвиняемой, он составляет следующий приговор: «Мы, судья и заседатели, принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, такого-то, из такого-то города, такой-то епархии, пришли к заключению, после тщательного исследования всех пунктов, что ты в своих показаниях сбивчив, ибо ты говоришь, что произнес такую-то угрозу, но не имел намерения поступать согласно ей. Имеются к тому же различные улики. Их достаточно для того, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому мы объявляем и постановляем, что ты должен быть пытаем сегодня же, в такие-то часы. Приговор произнесен» и т. д.

Но это не означает, что судья решил тотчас же прибегнуть к пыткам. Он лишь переводит обвиняемую с положения лица, содержащегося в предварительном заключении, на положение лица, находящегося в тюрьме для наказания. За сим судья призывает друзей обвиняемой и сообщает им, что она избегнет наказания и смерти, если признается в правде. Частые размышления, тяжкие условия заключения и увещевания рассказать правду делают ее склонной к признаниям. Нам случилось видеть, что ведьмы вследствие разумных увещеваний доходили до того, что плевали (против черта) на пол и восклицали: «Убирайся прочь, проклятый черт! Я сделаю то, что справедливо». И признавались в своих преступлениях.

Если судья безуспешно ждал некоторое время признаний обвиняемой, которая была неоднократно увещиваемая, то, имея уверенность в том, что обвиняемая продолжает заператься в правде, он приступает к умеренным

пыткам, не прибегая к кровопролитию. Ведь известно, что допросы под пыткой обманчивы и, на что уже раньше указывалось, зачастую остаются без результата. Перед началом пытки обвиняемый раздевается. Если это женщина, то она раздевается надежными почтенными женщинами. Это делается для того, чтобы исследовать, не вшито ли в ее одеяние какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению бе-са, когда они пользуются членами тела некрещенного мальчика. Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает обвиняемой добровольно признаться. Если она упорствует, то она передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

Спрашивается, может ли судья обещать жизнь человеку, о котором ходит дурная молва и который имеет против себя как показания свидетелей, так и улики, но который еще не сознался в своих злодеяниях? Мнения ученых здесь различны. Одни думают, что подобная ведьма может быть оставлена в живых и приговорена к пожизненному заключению на хлебе и воде, если только она выдаст других ведьм и снимет наведенную порчу. Но только не надо сообщать ей, что она будет содержаться в тюрьме. Ее надо лишь уверить, что жизнь будет ей сохранена и что на нее будет наложено некоторое наказание. Другие ученые полагают, что это обещание надо держать лишь некоторое время, а потом ведьму все же следует сжечь. Некоторые считают возможным, чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, но смертный приговор обязан вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни.

Первое решение наиболее полезно ввиду использования ведьм для снятия порчи. Но не может быть разрешено изгонять чары чарами же. Однако не препятствуется предотвращать или устранять околдования суетными или суеверными средствами. Опыт, практика и многообразные занятия дают судьям столько знаний, что они могут вернее решать, что дозволено, а что нет. Во всяком случае, не подлежит сомнению то, что многие ведьмы признавались бы в правде, если бы они из-за боязни смерти не упорствовали.

Если ведьмы, несмотря на угрозы и на обещания дарования жизни, продолжают упорствовать, то пусть палачи исполнят приговор о пытках по обычному способу, не прибегая ни к новым, ни к утонченным приемам. Ведьмы подвергаются более легким или более мучительным пыткам, смотря по тяжести преступления. Во время пыток им задаются вопросы касательно тех проступков, за которые их пытаются. Вначале задаются вопросы, затрагивающие более мелкие проступки. Ведь ведьмы скорее сознаются в них, чем в тяжких преступлениях. Допрос во время пыток записывается нотариусом. Прими к сведению, что коль скоро ведьма созналась, она переводится в другое помещение с тем, чтобы судья мог снять с нее показания, заключающие ее признание. Если умеренно пытаемый продолжает запереться, то перед ним раскладывают иные орудия пытки, и он предупреждается, что они будут применены к нему, если он не скажет правды. Если он и после этого упорствует, то в его присутствии читается приговор о продолжении допроса под пыткой на второй и третий день. Здесь может идти речь только о продолжении пытки, а не о повторении ее, так как пытка не может быть повторяема, если не имеется налицо новых улик. Приговор о продолжении допроса под пыткой гласит: «Мы, вышеуказанные судья» и т. д. «назначаем для тебя, такого-то, на

такой-то день, продолжение допроса под пыткой, чтобы правда была произнесена из твоих собственных уст». Весь ход такого допроса записывается нотариусом в протокол. Пусть судья и другие до начала продолжения пыток стараются убедить обвиняемого в необходимости сказать правду. Судье следует также позаботиться о том, чтобы заключенный все время между пытками был под наблюдением стражи. Ведь черт посетит его и будет его искушать наложить на себя руки, или потому, что он не желает ему больше помогать, или потому, что бог принуждает покинуть его. Это черт может знать лучше, чем это возможно почерпнуть из книг.

Как не все болезни лечатся одним и тем же лекарством, а для каждой имеются определенные лекарства, так и не ко всем еретикам и не ко всем подозреваемым в еретичестве надо подходить одинаково при постановке вопросов, при инквизиции против них и при допросах. В зависимости от секты и личности обвиняемого видоизменяется и форма расследования. Судья, как умный врач, стремящийся отсекаль дряхлые и больные члены и отделять паршивых овец от здоровых, должен наперед знать, что обвиняемая зачастую обладает колдовским искусством упорно замалчивать правду при допросах. Сломить это упорство не представляется возможным одним каким-либо средством. Указать одно какое-либо средство было бы неправильно и потому, что сыны тьмы, видя постоянное применение этого средства, стали бы легче избегать его поражающих свойств и нашли бы ему противодействие. Пусть умный и ревностный судья видоизменяет форму допроса в соответствии с ответами и уверениями свидетелей, с личным опытом или с личным разумением. При этом он должен принимать во внимание различные признаки, по которым возможно определять ведьм.

Так, если судья хочет узнать, дано ли ведьме колдовское упорство в сокрытии правды, пусть исследует, может ли она плакать, когда находится на допросе или на пытке. По мнению сведущих людей и на основании личного опыта, это отсутствие слез указывает самым определенным образом на вышеназванный колдовской дар. Ведьма, несмотря ни на какие увещания, не может проливать слез. Она будет издавать плаксивые звуки и постарается обмазать щеки и глаза слюной, чтобы представиться плачущей. Окружающие должны внимательно наблюдать за ней. Но, чтобы добиться ее действительных слез, если она невиновна, судья или пресвитер должен возложить на нее руку и произнести: «Я заклинаю тебя горчайшими слезами, пролитыми нашим Спасителем и Господом Иисусом Христом на кресте для спасения мира. Я заклинаю тебя самыми горячими слезами преславной девы, его матери, пролитыми ею над его ранами в вечерний час, а также и всеми слезами, пролитыми здесь, на земле, всеми святыми и избранныками божьими, глаза которых бог отер теперь от каждой слезы для того, чтобы ты, поскольку ты невиновна, пролила бы слезы. Если же ты виновна, то слез не лей. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

Опыт показал, что чем больше их заклинали, тем меньше они могли плакать, хотя они старательно побуждали себя к плачу и увлажняли щеки слюной. Однако возможно, что они после, в отсутствии судьи и находясь вне застенка, плачут в присутствии стражи. Что им мешает плакать? Так как благодать проливания слез у кающихся принадлежит к важным дарам бога (как это утверждается Бернардом, говорящим, что смиренная слеза возносится к небу и побеждает непобедимого), то не может быть сомнения в том, что она весьма противна врагу спасения. Поэтому-то никто не может сомневаться в том, что нечистый ревностно хочет помешать про-

литою слез, чтобы в конце концов готовность к раскаянию не имела места.

Свойство женщин — это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попущения, даже и ведьма заплачет. Судьбы Господа неисповедимы. Плачущая обвиняемая доказала бы своими слезами свою невиновность, если нет обличающих показаний свидетелей и улик, могущих возбудить против нее сильное и тяжкое подозрение. От легкого подозрения против нее, возникшего вследствие идущей о ней худой молвы, она всегда может очиститься клятвенным отречением от ереси.

Судье и заседателям надо обратить внимание и на то, чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья их рук. Для предохранения себя им, во всяком случае, надлежит носить у себя на шее: соль, освященную в вербное воскресенье, и освященные травы, а также воск. Ведь ведьма способна навести порчу не только прикосновением, но и дурным глазом и словом. Во время допроса под пытками они особенно способны к околдованию, когда ведьмы, взглянув первыми на судью и его заседателей, приводили их в такое состояние, что сердца их теряли свою суровость по отношению к обвиняемым и последние вследствие того бывали выпускаемы на свободу. О, если бы ведьмы не обладали такой способностью!

Итак, когда обвиняемая вводится в камеру суда, нельзя позволить ей войти лицом вперед. Ее следует вводить лицом назад, спиной к судьям. При допросе защищай себя крестным знаменем и мужественно нападай на нее. Так с божьей помощью будут сокрушены силы

старого змея. Пускай никто не сочтет за суеверие то, что ведьма вводится в камеру суда задом наперед. Ведь канонисты (как мы уже указывали) признают допустимым противодействовать суетности суетными же средствами.

Предохраняет от распространения околдования и соби-
рание волос со всех частей тела ведьм. Это производится на том же основании, на каком осматриваются и обы-
скиваются одежды ведьм. Случается, что ведьмы, для
достижения упорного запираательства при пытках, но-
сят спрятанными, не только в одеяниях, но и волосах
тела, разные суеверные амулеты. Они носят эти амуле-
ты и на таких местах своего тела, которые мы не реша-
емся назвать из чувства скромности. Конечно, демон
может укрепить упорство ведьмы при допросах и без
помощи амулетов. Но он пользуется этими суеверными
вещами для того, чтобы погубить душу и чтобы оскор-
бить божье величие. Вот например: некая ведьма в Га-
генау для укрепления силы запираательства прибегла к
следующему средству. Она убила некрещеного перво-
родного ребенка мужского пола, сожгла его в печке вме-
сте с другими вещами, называть которые не подобает, и
превратила все это в золу. Ведьма или преступник, но-
сивший при себе не мог признаться в своих преступле-
ниях. Ясно, что если бы даже было бы убито сто тысяч
мальчиков, то и это не породило бы указанных колдов-
ских свойств. Черт же пользуется этим средством для
погибели душ и для оскорбления божьего величия.

Способность упорного запираательства, как сказано,
свойственна не только ведьмам, но и простым преступ-
никам. Эта способность имеет тройкое происхождение.

1) Она лежит в прирожденной силе характера. Ведь слабовольные скоро падают духом и при пытке согласны во всем сознаться, даже и в ложно взводимых на самих себя преступлениях. Другие же имеют столь твердую волю, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не сознаются. Особенно стойкими оказываются те, которые уже не в первый раз допрашиваются под пытками. Суставы их рук входят после пытки на свои старые места столь же скоро, как и выворачиваются при начале пытки.

2) Эта способность зависит также от употребления вышеуказанных амулетов, носимых или зашитых в одежде, или скрывааемых в волосах на теле.

3) Случается, что это упорство зависит от околдования заключенных ведьм другими ведьмами, находящимися на свободе. Так, некая ведьма в Инсбруке неоднократно хвасталась тем, что если бы она имела лишь одну нитку из одежды заключенного, то она достигла бы того, что он, несмотря ни на какие пытки, не сознался бы.

Но как согласовать с этим случаем то, что произошло в епархии Регенсбурга, когда некие еретики, сознавшиеся в своих колдовских преступлениях и брошенные в огонь, не сгорели, а брошенные затем в воду, не потонули? Видя это, духовенство назначило трехдневный пост для всей своей паствы. Вслед затем было узнано, что указанные еретики потому не могли быть умерщвлены, что у них под мышкой, между кожей и мясом, были вшиты амулеты. Когда же эти последние были найдены и уничтожены, то огонь тотчас сжег еретиков. Говорят, что некий некромант узнал о месте сокрытия этих амулетов у демона. Вероятно, демон принужден был открыть тайну под влиянием божьей силы. Вообще же он

всегда работает во вред вере. Ежели в практике какого-либо судьи произойдет подобный случай, то пусть он знает, что ему нужно делать: он должен прибегнуть к божьей помощи, чтобы силою постов и молитвы набожных людей демоны были прогнаны от ведьм, если ни переменной одежды, ни бритьем волос нельзя достигнуть признания ведьм даже при пытке. Подобное сбривание, и именно в половой области, считается в немецких странах неподобающим. Поэтому мы, инквизиторы, к этому средству и не прибегаем. Мы пользовались для того, чтобы сломить заперательство ведьм, другим способом. Сбривая волосы с головы ведьм, мы вливали одну каплю освященного воску в бокал с освященной водой и давали им пить три дня подряд натошак, призывая при этом пресвятую троицу. В других странах инквизиторы предписывают сбривание волос по всему телу. Так, инквизитор из Комо сообщил нам в прошлом году (1485), что он сжег сорок одну ведьму, предварительно сбрав все волосы на их теле.

На вопрос о том, можно ли прибегать к содействию ведьм для уничтожения околдований, насланных другими ведьмами, когда не представляется никаких других возможностей побороть чары, надо ответить: как бы ни обстояло дело с открытием амулетов еретиков с помощью некроманта, однако мы увещеваем во имя Господа не призывать на помощь ведьм. Ведь иначе оскорбляется божье величие. А других разрешенных способов борьбы против околдований очень много. Среди них укажем на следующие: во-первых, околдованный человек должен быть прилежен, трудолюбив и должен искать в первую очередь божьей помощи; во-вторых, пусть он обратится за советом к сведущим людям, которые, вероятно, укажут ему на такое действительное средство, о каком он и не думал; в-третьих, надо искать помощи и опоры у набожных людей.

(Я. Шпренгер, Г. Инститорис. Молот ведьм. — М., «Просвет», 1992.)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ПРАВЕ ГОСУДАРСТВА СЕРЕДИНЫ XV — СЕРЕДИНЫ XVI вв.

Отдельные факты применения телесных наказаний XV в. не дают возможности выявить общую картину. В псковской судной грамоте, например, этот вид каре еще не обнаруживает своих уголовно-правовых целей. Лишь к моменту издания Судебника 1497 г. применение телесных наказаний приобретает характер определенной системы. На их развитие влияла, конечно, и политика Орды, и рецепция элементов византийского права, значение которых, впрочем, не следует преувеличивать. «Правоподражательная» практика была лишь частью карательной политики.

На рубеже XV—XVI вв. определяющее влияние на развитие русского права начинают оказывать внутренние общественно-политические процессы. Не только в начале XVI в., но и в более позднее время государственный аппарат России, складывающийся в условиях ускоренной централизации, с большим трудом мог обеспечить внутренний правопорядок. Отсюда понятна упорная борьба государства с должностными «нерадениями», нашедшая отражение во всех русских Судебниках. Так случается всегда, когда потребности государственного развития опережают его практические возможности. И тогда на помощь государству призываются палки и плети. Во всех четырех рассмотренных

ниже группах правонарушений с применением телесных кар как общая доминанта прослеживается неспособность государства поддерживать правопорядок иными средствами.

Первая категория дел, по которым XV в., применялись телесные наказания, связана с противогосударственной деятельностью и изменой. Как правило, по делам такого рода полагался самый тяжелый вид наказания — торговая казнь, применявшаяся чаще всего к представителям феодальных верхов, замешанным в политических интригах. В Судебнике 1497 г. она упоминается (но не фиксируется терминологически точно) в ст. 9 по отношению к «крамольнику». Отсутствие строгой фиксации не случайно. Телесные наказания являлись не более, чем реакцией государственной власти на существование политической оппозиции. И применяться они могли в разных вариантах. В 1462 г., например, политическим противникам князя Василия рубили руки. Чаще применялось наказание кнутом, как это было с участниками заговора Андрея Старицкого. Торговая казнь за государственные преступления выступала как бы в дополнение к смертной: если последняя по каким-либо причинам применена быть не могла, использовалась торговая казнь, имевшая «позорящее» значение (отсюда выражение летописца: «соромити торговой казнь»). В дальнейшем телесные наказания и пытки по делам «крамоле» применялись постоянно.

Второй группой правонарушений, за которые Судебник 1497 г. назначает телесные наказания, являлась кража. Собственность, как основа феодального способа производств вполне естественно защищается наиболее жестокими карами. Резкий скачок в развитии преступности в первой половине XVI в., связанный с посягатель-

ствами на собственность «татей» и «лихих», в какой-то степени являлся следствием того тяжкого положения, в котором оказалась страна после свержения ига. Духовное напряжение народа, его материальные возможности были на пределе; тяжкое бремя государственных налогов способствовало конфронтации верхов и низов. Не случайно Сигизмунд Герберштейн считает именно бедность «московитов» основой их пороков и корыстолюбия: «государь знает, что его подданные угнетены ею» и поэтому смотрит сквозь пальцы на их проступки. Сложность ситуации правительственные круги, несомненно, понимали. С одной стороны, признавалась ценность личности как военной и фискальной единицы. В силу этого политика казней рассматриваемого периода отличалась наибольшей умеренностью. Но как ни преуспевало государство на поприще политического лавирования, перед ним стояла необходимость все нового и нового увеличения доходов, что неизбежно обостряло социальные конфликты. В такой ситуации кнут размеренно опускался на плечи посягнувших на собственность, пресекая желание подданных незаконно завладеть ею.

Статья 10 Судебника 1407 г. устанавливала торговую казнь за любую первую «татьбу» (кражу), кроме квалифицированной («церковные татьбы и головные»). Ситуация с церковной кражей ясна — она и в первый раз каралась смертью как особо дерзостное преступление (статья 9). Труднее обстоит дело с понятием «головная татьба». Комментаторы текста Судебника полагают, что речь шла о «татьбе», которая сопровождалась убийством людей, которой в действительности была посвящена 9 статья («головного казнить смертной казнью»). Спрашивается, зачем было повторять эту же ситуацию в статье 10? По нашему мнению, более справедлива уже высказанная в литературе точка зрения о том, что под»

головной татьбой» подразумевалась кража людей, причем не обязательно холопов (на сословную принадлежность статья не указывает). Особенность конструкции статьи заключается как раз в том, что наказание кнутом назначалось за посягательство на собственность безотносительно к сословной принадлежности лица. Таким образом, объединительным фактором выступала не сама собственность, а способ завладения ею.

Такое толкование «головной татьбы» находит косвенное подтверждение и в сводном Судебнике 1606—1607 гг. Статья 150 устанавливала смертную казнь за изготовление фальшивых «полных» и «докладных» грамот на свободных людей в приграничных таможах. Речь шла о махинациях, связанных с насильственной продажей фальшиво похолопненных людей за рубеж. Свободная личность здесь, несомненно, подразумевается.

На основании этого мы можем заключить, что в Судебнике 1497 г. речь шла о краже людей для любых целей, будь то продажа за пределы страны или использование в воровских делах. Кража детей каралась по этой же статье. Остается добавить, что С. Герберштейн, анализируя содержание Судебника, недвусмысленно толковал содержание этой статьи как «похищение людей», караемое смертной казнью.

Наказание кнутом по ст. 10 не освобождало виноватого от обязанности возместить пострадавшему всю сумму убытков. Лишь после их прикрытия он поступал в распоряжении судьи. При отсутствии у похитителя материальных средств, необходимых для возмещения ущерба, он в обязательном порядке выдавался потерпевшему «головою до искупа» (т. е. для отработки). Архаичный институт ответственности личностью виновного со-

хранялся государством для максимального обеспечения интересов собственника. Вся ситуация относилась к обычному «татю», а не к «ведомому лихим». Последний, в случае новой кражи безусловно карался смертью. Даже обычный вор в случае повторной кражи безусловно при отсутствии у него средств к возмещению убытков подлежал смертной казни, перед которой могло применяться и телесное наказание. Назначение смертной казни за вторую кражу следует оценить как ужесточение правовой нормы: в кодексах периода феодальной раздробленности она назначалась за третью кражу. Таким образом, кнут в рассматриваемой ситуации не только выполнял функции устрашения, но и являлся средством воздействия на преступника.

К третьей группе правонарушений телесными наказаниями следует отнести все другие посягательства на собственность. Статья 62 Судебника 1497 г. вводит его за порчу знаков, межей или граней на княжеских, боярских и монастырских землях независимо от сословной принадлежности нарушителя. На практике, конечно, действие статьи распространялось прежде всего на крестьян и представителей низшего звена вотчинной администрации как на конкретных виновников нарушения границ земельной собственности. Самых феодалов представить в роли нарушителей межи довольно трудно. В их среде получила распространение подделка документов на право владения землей. В 1488 г., например, били на торгу Чудовского архимандрита, князя Ухтомского и других за подделку земельных грамот.

Нарушение границ крестьянской земельной собственности в статье Судебника оговаривается особо. На виновных накладывается денежный штраф, телесных наказаний нет. Такое раздвоение статьи показывает оза-

боченность государства охраной именно феодальной собственности. Интересы низов не так важны — крестьяне будут платить подать за землю в необходимом объеме независимо от того, кому из них конкретно она принадлежит.

Применение кнута за нарушение феодальной собственности достаточно ясно характеризует цели законодателей и одновременно показывает ужесточение карательной практики по сравнению с периодом феодальной раздробленности. Аналогичная статья Двинской Уставной Грамоты, например, вообще не предусматривала телесных наказаний, ограничиваясь во всех случаях штрафом.

Четвертая группа правонарушений, связанных с применением телесных наказаний, Судебником не зафиксирована, но являлась, видимо, очень распространенной. В теологическом сознании средневековья общество представлялось статичным и неизменным. Мерилом нравственности были библейские положения, отражавшие не столько правовую, сколько этическую и бытовую сторону жизни. Соответствие повседневного поведения подданных религиозным устоям было в центре внимания государства и церкви, причем правонарушение от нравственно-морального отклонения в быту подчас отделить было трудно. В европейском праве это проявилось в господстве варварских наказаний за нарушение семейных устоев, прелюбодеяние и т. д. В глазах государства и церкви бытовые отклонения казались не менее опасными, чем другие виды преступлений. В Русском государстве с его официально провозглашенным торжеством православия в окружении «неверных» и народов с «порухенным» христианством стремление максимально унифицировать быт должно было быть (и

было) весьма сильным. Из-за своей распространенности отклонения бытового характера не могли вызвать масштабных карательных действий. Излишнее рвение в данном случае могло лишить государство значительного числа подданных, а практицизм не был чужд средневековому праву. Отсюда берет начало широкая область административных мер по «вколачиванию» населению должного образа поведения. Церковь признавала побои действенной мерой нравоучения, и государство практиковало их в стремлении облагодетельствовать народ по собственному пониманию и собственными средствами. С течением времени нравоучительные побои стали прерогативой помещиков, осуществлявших административно-полицейские функции в отношении крестьян.

Такие побои широко применялись в разных бытовых ситуациях, и источники зафиксировали далеко не все случаи. С. Герберштейн рассказывает, что улицы Москвы перегораживались решетками, и с наступлением темноты никто не мог пройти через них. Если загулявший житель опаздывал домой, его сажали в карательную избу до утра, а поутру давали «горячих» палками или плетьюми. Посольство С. Герберштейна наблюдало в Москве сцены экзекуций над пьяными священниками, всенародно подвергавшимися бичеванию. Интересно, что они воспринимали наказание как должное и жаловались лишь на то, что экзекуция осуществлялась лицами «низкого» звания. Плеть и палка в борьбе с пьянством играли в дальнейшем значительную роль. Позднее к ним присоединились штрафы. Опричник Г. Штаден сообщает, что подобранных пьяных облагали штрафом в 10 алтын, а содержатели тайных питейных заведений, помимо выплаты двухрублевого штрафа, публично «отделывались» батогами. Палка использовалась сторожами приказов для наведения порядка. Сто-

глав предписывал изгонять из города плетьюми странников, явившихся для сбора денег и подаяний в обход распоряжений церковных властей (фактически это была борьба с квалифицированным нищенством), чтобы «прочие имели страх так не делать».

К середине XVI в. палочная дисциплина уже укоренилась довольно прочно и имела почву для дальнейшего распространения. В течение полувека после издания Судебника 1497 г. применение телесных наказаний сделало качественный скачок. Этому способствовало и земско-губное «строение». Деятельность земских и губных изб была связана с «выколачиванием» признаний у «лихих» людей, применение пыток и иных расправ чередовалось с кнутом, в результате чего различие между телесным наказанием и пыточной процедурой постепенно стиралось. С. Герберштейн рассказывает о строгом контроле над пыточной процедурой до земско-губных реформ. Круг лиц, имевших право применять пытки, был ограничен, и «большинство злодеев» направлялось в Москву или другие «главные города» для ведения следствия. В губных же избах пыточная процедура и кнут стали обычным и повседневным явлением. По земско-губному законодательству наказанию кнутом могли быть подвергнуты даже участники процесса за неправильные показания по «лихим делам».

В советской исторической литературе поставлен вопрос о возможности двух путей социально-экономического развития России в середине XVI в. — по линии крепостничества или предбуржуазных отношений. Признавая важность для второго варианта развития земско-губных преобразований, следует учесть, что сам политический режим и его карательная практика «подтачивали» страну на первый путь. Поэтому параллельно

с земско-губным «строением» возрождались и даже развивались наиболее варварские принципы уголовного права — коллективной ответственности и объективного мнения. Государственные интересы приобрели всеобъемлющее и самодовлеющее значение и в правлении Грозного сделались обязательными как для феодалов, так и для рядовых граждан. Личность с ее собственными, отличными от официальных предписаний интересами, становилась все более нетерпимой для государства. Нравственные идеалы и необходимость единства действий власти и народа в борьбе за свержение ига со временем обернулись тотальной идеологической регламентацией.

Прежде чем перейти к анализу государственных акций в исследуемой области середины XVI в., отметим одну особенность русской карательной политики. Если в применении казней Московская Русь была несравненно гуманнее Европы, то телесные наказания здесь постепенно стали едва ли не повседневной практикой. Государство начинало терять грань между телесным наказанием как юридически действием и акциями «раздачи боли» своим подданным, не желавшим следовать предписаниям властей. Все это определило дальнейшее расширение телесных кар как одного из методов государственного управления.

В середине XVI в. в государственной и общественной жизни России произошли крупные изменения. Вышел новый Судебник, начали функционировать земские соборы, проводятся масштабные законодательные акции в важнейших сферах общественно-политической жизни. Думается, что современникам казалось, будто после трудностей 30—40-х гг. установилась, наконец, политическая стабильность. Вслед за многообещающими заяв-

лениями Ивана Грозного на соборе 1549 г. о своей приверженности «правде» и взаимном «прощении» правительство встало на путь реформ и, казалось, твердо следовало курсу укрепления законодательных основ. Законодательная деятельность первых лет самостоятельного царствования Ивана IV в глазах современников выглядела образцом справедливости. Англичанин Джером Горсей, побывавший в России в начале 70-х гг. XVI в., писал об этом времени в своих записках: «Царь привел к определенной и точной форме писанного закона двусмысленные и неясные обычаи и судопроизводство, предоставив каждому подданному уразуметь смысл закона и самому, без ходатая вести тяжбу своего дела, а в важных случаях обращаться беспрепятственно к верховному суду правительства».

Особенно важно то обстоятельство, что укрепление законодательных основ мыслилось государем как средство успешного решения военных, внешнеполитических и социально-экономических проблем страны. Создавалась иллюзия, что реформы государственного аппарата, войска, финансов (в конечном счете — управления) будут панацеей от всевозможных бед. Именно поэтому в 40—50-е гг. XVI в. интенсивная реформаторская деятельность проявилась в реорганизации управления. В литературе справедливо отмечалось, что в понимании Ивана IV управление должно было представлять стройную систему, в которой права верховной власти определялись христианской идеей подчинения подданных. Посмеявшие перечить власти объявлялись великими грешниками. Целесообразность государственной политики становилась основанием ее законности. «Раздача боли» подданным в виде кнута и плетей занимала во внутренней политике все более весомое место. Английский исследователь В. Купер пришел к выводу, что и в Европе сечение рассматривалось как необходимое условие под-

чинения личности церкви и своего рода «удовлетворение» за совершенные грехи.

Все законодательные акции молодого царя в области телесных наказаний имели непосредственное отношение к проблеме управления. В литературе уже приводился подробный перечень соответствующих статей Судебника 1550 г. Широкое распространение получили в нем телесные наказания за противоправные действия должностных лиц, взятки, лжесвидетельства и т. д. Например, за фальсификацию протоколов суда подъячий подвергался торговой казни (ст. 5); согласно статье 28, то же наказание ему следовало и за обнаружение у него дел, не заверенных подписью и печатью дьяка (что давало повод предполагать их подделку). «Недельщика», уличенного во взятке для себя, вышестоящих лиц, или «под них», также полагалось подвергнуть торговой казни вместе с выплатой тройной суммы взятки (ст. 32), как и его помощника за незаконные поборы с населения (ст. 47). За корыстную связь «недельщика» с «татями» и разбойниками полагались кнут, штраф и тюрьма (ст. 53, 54). Такой набор средств свидетельствует об известной неуправляемости судебного аппарата.

В Судебник 1550 г. был включен указ, разрешавший истцу, ответчику и свидетелям никаких «обещаний» в суде не давать. За ложные показания свидетели приговаривались к возмещению убытков, сумма иска и к торговой казни (ст. 99). Целая серия статей предусматривала наказание кнутом за лжесвидетельства и оговоры членов суда жалобщиками (ст. 6, 8—11, 33, 34). Широко применялся кнут и по «лихим делам» как пыточное средство и как вид наказания. Установился даже принцип своеобразной децимации, зафиксированный Уставной книгой разбойного приказа (1555—1556 гг.). «Обы-

ские» люди одобрившие «ведомого лихим», выборочно получали кнут («обыскных людей лутчих дву или трех бити кнутьем»).

Судебник сохранил наказания кнутом за нарушение границ феодальной собственности (ст. 87) и торговую казнь за первую «татьбу» (ст. 55), но ввел для «татя» дополнительные телесные кары. Если у правонарушителя не было средств для покрытия убытков, он выдавался «головою на правеж до искупа» при обязательном ручательстве пострадавшего выдать виновного государственным органам после уплаты денег. Понятно, какими тяжелыми последствиями мог обернуться такой правеж для нарушителя при отсутствии четкой регламентации процедуры в законе. Видимо, неурегулированность правежей и открытые злоупотребления в этом отношении потребовали в середине XVI в. законодательного вмешательства. В 1555 г. была утверждена «Память о правеже долгов». Применение правежей было средством принудительного обеспечения интересов заимодавцев, и рассматривать их как юридическое наказание вряд ли правомерно. Государство укрепляло обеспечение обязательств путем палки, определив тем самым перспективы «правового» воздействия на торгово-имущественную область. Указанный документ ограничивал срок правежа одним месяцем, после чего неплательщик выдавался истцу «головою до искупа». Отсрочка правежа по ходатайству виновного не должна была превышать месячного срока во избежание «волокиты».

Широкое распространение практики правежей оказало пагубное влияние на общественную нравственность и мораль, и явилось свидетельством проникновения палочной дисциплины в повседневную жизнь. По мнению

Н. Евреинова, жестокость правежей укоренила в народе поговорку «в ногах правды нет». В числе причин развития этой практики главенствующую роль играло имущественное неблагополучие населения. Применение имущественных санкций обеспечения долгов не имело под собой реальной материальной основы. Приговор о губных делах, вышедший почти одновременно с «Памятью о правеже», предписывал обязательное обращение долгов на вотчины, поместья и имущество, стоящих на правеже. Документ свидетельствует о наличии большого количества должников, которые по несколько лет сидели в тюрьме, в то время как истец не имел никакой надежды на удовлетворение иска. Сознвая бессмысленность создавшейся ситуации, законодатель фактически освобождал виновных от правежей и тюрем, передавая их на правежи «для иных дел», но при отсутствии имущества у виновных конечные цели взысканий были совершенно лишены оснований.

Для характеристики внутренней политики XVI в. важен и Домострой — памятник, вышедший из ближайшего окружения Ивана Грозного. Домострой санкционировал побои детей как лучшее средство их воспитания: от побоев «чадо» «не умрет, но здоровее будет»; «сокруши ему ребра» в юности, ибо потом будет поздно. Желю следовало «плетью, с наказаньем бережно бить: и разумно, и больно, и страшно, и здорово», причем «без гнева», с христианской назидательностью, «вежливенько». Домострой проповедовал палочный быт семьи, построенные на непререкаемом авторитете ее главы, мужчины, который, в свою очередь, рассматривался как преданный слуга царя. Согласно Домострою, все были обязаны молить Бога о благе государя и верно служить ему под страхом адских мук. Так же ревностно и смиренно следовало служить и другим властям, «не искать земной славы» и «всякую скорбь и тесноту с

благодарением терпеть». Таким образом, унификацию быта государство налаживало руками собственных подданных с плетью в руке.

(В. А. Рогов. Уголовные наказания и репрессии в России (середина XV — середина XVII вв.). — М., ВЗПИ, 1992.)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ: ОТ ОПРИЧНИНЫ К СМУТЕ

В последней трети XVI — начале XVII вв. в России дважды складывались исключительно благоприятные условия для расширения телесных кар. В годы опричнины и в смутное время в стране длительное время наблюдался развал правопорядка, учащались внесудебные расправы, крайних пределов достигала жестокость. В период опричнины судебная практика была захлестнута политическими делами; для получения показаний широко применялись пытки. В условиях террора и изощренных пыток телесные наказания теряют свое значение. Политический оппонент царя князь А. Курбский ярко изобличал методы расправы поправшего «заповеди Христа и законоположения евангельские» Грозного со своими противниками. «Не сковороды ли и печи; не жестокое ли бичевание и когти острые; не клещи ли, изобретенные ради терзания тел человеческих; не иглы ли под ногти, биение и резание по суставам; не потрение ли веревками пополам не только мужей, но и жен благородных; не другие ли бесчисленные и неслыханные виды мучений произведены от него?» — вопрошал он.

Подход Ивана IV к применению пыток и телесных наказаний подтверждается свидетельствами иностранцев-опричников. В литературе их зачастую справедливо характеризуют как авантюристов, в нарочито мрачных тонах описывавших русскую действительность. «Незнание русского языка, обычаев и нравов и вообще всего уклада русской жизни, недоброжелательное и часто презрительное отношение их к варварам москвитам, наконец, грубая тенденциозность их сообщений, суждений — все это очень затрудняет использование их сочинения для целей научного исследования, — пишет С. Б. Веселовский. — Однако мы находим у них нередко такие факты, о которых летописцы и повествователи предпочитали молчать, а их суждения «со стороны», при надлежащей критике и проверке при помощи других источников, представляют зачастую очень большую ценность».

В центре внимания иностранцев — современников опричнины находилось применение телесных наказаний в связи с финансовыми взысканиями. Чаще всего речь идет об уже известных нам правехах, сильно, правда, деформированных в условиях опричнины. Г. Штаден свидетельствует, что жителям земщины, обвиненным в неуплате долгов опричникам, грозили кнут и батоги. О правехах с целью выколачивания денег у богатых людей в пользу казны сообщает и А. Шлихтинг. Г. Штаден довольно подробно описывает процедуру правеха у опричных приказов. Здесь же, — пишет он, — подписывались «челобитья» опричников на земщину, «и что было здесь подписано, то было уже справедливо, и в земщине тому не перечили». Дж. Горсей говорит о правехе одного взяточника, у которого «выколачивали из пяток 5 тыс. рублей».

Опричные правежи отклонялись от юридической регламентации и становились средством выколачивания денег у имущих лиц, а заодно и стимулятором беспорядочного расширения болевых наказаний. Не вызывают сомнения сведения Г. Штадена о злоупотреблениях опричников и их подлогах с целью вымогательства. Важные черты финансовой политики Ивана IV были верно подмечены Дж. Горсеем: нужды казны заставляли царя посягать даже на богатства церкви, поскольку «бедный и разоренный народ уже ничего не мог дать». С намерением изъять деньги связывал этот автор и целый ряд казней. Как верно отметил С. Б. Веселовский, «все классы населения были доведены до крайнего истощения беспощадной требовательностью царя Ивана и тем напряжением сил, которое было достигнуто при помощи террора». По некоторым подсчетам, общие размеры налогов при Иване IV вчетверо превышали государственные поборы в Англии того же периода, причем имела место тенденция к их дальнейшему росту.

Правежи и иные формы телесных кар, постепенно потеряв правовую основу, превращались в акт государственной целесообразности, а нередко — в неприкрытое издевательство. Они стали применяться на основе простого распоряжения властей. Властная акция перестала отличаться от закона, и телесное «воздействие» стало «раздачей боли» по любому поводу. Секли проволочными плетями, били кнутом «нетчиков» — дворян за уклонение от службы и т. д.

В записках Шлихтинга имеется небольшой раздел, весьма ценный для характеристики социальной психологии эпохи. Если царь, сообщает Шлихтинг, приказал кому-либо явиться к нему, то тот, «собираясь к тирану, прощается с женой, детьми, друзьями, как бы не рас-

считывает их никогда видеть. Он питает уверенность, что ему придется погибнуть или от палок, или от секиры, хотя бы он осознавал, что за ним нет никакой вины». Ценность этого отрывка С. Б. Веселовский видел в характеристике атмосферы доносов, клеветы и бесовестного карьеризма, к которым вел «путь безудержного произвола, неосмотрительных опал и казней», практиковавшихся царем в конфликте со своими подданными. Не менее важным нам представляется полное отсутствие в свидетельстве А. Шлихтинга различий между актом казни и смертью от побоев. Для подданных уже не было четкого различия между телесным наказанием, пыткой или мучительной смертью.

Период царствования Ивана IV сыграл определенную роль в развитии талиона и связанного с ним членовредительства. Неопределенность наказаний по политическим делам подталкивала к уточняющим указаниям на «виновный» орган — руку, язык, что было одним из проявлений юридической целесообразности. Но эта тенденция имела второстепенное значение. Главное заключалось в том, что развитие членовредительства было непосредственно связано с политикой террора и имело определяющее значение для укоренения жестокости в будущем. В списках опальных, составленных еще при жизни Грозного, имеются сведения о бессистемном отсечении рук у десятков людей, многие из которых «ручным усечением конец прияша». Само членовредительство уже трудно было отличить от казни, как это имело место, например, в массовых казнях на Поганой Луже (1570 г.).

После смерти Ивана IV правительство царя Федора внесло уточнения в данный вид наказаний и ограничило их масштабы. Эта политика отразилась в Судебнике

1589 г. Так, статья 3 устанавливала, что должностные лица низших и средних категорий — судьи, дьяки, целовальники, подьячие, взявшие взятку или обвинившие «не по суду», приговаривались к материальным взысканиям без телесных наказаний. Еще большим контрастом с практикой опричнины выглядела статья 4, сохранявшая наказание дьяконов кнутом за фальсификацию судебных протоколов, но прямо запрещающая сечь им руки. Обе статьи явились уступкой государственному аппарату. Судебник сохранял кнут для подьячего за фальсификацию протоколов и для участников судебного процесса за ложные показания в отношении должностных лиц (статьи 5, 6, 11, 12, 14, 16, 81, 102); за корыстную связь «недельщика» с «лихими людьми» и получение им взяток (статьи 80, 105, 106). Все перечисленные статьи лишь повторяли нормы Судебника 1550 г. Вместе с тем можно с достаточной определенностью утверждать, что Судебник 1589 г. по сравнению с кодексом 1550 г. заметно гуманизировал практику телесных наказаний. Это тем более справедливо при сравнении его с опричными порядками.

Судя по содержанию Судебника царя Федора, законодатель очень щепетильно относился к охране чести и неприкосновенности личности. Серия статей (с 40-й по 76-ю) устанавливала штрафы за «бесчестье» лиц, принадлежавших к различным социальным группам — от феодалов до низших общественных слоев. Даже скомоорохи, «калики перехожие», нищие, кликуши, незаконнорожденные, женщины легкого поведения и едуньи находились под охраной закона и получали вознаграждение за «бесчестье». Специально оговаривалась компенсация за увечье, нанесенное крестьянину (статья 73). Принцип охраны личности понимался столь широко, что его действие прекращалось только в случае совершения преступления. «А татям, разбойникам, зажи-

гальщикам и ведомым лихим, — читаем в статье 71, — бесчестья нет, потому что они лихие люди». Если раньше число ударов кнутом при допросе «лихих людей» никак не регламентировалось, то теперь оно ограничивается: при пытке обвиняемые в «лихом деле» получали не более 100 ударов (статья 103). Таким образом, Судебник 1589 г. ликвидировал крайности предшествующего законодательства. В то же время он «отреагировал» на рост преступности, и сохранив кнут за «татьбу» (статьи 108 и 109), назначал смертную казнь за ее рецидив. Материальная компенсация пострадавшим от «татьбы» отходит на задний план, и даже за первую кражу теперь возможна тюрьма.

Любопытно, что кодифицированное русское право даже в период смуты сохраняло негативное отношение к членовредительству и стремление к ограниченному применению кнута. В сводном Судебнике 1606—1607 гг. за должностные преступления наказание кнутом сохранялось лишь для подъячего, «лживых» истцов и «недельщика» (широкое применение кнута в отношении лгущих истцов и «жалобщиков» вообще отличало этот Судебник). Это было своеобразной реакцией на развал правопорядка и падение моральных ценностей у широких слоев населения в условиях государственного кризиса. Попыткой правовыми средствами предотвратить судебную ложь явилось включение в кодекс целой главы о порядке принесения клятв («О крестном целовании»). Уникальной в ней является фиксация светским правом отношения церкви к клятвопреступникам, характера эпитимьи и наказания.

Указ середины XVI в. о правехах перекочевал в сводный Судебник без всяких изменений. Выборочно сохранялся кнут за ложные показания свидетелей «облихо-

вания», за корыстную связь «недельщика» с «татами». Процедура также отличалась от аналогичных действий по Судебнику 1550 г.

Таким образом, даже во время крайнего обострения классовых противоречий русское кодифицированное право сохраняло негативное отношение к практике телесных наказаний периода царствования Ивана IV. Такой подход, однако, являлся лишь одной из тенденций развития режима, пошедшего в условиях острых классовых конфликтов по пути ужесточения карательной политики.

Конец царствования Ивана IV совпал с сильнейшим общественным и государственным кризисом. Не случайно деятельность царя Федора по «исправлению» державы источники оценивают как «великий подвиг». Тема внутреннего кризиса в России являлась одной из ведущих в записках иностранцев, предсказывавших скорые и небывалые общественные бури. Правительства царя Федора, а затем и Бориса Годунова осуществили целый комплекс мер по гуманизации режима — были ограничены казни, проведены амнистии и т. д. Однако все эти начинания фактически не имели перспективы. В обстановке военной опасности и неблагоприятной экономической ситуации методы палочной дисциплины во внутренней политике должны были неуклонно развиваться. Эту сторону правовой жизни России блестяще охарактеризовал французский офицер Я. Маржарет, служивший Годунову: «Властвуя неограниченно, царь заставляет подданных повиноваться своей воле беспрекословно; порядком же и устройством внутренним ограждает свои земли от непрерывного нападения варваров». Такая политика диктовала необходимость расширения практики телесных наказания за разглашение сведений

об экономическом положении страны. С началом похода Лжедмитрия I в ходе мобилизации правительство Годунова пошло на крайние меры в отношении «нетчиков»: их бросали в тюрьмы, лишали поместий, секли плетьюми. Кнут часто совмещался со ссылкой.

Вскоре возродилась разветвленная система политического сыска, приобрели значительные масштабы пытки и членовредительства. Некогого подозреваемого, сообщает летописец, по доносу «взяша и пытаху на Москве: он же оклеветав много множество людей. Посла же про то с Москвы сыскивать по городам, многих людей переимаху и пытаху и кровь неповинную пролияху, не токмо водном граде, но и во всей Украине; и множество людей с пыток помроша, а иных казнях у и языки резаху, а иные по темницам умираху. И оттого многие места запустеша». Широкое распространение в годы правления Годунова доносов Новый летописец определенно связывает с пытками и их смертельными последствиями. По версии летописи, царь Борис повелел забить до смерти на правеже некогого Смирного, повинного в побеге Отрепьева.

Таким образом, в период самозванчества, крестьянской войны и интервенции начала XVII в. телесные наказания как юридическая категория вновь теряют свое значение и уступают место пыткам.

Едва вступив в Москву, прибег к массовым пыткам и Лжедмитрий. «Многих поймав и разными пытками пыташе, иные же, не стерпев пыток на себя говоряху, а иные же крепяхуся», — читаем в летописи. С целью добиться признания в подготовке заговора Лжедмитрий, как свидетельствует К. Буссов, массами пытал стрельцов и попов, после чего стрельцы были отданы на само-

суд братьям. По версии К. Буссова, отведал плетей на дыбе и будущий царь Василий Шуйский.

В условиях развала власти пытка становится важнейшим средством получения показаний от политических противников. Стойкость пытаемых делала истязания еще более жестокими. Впрочем, смертельный исход как правило не был самоцелью власти, стремившейся во что бы то ни стало получить сведения об «измене».

Не отстал от первого самозванца в «пыточном деле» и пришедший ему на смену Василий Шуйский. Летопись содержит целый ряд свидетельств на этот счет. Был пытан и даже сожжен «на пытке до смерти» посол одного из самозванцев; чуть позднее — виновники «шато-сти» в войсках М. Скопина-Шуйского и обвиненный в измене К. Колычев «со многими людьми». После пыток обвиняемых нередко бросали в тюрьму или применяли к ним другие виды наказаний.

Приверженность к пыточным средствам демонстрировали представители всех политических лагерей в любом регионе страны. К. Буссов описывает довольно характерный факт, на примере которого видна обыденность пыток, не связанных с каким бы то ни было судебными процедурами и юридическими нормами. Так, жители Стародуба, отправив на дыбу троих лазутчиков Лжедмитрия, пытались выяснить, кто же есть «истинный» царь. Любопытно, что когда один из пытаемых указал на Дмитрия, «невежественные жители» тут же уверовали в это. Как видим, пытка выступает здесь как довольно обыденное средство «выуживания» информации. Немудрено, что и правежи в такой атмосфере теряли юридическое значение и становились средством

сведения политических счетов часто со смертельным исходом.

(В. А. Рогов. Уголовные наказания и репрессии в России (середина XV — середина XVII вв.). — М., ВЗПИ, 1992.)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН

Что же касается условий и порядка содержания заключенных, то этот вопрос указанным нормативным актом не регламентировался, а отдавался на произвол тюремного начальства.

Принцип устрашения наказания — «дабы смотря на это, иные такова беззаконного и скверного дела не делали» — получает более четкое изложение в последующих законодательных актах российского государства. Генеральный регламент 1720 г. в этих целях предписывал: «Надлежит публичному месту быть, где в указанное время все наказанье на теле и лишение живота чинено быть имеет, дабы всяк смотря на то, от таких погрешений и преступлений себя мог охранить».

Для установления «истины» весьма широко используется система физического воздействия. В этих целях разрабатывается специальная инструкция «техники» и «технологии» пыток лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Семевский М. И. при изучении дел Тайной канцелярии обратил внимание на весьма интересный в этом плане документ — «Обряд

«как обвиненный пытается» следующего содержания: «Для пытки приличившихся в злодействах, сделано особое место, называемое застенок, огорожен палисадником и покрыт для того, что при пытках бывают судьи и секретарь, и для саписки пыточных речей подъячей; и, в силу указа 742-го г., велено, записав пыточные речи крепить судьям, не выходя из застенка».

В застенке же для пытки сделана дыба, состоящая из трех столбов, из которых два вкопаны в землю, а третьей сверху, поперек.

«И когда назначено будет для пытки время, то как кат или палач явится должен в застенок со своими инструментами, а оные есть: хомут шерстяной, к которому пришита веревка долгая, кнутья, и ремень, которым пытанному ноги связывают.

По приходе судей в застенок и по рассуждению в чем подлежащего пытке спрашивать должно, приводитца тот, котораго пытать надлежит, и от караульного отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинет чрез поперечный дыбе столб и взяв надлежащего к пытке, руки назад заворотит, и положи их в хомут, чрез приставленных для того людей втягивается, дабы пытанной на земле не стоял. У котораго руки выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет показанным выше ремнем ноги, и привязав к зделанному нарочно впереди дыбы к столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет.

Есть ли ж и с подлежащих к пытке такой случитца, которой изобличается во многом злодействе, а он запираетца, и по делу обстоятельства доказывают его к подо-

зрению, то для изыскания истины употребляются нарочно:

1-е тиски, сделанные из железа в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большие два из рук, а внизу ножные два; и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать.

2-е наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простирают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что по капле, от чего также в изумление приходит.

3-й при пытке, во время таково же заперательства и для изыскания истины, пытанному, когда висит на дыбе, кладут между ног ремень, которым они связаны, бревно и на оное палач становится за тем, чтобы на виске потянуть его, дабы более истязания чувствовать. Есть ли же и потому истины показывать не будет, снимая пытанного с дыбы правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и чрез то боли бывает больше.

Хотя по законам положено только три раза пытать, но когда случитца пытают на второй и третьей пытке речи переменит, то еще трижды пытается.

И есть ли переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляютца до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, ибо сколько б раз пытан ни был, а есть ли чем-нибудь разнит в показаниях будет, то утверждение должен еще три пытки вытерпеть; а потом и огонь та-

ким образом: палач отвязав привязанные ноги от столба, висячего на дыбе растянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляется веников три или больше, смотря по обстоятельствам пытаного...»

Тенденция к усилению карательной политики в обеспечении защиты интересов господствующего класса также присуща законодательной деятельности Петра I в области уголовного права. В этом плане следует обратить особое внимание на Артикул воинский 1715 г., который вводит не только новые виды наказаний, но и в значительной мере расширяет применение смертной казни. Ее применение как самостоятельного вида наказания, так и наряду с другими наказаниями содержали санкции 101 артикула из 209 указанного нормативного акта. Артикул воинский указывает на способы лишения жизни преступников: сожжение, колесование, отсечение головы, артибузирование (расстрел), повешение. Вводятся новые виды телесных наказаний — заключение в железо, гонение шпицрутенами: «Ежели кто с кем ножами порежетца, онаго надлежит, взяв под виселицу, пробить ему руки гвоздем или тем ножом на единый час, а потом гонять шпицрутен».

Наряду с тюремным заключением Артикул воинский предусматривает новые виды наказания, связанные с лишением преступника свободы — посылку на каторгу на время или же ссылку на галеру: «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложествует... Ежели же насильством то учинено, тогда смертью или вечно на галеру ссылкой наказать». Впервые в российском законодательстве появляется вид наказания, содержанием которого является не только изоляция преступника, но и использование его труда на каторжных работах.

Для анализа карательной практики петровских времен представляет особый интерес перечень наказаний, содержащихся в законодательном акте 1715 г. «Краткое изображение процессов или судебных тяжб». Суть их и порядок применения изложены следующим образом.

Обыкновенные телесные наказания — «суть то, егда кто ношением оружия, сиреч мушкетов, седел, також заключением, скованием рук и ног в железа и питания хлебом и воды точию или на деревянных лошадях, и по деревянным кольям ходить, или битьем батогов».

Жестокие телесные наказания — «егда кто тяжелым заключением наказан, или сквозь шпицрутен и лозы бегати принужден; тако же, егда от палача (кнутом) бит и запятнан железом или обрезанием ушей, отсечением рук или пальцев казнен будет, то ж ссыланием на каторгу вечно или на несколько лет».

(М. Г. Детков. Наказание в царской России. Система его исполнения. — М., Интерправо, 1994)

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ НА ВОСТОКЕ

Китай является не исключительной страной, бразды правления в которой поддерживаются бамбуковой палкой. И в других странах обширной Азии со времен самой седой старины население дрожит перед палкой. Хотя и Китаю необходимо в данном случае отдать пальму первенства: нигде нет столь обстоятельного уло-

жения о наказаниях, как именно сынов небесной империи.

Соседка Китая, Корея, ввела у себя некоторые поистине удивительные узаконения, относящиеся к выполнению наказания. Кое-что из этой интересной области мы сейчас проследим.

Если жена убивает своего мужа, то ее зарывают в землю до плечей вблизи столбовой дороги; вблизи зарытой кладется топор, которым каждый проходящий, сели только он не принадлежит к привилегированному сословию, обязан нанести ей удар. Эзекуция продолжится до тех пор, пока преступница не умирает. Каждый муж, уличивший свою жену в измене ему, должен обязательно предать ее смерти; такому же наказанию должны подвергаться от руки своего господина в чем-либо провинившиеся рабы, как ни незначительно было бы совершенное ими преступление. Убивший своего господина раб присуждается обязательно к смертной казни.

Для истребования долгов, будь они частные или казенные, у корейцев практикуется чрезвычайно действенный и внушительный способ побуждения. Если должник не уплачивает следуемых с него денег в назначенное время, то от двух до трех раз в месяц, следующий за просрочкой, его наказывают палочными ударами по голеним. Такое «напоминание» продолжается до тех пор, пока кредитору не будет внесена определенная обязательством сумма. А если должник умирает до уплаты денег, то наказанию продолжает подвергаться ближайший родственник его. Бастонада практикуется по поводу самых легких преступлений и применяется в различных видах и формах. Бьют либо по бедрам, либо

по ягодицам, либо по голеним, либо, наконец, по пяткам. При так называемом «бедренном пластыре» ступни преступника привязываются к одной скамейке, а бедра к другой. Затем начинается экзекуция, которая производится с помощью палки из тесаного дуба, имеющей два дюйма в ширину и один в толщину; одна сторона этого инструмента закруглена, другая же является плоской. В большинстве случаев кряду наносят тридцать ударов. Если экзекуция назначается по ступням, то приговоренный усаживается на землю, палач связывает обе ноги его большими пальцами, ущемляет ступни своей жертвы между своими ногами и наносит определенное количество ударов особой палкой, толщиной в среднюю человеческую руку. Есть еще способ, носящий название «бастонады а la mode»; он выполняется с помощью длинной бамбуковой палки, причем преступник укладывается на скамейку ничком и плотно привязывается веревками. Если такому наказанию подвергается женщина, то предварительно на нее одевают мокрые панталоны. Сто ударов бастонады а la mode равняются по значению смертному приговору, ибо крайне редко преступники выдерживают пятьдесят ударов.

Остается только удивляться, что в Японии, имеющей такое большое сходство с Китаем, бамбуковая палка особым почетом не пользуется. Но факт остается фактом, и мы должны констатировать, что телесные наказания вообще среди японцев, в этой стране восходящего солнца, никакой популярностью не пользуются. И даже в тесном семейном кругу ни женщины, ни дети не знакомы с «березовой кашей», а если розга среди некоторых слоев населения и применяется, то во всяком случае чрезвычайно редко. Более того при воспитании детей принято пользоваться нежностью, ласковыми приемами и неослабной бдительностью. Хотя мы и предпринимали специальные исследования, но нам не

удалось узнать, чтобы в школах Японии учителя пользовались телесными наказаниями; да и вообще японская школа сильно разнится во всем от нашей.

Один из путешественников, много лет проживший в Японии, следующими словами рисует характер высшей школы для японских девушек.

«Учителя за право преподавания в этих «finishing schools» не только не получают гонорара, но должны сами платить деньги, и таким образом преподавание из чистого ремесла превращается здесь в любимое, так сказать, занятие, спорт, если можно так выразиться. Девушки сами избирают для себя учителей, и, само собой разумеется, большинство педагогов отличается если не поголовной красотой, то уж, наверное, миловидностью. Ученицы не сидят, как у нас, на жестких партах, набитые, как сельди в бочку. Нет, занятия проводятся в великолепных садах, наполненных ароматом цветущего чая и пахучих цветов. Среди деревьев и кустарников разбросано огромное количество маленьких павильонов... И тут вашему глазу представляется дивная панорама краснощеких девиц с лучистыми глазами, своей чарующей походкой передвигающихся от одного павильона к другому. На аленьких лакированных подносиках они разносят чай и фрукты, а в маленьких беседках восседают учителя или профессора, поджидающие разносящих угощение учениц или же читающие лекцию возвратившимся».

Впрочем, японское уложение о наказаниях смело можно назвать кровавым, и смертная казнь применяется в стране восходящего солнца за самые маловажные преступления и даже за воровство, например. Похититель чужой собственности, хотя последняя и стоит грош, не

смеет рассчитывать на милосердие суда. Игры в деньги, азартные, конечно, и те караются смертью, убийство точно так же, смерть ждет и тех, кто совершил преступление, наказуемое и в цивилизованных странах таким же образом. Каждый должен за совершенное преступление понести определенное наказание, в случае же государственной измены карается не только совершивший ее, но и все родственники его.

Способов приведения наказания в исполнение множество, и все они в Японии отличаются особой жестокостью. Здесь практикуется и сожжение живьем, и распятие головой вниз, и топтание разъяренными быками, и варка в кипящей воде или — еще хуже — в клокочущем на огне масле. Лицам привилегированного сословия, а также офицерам закон дает право, в случае присуждения их к смертной казни, лично отправить себя на тот свет. В большинстве случаев такие преступники после суда с достойным лучшей участи хладнокровием распарывают себе живот, не забыв предварительно распрощаться с родными и близкими друзьями.

У киргизов и татар экзекуции играют огромную роль в случаях конокрадства. В своем труде «Путешествие по Бухаре» доктор Эверсман в качестве очевидца рассказывает следующее.

«Собственно говоря, преступник был приговорен к смертной казни, но наказание было ему смягчено. Полураздетым, со связанными руками, его прогоняли по лагерю, и когда он не в состоянии был быстро бегать, его основательнейшим образом обрабатывали кожаными ремнями особые люди, конвоировавшие несчастного верхами. Затем ему вложили в рот один конец веревки, в то время как другой был привязан к хвосту лошади.

На последней восседал бухарец, направлявший лошадь между палатками и домишками деревни; другой же всадник следовал за преступником и сек его плетью. В конце концов лошадь преступника понесла первоначальное наказание своего хозяина: ей перерезали горло, причем все присутствовавшие при экзекуции отрезали себе по куску конины, заранее предвкушая аппетитный ужин».

В Индии телесные наказания существуют с незапамятных времен. Богатые люди наказывают сплошь и рядом своих рабов, родители секут детей, а все правители применяют время от времени розгу на своих подданных. Да и слуги нередко, перессорившись между собой, доходят до драки и пускают в ход за неимением более подходящего инструмента свою обувь. На телесное наказание в Индии смотрят, как на самое заурядное явление, и неизвестно во многих случаях, кого удручает больше экзекуция: самого истязаемого или наблюдавших за поркой зрителей. Вот до чего притупилась здесь чувствительность к телесным наказаниям! Умерший раджа Али наказывал всех «кошкой» о девяти концах, не разбирая ни состава преступления, ни личности преступника; провинившийся мог быть джентльменом, торговцем лошадьми, сборщиком податей и даже собственным сыном раджи — все равно его ожидала та же участь. Особенно доставалось сборщикам податей, и в редкий день не секли дух-трех из них. Мало того, что их секли, — им разрывали тело гвоздями и затем снова секли. Такое обращение с людьми существовало очень давно и под английским протекторатом лишь несколько ослабло. В большинстве случаев виновных в том или ином преступлении подвешивали за руки к столбу или дереву и затем били либо полосой коры, либо плетью из веревок или тамариндовых волокон.

Помимо телесного наказания, в Индии существуют и другие способы и орудия пытки. Из последних назовем kittee и annundale. Kittee по своей идее походит на те европейские инструменты, которые служат прессом для большого пальца, с той только разницей, что в Индии их применяют на различных частях тела, причем нередко увлекаются такой пыткой до того, что поврежденный орган лишается на веки присущих ему функций. Annundale представляет собою чисто азиатский инквизиционный метод; он заключается в вывихе всего туловища, либо отдельных суставов с помощью тугого шнурования веревками, которые не снимаются в течение многих часов. В то же время к известному участку тела беззащитного пытаемого приставляется насекомое или пресмыкающееся, жадно впивающееся в него своим жалом.

Что касается Турции и Персии, то здесь телесные наказания в виде бастонады процветают как нельзя лучше; к ним прибегают положительно ежедневно. Способ выполнения значительно отличается от китайского: два экзекутора держат брус, к середине которого с помощью кольца или петли прикреплена веревка. В эту последнюю продеваются босые ноги преступника таким образом, чтобы пятки были обращены кверху; сам же наказуемый лежит на спине. Третий палач до тех пор бьет толстой палкой по пяткам жертвы, пока не последует знак со стороны распорягающего наказанием офицера или чиновника магистратуры. После этого ноги развязываются, преступник отпускается, и ему предоставляется полное право лечить свои ноги, как и чем ему заблагорассудится. Собственно, подобное наказание может применяться в Турции к рабам и данникам (евреи, армяне, греки и т. д.). Три высшие класса: эмиры и потомки пророка, судьи, гражданские и военные чины, равно как и свободные граждане, были от этого

наказания освобождены. Сначала разрешалось давать от трех до тридцати девяти ударов, но затем количество их было увеличено до семидесяти пяти. На практике же и последняя норма переступалась сплошь и рядом, да и привилегированное положение не всегда принималось во внимание.

У древних греков и римлян также существовала бастонада. Последняя была известна под разными названиями: *fustigatio*, *fustum amonitio*, *fustibus coedi*, и, таким образом, она отличалась от *flagellatio* и проводилась не как последняя, розгами и плетью, а с помощью особой палки. *Fustigatio* считалось более легким наказанием и применялось в большинстве случаев к свободным, *flagellatio* являлось чаще всего достоянием рабов. Первая называлась также *tympanum*: наказуемого били палками так, как это проделывают барабанщики над своим инструментом.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

КНУТ

В описываемой стране имеется много орудий и инструментов наказания и пытки, еще не упомянутых нами в предыдущем изложении. Один из таких инструментов носит название *plit*; состоит он из куска железа, которое сначала нагревается, затем вкладывается в нагретую, в свою очередь, железную коробку, причем приговоренный к наказанию должен держать последнюю в своей руке. Далее, славится *tourniquet*, т. е. тиски для большого пальца, которые сжимаются до тех

пор, пока запрессованные части не раздробятся вовсе. Для телесных наказаний здесь в ходу палка, плеть и кнут. Плеть делается из полос сырой кожи, в окончание которых заложены маленькие свинцовые пульки. Главным же орудием является кнут, перенятый описываемой страной от татар. Это — наиболее ужасный инструмент наказания, когда-либо выдуманный человечеством.

Описания кнута разнятся одно от другого. Суммируя все данные, можно сказать, что он состоит по большей части из плотного, тяжелого кожаного ремня, имеющего в длину приблизительно восемь футов; укрепляется этот ремень к деревянной ручке длиной в два фута. Сам ремень имеет вид довольно широкой ленты, согнутой таким образом, что стороны ее представляют собой два острых края. Попадаются кнуты, обтянутые проволокой, заканчивающейся небольшим крючком. При каждом ударе этим ужасным орудием острые края его до того сильно раздражают спину наказуемого, что получается впечатление удара обоюдоострого ножа; кроме того, палач никогда не поднимает со спины кнута, а медленно протягивает его по коже, вследствие чего маленький крючок в конце ремня обрывает каждый раз тонкие куски мяса.

Мотрайн описывает кнут, рисуя его в виде плети, сделанной из кожи старого осла; ширина его приблизительно в один дюйм. До употребления кожа вываривается в уксусе и обрабатывается кобыльим молоком.

Граф де Лагни говорит: «кнут состоит из толстого кожаного ремня, нарезанного в виде треугольника; в длину он имеет от трех до четырех локтей, ширина его один

дьюм. Один конец — более широкий, другой уже и прикреплен к ручке, имеющей два фута в длину.

Один из преобразователей-правителей страны ограничил количество ударов кнутом сто одним, но так как ни один из наказуемых такого числа не вынес, то это количество приходилось постепенно снижать. В своем сочинении, относящимся к 1852 г., барон Гартгаузен сообщает, что употребление кнута во время его пребывания было совершенно оставлено. Наказанный незаслуженно кнутом имел право получить из казны суда по 200 рублей за каждый нанесенный ему удар. Чтобы наказание было еще более чувствительным, преступнику полагалось ложиться под кнут только в одной паре панталон.

Процедура экзекуции совершалась следующим образом. Приговоренного укладывали на деревянную скамью животом вниз, руки и ноги его аккуратно вытягивались и фиксировались к кольцам, прибитым в поперечные края скамейки. Голова до того сильно прижималась к дереву, что у жертвы не было никакой возможности кричать, что в значительной мере увеличивало болевое ощущение. Правильное и умелое применение кнута требовало продолжительного изучения, а также крепких нервов и мускулов. В палачи постоянно назначался один из преступников, приговоренный к тому же наказанию, которое он выполнял после своего помилования на других. После двенадцати лет службы его отпускали на волю и препровождали на родину, но во время несения обязанностей палача его содержали под строгим заключением и выпускали из камеры только тогда, когда необходимо было произвести экзекуцию над приговоренным к телесному наказанию преступником. В тюрьмах же опытные палачи подготовляли учеников и обучали своему ремеслу будущих истязателей.

Упражнения производились ежедневно, для этой цели применялась человеческая фигура, сделанная из тряпок, набитых соломой или конским волосом. Ученики посвящались во все тайны экзекуторского искусства и получали от своего ментора указания по поводу того, каким образом можно наносить то очень сильные, то все слабые удары.

Применение той или иной степени строгости находилось в зависимости не только от квалификации совершенного жертвой преступления, но также — и, пожалуй, более всего — от величины подарка, получаемого палачом перед поркой в виде подкупа. Ученики обучались многочисленным комбинациям: как сечь по бедрам, как угощать разбойника, как наказывать за мелкие преступления, как вызвать немедленную смерть, заставить жертву вывернуть себе затылок, как сечь так, чтобы преступник умер на второй или на третий день после экзекуции, как для этого следует подводить плеть или кнут вокруг туловища и таким образом наносить серьезные повреждения грудной клетки или расположенным в животе важнейшим органам... Искусные палачи, в совершенстве изучившие свое ремесло, показывали удивительные кунштштюки, умея захватить кнутом только кружок величиною с полтинник, не задевая при этом близлежащих частей. Иные из них одним взмахом своего страшного инструмента превращали кирпичи буквально в пыль.

Госпожа Л. пережила наказанием кнутом. История ее жизни встречается во многих описаниях. Она слыла одной из красивейших женщин при дворе правительницы и была уличена в том, что принимала будто бы участие в подготавливавшейся государственной измене, надеясь на защиту своего возлюбленного, занимавшего пост од-

ного из иностранных посланников. Согласно первого приговора, L. была присуждена к отрезанию языка с последующим колесованием, но правительница смягчила приговор, если это только можно назвать смягчением, и заменила его наказанием кнутом и ссылкой. L. появилась на эшафоте в полнейшем *negligee*, но это только увеличило ее неопишуемую красоту. До последнего момента она была твердо убеждена в том, что кто-либо из многочисленных друзей, восхищавшихся ее красотой и остроумием, неожиданно явится к ней на помощь. Но ее умоляющий взгляд встречал повсюду либо совершенно равнодушные, либо любопытствующие лица. Когда палач дотронулся до ее одежды, она сделала попытку отстранить его. Напрасно! Через несколько мгновений L. была обнажена до пояса, причем при взгляде на несчастную женщину, полумертвую от стыда и отчаяния, в толпе пронесся ропот сострадания... Тем не менее один из помощников палача схватил ее руки и быстро повернулся, так что жертва повисла у него на спине, причем ноги L. болтались в воздухе. При первом же ударе отделилась полоса кожи от самой спины до бедер. Через несколько мгновений вся спина несчастной опухла, из ран струились потоки крови. После наказания кнутом ей вырезали язык, и лишенная дара слова была отправлена в дальнюю ссылку, чтобы там до конца дней своих влачить самое жалкое существование. Несмотря на столь ужасные испытания, L. пережила их и при следующем правителе была возвращена из ссылки — редкий случай, чтобы женщина могла вынести такое наказание, во время приведения которого в исполнение обычно умирали мужчины, отличавшиеся и большей выносливостью, и более сильным строением организма.

Упомянутая нами уже выше писательница-англичанка в одном из своих очерков сообщает о студенте, подвергнутом наказанию кнутом за избивание своего профессо-

ра. Два раза этот юноша, отличавшийся недюжинным дарованием, но крайней бедностью, писал с большой усидчивостью сочинение на премию и заслуживал последнюю, но ничего не получал, ибо один из профессоров ревновал его к женщине и не нашел более подходящего способа, чтобы чем-нибудь досадить своему сопернику. Студент сделал третью попытку, несмотря на то, что жил при ужасных условиях и по целым дням буквально голодал. Не обращая внимания на тяжелую жизненную обстановку, юноша усердно работал, так как вся его будущая карьера находилась в зависимости именно от получения премии. Все профессора признали его достойным получения награды, за исключением одного, голос которого, к сожалению, являлся решающим. Ни за что не соглашаясь с коллегами, черствый человек этот не остановился перед подлостью и набросил тень на репутацию студента.

В порыве отчаяния несчастный юноша, сын существовавшей без всяких средств к жизни вдовы, с голодной смертью в перспективе, лишенный всяких надежд, набросился на своего мучителя и побил его. Студента предали суду, доложили о его поступке правителю, который лично распорядился наказать его кнутом. Согласно приказа, на экзекуции должны были присутствовать все профессора и студенты университета, и еще задолго до окончания трагедии многие из них впали в обморочное состояние. Вскоре после первых ударов приговоренный скончался, но тем не менее положенное количество плетей было нанесено его трупу.

В 1823 г. к наказанию кнутом были присуждены семь татар, занимавшихся в описываемой стране грабежами и убийствами. Приговором суда наказание должно было быть приведено в исполнение именно в тех городах,

где разбойники совершали преступления. Таким образом, их сначала били в одном городе, а затем в цепях доставляли для дальнейшей экзекуции в другой. Порка производилась на рыночных площадях в присутствии сотен любопытных зрителей. Преступников поочередно привязывали к позорному столбу с кольцом в верхней части его; в последнее продевалась голова и фиксировалась при этом так, что жертва лишена была возможности кричать. Затем руки и ноги также привязывались к столбу, причем пластырь, наклеенный на раны после предшествовавшей экзекуции, обязательно сдирался.

Приглашенный на место экзекуции татарский священник перечислял совершенные присужденными к наказанию кнутом преступления, а также прочитывал полностью состоявшийся над ними приговор. Ремень кнута был очень толст, почти в руку взрослого человека. С таким инструментом после священника приближался к своей жертве палач, и раздавался свист первого удара. Так продолжалось до тех пор, пока положенное количество ударов не было отсчитано полностью. При каждом ударе появлялись брызги крови, но, благодаря указанным выше мерам, ни единого крика или стона не раздавалось. Вслед за первым наступала очередь второго и т. д. Затем всех наказанных отвязывали от столба, обклеивали пластырем и укладывали на повозку, где каждый ожидал окончания наказания над своим товарищем.

Уже во втором городе один из них умер, никто же из остальных шести не дождал до последнего этапа.

Другой род наказания называется здесь бегом «сквозь строй», под ударами шпицрутенов. Чаще всего наказание это применяется в армии, хотя довольно продолжительное время под шпицрутенами стонали жители од-

ной из провинций описываемой страны. После того, как приговор прочитывался перед собравшимся на плацу или казарменном дворе полком, палач привязывал руки преступника к стволу своего ружья; другой солдат шел впереди наказываемого и держал перед ним также ружье, но штык последнего был обращен на подсудимого, приблизительно на высоте живота его. Барабанный бой возвещал начало экзекуции. Преступник, голова которого была выбрита догола, начинал шествие среди двух рядов солдат, образовавших собой длинную шеренгу с каждой стороны. Каждый из этих солдат был вооружен длинным орешниковым прутом и должен был нанести им удар своему провинившемуся товарищу, когда последний поравняется с ним. Если наказываемый имел намерение ускорить шаги, чтобы таким образом сократить время экзекуции, он наткнулся на обращенный к его телу штык; чтобы воспрепятствовать ему уклоняться в стороны, назначались два солдата.

Крайне редко кому-либо удавалось пройти вдоль всей линии выстроенных с розгами солдат; когда же несчастный впадал в обморочное состояние, его отправляли в лазарет с тем, чтобы после поправки снова подвергнуть полному количеству определенных судом ударов. Один из правителей установил наносить при наказании шпицрутенами двенадцать тысяч ударов, но если приговором не предусматривалось забить преступника до смерти, то назначалось только две тысячи ударов.

Наличность сектантства в описываемой стране являет собой удивительную главу в истории религиозного фанатизма, и таким образом мы не должны удивляться тому обстоятельству, что именно здесь процветает флагеллантизм, пожалуй, в такой степени, какая в остальной Европе наблюдалась только в средневековый пери-

од. Здесь существует, например, секта, последователи которой носят название «мужей старой веры»; в определенное время мужчины и женщины сходятся в назначенном месте, обнажают тело до пояса и, стоя босиком на усыпанной мелким щебнем земле, хлещут друг друга до крови. Богослужение у этих хлыстунов совершается в виде дикой пляски, сопровождаемой свирепым бичеванием. Посреди комнаты, играющей роль молельни, стоит сосуд с водой, в которой смачивают руки и из которой пьют воду. Затем начинается пляска и взаимное истязание, продолжающееся до тех пор, пока люди не валятся без сил на пол, бьются в судорогах и произносят бессвязные речи, почитаемые, как пророческие слова. Ежегодно в Страстную Субботу у них установлен праздник в честь божьей Матери, во время которого избранная на роль жертвы молодая девушка до того жестоко избивается сектантами, что навеки остается изуродованной.

Другая секта основывает свое вероучение на словесном комментировании девятнадцатой главы Матвея. Они убеждены, что весь мир переполнен одними грешниками, и что все населяющие землю люди должны вымереть, ибо достойны за свое поведение только смерти. На брак поэтому сектанты смотрят, как на смертный грех. Но пока люди еще не вымерли, так сказать, с корнем, они должны оставаться, по крайней мере, добродетельными, в половом отношении безупречными и не употребляющими спиртных напитков. Сектанты призваны давать живой пример всем братьям. У каждого из них имеется паспорт, подписанный самим Иисусом Христом, чем гарантируется свободный пропуск в рай; при жизни же они видят свое назначение в том, чтобы проповедовать ближним необходимость прекращения всего рода человеческого. А если они вообще существуют на свете, то только лишь для того, чтобы убеждать других

в том, что жизнь сама по себе представляется грехом. И если бы у них не было этого священного призвания, то они давным-давно поголовно наложили бы на себя руки.

Поскольку описанная «догма» совмещает это, упомянутая секта причисляет себя к ортодоксальной церкви.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

РОЗГА В ГЕРМАНИИ И ГОЛЛАНДИИ

Как в Германии, так и в Австрии, Голландии и Польше существовали позорные плацы или площади, воздвигались позорные столбы, процветали тюрьмы и другие исправительного характера учреждения. Не менее часто прибегали к розге в этих государствах и в домашней обстановке, причем плетка не была в загоне также и среди представителей педагогического и юридического мира.

В различных городах Германии позорный столб водружался на рыночных и базарных площадях; преступников обыкновенно раздевали, причем экзекуцию производил специально для этой цели содержавшийся палач. Орудием наказания служили березовые розги, число ударов доходило иногда до семидесяти. Среди зрителей преобладали представительницы прекрасного пола всех возрастов, которые взирали на процедуру наказания с нескрываемым удовольствием. Розга в домашнем применении была так хорошо известна им, что они не ощу-

щали ни малейших укоров совести, когда наблюдали за взмахами ее в публичном месте.

В Австрии, Голландии и Германии родители нисколько не церемонились даже с вполне взрослыми детьми своими и частенько наказывали их розгами дома либо отправляли на известный срок в специальные исправительные заведения. Особенно могучим средством считалась розга от влюбчивости в период полового созревания и, разумеется, чаще всего тогда, когда «предмет» любви так или иначе приходился родителям не по нраву.

Сын одного из именитых купцов столицы Голландии, Амстердама, безумно влюбился в дочь бургомистра. По целым неделям он буквально не прикасался к пище, не пил, не спал и временами походил на человека, лучшим местом пребывания которого может явиться сумасшедший дом. Озабоченный состоянием сына, отец юноши приглашал знаменитейших врачей города, но все предписания последних никакого влияния на здоровье молодого человека не оказывали. В один неблагоприятный для юноши день отец его нашел случайно письмо, адресованное сыном даме своего сердца. Все стало купцу ясно, диагноз немедленно определился, а вместе с ним изменился и способ лечения больного. Врачей в дом более не приглашали... Юношу отправили в исправительное заведение, где несколько добрых порций березовой каши совершенно избавили молодого больного от не менее «молодой мечты любви».

Воспитанники учебных заведений находились с розгой в самых близких, хотя и далеко не дружественных отношениях, причем на недостаток в количестве ударов никто из них пожаловаться не мог. Чаще всего били по

рукам, хотя доставалось и другим участкам молодого тела. До конца прошлого столетия в Гронингене существовал обычай, в силу которого перед каникулами ученики должны были прыгать через обруч, в то время как учитель награждал их ударом розги по тому месту, откуда у всех людей обыкновенно растут ноги. Иногда учитель с расставленными ногами становился у ворот школы и проделывал ту же самую процедуру, т. е. награждал проскальзывавших через «тоннель» учеников ударами розг.

Что касается древних германских законов, то по отношению к телесным наказаниям их можно было смело назвать щедрыми. Тюрьмы и исправительные заведения щеголяли целым арсеналом орудий такого вида, как плети, палки и березовые прутья. В смысле постановления приговора о телесном наказании судьи и члены магистратуры пользовались вполне ограниченной властью. В исправительных тюрмах, главный контингент обитателей которых составляли несчастные женщины, очень часто томились лица совершенно невинные, попадавшие сюда либо по капризу знатных мира сего, либо из особых соображений бессердечных родственников. Экзекуции над женщинами полагалось производить женщинам, причем разрешалось снимать только верхнее платье. На самом же деле, в большинстве случаев, их наказывал тюремный сторож, предварительно совсем обнажая свою жертву.

Телесному наказанию в Германии сплошь и рядом подвергались не имевшие оседлости бродяги и те приезжие, которые по недостатку материальных средств были лишены возможности отправиться на родину. Усердные экзекуции назначались также виновным в преступлении против шестой заповеди. Иллюстрацией

этого служат старинные вышивки, на которых увековечены сценки наказания женщинами стоящих перед ними на коленях рыцарей. В песнях нибелунгов древнегерманского эпоса поется, как божественный супруг, рыцарь Зигфрид, наказывал телесно свою супругу Кремхильду за то, что она выдала тайну, которую он ей под секретом рассказал. Далее, княгиня Гудрун была привязана к железной кровати и избита ветвями терновника по приказанию озлобленной королевы за то, что осмелилась отказаться выйти замуж за королевича с отвратительной внешностью.

Как мы уже упоминали выше, иезуиты благословляли применение розги, в особенности как средство для наказания молодых девушек. Здесь уместно упомянуть о святой Кресценции, которая безгранично верила в могущество розги. Преклоняясь сама пред влиянием розги на самой себе, она советовала всем широкое применение ее. Как-то раз к ней за советом обратилась одна из ее двоюродных сестер, семнадцатилетняя красавица, дочь которой была уже влюблена в красавца — соседа. Святая Кресценция попросила прислать молодую девушку к себе, а уж средство у нее имеется, «великолепное средство» — сказала она. Лишь только Мариела — так звали юную красавицу — вошла в дом своей святой родственницы, как последняя предстала перед ней с огромной розгой в руках. Через несколько минут гостья украсилась синяками и кровоподтеками. Помимо этого, матери влюбленной девушки преподана была инструкция повторного и более частого применения предпринятого Кресценцией лечения вплоть до достижения Мариелой девятнадцатилетнего возраста. Несчастной девушке ничего другого, кроме повиновения решению святой родственницы, не оставалось, и когда мать ее не имела времени или сил лично заняться «лечением», «боль-

ную» отправляли для систематических экзекуций к родственницам...

В школах при церквях и монастырях били щедро и часто. Известные аугсбургские монашенки, слывшие под именем «Stifel (по-немецки сапог) Nonnen» вследствие того, что зимою должны были надевать на ноги маленькие сапоги, содержали школу для мальчиков, в которой обучались ученики в возрасте от восьми до десяти лет. Если кто-либо из них должен был быть наказан, то его заставляли влезать головой в отверстие печи таким образом, что нижняя часть туловища вместе с нижними конечностями оставалась снаружи. Затем наказуемого раздевали и основательным образом обрабатывали розгой.

Выше мы уже говорили о том, что в немецких гимназиях исполнение телесных наказаний поручалось так называемому «синему человеку» (der «blau Mann»), но в школах, находившихся в руках самих иезуитов или их последователей, экзекуция производилась самим «господином учителем». В огромном большинстве случаев подобные школы учреждались для совместного обучения мальчиков и девочек, и последних так же часто секли, как и первых. В свое оправдание иезуиты обыкновенно говорили, что розга представляет собой «необходимую, существенную составную часть целого». И если считать только что приведенное положение исходной точкой иезуитских понятий, то частое злоупотребление розгой ничего удивительного собой представить не может. Случаи с патером Мареллем в Баварии и одним аббатом из Гента произвели большой переполох и долго считались сенсационными. Аббат этот был одержим фанатической страстью к раздаче ударов направо и налево. Очень часто он бил учеников вверенной ему

школы собственноручно, а если, вследствие какой-нибудь причины, присутствовать в том помещении, где происходила экзекуция, не мог, то уж во всяком случае заглядывал в окошко. Святые отцы безумно радовались случаю пустить розгу в ход и, мало того, любили при этом отпускать специальные шуточки. Ударить один раз розгой по руке, обозначалось выражением «положительная степень» (positiv). Порка по седалищным частям называлась на их условном языке «сравнительной степенью», форменная же экзекуция, проведенная по всем правилам иезуитского искусства, нашла название степени «превосходной».

Любовное отношение к порке, развитое и вскормленное иезуитами, мало-помалу стало достоянием семьи, и очень часто экзекуция в «превосходной степени» доставалась детям не только в школе, но и дома. До этого периода телесное наказание во многих германских государствах, особенно в гессенских владениях, рассматривалось, как политическое преступление. Неожиданно в высший государственный Совет Пруссии было внесено предложение об обязательном введении телесного наказания, но отвергнутого большинством голосов.

Некий субъект, содержащийся в одной из тюрем Германии, описал после своего освобождения различные роды и виды новых методов, введенных в деле телесного наказания. Многие из них по своей натуре представляются настолько жестокими, что не слишком зверское применение плети является по сравнению с этими новыми методами буквально благодеянием. Малейшие уклонения от существующего в тюрьме режима карались публичным выговором в присутствии всех тюремных служащих и лишением известных свобод и преимуществ, изредка допускающихся в домах заключения.

Далее следовал карцер, постепенный перевод на хлеб и воду, лишение постели, кандалы и — как крайняя мера — специальный стул. Стул этот представлял собой нечто вроде деревянного кресла; преступник усаживался на него, причем шея, грудь, живот, верхние и нижние конечности стягивались особым кожаным ремнем. Благодаря давлению последнего, происходила задержка в кровообращении, что влекло за собой чрезвычайно неприятные ощущения. Случалось, что провинившихся заставляли сидеть на таком стуле шесть часов кряду, пока изо рта, носа и ушей их не показывалась кровь. Крики и стоны несчастных невозможно было в таких случаях выносить.

В Польше воспитание детей и содержание прислуги не обходилось без телесного наказания, которое занимает при этом видное место. В те времена, когда все крестьяне были крепостными, жестокие порки являлись чем-то понятным, самим собой разумеющимся, и много трудов стоило «барам» отучиться от веками присвоенного им преимущества. Когда был обнародован царский указ о даровании свободы, и крепостные, почуяв свое право, уклонялись от производства работ, — польские помещики все-таки прибегли к экзекуциям. Один из шляхтичей, рассказывают, выразился так: «С нашими рабами уже просто и выдержать нельзя, они от рук отбились с тех пор, как вообразили себя свободными людьми. Прежде, чем уехать из дому, я приказал хорошенько высечь десяток-другой мужчин и женщин; пусть они на своей шкуре почувствуют, что я еще их господин и повелитель. Недавно я, вообразите себе, застал повара на кухне в обществе других дворовых, и он объяснял им их новые права! Само собой разумеется, я приказал хорошенько наказать этого каналью плетью!»

Богатые поляки содержали огромный штат дворни и поддерживали известную субординацию исключительно при содействии плети, розог и других подходящих инструментов. Каждое отступление от заведенного порядка, каждое не пришедшееся по вкусу блюдо наказывалось жестокими порками. В определенный день и час, накануне Пасхи, хозяйки-польки имели обыкновение наказывать весь штат прислуги. Всех дворовых собирали в одно помещение, сюда являлась барыня с плетью в руках и, не соблюдая никакой разницы между полом, возрастом и положением, била по очереди всех своих верноподданных. Что касается девушек, то и они не избегали экзекуций, с той только разницей, что их наказывали не *en masse*, а каждую в той комнате, в которой она жила.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

НАКАЗАНИЕ В ВОЙСКАХ

Долгое время среди наказаний в войсках телесные занимали первое место. Древние римляне послужили примером для других наций, что мы ясно видим из сочинений Ливия, Полибия и Тацита. Большинство европейских народов производило в позднейшие времена наказания в войсках с помощью палки, причем неоспоримым является тот факт, что в период тридцатилетней войны величайшие полководцы-генералы представляли собой также и самых завзятых палачей.

Первыми, отказавшимися от телесного наказания в войсках, явились французы, сохранив в армии только тю-

ремное заключение и смертную казнь. В своде военных постановлений у французов имеется не менее сорока пяти преступлений, караемых смертной казнью; двадцать шесть проступков влекут за собой тюремное заключение от пяти до двадцати лет, с прибавлением и без оногo так называемого *le roulet*, т. е. пушечного ядра, прикрепляемого к ноге или туловищу с помощью особой цепочки. Деятнадцать преступлений караются принудительными работами или галерами, но не свыше трех лет содержания в последних или специальных рабочих домах.

Приводимые ниже примеры ясно показывают, как высоко оцениваются во французских войсках наказания: за дезертирство полагается три года и упомянутый выше *la roulet*. Преступник должен тащить за собой на цепи ядро в восемь футов весом и работать зимой восемь часов, а летом — десять часов в день. В нерабочее же время он содержится в одиночном заключении в отведенной для него камере. За повторное дезертирство полагается десять лет *le roulet*; если же преступление совершено с поста, к означенному сроку прибавляется еще два года. Если лицо военного звания явится инициатором бунта, то *le roulet* сопровождается ношением ядра двойного веса. За непослушание в мирное время виновные наказываются шестимесячным тюремным заключением. За угрозы начальнику — год тюрьмы с закованием в цепи; если же преступление это было совершено при наличии оружия в руках, срок заключения удваивается. Десятью годами закования в цепи или смертной казнью карается нанесение начальнику оскорбления действием; за промотание казенной амуниции — два года на цепи, за продажу и залог оружия — пятилетнее содержание на цепи.

Вот только некоторые наказания, введенные во французской армии.

В Пруссии существует два типа или разряда солдат. Новобранец вступает в первый разряд, причем ни офицер ни унтер-офицер не могут ни бить, ни оскорблять его бранными словами. Если же по приговору военного суда нижний чин переводится во второй разряд, то его уже можно и бить, и вообще применять к нему различные строгости, в зависимости от совершенного им преступления или проступка. На войне удары наносятся плоской частью клинка палаша, если же экзекуция предпринимается по приговору суда, то проводит ее обыкновенно унтер-офицер с помощью особых небольших палок либо в караульном помещении, либо в палатках и непременно в присутствии всех сослуживцев наказуемого. Приведение наказания в исполнение в частном помещении без свидетелей строжайше запрещается.

Каждый командующий офицер имеет право наложить на подведомственного ему нижнего чина, переведенного во второй разряд, телесное наказание по своему усмотрению, но количество ударов вне должно превышать сорока. Преступника обыкновенно не раздевают совершенно, а оставляют в нижней рубашке и тиковой куртке. Если переведенный в разряд штрафованных ведет себя хорошо, то может быть с соответствующими почестями снова переведен в первый разряд; во время церемонии восстановления его в потерянных правах над ним развивается полковое знамя, и при всех товарищах ему возвращаются все знаки отличия в форме.

В прусских кадетских корпусах телесное наказание строжайше запрещено законом; каждое оскорбление

действием почитается здесь оскорблением чести. Лет тридцать-сорок тому назад постдамских кадетов в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет наказывали еще изредка розгами. Один из генералов, пытавшийся наказать воспитанника кадетского корпуса в Берлине, в котором содержатся мальчики от четырнадцатилетнего до восемнадцатилетнего возраста, встретил решительное сопротивление. Кадет убежал в спальную, вооружившись предварительно своей шашкой. Когда дверь в дортуар была выломана, отчаянный юноша ранил первого подвернувшегося лейтенанта в руку, причем и самому генералу достался меткий удар по голове, повредивший кожные покровы. Другой кадет, которого собирались наказать, вырвался из рук палачей, выбросился через окно на улицу и тут же на мостовой скончался от сильных ушибов и сотрясения мозга.

В Австрии, как и в России, точно так же практиковались телесные наказания в войсках, со шпицрутенами и палкой. При назначении наказания количество ударов находится в зависимости от состояния здоровья преступника, но выше пятидесяти никогда не доходит. При наказаниях шпицрутенами выстраивается сто человек солдат, причем наказуемый в самых крайних случаях пробегает сквозь этот страшный строй шесть раз.

Телесное наказание, равно как и шпицрутены, могут быть назначены только простому солдату; при экзекуции наказуемый обычного своего платья не снимает. Бьют в Австрии не концом палки, а продольной частью ее, причем сама палка должна быть не толще ружейного ствола и хорошо обстругана.

У богемцев, венгерцев и валлахов телесное наказание практикуется очень часто.

В Венгрии каждый офицер может по своему произволу назначать любому из своих солдат телесное наказание. Стоит только показаться с расстегнутой пуговицей, поздно явиться на службу или вывести недостаточно убранный лошадь, как офицер тут же заставляет солдата улежться и отдает приказание выпороть провинившегося. Только что произведенный офицер, и тот может за малейшую оплошность наградить нижнего чина березовой кашей. Рассказывают, что некий начальник пожурил подведомственного ему молодого гусарского лейтенанта за то, что во вверенной ему части замечается отсутствие надлежащей дисциплины. Лейтенант извинился и попросил разрешения применять телесные наказания в более обширных размерах, чем это обыкновенно практикуется. «Через месяц я восстановлю полный порядок», — сказал он. Разрешение было дано, и лейтенант сдержал данное им генералу обещание. Но за все это время у него не было ни одной покойной минуты, ни один день не проходил без экзекуций, и все-таки в конце концов в команде начала царить образцовая дисциплина.

В бельгийской армии, со времени воцарения короля Леопольда, применение палки совершенно в войсках оставлено.

В Португалии провинившихся солдат наказывают саблей. Капрал набрасывается на виновного и плоской поверхностью клинка бьет его по спине. В данном случае требуется не только осторожность, но и определенный опыт, ибо подобный удар так сильно отзывается на всем организме, что нередко следствием его является чахотка или подобные ей заболевания; вообще, сразу может показаться, что наказанный остался невредимым, но

рано или поздно, особенно при неумелом ударе, более или менее опасные явления все-таки сказываются.

Свод военных постановлений Северо-Американских Соединенных Штатов вовсе не исключает телесные наказания; тем не менее нечто подобное имеется и там, а именно: «ядро и цепи», представляющие наказание, чрезвычайно болезненное. В военное время то здесь, то там прибегают также к палочным ударам.

В течение длительного времени после 1689 г. в английской армии телесное наказание являлось одним из главных за всякие военные преступления и проступки. Военные суды сначала пользовались правом назначения наказания в любом размере, и нередко солдат запарывали до смерти. В конце последнего столетия количество ударов приближалось к пятистам и даже восьмистам.

В своем сочинении «Заметки о военных законах» сэр Чарльз Напир писал в 1837 г., что за сорок лет до появления его книги в свете ему приходилось присутствовать на таких экзекуциях, где преступники-солдаты получали очень часто от шестисот до тысячи ударов и исключительно по приговору полкового суда, причем нередко солдат выписывали из госпиталя для того, чтобы дать им недополученное ими сполна количество ударов, не взирая на то, что раны от первой порции не успели, как следует, залечиться. У офицеров и унтер-офицеров были постоянно в руках тростниковые палки, которыми они угощали солдат направо и налево за малейшую со стороны последних неосмотрительность, очень часто поставленную в вину совершенно напрасно. В 1792 г. сержант Грант был присужден к двум тысячам ударов за то, что допустил переход двух гвардейских барабан-

щиков на службу в Ост-Индийское общество. Да, в прежние времена никаких границ при назначении телесных наказаний, как мы видим, не существовало, и военный суд мог засечь и засекал солдата до смерти!

В 1811 г. в парламенте возникло первое движение против применения в войсках телесного наказания, по крайней мере в мирное время. Сэр Францис Бурдетт предложил вниманию палаты общин случай, в котором один солдат, член городской милиции в Ливерпуле, был приговорен к двумстам ударам за то, что вместе с товарищами пожаловался на плохую выпечку хлеба и затем написал по этому поводу язвительные стихи. Наказание было после понижено на полтораста ударов, т. е. всего было назначено пятьдесят. На запрос последовал ответ, что приговор состоялся не за сочиненные солдатом стихи, а за то, что обвиняемый явился подстрекателем опасной шайки пьяниц, сославшихся на плохой хлеб зря, чтобы было к чему привязаться. Даже сам приговоренный находил назначенное ему наказание весьма скромным. На этом и закончилась первая попытка, но в следующем году сэр Францис возобновил свое ходатайство, причем самым энергичным образом настаивал на уничтожении в армии телесных наказаний. Хотя его предложения и были отвергнуты, они тем не менее имели чрезвычайно благотворное влияние, и Герцог Йоркский внес предложение об ограничении чрезмерных злоупотреблений при применении «кошки». За исключением тяжких преступлений, количество ударов, назначаемых компетенцией полкового суда, не должно было превышать трехсот, и одно это обстоятельство необходимо было считать большим шагом вперед.

В 1851 г. один солдат был приговорен в Динапоре к тысяче девятистам ударам (1900!) плетью, причем сэра Эд-

варда Пачета упрекали в слабохарактерности, ибо он уменьшил наказание до 750 ударов. В 1829 г. военные суды имели право назначать не более трехсот ударов, в 1832 г. и с этого числа была сбавлена целая сотня. В 1847 г. количество ударов понизилось до пятидесяти, а в 1859 г. преступления в войсках были подразделены на различные категории, причем самые тяжкие из них карались телесным наказанием, и то только в тех случаях, когда в лице преступника правосудие имело дело с рецидивистом.

В 1876 г. парламенту было доказано, что телесные наказания являются бесчеловечными, что они обесценивают человеческую личность, не имеют никакого исправительного влияния и препятствуют правильному вступлению в войска новобранцев. Основания эти взяли верх над старыми предрассудками, и телесные наказания в мирное время в английской армии были окончательно отменены.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ВО ФЛОТЕ

Английский флот существует уже добрых тысячу лет, десять столетий гордо развивается его флаг, несмотря на войны и штурмы, и весь этот период начальство секло матросов, и секло самым нещадным образом! И если девятихвостовая кошка не могла пожаловаться на бездействие на суше, то уж на море она могла смело считаться составной частью, элементом жизни моряка. В армии существует один только закон, применяемый

полками, да еще особые наказания в различных корпусах. Что касается флота, то здесь считаются действительными все законоположения, изданные с 1749 г. и предназначенные за самые тяжкие преступления, и, кроме того, обычные наказания, цель которых заключается в приведении в повиновение беспокойного и противоречивого духа матросов, набранных во всех странах принудительным образом и сошедшихся для служения под английским флагом. Помимо этого, в разное время издавались указы, приказания и дополнения, относящиеся к исправлению прежних законов в смысле смягчения наказаний и особенно смертных приговоров, не составлявших во флотской среде Англии большой редкости.

В конце прошлого столетия система телесных наказаний у моряков была куда более развита, нежели в сухопутных войсках; капитан судна, по своей власти, является и судьей, и присяжным заседателем. Ни один король не мог так свободно распоряжаться спинами своих верноподданных, как капитан самого незначительного военного суденышка над находившимися у него на борту матросами. Одного только желания капитана достаточно для того, чтобы содрать кожу у своего матроса, и при этом ни одна душа — за исключением разве судового врача, — и дерзнуть не могла обратить его внимание на совершаемое беззаконие. Маррият рассказывает о капитане маленькой канонерки, который приказал всыпать своему матросу пять дюжин ударов за то, что он плюнул на палубу. Такие факты встречались сплошь и рядом, и их вовсе не следует относить к фантазии авторов или историков. Боцманы не разлучались обыкновенно с бамбуковыми палками, у младших офицеров постоянно находились в руках линьки, которыми они «подбадривали» людей к работе. Не брезговали также концами толстых веревок, и нередко можно

было видеть, как молодой безусый гардемарин наказывал старого и опытного, но не имеющего чина моряка. Подобные факты считались вполне обычным явлением, о возмущении ими и речи, кажется, тогда быть не могло.

Тридцать три года тому назад во флотилии Лорда Винцента по воскресеньям происходило приведение наказаний в исполнение. «Оживлению» при этом, казалось, и конца не было: по звонку колокольчика в одном месте секли розгами, в другом дрались на рапирах, там делали выговор, здесь вешали... Точно так же, как и преступников на суше водили по городу и наказывали плетью привязанными к тачке, так и матросов наказывали по «флотилии», с той только разницей, что наказание последних было несравненно тяжелее. Если, например, моряк был приговорен к тремстам ударам «по флотилии», к команде которой он принадлежал, и эта флотилия состояла, скажем, из тридцати судов, то на каждом из последних приговоренному отсчитывалось по десять ударов. Для приведения такого приговора в исполнение бралась длинная шаланда с укрепленной на нее платформой. В шаланду усаживали преступника и с ним вместе помещались офицер, боцман, его помощники и орудия наказания.

По особому сигналу все суда флотилии снаряжают шлюпки, в которых помещаются принаряженные матросы, в полной форме офицеры и вахтенные под ружьем. Шлюпки собираются вокруг упомянутой выше шаланды, и все люди выходят на платформу, чтобы быть свидетелями экзекуции своего товарища по мундиру. Сначала прочитывается приговор, и после того, как обвиненный получит установленное количество ударов, его освобождают от веревок и накладывают на спину и

плечи одеяло. Прибывшие для присутствия при порке ялики привязываются к шаланде с платформой, причем вся процессия направляется к другому ближайшему судну флотилии, которое, в свою очередь, снаряжает экспедицию для торжественного лицезрения продолжения наказания преступника. Таким образом, приговоренный направляется от судна к судну, пока назначенное приговором количество ударов не будет сполна нанесено ему. Необходимо заметить при этом, что в данном случае для матросов играет роль не количество ударов, а, разумеется, позорный для человеческого достоинства и мучительный по характеру способ наказания. Ибо не успеть во время передвижения шаланды унять боль и остановить кровотечение, как безжалостная «кошка» снова впивается в тело несчастного и вызывает близкое к обмороку чувство боли. К концу наказания болевое ощущение становится уже просто невыносимым, и в результате перенесший его человек превращается на всю жизнь в жалкого инвалида.

Один удар «кошкой» во флоте равняется, по словам военных, нескольким в армии, и говорят, что двенадцать ударов «на воде» хуже переносятся, нежели сто на суше. Обстоятельство это находится в зависимости, главным образом, от того материала, из которого моряки изготовляют свою страшную «кошку», хотя и указанный выше способ приведения наказания в исполнение тоже играет здесь далеко не второстепенную роль. Мокрая «кошка» делается из веревок толщиной в палец; каждая из веревок имеет пять футов в длину, из которых три фута представляют собою обыкновенной конструкции веревку, другие же два фута сплетены и связаны тщательным образом в солидные узлы.

В армии палач (чаще всего барабанщик) стоит во время экзекуций на одном месте, поднимает кошку над своей головой и затем со всей силы опускает ее на спину наказуемого; во флоте же выполняющий обязанности экзекутора боцман отходит на два шага от преступника, взмахивает кошкой, делает шаг вперед по направлению к своей жертве, нагибается, чтобы развить более сильный удар, и после того с размаху ожигает обнаженное тело преступника. Марриат упоминает об одном боцмане, который наказывал левой рукой, до того изощрившийся в манипуляциях с «кошкой», что при каждом ударе узлы веревок вырывали кусочки мяса. Когда наступала очередь его заместителя, и он бил уже правой рукой, то, естественно, заинтересованной являлась другая сторона спины несчастного матроса, вследствие чего вообще невыносимые страдания превращались в двойную пытку.

Правда теперь миновали уже дни былых пороков, производившихся без зазрения совести, и в настоящее время, согласно английским законам, ни один матрос не может быть наказан телесно иначе, чем по суду, в состав которого входят капитан и два лейтенанта. Распоряжением высшего адмиралтейства — совета строжайше воспрещается поспешное приведение приговора в исполнение, а также ограничивается количество присуждаемых ударов. Таким образом, положение матроса значительно улучшилось; кроме того, капитанам судов вменено в обязанность доносить обо всех случаях телесных наказаний, сведения которых попадают в газеты. А последнее, как известно, не церемонятся: того и гляди — рассуждает капитан, — попадешь бойкому борзописцу на зубок, начнет он тебя цыганить на все лады, прослышь в обществе человеком-зверем! В результате — значение «кошки» с течением времени дискредитируется все больше и больше. Так, в 1854 г. к телесным на-

казаниям прибегали исключительно в случаях неповиновения начальству и других тяжких проступков, да и то «кошка» могла применяться только к рецидивистам. В 1858 г. относительно наказания воспитанников морских корпусов были обнародованы новые законоположения. Юношей этих вообще не разрешалось подвергать телесному наказанию с помощью мучительных орудий, как кошка, плеть и проч. Самое серьезное дозволенное для наказания, это — обычная школьная розга, «березовая каша», при чем число ударов ни под каким видом не должно было превышать двадцати четырех. Офицерам, кроме того, вменялось в обязанность прибегать к телесному наказанию только после того, как уговоры и другие виды карательных мер оставались безрезультатными. Короче — говорилось в приказе, — в лице розги желательно видеть более всего устрашающее средство.

В 1880 г. заседавший в Северо-Американских Соединенных Штатах конгресс пришел к заключению о необходимости полного изъятия телесных наказаний во флоте, но, необходимо признаться, результаты этой меры оказались далеко не теми, какие мечтали получить противники телесных наказаний, защищавшие матросские спины на упомянутом выше конгрессе.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЖЕНЩИН НА ВОСТОКЕ

Хотя торговля рабами строго преследуется в Азии и в Африке, торговцы, поставщики для турецких

гаремов, находят средства добывать человеческое мясо к услугам азиатских пашей.

В прежние времена влиятельные особы содержали особых комиссаров, объезжавших Грузию и Кавказ вообще с целью похищения девушек, славившихся своей красотой, — для снабжения ими гаремов вышеупомянутых особ. Так как подобный варварский способ в наше время не практикуется, торговцы рабынями прибегают к другим средствам; они по-прежнему охотятся за человеческой дичью, но вместо силы теперь пускают в ход обольщение, прельщая молодую девушку более или менее значительной суммой денег и стараясь уговорить ее бросить своих бедных родителей, чтобы жить в роскоши и безделье. Нередко также и родители продают своих дочерей этим торговцам человеческим телом.

Но так как громадное большинство таких девушек без всякого образования и очень невоспитанные покупатели отправляют в особые учреждения, нечто вроде пансионатов, где опытные женщины обучают их манерам и умению держать себя в предстоящем им новом положении; благодаря этому ценность их значительно возрастает против того, если бы их продать немедленно после покупки.

Подобные воспитательные пансионаты существуют главным образом в Малой Азии и Аравии, они представляют как бы склады женщин, черных и белых, всевозможных рас, поставляющих их в распоряжение богатых мусульман.

Подобные учреждения могут быть посещаемы довольно свободно даже европейцами; за несколько золотых монет допускают осматривать эти оригинальные пансионаты.

ны, обыкновенно устроенные с большой роскошью, так как нередко их посещают очень богатые особы — с целью лично выбрать женщину.

В таких учреждениях женщины считаются рабынями, а потому обращаются с ними очень строго. Разве не необходимо, чтобы будущий господин нашел полное и беспрекословное послушание в той, которую он покупает для своего наслаждения? Вот почему, если которая-либо из них в чем-нибудь провинится, то она немедленно передается в руки евнухов, которые наказывает ее телесно.

«В таком доме каждая рабыня спит на досках, покрытых только ковром, — говорит корреспондент газеты «Стандарт», который провел четыре дня за большие деньги в таком учреждении и имел возможность наблюдать все порядки, — на колени ей на ночь одеваются особые колодки, чтобы она привыкла спать неподвижно и не могла впоследствии будить своего будущего господина. Утром эти колодки снимаются.»

После этого их всех одновременно гонят в особую комнату, где в полу проделаны дыры, предназначенные для удовлетворения естественной потребности, которая удовлетворяется ими всеми одновременно.

После того, как они удовлетворили свою естественную потребность, их ведут в умывальную комнату, где их тщательно массируют, а затем сажают в довольно горячую ванну. Выйдя из ванной они поступают в распоряжение педикюрш и маникюрш, которые служат им в то же время и горничными, причесывающими и одевающими их.

Если которая из рабынь заслужила своим поведением награды, то ей позволяют спать без колодок или даже с подругой, с которой она может забавляться разными чувственными наслаждениями, которые, для развития в ней сладострастия, сильно поощряются.

Наказания бывают исключительно телесные и очень жестокие; тут можно встретить самую варварскую утонченность с чисто дьявольской жестокостью.

Для наказаний имеется особая комната. В ней находятся всегда наготове всевозможные орудия наказания: ремненные плети, веревочные плети, длинные прутья, лежащие в воде, для сохранения гибкости, волосяные щетки, стальные цепочки, снабженные более или менее тяжелыми гирями и т. д.; посреди комнаты стоит скамья, на которой наказывают, довольно широкая и снабженная кольцами, крючками, веревками, ремнями; один вид подобной скамьи наводит ужас...

Обыкновенно за небольшой проступок дается не более двадцати ударов по обнаженному телу розгами или плетью — главное при наказании, чтобы ни по одному месту тела не пришлось два удара и кожа не была повреждена. За более важные проступки подвергают всевозможным истязаниям, продолжая заботиться о целостности кожи. Подвергают и значительно большему числу ударов розгами или плетью, но тогда, опять же с целью сохранения кожи, секут через мокрые простыни, которые во время наказания меняют несколько раз.

После двадцатого удара или вообще после окончания наказания розгами или плетью наказанную относят в соседнюю ванную комнату, где ее немедленно погружают в холодную ванну. При корреспонденте, находив-

шемся в соседней ванной комнате и наблюдавшем через отверстие, наказывали трех провинившихся женщин.

Наказание происходило в присутствии владельца дома и проводилось тремя евнухами. Наказанных приводили по очереди. Все они послушно ложились на скамью и вообще давали все делать с собой перед наказанием, но во время наказания неистово кричали... Вот описание экзекуции:

«Первой привели наказывать девушку еще совсем ребенка. Она была в одной рубашке. Около скамьи стоял с розгами в руках один евнух и часто ими зловеще свистал в воздухе. Девушка, видимо, что-то хотела объяснить, но ей не дали и два евнуха уложили ее на скамейку и привязали. Было удивительно грустно смотреть на обнаженную девушку, лежавшую привязанной на скамье.

Как только евнухи привязали ее, то отошли в сторону. К ней близко подошел владелец и стал что-то скоро говорить...

Евнух с розгами отошел на шаг от скамьи и смотрел, как собака, в глаза владельцу. Затем, вероятно, тот велел начать ее сечь, потому что евнух свистнул розгами в воздухе и ударил по телу. Свист резкий, отвратительный. Раздался нечеловеческий крик и на теле легла красная полоса.

Через каждые пять ударов евнух переходил на другую сторону скамьи, меняя при этом каждый раз розги. Считал удары другой евнух. Мгновение между ударами казалось мне целым часом. Когда ей дали двадцать ударов, то евнухи быстро отвязали девушку, она встала и

стала что-то говорить владельцу. Все время, пока ее по-роли, она неистово орала односложными звуками, произнося какие-то слова между ударами... Когда она встала и стала говорить, то лицо у нее было бледное-бледное, видимо она силилась улыбнуться, но у нее выходила какая-то жалкая гримаса. По знаку рукой владельца ее увели и через несколько секунд привели другую...

Это была высокая, уже вполне сформировавшаяся девушка черкешенка. На ней лица не было... Девушку заметно колотила дрожь, она как-то беспомощно оглядывалась, словно затравленный заяц... Владелец несколько раз повторил громко одно слово, — переводчик перевел корреспонденту, что он говорит ей «ложись».

В это время один евнух, уходивший, вернулся с двумя простынями, намоченными в воде. По объяснению переводчика, значило, что ее будут очень строго наказывать...

Но она не ложилась, тогда два евнуха взяли ее, подняли на руки, положили на скамейку и привязали. Владелец приказал дать ей двести ударов. Даже переводчик сказал: «Больно много, — большая вина у нее!»

Снова свист, дикие крики, причитания в промежутках между ударами, теперь полос не было видно, а только судорожные вздрагивания тела.

Эта наказанная сама уже не могла встать со скамьи — ей помогли евнухи, которые и увели ее, поддерживая...

Наконец, привели третью, приблизительно такую же девушку, как вторая. Эту не раз ложили на скамейку. Она была подвергнута истязанию грудей, после этого наказана на скамейке плетью и, как и две ранее наказанные, посажена в холодную ванну. Последняя во время истязания впала в обморочное состояние...

Мы уже сказали, что при всех истязаниях стараются причинить как можно больше мучений, не повреждая кожи.

По словам того же корреспондента, очень часто наказывают провинившуюся девушку еще так: раздевают ее донага, ставят спиной к колонне в комнате или стене, связав кисти рук, поднимают их вверх и привязывают за руки к стене так, чтобы один локоть закрывал лицо, ноги наказываемой привязывали к кольцам в полу. В таком положении владелец или евнухи наказывают ее розгами по передней части тела. Так как эта часть особенно чувствительна, а наказание проводится довольно жестоко, то редко когда несчастная выносит назначенное число розг, не потеряв от боли сознания; но ее тогда приводят в чувство и затем опять продолжают драть, пока не дадут сполна назначенное число ударов. Правда, подобному наказанию подвергают за более важные проступки: за побег, на которых не действуют другие наказания, за покушение к побегу, потерю невинности, при чем за последний поступок всегда наказывают, не щадя кожи и нередко засекают насмерть.

За побег обыкновенно подвергают подобному наказанию после жестокого истязания и наказания по задней части тела после выхода из ванной...

Корреспонденту удалось купить в Бейруте рисунок, изображающий наказание подобным способом девушки владельцем.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ ЖЕНЩИН В ИСПАНИИ

По словам известного испанского историка Кольменара, в средние века в Мадриде существовали процессии флагеллянтов, о которых я говорил в первом томе. В церемониал этих процессий входило столько же религиозного, сколько и любовного отношения к женщине. Но я предпочитаю предоставить слово самому историку. Вот что он пишет:

«В этих процессиях принимали участие все кающиеся или флагеллянты, стекавшиеся со всех кварталов города. На голову они одевали очень высокий, белый полотняный колпак в виде сахарной головы, с передней части его спускалась широкая полотняная полоса, которая закрывала лицо. Среди участвующих, конечно, были лица, подвергавшие себя публичной флагелляции, движимые чувствами действительной набожности; но другие практиковали ее, чтобы угодить своим любовницам; подобная галантность была совершенно оригинальной и неизвестной другим народам. Эти милые флагеллянты надевали белые перчатки и такого же цвета ботинки, рубашку, рукава которой были украшены лентами, на голове и на плаще была лента любимого цвета.

Они бичевали себя по вполне определенным правилам веревочной плеткой, на концах хвостов которой были вплетены кусочки стекла. Тот, кто сек себя с большей силой, считался более мужественным и достойным большого уважения.

Эти странные влюбленные, проходя под окнами своих дульциней, наносили себе более сильные удары. Но в то же время все эти флагеллянты выражали свое восхищение и перед встречными женщинами, особенно если они были хорошенькие, в таком случае они старались, чтобы несколько капель их крови попало на них. Если даме нравился флагеллянт и она хотела отнестись благосклонно к его ухаживанию, она поднимала свою вуаль.

В те времена многие жены находили, что из-за телесного наказания, которому подверг ее муж, не стоит особенно огорчаться. Некоторые из них даже находили удовольствие в этих побоях. Муж, бьющий жену, доказывает, что он дорожит ею, иначе он не старался бы ее исправить наказанием.

В то время подобного взгляда придерживались почти все народы. Раньше, когда на жену смотрели почти как на рабыню, дело обстояло совершенно иначе: за малейшую провинность муж приказывал сечь ее своей прислуге и, вероятно, подобное унижение не доставляло ей большого удовольствия. По-видимому, в Испании мужья и любовники, приказывающие пороть своих жен или любовниц, не пользовались от них за то большим уважением, если судить по рассказу знаменитого Сервантеса — «Ринконет и Картадийо».

«...Только что Мониподио, капитан королевской гвардии, начальник караула, собрался поужинать в компании двух веселых молодых дам, как в дверь сильно постучали. Мониподио прицепил шашку и, подойдя к двери, грозно спросил: «Кто там?» — Никто, это только я, Ваше Высокоблагородие, Фагарот — караульный, — пришел доложить вам, что вот тут стоит девушка — Юлия Каригарта, вся растрепанная и в слезах, как будто с ней приключилось ужасное несчастье. Действительно, за дверью слышались женские всхлипывания.

Услышав их, Мониподио отворил дверь. Он приказал Фагароту вернуться в караульный дом и в другой раз не смей так громко стучать в дверь, что тот обещал исполнить...

В то время как Мониподио отечески журил караульного за слишком сильный стук в дверь, в комнату вошла Каригарта, девушка из разряда тех же особ, с которыми капитан собирался весело провести время.

Волосы у нее были распущены, лицо все в синяках, и, лишь только она вошла в комнату, как упала на пол... Обе гостьи капитана бросились ей на помощь. Облив лицо водой и расшнуровав ее, они увидели на груди тоже много синяков. Как только девушка пришла в себя, она стала кричать: «Да поразит Правосудие Бога и короля этого бессовестного разбойника, труса, мошенника, которого я уже несколько раз спасала от виселицы, хотя у этого молокососа еще молоко не обсохло на губах. Что я за несчастная женщина! Посмотрите на меня, — я потеряла свою молодость и красоту ради такого негодяя и неисправимого бездельника!»

«Успокойся, Каригарта, — сказал Мониподио, — я ведь здесь и готов оказать тебе полное Правосудие. Расскажи, в чем дело. Ты потратишь на свой рассказ больше времени, чем я на наказание твоего обидчика. Скажи, ты серьезно с ним поссорила и хочешь, чтобы я за тебя отомстил ему, тогда скажи только слово...»

— Поссорилась! Я бы очень была рада только поссориться! Я скорее готова отправиться в ад, чем сесть с таким мерзавцем за один стол и лечь с ним вместе в кровать! И подняв платье до колен, даже немного выше, она показала свои ляжки, которые были все в грязи и синих полосах, затем продолжала:

«Вот полюбуйтесь, как меня отделал этот негодяй Реполидо, который обязан мне больше своей матери! И вы знаете за что? Разве я дала малейший повод? Ровно никакого! Он избил меня зато только, что проигравшись до последнего гроша, этот разбойник послал ко мне Кабрило, чтобы я прислала ему тридцать реалов, а я дала только двадцать четыре. И одному Богу известно, как тяжело они мне достались! Вместо того, чтобы отблагодарить меня, он решил, что я точно украла из той суммы, которую он надеялся получить в своем пылком воображении... Сегодня утром он увел меня в дальние поля, что за королевскими садами; там под одним каштановым деревом раздел меня совершенно донага и, сняв с себя свой ременной пояс, несмотря на мои мольбы и крики, стал безжалостно пороть меня по чем попало; он даже не снял с пояса пряжек!.. Драл он меня до тех пор, пока я не потеряла сознание. Вот полюбуйтесь на следы такой ужасной порки!..»

Мониподио обещал, что обидчик будет жестоко наказан, как только его разыщут и приведут сюда. «Не бой-

ся, Каригарта, у меня длинные розги и я шкуру ему спущу!»

Одна из барышень, гостей капитана, стала также утешать Каригарту и говорить ей:

«Я бы многое дала, чтобы со мной случилось подобное с моим другом; не забывай, Каригарта, что кто сильно любит, тот и сильно наказывает! Когда наши бездельники секут нас или просто колотят — значит, они нас любят... Сознайся, после того, как он тебя избил до полусмерти, я уверена, он тебя приласкал разочек?»

— Как разочек?! Да ты очумела! Он уговорил идти домой и мне даже показалось, что у него были слезы на глазах после того, как он меня так жестоко выпорол.

Инквизиция! Вот слово, при произнесении которого у вас, невольно в воображении рисуются картины самых жестоких сцен!

Мы знаем, как изобретателен был ум по части пыток.

Китайцы, как известно, считающиеся мастерами по части причинения страданий преступникам, не в состоянии были изобрести решительно ни одного самого ужасного истязания, которое не было бы в ходу в страшных тюрьмах, где были заключены еретики.

Инквизиционные суды возникли в латинской Европе, где католицизм торжествовал свою победу помпой и роскошью своих религиозных церемоний.

В течение долгих веков благодаря ему в набожных городах разносился запах горелого человеческого мяса. Ведь каких-нибудь всего полтораста лет назад людей жгли на кострах!

В своем труде я не собираюсь вовсе говорить подробно о пытках в тюрьмах Инквизиции.

Пабло Воиг и Павел де Сент Виктор, особенно последний, в своем замечательном сочинении «Люди и Бог» говорят о флагелляции в Испании.

Последний рассказывает разные подробности о сектах флагеллянтов и дает вообще много подробностей о флагелляции с сладострастной целью.

Что касается Пабло Воиг, то он сообщает, что в 1640 г. на одной из городских площадей города Мурсии была публично наказана розгами маркиза Мерседес Ажийо. Ее секли, предварительно раздев донага, что вызвало громадный скандал во всей Испании, где подобные наказания не проводились публично, чтобы не оскорблять высокого целомудрия испанцев.

Кальвинист Базер, из Цюриха, известный своими проповедями против пьянства и незаконных связей, рассказывает, что однажды ему пришлось быть в городе Саламанке. Его внимание было поражено встреченной им процессией с осужденными женщинами. Тут были все совсем молоденькие девушки, смуглые, с блестящими от слез глазами, большею частью еврейки. Почтенный философ полюбопытствовал узнать, к какому наказанию они приговорены. Ему сообщили, что их везут в монастырь «Девичий», где их будут наказывать розга-

ми, причем во время наказания монашенки будут петь духовные песни, подходящие к грехам этих еретичек.

Вольтер сообщает тоже, что иногда секли розгами под аккомпанемент церковного органа. Вообразите, до чего человек мог додуматься, чтобы пороть розгами под орган или пение духовных песен! Правда, это хотя немного нарушает монотонность подобных церемоний и все-таки дает известный местный колорит наказаниям розгами в древней Иберии.

Но наказание розгами, которому подвергали провинившихся девушек в «Девичьем монастыре», было вовсе не такое, чтобы можно было шутить.

Дело не ограничивалось тем, что было поднято несколько женских юбок и отшлепано несколько женских крупов.

Нет, тут лилась кровь, в цвет которой окрашено кардинальное облачение, из комнаты, где наказывали девушек, неслись отчаянные крики от истязаний, которым их подвергали.

Монаха, вооруженного розгами или плетью, ничто не способно было смягчить — ни молодость, ни красота еретички-девушки.

Привязанная к позорному столбу или растянута на скамье, девушка должна была оставить всякую надежду; ей не предстоит вынести известное число ударов розгами или плетью... Ее будут пороть даже не до тех пор, пока устанет монах палач, а пока кровь не польется ручьем, пока она не умрет...

Эти молодые женские тела, извивающиеся под ударами розог и плетей подобно змеям, представляли ужасное зрелище.

Вы напрасно станете искать в глазах секущего монаха малейшего признака сожаления... Он совершенно равнодушен, как машина бездушная, даже к прелестям самым секретным, которые обезумевшая от боли девушка выставляет напоказ без всякого стыда...

Еще на днях (в октябре 1909 г.), под давлением католических монахов, был расстрелян невинный патриот Феррера, настаивавший на том, чтобы народная школа была светской и не находилась в руках монахов. Гнусный поступок испанского правительства вызвал негодование во многих странах. Во Франции и Галии произошли забастовки, народные манифестации, окончившиеся столкновениями с полицией; были даже убитые и раненые с обеих сторон.

В Испании, где католицизм проникает всюду и проявляет часто совсем неуместное своевластие, не все обстоит благополучно среди этого наиболее преданного народа.

История знаменитого Антония Переца и его сотоварища Филиппа II представляет одну из самых кровавых страниц, которую только превосходит история завоевания Южной Америки.

Это было время полного торжества розог и плетей, за которое расплачивались несчастные туземцы.

Я не считаю себя компетентным описывать все тогдашние трагедии или пытки. Могу только заметить, что даже в наше время, до войны Испании с Северо-Американскими Соединенными Штатами, иезуиты являлись полными господами на острове Куба и не стеснялись подвергать телесному наказанию кого угодно.

В газете «Таймс» была подробно рассказана история, как две молодые девушки-негритянки, виновные в том, что попались на глаза монаху в довольно легком одеянии, были, по приказанию монаха, схвачены и приведены в монастырь иезуитов, где их раздели, растянули на скамейке и наказали розгами настолько жестоко, что они потеряли сознание. Мало того, монахи заставили пред их окровавленными телами дефилировать негритянских мальчиков и девочек.

Наглядное обучение, сказали бы педагоги!

Но возвратимся к Инквизиции, продолжавшейся много веков, в течение которых женщин секли потому, что телесные наказания были вообще в тогдашних нравах, а также потому, что на подобные истязания смотрели как на одно из тысячи средств пытки. Но изобретательность пыталыщиков не остановилась на нем, и они придумали для евреев такие ужасные истязания, которые только могли зародиться в их развращенном воображении.

Тело допрашиваемых с «пристрастием» (под пыткой) женщин всегда подвергалось истязаниям, которые нередко вдохновлялись далеко нецеломудренной жестокостью.

Не трудно представить себе, как должно было возбуждать умы, извращенные половым воздержанием, зрелище обнаженных и обезумевших женщин.

Отсюда до удовлетворения своего возбужденного сладострастия оставался один шаг, который довольно часто преступался, в чем легко убедиться, если не полениться порыться в мемуарах современников.

Среди испанских девушек, наказанных телесно, я могу указать на Консепцию Нуец. Случай с этой совсем юной барышней настолько типичен, что перед нами, как живая, встает вся эта бурная и кровавая эпоха.

Передавая этот случай, я постараюсь, по возможности, сохранять местный колорит языка историка Жуанеса, у которого я его беру.

Консепция Нуец. Лишь только вечерняя прохлада спускалась на апельсиновый лист и воздух наполнялся резким ароматом бергамотов, Консепция Нуец шла в церковь, где долго перед ликом Мадонны молилась за упокой усопших.

Эта была маленькая деревенская церковь, освещавшаяся несколькими свечками, криво поставленными в паникадила на хорах.

Завернувшись в свою черную мантилью, Нуец преклоняла колена перед алтарем, рассыпав на плитах лепестки из розы, приколотых в ее черных, как смоль, волосах.

Концепция, дочь мясника Антония Нунец, была самая красивая девушка во всей деревне, — маленькой деревушке на берегу Средиземного моря.

Вся деревня жила добычей от моря и почти все жители были рыбаки. Девушки не отличались недоступностью, были веселы и занимались.., на счет их добродетели ходили самые неблагоприятные слухи.

Они не выходили замуж, так как, обыкновенно, растрчивали «капитал» честной девушки. Достигши семнадцати лет, они поступали в какую-нибудь труппу странствующих актеров и отправлялись в Мадрид, где поступали в дома терпимости.

Морской воздух, ветер с гор и аромат апельсиновых рощ придавали их смуглым, золотистым телам эластичность вполне спелого плода, запах которого сводил с ума сердца мужчин.

Бесспорно самой прекрасной между ними была Концепция Нунец.

Высокая и дородная, с талией более тонкой, чем обыкновенно у испанок, она соединяла с прелестью своего соблазнительного стана еще и грациозное личико с правильными чертами.

Стоило раз увидеть ее глазки, большие и темно-синие, ее розовый ротик, где ряд зубов походил на жемчужины в атласном розовом футляре, как вы безнадежно погибли и готовы были продать свою душу Сатане. Концепция отлично знала, какое очарование она внушала мужчинам.

Она походила на тропические деревья, которые соблазняют своей тенью и плодами усталого спутника и причиняют смерть раньше, чем он отведаёт их.

Она уже знала тайну любви, — ещё будучи совсем маленькой девочкой она любопытными глазенками смотрела вместе со своим другом, таких же лет мальчиком, как бык выражал свой любовный восторг, крепко обнимая корову.

В четырнадцать лет, уже совсем пленительная женщина, она стала любовницей одного восемнадцатилетнего матроса, погибшего вскоре во время бури в море.

Концепция ходила молиться за упокой души своего возлюбленного в крошечную деревенскую церковь, где Мадонна осушала слезы всех верующих.

Но новая любовь заставила забыть прежнюю. Красавица брюнетка познала другие объятия. Она была на вершине блаженств, когда близко сошлась с одним мясником, красивым, как Антиной.

С этих пор Концепция была похожа на ядовитый цветок, один аромат которого убивает; мужчины дрались из-за нее, и палки с ножами были в ходу круглый год.

Ревность разделила молодых мужчин, которые сердца свои бросили к ногам красавицы девушки; а она раздавала свои благосклонные взгляды направо и налево, как бы пронзая ими грудь, так как из-за них обыкновенно происходили драки на ножах.

«Мюжер! (испанское слово, значит женщина). У нее в глазах кинжалы, а мы перед нею, как годовалый бык перед шпагой тореадора!», — говорил Мануило Карриес, самый высокий, самый сильный и самый богатый из рыбаков побережья.

И этот ловкий и здоровый, как юный бог, малый любил Концепцию, но она не любила его или, по крайней мере, этого не было заметно.

Когда она черпала воду из колодца, делая своим телом сладострастные колебания, которые положительно приводили в исступление всех мужчин, она видела, что в тени за ней следит пара черных глаз, как дикое животное следит за барашком, пришедшим на водопой.

Концепция не боялась нисколько. Она хохотала от души, показывая при этом свои очень маленькие зубы и розовые десны.

«Эй, Мануило, напрасно прячешься, я тебя видела... Ты все еще меня любишь?» Влюбленный, пойманный, с досадой скрывался в чаще кактусов и алоэ, выражая свое бешенство ударами ножа в стволы деревьев.

Иногда, после жестокой внутренней борьбы, когда он признавал себя побежденным, он робко подходил к молодой девушке, улыбающейся и смотрящей на него благоклонно.

«Когда же ты меня полюбишь?»

«Когда? Вот забавный вопрос! Нет, ты подумай, разве я обязана тебя любить... А между тем ты мне далеко не

противен, нет ты мне не противен. Я полюблю тебя, как только сделаешься тореадором!»

Это означало тоже самое, что никогда, так как бедный Мануило не имел ни малейшей склонности к трудному искусству борца с быками.

Он возвращался домой разбитый, удрученный и полный ненависти ко всем тем, кто пользовался ласками Концепции.

Раз утром, когда все рыбаки были совсем уже готовы, чтобы выйти на рыбную ловлю в открытое море, лодка Мануило оставалась на песке, в то время как все остальные весело покачивались на воде, как бы подсмеиваясь над ней.

Мануило в ту же ночь уехал, унеся с собой свои сети и все свои сбережения.

Когда эту новость сообщили Концепции, то она весело и дерзко рассмеялась.

«Он вернется, — сказала она, — я знаю, где он находится, он уехал в город, чтобы наняться в шуло (помощники тореадора)...

Но его не возьмут и вы увидите, что завтра он опять будет среди нас».

Но ни завтра, ни послезавтра, ни в течение многих следующих дней никто не видел Мануило.

Именно в это время, — ровно год как уехал Мануило, — торговец быками, богатый и веселый человек, увез с собой Концепцию, оставшись очень доволен ею после того, как провел с нею три ночи в деревне.

С отъездом ее в деревне стало уныло, как в саду без цветов, в птичнике без птиц, но зато в деревне молодежь перестала драться.

В узких улицах, окружающих королевские цирковые арены в Мадриде, в час когда сентиментальные влюбленные распевают любовные романсы под балконами своих возлюбленных, — сквозь щели закрытых ставень одного кабачка пробивался желтый луч от еврейской лампочки.

Это был трактирчик, где по вечерам собирались шуло, пикадоры и вообще темные личности, которые, обыкновенно, бродят за кулисами цирковых арен.

Слышались звуки гитары, какой-то глухой сдавленный голос напевал популярный романс, шумел басский барабан, раздавался веселый смех женщин и площадная брань во всех четырех концах низкой и полной табачного дыма зале.

Среди комнаты стоял чрезвычайно длинный стол, за которым каждый из собутыльников мог свободно расположиться с локтями на стол и поглощать вино, подаваемое кабатчиком.

На первом плане вырисовывалась на стене тень Мануило, сильно похудевшего, благодаря жизни, полной приключений.

Он служил простым рабочим на королевских аренах, желая во что бы то ни стало осуществить свою мечту и сделаться тореадором, которому бы аплодировали все хорошенькие дамы Мадрида и в особенности Консепция Нуец, веселое личико которой рисовалось ему не раз в его воображении.

Вошел высокий, сухой и мускулистый молодой парень, неся на руках свернутую шаль.

«Здорово, ребята! — сказал он, — синьора еще не пришла?»

После того, как трактирщик отрицательно кивнул головой, он сел к столу и, взяв гитару, стал играть какую-то «хабанеру» с довольно страстными звуками.

Женщины повысыпали из всех углов; опрокинув корпус назад, выпятив сильно круп и высунув руки вперед, они стали танцевать с разными телодвижениями.

«Анда! Анда! Олле! Олле!»

Мужчины хлопали в ладоши в такт.

«Синьора... синьора!»

Высокая молодая девушка, стройная, с матовым цветом лица, блестящими глазами от страсти, вскочила на стол ловким кошачьим движением.

«Олле! Олле!»

Заиграли три гитары, раздался звук кастаньет и Мануило, весь бледный встал и ушел в темный угол комнаты.

Красавица Концепция танцевала вместе с другими публичными женщинами недалеко от стола.

Он думал, что все это — сон, но нет, это было не видение — его руки касались легкой материи шарфа прелестной Нунец.

Совершенно опьяневший от ревности, от отчаяния, он сидел в своем углу, потеряв всякую способность к размышлению; перед его глазами, в вихре танца кружились обожаемые формы, и он слышал шум юбок, его обдавало запахом, приводившим его в полное безумие.

Под резкие звуки гитар и бубен, под веселый припев «олле», девушки с высоко вздымавшейся грудью медленно раздевались.

Тогда сладострастная балерина стала со спокойным бесстыдством мимировать возбуждающий танец папиросниц.

Многие писатели говорили о грубой сладострастности этого танца.

Женщина берет в рот сигару, зажигает ее, держа руки в бока.

Она кончает танец, вынимая изо рта сигару и вставляя ее в... другое место.

Среди смеха, плоских шуток пьяных людей Концепция стала также танцевать танец папиросниц, не сократив даже его финального жеста...

Раздался гром аплодисментов, женщины прыгали от радости, мужчины чокались стаканами с вином, проливая его на стол.

Концепция, задыхающаяся, раскрасневшаяся одевалась, прикрывая шалью свои обнаженные плечи и грудь.

Вдруг блеснул нож и пронзил насквозь материю — это был нож Мануило.

Но он промахнулся — кто-то подтолкнул его под руку и оружие оцарапало только кисть руки молодой женщины, которая стала кричать, что есть силы.

Затем раздалась площадная брань, началась драка и тот, кого величали Жозе, бросился на Мануило.

В углу Концепция стонала, перевязывая себе руку салфеткой.

На дерущихся бросились и их развели. Они ругали друг друга и показывали кулаки.

Тогда патрон, до сих пор не вмешивавшийся и все время сохранявший полное спокойствие, взял Мануило за плечи и вытолкнул вон на улицу.

Снова появилось вино и попойка продолжалась до самой зари.

Концепция, опираясь на руку Жозе, уже забыла танец, Мануило и свою рану.

Жозе смотрел на нее влюбленными глазами...

Солдаты Наполеона I наводнили Испанию и одерживали легкие победы в стычках с гверильясами.

Можно сказать, что красавицы испанки были не менее упорны в своей ненависти к неприятелю, чем сами испанцы и если французские солдаты могли хвастаться победами, то, конечно, только не любовными.

Гордые черноволосые девы отчаянно сопротивлялись и уступали только насилию французов.

Впрочем, как среди мужчин всегда находятся изменники, так и между женщинами встречались изменницы.

В глазах пылких испанских патриотов достаточно было малейшего знака симпатии к неприятельским солдатам, чтобы быть обвиненным в измене родине.

Было несколько девушек, которые, соблазнившись красотой гусар или драгунов, капитулировали без всякого сопротивления.

Они за это жестоко заплатились, стоило им только попасть в руки банды патриотов, как их подвергали жестокому наказанию розгами, или плетью, оканчивавшемуся обыкновенно смертью после мучительной агонии.

Самым беспощадным из этих импровизированных судей был, конечно, высокий, худой молодой человек с

фанатическим лицом священника; его звали все «Монажийо»; внушаемый им ужас был настолько велик, что французы обещали большую премию тому, кто доставит его им живым или мертвым.

О «Монажийо» говорили во всех концах Испании, и слава о его подвигах способствовала возрождению у многих надежды на освобождение страны от французов.

Концепция Нуец была именно из числа женщин, не оказавших сопротивления неприятелю. Прежде всего потому, что ее профессия давала ей возможность очень легко вступать в связь с красивыми французскими лейтенантами.

Она становилась все красивее и красивее и была способна вскружить голову всем мужчинам, даже самому «Монажийо».

С лицом непорочной девственницы, на вид кроткой, но в действительности коварной, Концепция очень походила на обманчивые поверхности глубоких болот или на те роскошные, но ядовитые цветки, что растут на берегах гниющих вод.

У нее была интрижка с одним драгунским лейтенантом, потом с гусарским капитаном, затем случай свел ее с адъютантом четвертой кавалерийской бригады.

Она отнюдь не скрывала своей страсти к военной форме, а кирасы, латы и другие украшения наполеоновских солдат являлись для нее самым лучшим возбуждающим средством.

Уже таково свойство женского ума: последствия имеют мало связи с причиной.

Концепция не могла видеть без сладострастного трепета золотых шнуров гусарского мундира.

Она сошлась с совсем юным офицером, убедившим ее последовать за армией, двигавшейся на Сарагоссу.

После многих колебаний прелестная куртизанка согласилась на его предложение и последовала за армией в экипаже, запряженном четырьмя мулами, которых меняли на каждом привале.

Не без замиранья сердца, смешанного с трепетом, она смотрела на кивера солдат, конвоировавших ее; ей вдруг приходила в голову сумасбродная мысль считать их число, которое всегда ей казалось слишком недостаточным.

Во время движения отряда по узким лесным тропинкам, не раз происходили перестрелки с испанскими народными ополченцами (гверильясами). Тогда она вспоминала свою маленькую деревенскую церковь и усердно молила свою прежнюю Мадонну, чтобы последняя пуля сразила ее, — так как она предпочитала скорее смерть, чем попасть в руки фанатических гверильясов.

Как нарочно в отряде, за которым она следовала, постоянно шли рассказы о смелых подвигах «Монажийо». Но все были спокойны, полагая, что если нападение и возможно, то его можно ожидать на хвост колонны, где могла достаться хорошая пожива, чем на их отряд, где добыча была бы совсем ничтожная.

Однако раз ночью во время перехода их отрядом маленького тесного ущелья, сплошь поросшего кактусами и другими растениями, раздались вдруг выстрелы, затем из засады выскочило несколько человек с кинжалами в руках и набросились на хвост колонны.

Произошла короткая борьба, раздалось еще несколько ружейных выстрелов, один мул жалобно замычал.

Все солдаты конвоя были перебиты и их трупы валялись на краю дороги. Концепция, еле живая от страха, лежала в опрокинутом экипаже, притаив дыхание, рассчитывая, что ее не заметят.

Кто-то громко прокричал: «Ищите хорошенько, она должна быть тут... Вот там... Нет... Аа!»

Одна рука, затем две или три другие осторожно освободил и ее из-под экипажа.

Как только она была вынесена из-под экипажа, ее крепко связали ремнями, засунули в рот кляп и, как мешок, бросили на носилки из ветвей, которые два человека понесли беглым шагом.

Она положительно не могла сделать ни малейшего представления о невольном путешествии, совершенном ею.

Обезумевшая от страха, глядела она на звезды, горевшие на небе, издавая по временам глухое рычание, заглушаемое кляпом во рту.

Среди молчания ночи ясно расслышала звон колокола... Это был монастырь Санта-Фэ, где была главная квартира «Монажийо».

Концепция на другой же день предстала перед судом, членами которого были сам «Монажийо», Жозе из Кордовы и один бакалавр из Саламанки, занимавшийся медициной в память об одном из своих братьев, погибшем на виселице.

Саламанкский бакалавр сам присутствовал при повешении своего брата и бесчисленное число раз рассказывал о последних его минутах. Это был человек жестокий и бесстрашный; он сражался просто по страсти к подобным приключениям и ему было мало дела до Испании. Он дрался раньше за Англию, за еретиков на каком-то корабле, — он потому сражался за «Монажийо», что эта война, состоявшая вся из нечаянных нападений и засад, была ему особенно по душе.

Вот из каких лиц состоял трибунал; было велено привести Концепцию. Она вела себя, как ведут в подобных случаях знаменитые кокотки. Она только и знала, что рыдала и ползала перед судьями на коленях.

«Гнусное животное, — закричал на нее «Монажийо» с поднятыми кулаками, — ты путалась с врагами веры, с слугами дьявола, будь готова теперь предстать перед престолом Всевышнего и искупить свои злодеяния под ударами плети... Молись, чтобы Господь простил тебя!»

«Пощади! Пощади меня! Божия Матерь спаси меня!..»

Молодая женщина, выкрикивая эти слова, продолжала ползать на коленях, обнимая руками колена то одного, то другого судьи.

Два человека принесли в то время тяжелую скамейку и поставили ее посреди комнаты со сводами, напоминаящими готическую часовню.

«Разложите ее, как змею, совершенно голою на скамейке... Как самое презренное животное!» — приказал «Монажийю», подойдя одновременно сам к скамье.

Концепция и не помышляла даже о сопротивлении. В миг ее раздели, разорвав в клочья платье и белье, в которых она больше не будет уже иметь нужды. И вот молодая женщина предстала обнаженная во всей своей дивной красоте.

Грубо двое мужчин своими мозолистыми руками взяли за ноги и за руки и разложили ее на скамейке.

Ее должны были сечь до смерти, что она знала, и молила теперь Бога послать ей скорее смерть.

Один импровизированный палач взял плеть, которая была сплетена из трех кожаных полос; на концах ее были узлы с вплетенной в них проволокой. Он вытянул плетью несчастную, раздался нечеловеческий крик.

Затем посыпались следующие удары. «Монажийю» бесстрастно присутствовал при истязании...

Наконец она испустила дух...

«Монажийо» опустился на колени перед ее телом; потом встал, взял ее за голову и поцеловал.

Так погибла бедная Концепция Нунец, виновная в том только, что сильно подчинялась капризам своей молодой крови...

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И ГОЛЛАНДИИ

Негры Северо-Американских Соединенных Штатов имеют плохую репутацию. В негре соединилось смешное с грустным, это — особа комичная и напыщенная, говорящая на странном английском языке и поющая неблагозвучные песни. Конечно, есть исключения.

В громадном большинстве негр — разбойник, грабитель, вор и лентяй.

Невозможно перечислить все случаи суда Линча над неграми, справедливо или несправедливо применяемого населением.

Их расстреливают, вешают, жгут живьем даже в самых тюрьмах, где они содержатся в заключении.

Во время знаменитой войны Севера с Югом происходили чудовищные репрессалии над черными.

Они отражались и на белых, которые осмеливались выступать защитниками того или другого негра.

Участь мужчин была куда лучше судьбы женщин. Первых расстреливали, тогда как белых женщин подвергали всевозможным унижениям: их секли розгами, плетьюми и т. п.

Число дам, наказанных телесно за свое человеколюбие, так велико, что мы не можем их назвать всех и вынуждены воздать им общую хвалу за их великодушие.

Это были большей частью квакерши или женщины, принадлежавшие к одной из религиозных сект.

Удивительная страна, законы и обычаи которой в отношении целомудрия мало кому известны!

В тех местах, где господствуют мормоны, нравственность превращается в унижительное рабство: штраф за курение, штраф за употребление спиртных напитков... Поцелуй в губы считается антигигиеничным и потому запрещенным в интересах общественного здоровья... На Венеру надевают панталоны. Женщины умышленно одеваются безобразно, чтобы не возбуждать мужчин. Мужчины чрезвычайно религиозны, а между тем на городских площадях наказывают розгами обнаженных девушек.

Кстати, по поводу штрафов замечу, что особенным обилием их отличается Бавария. На курорте Киссингене,

например, назначен штраф в триста марок (ок. 144 р.) за поцелуй в лесу, парке и т. п. За выражение в тех же местах полного любовного восторга изгнание из курорта.

В американских газетах, всего каких-нибудь два или три года тому назад, был рассказан случай, когда одна восемнадцатилетняя девушка, влюбленная в одного молодого человека, была выслежена одной старухой, добывшей несомненные доказательства того, что молодые люди поцеловались в губы.

На другой день молодую девушку схватили, привели на деревенскую площадь и в присутствии семи или восьми «целомудренных» мужчин раздели донага, оставив ее в одних только чулках.

Привязав ее к лестнице, прислоненной к стене, они наказали ее плетью.

Мораль была отомщена только после двадцатого удара, когда на теле стали выступать капли крови.

Один журнал поместил даже рисунок этого наказания.

Подобные случаи, впрочем, нередки в наше время и в других странах. Так французская газета «Journal», в номере от 14 февраля 1909 г., под заголовком «Галантная фермерша, наказанная розгами», рассказывает, что в одной деревне, в окрестностях Гренобля, двадцатидвухлетняя женщина была приведена семьей ее любовника на деревенскую площадь, где ее, за измену, раздели и дали сто розог, после чего ее пришлось отнести на руках на ферму.

Она пролежала после порки три дня, прежде чем могла встать и садиться...

Таким образом, нет надобности переплывать океан...

В августе того же года, по словам той же газеты, в Монпелье разбиралось в исправительном суде дело одной содержательницы пансиона, обвинявшейся в истязании одной тринадцатилетней ученицы. По словам девочек-свидетельниц, их очень часто секли розгами за провинности, но никогда не наказывали в присутствии других учениц. Вот как, обыкновенно, производилось наказание:

Виновную приводили в один из пустых классов или в дортуар. Там стояла скамейка, начальница пансиона приказывала ученице лечь на скамейку, а классная дама привязывала к скамейке. Если наказывали в дортуаре, то часто привязывали на одной из кроватей. Иногда, особенно, маленьких девочек, начальница секла, положив к себе на колени или зажав девочку между ногами.

Когда девочка была привязана, то классная дама развязывала ей панталоны и обнажала тело. Наказывали чаще всего розгами или резиновыми ремнями.

Наказание последними было особенно мучительно. В редких случаях секли особым колючим растением орти, что было еще больнее.

Подобные же наказания, по словам американских газет, практикуются, впрочем, в большинстве американских коллежей, из которых многие смешанные.

В последних девочки приобретают мальчишеские манеры, что имеет свою прелесть.

Американские газеты, сообщая факты наказания розгами учеников или учениц, а также печатая отчеты о судебных процессах по поводу подобных наказаний, отнюдь не возмущаются нескромностью таких наказаний, особенно для девочек.

Впрочем, в стране, где, по правде сказать, неизвестно, чем должен кончиться каждый флирт, — это не особенно удивляет меня.

К тому же молодые американские девушки, не исключая даже молоденьких миллиардерш, пользуются чрезвычайной свободой.

Рассказывают следующий анекдот про одну из таких мисс миллиардерш:

«Лулу», как звали ее подруги, во время прогулки в парке с несколькими молодыми людьми вдруг видит перед собой ручеек глубиною около метра (1,4 аршина).

Девушка предлагает держать с ней пари, что она перейдет ручей, не замочивши даже кружевных оборок своих панталон.

Пари было принято.

«Лулу» без малейшего колебания подняла обеими руками свое платье и юбки и, действительно, перешла ручей, не замочивши оборок панталон.

Газета, сообщая этот анекдот, добавляет, что ей неизвестна сумма пари, справедливо замечая, что проигравшие недаром потеряли свои деньги.

Пока я не стану больше распространяться о телесном наказании для женщин в Америке и вернусь в Европу — в город Амстердам.

Зеленая Голландия, так сильно популяризованная, благодаря современным эстампам, где некоторые деревни в своем цивилизованном развитии как бы нарочно остановились, чтобы дать возможность жителям юга видеть, посетить и сравнить, верно ли описывается все это в Бедлекере.

В окрестностях Мидльбурга я видел тех же старинных толстых голландок, только XX-й век сделал черты их лица немного более тонкими, а формы менее грубыми.

Как в старину, на горизонте вы увидите массу ветряных мельниц, останавливающих свои колеса на ночь.

Маленькие, некогда укрепленные, города, где в кабаках местные тузы мирно попивают пиво или ликер.

На кухне здоровенная, краснощекая мамаша порет розгами девочку лет двенадцати, жирный крупик которой сжимается и разжимается под ударами розг, которые секут больно. Но что курьезно, что мамаша, увидав мой любопытный взор, только на секунду приостановила порку, а затем продолжала сечь ребенка, не обращая на меня никакого внимания.

Моя мысль переносится в глубь отдаленных времен и, по возвращении в чистенький и уютный номер гостиницы, я сажусь с удовольствием за чтение истории этого народа.

Маленькие голландочки, кругленькие, полненькие, похожие на куколок, знакомы ли они были с розгами и плетью? Мечтая, я перелистываю историю.

Голландцы были пуританами и к тем, кто по слабости совершил какой-нибудь проступок или преступление, были неумолимо строги.

Отсюда нетрудно было обратиться к помощи розг или плетей. Действительно, голландская юрисдикция пользовалась ими.

В общем, относительно Голландии можно было сказать то же самое, что и относительно нашей страны, Франции и многих других. Однако некоторые факты могут все-таки внести некоторое разнообразие в интересующий нас вопрос, роковым образом осужденный на утомительные для читателей повторения.

В голландских тюрьмах употреблялись каторжные работы и плети для наказания преступников обоего пола.

Пьяниц, учинивших на улице скандал, спускали в колодец, который они должны были все время выкачивать под угрозой быть затопленными... Когда они теряли сознание от тяжелой работы, им давали, для подкрепления, миску хорошего бульона, а потом раздевали, растягивали на скамье и жестоко пороли розгами.

Это было превосходное реагирующее средство.

По словам почтенного историка Ван дер Флита, подобное лечение применялось довольно часто и к дамам, что доказывает, что неумеренное употребление спиртных напитков составляет в Голландии один из семи смертных грехов прекрасного пола.

Секла наказываемую женщина, а также держали ее женщины — ради целомудрия же мужчинам было запрещено сечь по обнаженным женским крупам.

Обыкновенно наказание проводилось в особо для того предназначенной зале тюрьмы.

За более важные преступления, требовавшие публичного наказания, виновных наказывали розгами или плетью на дворе городской ратуши.

В таком случае женщины перед наказанием надевали на себя панталоны, которые ограждали их целомудрие, но не спасали их тело от боли и ран, причиняемых розгами или плетью.

Размер розог был вполне точно определен законом. Плеть была похожа на английскую девятихвостку, но только имела три хвоста.

Историк заимствует описание наказания у современника, монаха Рисброека, рассказавшего подробно о коллективном телесном наказании, очевидцем которого он был сам.

Сцена происходила на дворе ратуши, добрые фламандцы, веселые и многие из мужчин, слегка подвыпившие, толпились перед широкими воротами.

На дворе ратуши, пишет монах, посередине стояла скамья с ремнями и около нее лежала груда пучков розог из длинных, довольно толстых и свежих березовых прутьев.

После продолжительного барабанного боя, под конвоем солдат, привели на двор около дюжины фламандок, довольно молодых, здоровенных и в большинстве толстых. Из прочтенного судебным приставом приговора было видно, что все они провинились в том, что вымазали человеческим калом ворота непопулярного городского главы. За это они были присуждены к наказанию каждая тридцатью ударами розог. Согласно приговору, наказание должно было быть публичным.

Наказывали по очереди, начиная с младшей по возрасту.

Она была живо растянута на скамье и крепко к ней привязана ремнями.

Когда ей подняли юбку, то на ней оказались надетыми в обтяжку панталоны. Нельзя сказать, чтобы она с терпением вынесла тридцать ударов, — все время она неистово орала, по словам монаха, очевидца, ее крики напоминали ему крики поросят, которых везут продавать на базар.

После этой наказанной, которой не могло быть больше пятнадцати лет, следующая преступница имела около

двадцати лет. Перед тем, как лечь на скамью, она должна была также надеть панталоны, которые (все в кровавых пятнах) поспешила сбросить ранее высеченная.

Последней наказывали сорокалетнюю женщину, у которой панталоны, ставшие уже совсем красными, лопнули, так как она была очень полная особа. Тем не менее ей дали все тридцать розог по обнаженному отчасти телу. Ее крики смешались с криками, плачем и причитаниями ранее наказанных и получился редкий по какофонии концерт.

Я закончу сообщение о флагелляции в Голландии рассказом о флагелляции из-за мести. Как раз во время моего пребывания в Амстердаме в окружном суде города Брюгса разбиралось дело некоего Ван Мелена и др., обвиняемых г-жей Ван Удема в наказании ее розгами. Я заимствую из отчета об этом деле, разбиравшемся два дня, напечатанного в лучшей газете «Амстердамский Вестник» — со словами специального ее корреспондента — под заголовком «Домик на набережной».

Добавлю только, что по части флагелляции город Брюгс имеет свое историческое прошлое. В нем в 1619 г. жил знаменитый монах Ван Друбенс, имевший обыкновение всех своих духовных дочерей раздевать в исповедальной и наказывать розгами за грехи.

Домик на набережной. Это был очень миленький домик на «Набережной Испанцев», в чисто фламандском стиле. Изображение прелестного домика отражалось в спокойных водах канала.

Тюлевые шторы позволяли все-таки видеть на окнах первого этажа дорогие китайские вазы.

Этот на вид суровый стильный домик, впрочем ничем по наружности не отличался от целого ряда других таких же домов этого аристократического квартала.

Однако, пишет корреспондент, заставив разговориться владельца табачного магазина на улице «Драгоценных камней», я заметил сразу, что «домик на набережной», как его почему-то здесь величали, был предметом неодобрения у брюгских жителей, как вечный скандал.

Причиной, понятно, был не сам дом, архитектура которого не представляла ничего скандального, но обительница дома, г-жа вдова Ван Удем. Госпожа Ван Удем, имевшая около тридцати лет, была замечательной красавицей.

Довольно высокого роста, стройная, как совсем юная девушка, светлая шатенка, с большими синими глазами, она была удивительно обаятельна, особенно благодаря своей очаровательной, напоминавшей немного кошечку, походке и своему чувственному ротуку, губки которого кончик розового язычка поддерживал постоянно влажными.

Такова она была на суде, когда спокойно и непринужденно давала показание, как потерпевшая. Такой она была, по словам лиц, знавших ее, и в обыденной жизни.

Превосходная музыкантша, литературно образованная, недурная артистка, обладавшая всеми недостатками и пороками, она, по справедливости, считалась не особен-

но неприступной, и изобилие ее любовных приключений могло бы дать материал на том более чем в пятьсот страниц «убористой печати»!.. Она много путешествовала и познакомилась с любовью в различных странах, со всеми отличиями, свойственными этому чувству, в зависимости от климата и нравов тех стран, которые она посещала.

Защитникам подсудимых удалось установить свидетельскими показаниями, что г-жа Ван Удем была от природы чрезвычайно безнравственна, а частое посещение артистов еще более усилило ее безнравственность; у нее влюбчивый темперамент соединился с удивительным любопытством.

Так, по словам одной свидетельницы, ее бывшей компаньонки, в Египте, когда они поднимались вверх по Нилу, Ван Удем вступила в связь с одним туземцем, — одетым в белое, с неизбежной красной феской на голове, — во время остановки парохода всего на каких-нибудь два часа.

В Палермо, бродя по старинным улицам города, она остановилась и заинтересовалась рисунками на воротах. Во время их рассматривания она познакомилась с одним кавалерийским унтер-офицером.

Она пригласила его в ресторан, в отдельный кабинет, причем заплатила сама все расходы...

В Тулоне она вступила в связь тоже с одним кавалерийским унтер-офицером.

В Константинополе она была в связи с... Но самая продолжительная связь у нее была с нашим карикатуристом, помещавшим рисунки под псевдонимом «Booby Scharp».

Ван Удем познакомилась с ним в Трувиле. Он завоевал ее сердце гораздо быстрее и легче, чем мы Трансваль.

Этот господин имел талант или, даже вернее, много талантов. Маленький, плутоватый, тихий, особенно опасный, потому что с видом совсем скромной девушки он обладал невероятным нахальством.

Ван Удем исколесила с ним всю Италию. Они наслаждались любовью в Венеции, даже в развалинах Помпеи, недалеко от дома Салюстия, за очень хороший «пурбуар»...

Вернувшись с ней в Брюгс, карикатурист вскоре ее бросил, — она ему, как откровенно он заявил на суде, «больно надоела своей любовной требовательностью», и он боялся, «благодаря слишком сильному злоупотреблению любовными удовольствиями, ускорить свой конец».

В Брюгсе все ее похождения, как это всегда бывает в маленьких городах, были всем отлично известны. На нее почти показывали пальцами, когда она ежедневно прогуливалась на вокзал и обратно домой.

Нужно родиться и жить в Брюгсе, чтобы вполне составить представление о том, до чего мелочно нравственны жители этого города.

Этот городок представляет собой как бы символ всей Голландии, и чтобы познакомиться с сохранившейся там чистотой нравов, нужно приехать в день процессии Saint-Sang.

Из всех окрестных приходов стекаются пилигримы, держась за руки друг с другом, молодые люди, застенчивые, неуклюжие, девушки — молодые, толстые, краснощекие; старики и старухи с лицами, загорелыми от полевых работ, с умилением смотрят на молодое поколение, которое строится вокруг своих знамен.

Раздаются звуки фанфар! Военный оркестр становится во главе процессии.

Национальная гвардия выстраивается по обеим сторонам пути, по которому идет процессия. Молодые девушки города идут с пальмовыми ветвями в руках, ветвями они машут не несомую статую Иисуса Христа, несущего крест.

Дух искреннего католицизма овладевает всеми присутствующими, головы которых почтительно обнажаются.

Музыка наигрывает старинные мотивы, громадные древние трубы тоже несут звуки, переносящие нас в былые времена...

Толпа не входит в собор, а сосредотачивается на площади, где музыка синемаграфов, крики и хохот сливаются и покрывают звуки органа, несущиеся из собора...

Вот теперь вторая часть программы...

Пилигримы, жадные до развлечений, устремляются в лавочки, где набрасываются на пирожки, бутерброды, пиво и разные сласти.

Это фламандский кермесс во всей своей прелести. Крестьяне веселятся без удержу.

Девушек опрокидывают в ямы. Они, без всякой церемонии, на глазах тысячной толпы, с чисто крестьянским отсутствием всякого стыда, удовлетворяют свою нужду около писсуаров для мужчин, не стараясь отыскать для этого укромный уголок...

Этот город, со своей поразительной стыдливостью, несколько, по-видимому, этим зрелищем не шокирован. Я собственными глазами видел, как во главе возвращавшегося в казарму пехотного полка шло восемь, выстроившихся в ряд, молодых девушек, понятно, не из числа добродетельных; они с безумным весельем плясали и все могли видеть, что они были без панталон, а это были не дети; одна из них, которая особенно задирала ноги вверх, показывая все свои прелести, имела на вид шестнадцать лет.

Если общественное целомудрие несколько не было оскорблено этими скандальными уличными сценами, зато оно не могло простить г-же Ван Удем ее интриг, скрашивавших немного ее жизнь.

Так как она не отличалась показной религиозностью и ее никогда не видели в церкви на скамьях для верующих, где, обыкновенно, городские дамы болтают между собой, то она вскоре стала предметом всеобщего презрения для целомудренных дам из буржуазии.

Как раз в это время произошли события, благодаря которыми возник процесс, так взволновавший общественное мнение всей Голландии.

Красавица не жила летом в своем городском доме, а в своей вилле на берегу моря, в окрестностях города, среди дюн.

Дача была вилла, которую она назвала «Золотой Рог» — в память своего пребывания в Константинополе, и которую ее наиболее частые гости, большей частью голодающие артисты, прозвали «Рогом изобилия».

Вилла была большая, рядом с большой гостиницей с одной стороны, большой виллой с другой стороны и громадной гостиницей напротив.

Эти четыре здания вполне обезобразили прелестный берег моря, с маленькой деревушкой из нескольких всего домиков, сгруппировавшихся вокруг мельницы.

Красавица жила четыре летних месяца на этой вилле среди своих воспоминаний, своих друзей и целой коллекции эротических книг.

У нее было превосходное издание Аретена, действительно великолепное, и несколько офортов Ропса, из наиболее удавшихся.

Мадам Ван Удем была очень либерального образа мыслей и любила говорить с большим искусством и тонким изяществом по поводу сочинений, написанных на довольно скабрзные темы.

Во время одной из многочисленных своих прогулок в дюнах она познакомилась с Р. Д... парижским журналистом, путешествовавшим по Голландии.

Р. Д... был очень красив, худой, изящный, его белокурые усы покорили сердце нежной вдовы и ее золотая книга любви украсилась новой подписью.

Осуществилась ее заветная мечта! Молодой человек был красавец; она его полюбила, но имела неосторожность слишком открыто афишировать себя с ним.

Случилось то, как говорится в старинных рассказах, что молодые люди, отправившись срывать цветы любви в дюны, были застигнуты несколькими игроками в «Гольф» в таком критическом положении, что не могло быть ни малейшего сомнения в интимности их отношений.

Когда в этот вечер молодая вдова вернулась к себе домой, то под мышкой у нее был корсет, завернутый в газету.

Слух о скандальном происшествии пошел гулять по деревушке, проник в гостиницы, дошел до обитателей частных вилл и, наконец, до старого маньяка, составившего себе имя приготовлением паштетов.

О нем болтали вполголоса у парикмахера, в кафе; один богатый маляр, в довольно грубых и сильных выражениях, выразил все негодование, которое вызвало недостойное поведение г-жи Ван Удем среди крестьян и разных сумасбродов, проживавших на дачах.

В течение целых трех недель дело находилось в таком положении, под пеплом был скрыт огонь; одни только поставщики вдовы продолжали ей кланяться, хотя за глазами сильнее других высказывали свое возмущение.

Р. Д... должен был уехать в Париж; разлука была самая трогательная, г-жа Ван Удем отвезла его на вокзал, откуда остендский поезд умчал его далеко от сердца милой подруги.

В то время, как она, в самом меланхоличном настроении, возвращалась с вокзала домой, мечтая об уехавшем, ей попался навстречу Ван Мелен, подрядчик, — тот самый, который десять лет тому назад выстроил ей виллу.

Он ей посмотрел в упор в глаза, но не поклонился. С ней это случилось в первый раз, почему она была сильно удивлена, но не стала особенно долго размышлять о причине подобного невежества.

Когда она отпирала входную дверь своей виллы, двое уличных мальчишек бросили в нее два камушка, из которых один попал ей в спину.

Войдя в гостиную, превращенную в мастерскую художницы, она застала в ней свою горничную Мижку, которая ее ожидала.

— Знаете ли, сударыня, мой дядя, отпускающий на прокат экипажи, купил кафе и берет меня туда прислугой... Впоследствии, если барыня захочет меня опять взять, я с удовольствием пойду к ней...

Вдова почти не дала ей окончить свою речь:

— Отлично, уходите сию же минуту... Вот ваше жалование, сейчас же забирайте свои вещи и уходите.

Кухарка ее Анна явилась к ней в спальную и тоже потребовала расчета.

Оставшись одна, она невольно задумалась над всеми этим событиями и решила через неделю уехать куда-нибудь путешествовать.

— Какие сумасшедшие, — думала она, ложась спать в постель, — что за кретины, они чего доброго всех возмутят против меня!..

Увы, тут было не возмущение, а настоящая революция!..

Главой заговора был подрядчик Ван Мелен, который увлек за собой еще маляра, одного извозчика и нескольких зубоскалов, отличавшихся особенной чопорностью.

Вся деревня была на их стороне вместе с беньерами, потому что Ван Удем была пугалом для всех матерей и мелких буржуазок, посещавших морские купанья, начиная от Бланкеберга по всему голландскому берегу.

Питербум из Ганда, охотник, любивший пропустить не одну рюмочку пунша в ресторанчике, открыто говорил первому встречному, что вилла «Золотой Рог» и ее владелица являются позорищем для всей страны... Благодаря им все честные люди избегают их берега.

— Разве это хороший пример для наших дочерей подобная потаскушка! — Каждый сочувственно поддакивал ему, напуганный мыслью, что подобное бедствие способно отвлечь богатых клиентов от их морских купаний.

— Ах, знаете ли, господин Питербум, мы найдем средство заставить ее уехать отсюда, — сказал Ван Мелен, — если верить показанию на суде двух мужчин, сидевших в это время в ресторане, причем Ван Меле многозначительно подмигнул.

Было велено подать кружки пива, затем заговорщики начали бесконечные партии в пикет в ожидании рокового часа, когда явится возможность привести в исполнение их план.

По словам все тех же свидетелей на суде, в одиннадцать часов Ван Мелен и другие вышли из ресторана, каждый по одиночке, чтобы не возбудить ни у кого подозрения.

Впрочем, в этот час вся деревня уже спала и ни в одном окне не светилось огонька.

Все собрались около церкви; тут были Ван Мелен, маляр и четверо молодых людей, чего, впрочем, он и не отрицал на суде.

Трое других пожали плечами и один из них сделал подобное справедливое замечание:

— Как же так, значит мы ничего не увидим?

На это, по словам все того же обвиняемого, Ван Мелен ответил:

— Нужно делать так, как я говорю, иначе я отказываюсь от участия!

Еще немного поболтали о «деле» с разными шутками и остротами, вызывавшими смех среди полной ночной тишины.

Наконец, послышался звонок приближающегося последнего трамвая и, как только он ушел обратно в Брюгс, заговорщики двинулись по направлению к вилле Ван Удем.

Величественно и таинственно стояла вилла с угрожающим видом среди ночной тьмы. Сердца заговорщиков бились усиленно. Как никак дама, жившая на вилле, была богатая женщина; богатство, несмотря на всю глупость большинства участников, производило на них впечатление и заставляло относиться к себе с уважением.

— Ну, идем туда! — сказал Ван Мелен.

Он свистнул, на соседней вилле открылось окно и показалась голова женщины, освещаемая колеблющемся от ветра пламенем свечи.

— Это ты, Гендрика?

Да, лестница внизу около стены, я сейчас сойду...

Она сошла в сад виллы, воспользовавшись приставленной лестницей.

Тихонько, ключом, который ей дала ушедшая горничная, она отперла входную дверь и четыре человека вошли в комнаты, а двое, как было велено, остались сторожить.

— Ты поднимешься с нами? — сказал Ван Мелен.

— Понятно, — я знаю дом, — не раз помогала Мижке гладить белье! Одни вы будете много шуметь... Вот что нужно делать: поднимитесь на террасу, а оттуда в большую комнату - гостиную, из нее прямо дверь в переднюю, где направо дверь в ванную и туалетную, а налево в спальную... Надо, чтобы кто-нибудь стал у окна и не дал бы ей его открыть...

— Само собой разумеется, — сказал Ван Мелен, — ну, идем.

Молча, они поднялись на террасу, при помощи ключа открыли стеклянную дверь в гостиную и вошли в комнату.

Все четыре мужчины дрожали, как осиновые листья, только молодая девушка была спокойна и вела их смело.

С тысячью предосторожностями они отперли дверь из гостиной в переднюю.

Мрак, господствовавший в передней, еще более усилил их страх и, не будь с ними девушки, они наверное удрали бы.

— Вот ее спальня, сказала девушка, указывая им рукой на дверь...

Собрав все свое мужество, Ван Мелен отворил дверь в спальню... Когда раздался шум от дверной ручки, все замерли... Но все было тихо. В комнате горела электрическая лампочка, закрытая зеленым колпачком; она слабо освещала комнату...

Первым вошел маляр, за ним последовали остальные. На пороге девушка передала Ван Мелену пучок розог. В один миг они окружили кровать. Ван Мелен потушил лампочку, но это была бесполезная предосторожность, так как луна превосходно освещала комнату.

В эту минуту, по словам одного из подсудимых, его охватил восторг злорадства, острую сладость которого он не испытывал еще до сей поры. В это время из-под простыни показалась растрепанная голова молодой женщины, с ужасом смотревшей на всех их.

— Что вам нужно... оставьте меня, не убивайте... помогите... спасите... меня уби...

Ван Мелен не дал ей окончить слова. Вместе с другими он набросился на вдову. Борьба была самая непродолжительная. Ван Мелен завязал молодой женщине рот платком. По его приказу маляр и Ж... перевернули вдову и положили ее на живот. Затем Ван Мелен поднял ей рубашку и стал сечь ее розгами.

По словам Ван Удем, они говорили не громко, но внушительно и, окружив ее постель, смотрели на нее злыми и радостными глазами. Беснуясь от радости, они издевались над нею, пока Ван Мелен завязывал ей рот платком, пугали, что заперют ее до смерти. Ж. в это время свистел по воздуху розгами... Пороли ее страшно больно и долго. Вначале она кричала, просила простить ее, но потом от боли не могла даже произносить слов, так как у нее захватывало дух.

Девушка тоже присутствовала при порке и даже, по словам одного из подсудимых, просила того, кто держал за ноги, чтобы он их раздвинул у Ван Удем — насколько возможно шире.

По словам самих подсудимых, Ван Мелен перестал сечь, когда Ван Удем потеряла сознание, тогда они привели ее в чувство и ушли.

Доктор, свидетельствующий Ван Удем, нашел, что она была высечена очень жестоко.

Суд приговорил Ван Мелена к годичному тюремному наказанию и присудил с него в пользу Ван Удем около двух тысяч рублей, а остальных — к шестимесячному тюремному заключению, кроме того, всех к уплате судебных издержек за круговую порукою.

Госпожа Ван Удем после процесса все-таки продала виллу и уехала из Голландии навсегда.

Дамы, посещающие эти морские купания, до сих пор рассказывают друг другу о приключении с хорошень-

кой вдовой. Теперь даже это приключение является одним из главных приманок этого курорта.

Ван Мелен и его приятели по выходу из тюрьмы пользуются полным уважением своих сограждан. Они составляют гордость местечка. Благодаря своей славе ван Мелен получает массу заказов на постройку вилл и домов. Послушать его патетический рассказ о наказании розгами г-жи Ван Удем приезжают даже из Остенде.

(Д-р В. Купер. История розги. — Харьков, «Интербук», 1991.)

О ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЯХ В НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛАХ

Не более 40 лет отделяет нас от того времени, когда «мудрено было прожить в Московском государстве без битья», когда через многих, по выражению поэта, «прошли леса дремучие»... Не миновали этого позора и ужаса и всевозможные учебные заведения — от самых низших до высших: всюду науки вкладывались ученикам розгами, кулаками, линейками, палками, плетью и другими не менее гуманными способами.

Вот что говорят цифры: в киевском учебном округе в 1857—59 гг. подвергалось розгам 13—27 процентов всех учащихся в разных гимназиях, причем все зависело от личного усмотрения управлявших гимназиями лиц; так — в 11 гимназиях в одном 1858 г. из 4108 учеников было высечено 560, т. е. почти 1/7 всех, а в том же году из 600 учеников житомирской гимназии подверглись порке 220 —

почти половина всех! Да еще полны ли эти сведения, так как они представлялись попечителю учебного округа, известному Н. И. Пирогову, стремившемуся изгнать розги из гимназий! В корпусах розги применялись не меньше; некоторые любители устраивали даже поголовное избиение: один воспитатель 3-н, рассердившись на кадетов, собрал их и, желая якобы узнать, как они скоро разденутся и оденутся, приказал им раздеться донага, стоя в строю, схватил подтяжки и начал бить всех направо и налево. Зал был заперт, кадетам некуда было спастись... и только вдоволь натешившись избиением, 3-н приказал им снова одеться, пропеть молитву и ложиться спать. И вообще при существовании телесных наказаний были возможны всякие злоупотребления, служившие иногда для удовлетворения дурных страстей, на что правильно указал еще Достоевский.

Но особенно прославились битьем всякого рода духовные семинарии (не в этом ли объяснение того печального факта, что и до сих пор некоторые духовные лица с особым усердием отстаивают телесные наказания?). Били всем и все, и, что особенно развращало, имели право наказывать старшие ученики-туторы; часто наказывали «десятого», нередко полкласса и больше. Иные учителя не выносили в своем классе несеченных; ни один класс не обходился без сечения. Драли на всякие лады: на воздушных, под колоколом, солеными розгами; число ударов не было ограничено — давали по 300 и больше ударов, так что наказанного замертво уносили в больницу на руках... Такое воспитательное направление сверху передавалось низам: били сторожа, всячески били и мучили, включительно до «пфимф», товарищи, — одним словом, бурса была настоящим адом, из которого многие выходили совершенно зверями или окончательно изломанными людьми. Прекрасное описание этого ада дал Н. Г. Помяловский, который сам во

время бурсы был наказан 400 раз, почему он и задавал себе вопрос: «Пересечен я или еще недосечен?» Печальная судьба этого даровитого человека служит прекрасным ответом на этот вопрос, позорящий всю прежнюю нашу систему воспитания (?!).

Много распространяться о всех последствиях такого воспитания в настоящее время не приходится; достаточно указать только, что учащие и учащиеся в «доброе старое время» были буквально два враждебных лагеря; злоба, презрение, ненависть, вражда, месть, доходившая иногда до изуродования и убийства учителей, — вот что сеяла старая система во время учения, а по выходе из учебного заведения вырастали роскошные плоды крепостничества, изуверства и всевозможных телесных наказаний над своими детьми и окружающими взрослыми. Били всех и по закону, и без закона, — не даром поэт увековечил силу властного кулака:

«Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорот!..»

При таких общих вождедениях «мудрено было прожить без битья».

Но вот наступили великие годы реформ, Россия оживилась, вздохнула свободнее; лежавшее на основании системы битья — крепостное право рухнуло, а вместе с ним отменены и все наиболее тяжелые телесные наказания. В учебных заведениях, по крайней мере высших и средних, телесные наказания совершенно прекратились, и если сохранились еще кое-где в 60-х гг. воздействия вроде разных щелчков, ударов, трепанья за воло-

сы и уши, то это были исключения и практиковались старыми учителями, у которых руки не могли уже отвыкнуть от доброй старой системы воспитания. Несравненно уже дело с телесными наказаниями и всяким рукоприкладством стояло и стоит до сих пор в начальных школах, и главная вина этого печального положения в том, что в 1861 и 1863 гг. не было покончено совершенно с телесными наказаниями для взрослых: кроме военных, арестантов, они сохранены также для главной массы населения нашего отечества — для многомиллионного крестьянства. Эта несчастная ошибка повела за собой неисчислимый ряд весьма нежеланных и прискорбных явлений нашей жизни: она сохранила ту почву, на которой возможны всякие физические насилия и злоупотребления силой.

Отразилась она и на школе. В самом деле, зачем учащему персоналу стесняться в различных телесных воздействиях на учеников, когда даже их отцы, взрослые и седые братья и родственники подвергаются самому позорному телесному наказанию — наказанию, производимому иногда в присутствии тех же детей и учеников? Могут ли телесные наказания, применяемые в школах, встретить какой-либо отпор со стороны самих учеников или их родителей, когда последние сами живут под постоянным Дамокловым мечом — быть опозоренными перед всей деревней и своими собственными детьми? А какое вредное, развращающее влияние оказывает сечение взрослых на детей! В деревне одной южной губернии был наказан жестоко один крестьянин, до которого давно добирался старшина, и на другой день в той же деревне был жестоко высечен один мальчик своими товарищами, чего раньше никогда не бывало. Одна учительница также передавала, что из ее школы, расположенной рядом с волостным правлением, ученики бежали смотреть на порку, а потом устраивали игру в воло-

стной суд и порку... Естественно, ученики смотрят на побои в школах как на должное и неизбежное, и родители их, кроме редких случаев, не только не протестуют, но даже иногда сами просят учителей быть строже с их детьми и наказывать их побольше. Есть много и других причин, почему учителя прибегают к телесным наказаниям, — об этом мы поговорим ниже, — но, повторяем, главная причина этого грустного явления в существовании телесных наказаний для крестьян, и с отменой их вся огромная область незаконных побоев и истязаний и взрослых, и учеников отойдет мало-помалу в область преданий: бьющая рука не будет иметь законного оправдания в возможности наказывать телесно и надругаться над людьми низших сословий.

Да так ли уже распространены телесные наказания в школах, чтобы об этом стоило говорить? К сожалению —, да: они в той или иной форме составляют довольно обычное явление. Как известно, вести из деревни вообще трудно доходят до печати, и особенно о таких пустяках, как наказания школьников, но тем не менее за последние 5 лет (1899—1903 гг.) мы набрали довольно значительный материал не только отдельных фактов, но и указаний различных дирекций. Сообщим наиболее характерные.

В Бежецке, Тверской губ., надзирательница сиропитательного дома, бывшая учительница Г. Н. К. подвергла телесному наказанию 11-летнего воспитанника в присутствии школьных воспитанников и воспитанниц. Расследование показало жестокое обращение К. с детьми и в других случаях. В Юрьеве, Владимирской губ., учитель из семинаристов рвал ученикам уши, даже до крови, бил их линейкой; одного так ударил, что он без шапки убежал домой в село. Важно отметить отношение

крестьян к этому учителю: они срамят его по всему базару и говорят, что ему следует быть не учителем, а пастухом. В олекминской церковно-приходской школе учитель употреблял розги, бил учеников по рукам, плечам и голове; он так избил одного ученика, что родители обратились в суд. В Тюмени один законоучитель сильно выдрал ученицу за уши и волосы и так ударил по голове, что разбил гребенку пополам. В барнаульском доме призрения из 26 воспитанников остались несеченными только 4 мальчика, да и то из малолетних. В чудовском приюте бесприютных детей в Москве смотритель нанес тяжелые побои 14-летнему мальчику, на теле которого найдено более 30 кровавых полос и пятен. Смотритель не отрицал своей виновности и привлечен к суду. (Наверное, этот смотритель-крестьянин совершенно сбит с толку: в деревне секут даже взрослых, с разрешения суда и закона, так неужели нельзя наказывать мальчика? И никак, и никто не объяснит И. и многим другим этой несообразности, этого рокового, непримиримого противоречия нашей жизни, совершенно непонятного для здравого смысла и простых умов, не изоощренных в сословных, юридических и других хитростях и тонкостях!) В колониетских школах Новоузенского уезда, Самарской губ., некоторые учителя прибегают к телесным наказаниям. «Донская речь» сообщала, что в Ростове в детском приюте употреблялось наказание розгами, причем дети должны сечь друг друга (может ли быть что-либо более развращающее и ожесточающее?). В Гапсале кистер прихода М. на уроке приготавлиющихся к конформации мальчиков приказал остальным ученикам растянуть одного, не знавшего урока, и бить его костылями, причем костыли при битье сломались. Хороший урок внушения христианской любви! По словам «Харьк. Губ. Вед.», в старобельский училищный совет поступила жалоба крестьянина на учительницу земской школы за то, что она подвергла телесному на-

казанию его сына, ученика школы. Жалоба отца подтверждена медицинским свидетельством земского врача. В Симбирске несколько лет тому назад розги были обычны в колонии для малолетних преступников; затем, с переменой начальства, наказание розгами было заменено другими разумными мерами воздействия на детей, но недавно, как сообщил «Севр. Кур.» в 1900 г., розги явились вновь, и «жестокая массовая порка детей создает в этом приюте новую эру». В авлабарском городском училище учитель пения ударил смычком по голове ученика и нанес ему ушибленную рану, проникавшую через всю толщу мягких покровов черепа. Мальчик отправлен в тифлисскую больницу. В сарабузской земской школе учительница позволяет себе за плохие ответы учениц выдергивать у них из головы волосы. В пос. Березнеговатом, Херсонского уезда, учитель женской церковно-приходской школы придумал следующее наказание: девочка, не знающая урока, берет себя за уши и тянет их или бьет себя линейкой по руке. Управление харьусской земледельческой школы в Финляндии решило выразить строжайшее порицание заведующему школой за неоднократное телесное наказание учеников. Двое крестьян Яранского уезда жаловались учебному начальству на грубое и жестокое обращение с их детьми учительских помощников ахмановского училища. Последние привлекли крестьян на суд за клевету, но на суде грубое и жестокое обращение с учениками подтвердилось свидетельскими показаниями, и крестьяне были оправданы. Как это, так и другие подобные факты жалоб крестьян на жестокое обращение с их детьми указывают, что в иных местах крестьяне по взгляду на воспитание переросли учителей, и что учителя свои побои учеников уже не могут объяснять желанием и требованием самих родителей. В «Русск. Школе» напечатаны воспоминания г. Капюча о церковно-приходской школе в м. Погребнице, киевской губ. Порядки в

ней были своеобразные, и между прочим, почти всегда пьяный учитель награждал учеников кулаками или заставлял их самих «бить друг друга в морду». Ростовский житель огласил в «Приазов. Крае» следующий факт расправы в женском училище с его племянницей, девочкой 10 лет: старшая учительница, рассердившись за что-то на девочку, схватила ее за косу, — и так сильно, что у нее «затрещала» голова и она упала на пол, — потащила через весь класс и коридор и в комнате отрезала ей косу. «Восточное Обозрение» сообщает, что в Ч. церковно-приходской школе учитель пускает в ход розги и швыряет в учеников мелом. В городской школе производится битье учеников по рукам, плечам и голове; на днях ребенок одного казака был так избит, что родители обратились в суд. В Рыбинском уезде, по словам «Северного Края», есть учительница, которая славится жестоким обращением с учениками; ни личные просьбы крестьян, ни приговоры, составленные сходом крестьян, ни указания со стороны печати, что наказания, практикуемые этой учительницей, граничат с жестоким обращением, не оказали на нее никакого влияния. «Екат. Лист.» рассказывает, какое наказание устроил учитель трем ученикам своей школы — воришкам, вздумавшим применить на практике сказку «Мужик и Лиса»: учитель выставил по селу в два ряда своих учеников, между этими рядами вели воришек, и каждый ученик был обязан плюнуть им в глаза с приговариванием: «Воры, воры». Крестьяне отнеслись с негодованием к этому наказанию, напоминающему былой «сквозь строй» — и даже превосходящему его позору для обеих сторон! «Новости» сообщают, что учитель ново-кароостского волостного училища так избил одного из своих учеников, что тот, несмотря на продолжительное лечение, «сошел с ума». В саратовском приют-даче применялось, как система, наказание детей крапивой. До чего доходит изобретательность наказующих! «Бир-

жевые Вед.» сообщают, что в некоторых церковно-приходских школах Шенкурского уезда, Архангельской губ., учеников заставляют на улице раздетыми делать до 40 поклонов после обедни за некоторые детские проступки. «Владим. газ.» передает, что в орехово-зுவском фабричном училище применяются следующие наказания учеников: на коленки, щипки с вывертом, глажение по голове линейкой или смычком и т. д.

Могут возразить, что все это единичные случаи. Если бы это было так! К сожалению, имеется целый ряд других указаний и сообщений о более систематическом и распространенном применении телесных наказаний всякого рода. Памятная всем история тамбовской учительницы г. Слетовой, привлеченной к суду за напечатание якобы неверных сведений о битье в тамбовских школах, выяснила свидетельскими показаниями на суде, что учителя били учеников и в городских, и сельских школах: кулаками, линейками, смычком, скрипкой, квадратиком, били по лицу и голове, драли за уши, за волосы; одному надорвали ухо, другой оглох от ударов. Мало того, виновные должны были сечь друг друга по очереди. Одним из уездных санитарных советов Московской губ. обсуждался вопрос об «антигигиеничности» некоторых наказаний в сельских школах: на колени, далее — за ухо, за волосы, удары линейкой по рукам, голове и пр. Указание на применение телесных наказаний есть в одном из санитарных школьных отчетов Херсонской губ., а о применении в широких размерах телесных наказаний в школах Вятской губ. сообщалось раньше на страницах «Вестника Воспитания». В кубанской области слухи и даже жалобы на грубое обращение учителей с учениками дошли до директора, и он издал строгий циркуляр, воспреещающий, под страхом увольнения от службы и лишения учительского звания, всякие телесные наказания, грубое обращение, брань,

насмешки. «Пермские Губ. Вед.» сообщают, что в низших школах губернии применяются телесные наказания учеников, что, по мнению этой газеты, зависит от невысокого уровня учащихся. Врач Росляков на совещании земских врачей указал, что в некоторых школах Ананьевского уезда употребляются телесные наказания, оказывающие вредное влияние на развитие детей. Курский инспектор нар. уч. г. Ефимьев в циркуляр учащим указывает, что при своих объездах школ он заставал неприглядные картины: рассерженного учителя и учеников, наказанных столбом, на коленях или в дурацких колпаках. Признавая эти приемы «нетерпимыми остатками старинной суровой школы», г. Ефимьев предлагает учителям на будущее время совершенно оставить эти приемы и стараться гуманными приемами достигнуть воспитательных целей. Директор нар. уч. Херсонской губ. циркулярно предложил «всем учащим в городских училищах попол. 31 мая 1872 г. и во всех прочих училищах дирекции к точному и неуклонному исполнению распоряжения, изложенные в циркуляре бывшего директора нар. уч. Херсонской губ. Между прочим воспрещается: 1) оставление учащихся в классе после уроков без обеда, как один из видов телесного наказания; 2) насмешливые выражение в обращении с учащимися, особенно задевающие национальное чувство учащихся; 3) вообще наказания, имеющие характер телесный. — Вышеизложенное предлагаю к неременному исполнению во всех училищах». Один из членов на съезде представителей учительских обществ в Москве указал, что в Московской губ. в сельских школах воспитательного дома питомцы нередко подвергаются телесному наказанию. Первый съезд земских учителей в Одессе, между прочим, постановил безусловно воспретить применение не только телесного, но и нравственного наказания учеников, а влиять на учеников словом, примером, убеждением. Бывший в мае 1902 г. в

Томске съезд учащихся и почетных воспитателей Сибирской жел. дор. констатировал употребление телесных наказаний: существуют такие школы, где «учащий» в раздражении или запальчивости пользуется для установления дисциплины линейкой, берет ученика за ухо, бьет по голове книгой, ставит на колени в угол и пр. А. Епифанский, на основании отчетов исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних, говорит, что в одних заведениях всякие телесные наказания безусловно отвергаются, а в других даже розги применяются очень усердно, причем в одной колонии сечение производится только по воскресеньям, а в другом приюте держатся правила действовать «быстро и энергично», и наказание приводится в исполнение тотчас же, реже — на другой день.

Все эти единичные факты и заявления даже не любящих гласности дирекций ясно доказывают печальное явление — существование телесных наказаний в школах по всей России: юг и север, восток и запад, окраины и центр, чисто русские и смешанные губернии, деревенские и городские, земские и церковно-приходские школы, приюты и колонии — все не изъяты от применения телесных наказаний в большей или меньшей степени. Формы телесных наказаний разнообразны — от стереотипных наиболее болезненных розог и побоев до самых утонченных телесных воздействий, рассчитанных больше на позор, чем на боль; не вывелись из употребления даже наиболее развращающие формы: взаимное наказание учениками друг друга. Прибегают к кулачной расправе все без различия положения и пола: учителя и их помощники, законоучители и смотрители и, наконец, даже учительницы, проявляющие иногда особую жестокость... Вне всякого сомнения, что громадное большинство учащихся не прибегает ни к каким теле-

сним наказаниям, но «бьющее» меньшинство все-таки значительно.

Каковы же причины этого ненормального явления — применения телесных наказаний в школах, когда это не только не поощряется, но даже строго запрещается, по крайней мере, некоторыми из начальствующих лиц? Для разрешения вопроса В. Петров обратился с особым запросом к учителям и учительницам одной губернии; он получил более 20 ответов, которые и изложил в довольно интересной статье «Телесные наказания в народных школах». Очень обстоятельные ответы учащихся указывают на самые разнообразные причины: неудовлетворительная, большая и мало интересная для учащихся программа народной школы, ревизии и экзамены, вызывающие усиленные занятия, и неравномерное распределение их по времени и по отделениям, малое общее развитие и недостаточная педагогическая подготовка некоторых учащихся, весьма неудовлетворительное положение учащихся, выбивающее их постоянно из необходимого душевного равновесия, индивидуальные особенности характера учащихся и, наконец, низкое культурное развитие окружающей школу среды.

Вот как констатирует свое исследование В. Петров:

«1) Те данные, которые послужили материалом для вышеизложенного, позволяют думать, что телесные наказания учащихся в современных народных школах не представляются явлением исключительным, причем применение их не определяется, однако, никакою системой и никакими заранее составленными правилами.

2) Телесные наказания, применяемые в настоящее время в школах, являются главным образом результа-

том ненормальной постановки школьного дела в связи с неудовлетворительным, — как в правовом и экономическом, так и в других отношениях, — положением лиц учащихся; в частности, же факт применения телесных наказаний в школе стоит в зависимости от уровня культурного развития окружающей школу среды, а также от степени общего развития, педагогической подготовки и опытности лиц преподавательского персонала, причем все эти условия, как вызывающие телесные наказания в современной школе, так и допускающие возможность их применения, — находятся в тесной взаимосвязи.

3) Борьба с применением телесных наказаний в школе может быть успешною лишь только в том случае, если она будет направлена на ослабление и уничтожение причин, вызывающих применение этих наказаний; эта борьба должна улучшить общую постановку дела народного образования, улучшить положение преподавательского персонала и условия его педагогической подготовки, а также повысить уровень умственного и нравственного развития народа и вообще всех тех, кто приходит в какое-либо соприкосновение со школою».

Конечно, тяжелое, бесправное положение народного учителя, если при этом у некоторых учащихся не хватает общего развития и достаточной нравственной силы, может поддерживать постоянно учителя в угнетенном или возбужденном, нервном состоянии и, таким образом, создавать нежелательную обстановку для применения насильственных мер против учеников. Но, по нашему мнению, автор отводит слишком малое место общим условиям нашей жизни и в том числе существованию телесных наказаний для взрослых и делению нашего общества на изъятых и неизъятых. Ведь самые раздражительные учителя и учительницы, прибегаю-

щие часто к телесным воздействиям на крестьянских детей, никогда не позволят себе побить своих учеников — детей помещиков и духовных. А почему? Конечно, не потому, что дети последних прилежнее и благонравнее, а потому, что они — дети изъятых, а крестьянские дети происходят от неизъятых; побои последних безопасны, а удар первых может повести к печальным последствиям для учителя. Удар крестьянского мальчика, он смолчит, а помещичий или духовный может поднять большую бурю... Вот это общее убеждение в возможности и безнаказанности бить неизъятых и составляет прежде всего готовый оплот для телесных наказаний и в школах, и вне их. А потому в той борьбе, которую предлагает В. Петров против школьных телесных наказаний, должна занимать первое место самая энергичная борьба за отмену всех телесных наказаний в России: не будет неизъятых, быстро начнут прекращаться все незаконные побои взрослых и телесные воздействия в народных школах! Он правильно взглянул на это дело на съезде представителей учительских обществ в Москве и постановил возбудить общее ходатайство об отмене телесных наказаний.

В заключение не можем не привести одно сравнение между нами и Западом — тем просвещенным Западом, которым к стати и не к стати нам, что называется, тычат в глаза. У нас есть, несомненно, немало лиц, которые признают пользу и необходимость телесных наказаний не только для детей, но и для взрослых, есть лица, которые сами назначают эти наказания и приводят в исполнение подобные приговоры, есть, наконец, лица, которые прибегают к собственноручной кулачной расправе с детьми и взрослыми. И в то же время у нас не много найдется таких педагогов, которые, подобно Мещерским, Грингмутам, Розановым, решились бы открыто, с поднятым забралом проповедовать и защищать иги и

orbi телесные наказания, — и в этом отношении мы отстали от Запада, где находятся истинные и откровенные до цинизма защитники этой позорной и вредной меры (настойчивость этих лиц, впрочем, вполне понятна: не для себя и не для своих отстаивают они пользу розог!). Два-три примера. Известный берлинский хирург Бергманн был вызван в суд в качестве эксперта по следующему делу: 9-летний мальчик-сирота бежал от побоев из католического монастыря, где монах с монахиней дали ему 59 ударов бамбуковой тростью. Вот что сказал профессор: «Я решительно не понимаю, какая тут может быть речь об истязании! Педагогическая порка — вот и все, и не поверите же вы судьи, что обвиняемые превысили свои права, — это было бы неслыханно!» После должного внушения профессору со стороны председателя о непопозволительности его поведения на суде проф. Бергманн не нашел у мальчика следов истязания и высказал: «Может быть, все так и было, как засвидетельствовано врачом, но это только педагогическая порка, а основательную порку мальчик вполне заслужил» и т. д. Однако слова этого гуманного специалиста на суде были встречены ропотом, и германская печать объяснила взгляд его на телесное наказание тем, что он родился и воспитывался в России. К сожалению, этот упрек Россией вполне заслужен: у нас до сих пор существуют узаконенные телесные наказания. Но Бергманн не единственный, и немецкие профессора и врачи в своих руководствах о детских болезнях и школьной гигиене вовсе не осуждают применяемого в прусских школах телесного наказания или даже сами советуют его. Так, например, O.Janke в руководстве по школьной гигиене описывает, как и чем должно производиться телесное наказание, и советует учителям «не прибегать к телесному наказанию в состоянии гнева, но пользоваться им с спокойствием и осторожностью». Другой врач H.Rohleder в своей книге об онанизме со-

ветует прибегать в качестве лекарства к чувствительным телесным наказаниям, а для детей до 10 лет и к порядочным побоям (?!). Можно подумать, что автор овсе не знаком с разбираемым вопросом: как врач, он должен знать, что именно сечение детей является иногда первым толчком для онанизма. Напомним, что Ж. Ж. Руссо сам отмечает, что в первый раз половое чувство у него явилось после учиненного над ним сечения его воспитательницей. В нашей книге «Телесные наказания в России в настоящее время» приведен целый ряд фактов, указывающих вредное влияние сечения для развития преждевременного и ненормального полового чувства у детей.

Но не одна Германия, некоторые врачи и журналы другой просвещенной страны — Англии — идут еще дальше. Самый распространенный в Англии врачебный журнал «The Lancet» напечатал возмутительную статью о необходимости телесных наказаний вообще и в школах в частности. Вот некоторые выдержки из этой претендующей на научность статьи: «Никакое животное, пока оно молодо, не любит, чтобы его учили уму-разуму, и это делает необходимыми известные дисциплинарные меры. Дисциплина включает наказание, а одна из форм наказания есть — телесное, причиняющее боль. Мы всегда настаивали, что телесное наказание есть форма, наиболее пригодная для известных проступков»... И дальше: «телесное наказание (тростью или розгами) в школах и необходимо, и полезно... Наилучшее орудие для наказания маленьких детей есть розга. Во 1) она чувствительна; во 2) при толковом применении она не вредит; в 3) место приложения ягодичная область, по самой анатомии своей приспособлено (?) к принятию телесного наказания»... И все в этом роде, — конечно, с оговорками, что драть надо с толком, не чересчур сильно и т. д. В другом № того же «The

Lancet» старший больничный врач требует установить виды наказаний для школьных проступков и в том числе телесные наказания. Он требует только, чтобы орудием наказания была не тонкая трость, которая может расцарапать кожу, а хорошая толстая трость, полдюжины чувствительных ударов которой едва ли когда-либо причинить вред, и чтобы «наказание было приложено к тем частям тела, которые природою, по-видимому, специально (!) предназначены для этой цели». До большей наглости и научного цинизма трудно договориться! Что только не взваливается на науку, и какие самые абсурдные требования не основывают на науке? Не надо быть знакомым с анатомией и с медициной, чтобы отвергать существование особых частей тела, назначенных природою для розог, и пользу для организма от испытывания болевых ощущений! Не даром публика относится всегда недоверчиво ко всяким специалистам, которые заимствуют из науки оправдания и основания для всяких выгодных и приятных им взглядов.

Наконец, на родине Песталоцци не ограничились теорией и перешли к действиям: департамент народного просвещения Бернского кантона решил подвергать учащихся телесному наказанию, по требованию родителей и по постановлению совета, за тяжкие проступки, напр., за лживость. Составлены довольно определенные правила — как, кого, когда, где и чем сечь. Остается только удивляться как бернские педагоги могли серьезно заниматься таким позорным делом. В некоторых частях Германии телесные наказания в школах также применяются, и иногда по своей жестокости и мотивам применения вызывают возмущение со стороны родителей, как это было в 1901 г. в известном деле в городе Врешене, в Познани.

Не ради оправдания телесных наказаний в наших школах приведены эти справки из заграничной жизни; эти факты доказывают, что далеко не все западное может служить нам образцом и примером. В головах некоторых западных педагогов, профессоров и журналистов существует не мало сумбура относительно вопросов обучения и воспитания; кроме того, в западной культуре, как справедливо указывал еще Ж. Ж. Руссо, так много ложного, мишурного, внешнего, допускающего, между прочим, неравенство в наказаниях для различных классов и сословий. И пока на Западе, как и у нас, существуют различные сословия и состояния, высшие всегда будут придумывать благодетельные меры вразумления для низших.

Мы глубоко убеждены, что в этом вопросе может быть только один взгляд, общий для всех, без различия сословий, возраста и пола; этот взгляд прекрасно выражен следующими словами Л. Н. Толстого: «Дела эти (телесные наказания), когда им придан вид законности, позорят всех нас, живущих в том государстве, в котором эти дела совершаются. Ведь, если сечение крестьян — закон, то закон этот сделан и для меня, для обеспечения моего спокойствия и блага. А этого нельзя допустить. Надо, не переставая, кричать, вопить о том, что такое применение дикого, переставшего уже употребляться для детей наказания к одному лучшему сословию русских людей, есть позор для всех тех, кто прямо или косвенно участвует в нем».

Пора нам избавиться от этого позора. И не учителям и учительницам — этим просветителям народа, этим «сеятелям разумного, доброго, вечного» — поддерживать этот позор! Учащиеся никогда не должны забывать, что допускаемые в школах телесные наказания и другие

жестокие меры огрубляют и коверкают навсегда, и таким образом, являются одной из причин тех массовых побоищ, которые были в России в последние годы.

Через год после составления этой статьи издан манифест (11 августа 1904 г.), отменивший телесные наказания (к сожалению, не для всех). За ним последуют и другие законы, совершенно освобождающие крестьян от опеки и сравнивающие их вполне с остальными русскими гражданами, и мы верим, что в освобожденном крестьянстве и в обновленной народной школе не будет места телесным наказаниям!

(Нижегородский сборник. — С.-Петербург, 1905.)

ПЫТКИ В КУВЕЙТЕ

Из интервью Садама Хусейна британскому телевидению.

Корреспондент. Как вы сможете оправдать жестокости, совершенные иракскими войсками от вашего имени?

Президент Хусейн. А вы сами видели эти жестокости?

Корреспондент. Сам я их не видел, но позвольте мне, господин президент, процитировать несколько сообщений. В одном из них говорится о десятках жертв, замученных и повешенных в Кувейтском университете за сопротивление аннексии своей страны. В другом рассказывается о расстреле 15-летних юношей. Одна американка, состоящая в браке с кувейтцем, рассказала о

том, что иракские солдаты вспороли живот беременной женщине. В последнее время такие сообщения постоянно поступают из Кувейта. Знаете ли вы об этих сообщениях? Беспокоят ли они вас?

Президент Хусейн. Со всей определенностью могу сказать, что я ничего не слышал о подобных актах. Возможно, что такие сообщения исходят от западных средств массовой информации, которые стремятся повсюду и ежечасно отравлять ложью сознание людей... Возможно также, что лживые сведения, подобные тем, на которые вы ссылаетесь, поступают и непосредственно из Кувейта.

Кадры захваченных в плен американских летчиков, на лицах которых были ясно видны следы побоев, потрясли мир. Прежде корректные газеты вышли с заголовками вроде «Убейте ублюдка!» — подразумевается конечно же, Саддам Хусейн. Действия иракского лидера, который обещал использовать пленных в качестве «живого щита» для военных объектов, а пока заставил их критиковать действия американского правительства, вызвали реакцию и в правозащитном обществе. Специальный докладчик ООН, в мандат которого входит рассмотрение подобных ситуаций, направил письма всем государствам — членам ООН, указав на нарушение Багдадом Женевской конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г.

Правозащитная организация «Международная амнистия» регулярно обнародует факты грубых и массовых нарушений основных прав человека на территории, оккупированной иракскими войсками, равно как и в самом Ираке. Согласно этим сообщениям, основанным на многочисленных свидетельствах беженцев из Кувейта и

Ирака, оккупационные власти пытаются и расстреливают не только пленных, но и кувейтцев. Иногда на глазах их близких. Трупы казненных выставляют на улицах для всеобщего обозрения. Репрессиям подвергаются как военнопленные, так и гражданское население. Наличие оппозиционной литературы, флага Кувейта или фотографии кувейтского эмира рассматривается в качестве тяжкого преступления. По свидетельству беженцев из Кувейта, некоторые люди были арестованы и казнены только за то, что не успели сменить портреты эмира на изображения иракского президента Хусейна.

Смертная казнь применяется и за укрывательство иностранцев, которые до сих пор используются в качестве заложников или «живого щита» стратегических объектов.

Врачей принуждают давать с фальсифицированные медицинские заключения о причинах гибели людей.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ БЫВШЕГО ПОЛИЦЕЙСКОГО.
«...Мне завязали глаза, надели наручники и почти сразу же на меня обрушились удары. Меня били по дошвам и прижигали тело раскаленным прутком. Следователь требовал, чтобы я рассказал о листовке, найденной в моей машине (в листовке содержалась информация о химическом оружии. — Ред.), но я отвечал, что ничего не знаю о ней.

На следующий день меня снова избили. На этот раз они пользовались тростью, электрическим кабелем и каким-то деревянным предметом, которым они били меня по грудной клетке, пока не сломали одно ребро. Солдаты наносили мне удары своими армейскими бутсами по почкам. Они грозили убить меня, а мою сестру изнаси-

ловать. Затем один из офицеров приказал принести бутылку. Они раздвинули мне ноги и стали заталкивать горлышко бутылки в задний проход.

Меня продержали в камере трое суток, а затем перевезли в полицейский участок Аль-Джахра. Там меня снова избивали часа полтора и офицер угрожал мне электрическим стулом. По окончании пыток меня заставили заявить о преданности Саддаму».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ 38-ЛЕТНЕГО КУВЕЙТЦА. «...В камеру вошли три человека. Один из них принес ведро горячей воды. Сначала они избили меня до потери сознания. Затем все трое подкинули меня вверх и бросили оземь. Я стукнулся головой об пол и сломал себе челюсть. Меня рвало кровью. Тогда они шесть или семь раз окунули мою голову в горячую воду, требуя при этом, чтобы я сознался. Я повторил, что мне не в чем сознаваться. Тогда они ушли, оставив меня в бессознательном состоянии. Через несколько часов пришла другая группа. Один из них каким-то острым оружием порезал мне лицо и руки. Затем они стали бить меня шлангами и обрезками электрокабеля. Меня бросили в камеру. Помещение было площадью 2х3 метра и имело небольшое окно. На следующий день меня стали пытаться электрическим током. Сначала они облили меня водой, включили ток, подвели электроды к пальцам ног и половым органам и снова приступили к допросу. В конце концов один из них сказал, что не имеет смысла продолжать допрос и что я должен подготовиться к казни...»

(Новое время. — 1991, февраль.)

ЧАСТЬ 2. КАЗНИ

КАЗНИ В ДРЕВНЕЙШИЕ ВРЕМЕНА

Сведения о смертных казнях имеют примерно тот же возраст, что и сведения о первых государствах. Как законный (в юридическом смысле) вид наказания смертная казнь появилась с началом институционализации власти, при переходе к обществу, регулируемому закрепленными правовыми отношениями. Так, например, на островах Тонга во время позднего неолита и энеолита (10—5 тысяч лет до н. э.), где вся земля рассматривалась как собственность вождей, смертной казнью карались попытки простых членов первобытной общины перейти со своим земельным наделом к другому вождю. С переходом от родо-племенного деления к территориальному стали меняться институты права, возникали правовые нормы, стремившиеся к синтезу, универсализации. Но, разумеется, при этом смертная казнь в разных предгосударственных (в этнографии их называют «вождествами») и государственных образованиях назначалась за проступки, которые считались предосудительными в данном историко-культурном ареале (экумене, по терминологии Г. Померанца). Скажем, в одном месте смертью каралось посягательство на собственность знати, в другом — нарушение экзогамных либо сословно-кастовых брачных запретов, в третьем — утрата вождем племени «священной силы», позволявшей ему повелевать природой. Шиллуки (Верхний Нил), оказывавшие очень высокое почтение своим вождям, тем не менее умерщвляли их по достижении ими определенного возраста, боясь, что из-за одряхления

вождя хуже будет урожай, приплод скота, да и люди племени будут чаще болеть и умирать. Обычно первыми о наступающей слабости вождя сообщали соплеменникам его жены. Сходный обычай существовал у другого африканского народа — динка, вожди которого умели «делать дождь». Когда вождь динка замечал, что начинает стареть или слабеть, он сам говорил сыновьям, что пора ему умирать. А пожелание вождя, как известно, закон для подчиненных.

С возникновением государственно-правовых отношений появляется так называемый «принцип талиона», провозглашавший, что наказание должно быть равно преступлению. В массовом сознании этот принцип бытует в виде расхожей цитаты из Ветхого завета: «Око за око». (Полностью она звучит так: «...а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, ушиб за ушиб», Исх. 21.23—25.) В книге Бытия это выражено более обобщенно: «Кто прольет кровь человеческую, сказал Господь, того кровь прольется рукою человека», что практически означает одобрение смертной казни за человекоубийство. Правда, у многих народов существовало также понятие «цена крови», означавшее, что за убитого можно было расплатиться не собственной жизнью, а звонкой монетой или ее эквивалентом.

Огромное количество разновидностей казней, существовавшее в древности и в средние века, сейчас сузилось примерно до десятка. В современном мире наиболее распространены расстрел и повешение; намного реже встречаются казнь на электрическом стуле и смертельная инъекция; еще реже — отравление газом и обезглавливание. В некоторых мусульманских странах (Иран) существуют и экзотические виды казней — вро-

де забрасывания камнями или сбрасывания осужденных в пропасть.

КАЗНЬ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ

Сомнительная честь изобретения этого вида казни принадлежит знаменитому Томасу Алва Эдисону, одарившему человечество телеграфом, телефоном и т. п. вещами. Изобретателю удалось убедить специальную комиссию штата Нью-Йорк, что казнь электрическим током более гуманна, чем казнь через повешение. В 1891 г. был изготовлен и испробован дедушка современного электрического стула. В нем использовался ток переменного напряжения всего в 300 вольт.

По сей день электрический стул — самый популярный в США способ приведения смертного приговора в исполнение.

Процедура казни состоит в следующем: надежно привязав осужденного к специальному креслу, исполнитель закрепляет влажные медные электроды на его голове и ноге, которые предварительно обриваются для обеспечения тесного соприкосновения электродов и кожи. На короткий промежуток времени подается электроток большой силы. Смерть наступает в результате остановки сердца и паралича дыхания.

При казни электротоком происходит видимое разрушающее воздействие, так как обугливаются внутренние органы: часто после включения рубильника обреченные, сдерживаемые ремнями бросаются вперед; может

иметь место дефекация, мочеиспускание, рвота кровью. Свидетели казни всегда отмечают запах жженого мяса.

Первым, кого казнили таким способом, был некий Уильям Кеммлер, убивший свою жену.

Но, как и другие виды казни, казнь электрическим током тоже не имеет стопроцентной надежности. В 1947 г. в штате Луизиана остался жив после включения тока 17-летний негр Вилли Фрэнсис. Очевидец казни рассказывает: «Я увидел, как оператор включил переключатель и губы несчастного вытянулись вперед и увеличились в размере, тело напряглось и вытянулось. Когда ответственный за исполнение казни увидел, что Вилли Фрэнсис жив, он закричал оператору в другой комнате, чтобы тот добавил «току» (напряжения), тот закричал в ответ, что подает максимум. Затем Вилли Фрэнсис закричал: «Выключите! Дайте мне дышать!» Растерянные тюремщики остановили исполнение приговора до решения губернатора штата. Позже Вилли Фрэнс говорил: «Я почувствовал жжение в голове и левой ноге и бросился на ремни. В глазах у меня забегали синие, розовые и зеленые токи».

Аналогичные истории случались и в дальнейшем. Для казни Джона Луи Эванса в апреле 1983 г. в штате Алабама пришлось в течение 14 минут трижды подавать ток напряжением в 1900 вольт, прежде чем была констатирована смерть осужденного. «Нью-Йорк таймс» от 13 декабря 1984 г. писала, что во время казни Альфы Отиса Стивенса в штате Джорджия первый разряд (подававшийся две минуты) не убил осужденного, и он еще мучился 8 минут (Стивенс сделал 23 вдоха), пока не подали второй разряд. Уильям Вэндивер был убит только после пятого разряда тока (16 октября 1985 г.,

штат Индиана); он умирал в течение 17 минут. Возможно, виною этому был электрический стул 72-летней давности.

14 июля 1989 г. также из-за неполадок с неправильно подключенным электрическим стулом в течение 19 минут агонизировал Хорас Данкенс. Разряд следовал за разрядом, но всякий раз врачи констатировали, что осужденный еще жив.

Подобные случаи порождают постоянные споры американской общественности, юристов и законодателей о «гуманности» и целесообразности такого вида казни.

В 1990 г. полемика вокруг электрического стула оживилась снова. Это было связано с приведением в исполнение очередного смертного приговора в тюрьме Старк (штат Флорида). Свидетели говорят, что орудие казни действовало слишком медленно, а сам стул при этом даже дымился. Поэтому, когда подошла очередь следующего осужденного, специалисты произвели испытание электрического стула, что и позволило кандидату на казнь отвоевать у смерти еще 30 минут.

Среди известных людей, казненных на электрическом стуле, — участники рабочего движения Сакко и Ванцетти, супруги Джулиус и Этель Розенберги, обвиненные в шпионаже в пользу СССР.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ИНЪЕКЦИЯ

Если человечество еще не дозрело до отмены смертной казни во всемирном масштабе, то, по крайней

мере, оно пытается сделать этот процесс возможно менее болезненным. Именно поэтому и появилась на свет идея инъекции осужденному смертельного вещества.

«Казнь посредством смертельной инъекции состоит в непрерывном внутривенном вливании смертельной дозы быстродействующего барбитурата в комбинации с парализующим химическим препаратом. Процедура казни напоминает больничную процедуру введения обезболивающего препарата общего назначения, но при казни вводится смертельная доза. В Техасе, одном из 19 штатов США, где способом исполнения казни является смертельная инъекция, используется комбинация трех веществ: натрий теопентал, бромид и хлористый калий. Первый компонент вызывает потерю сознания, второй — расслабление мускулатуры и паралич диафрагмы, что связано с прекращением работы легких, третий — приводит к остановке сердца».

Как и в медицине, борющейся за жизнь человека, здесь испытательным материалом были животные. Инъекции, применявшиеся для вечного усыпления больных или старых животных, натолкнули на мысль делать то же самое с людьми. В 1977 г. это было законодательно разрешено в американских штатах Оклахома и Техас, а первым человеком, казненным смертельной инъекцией, стал Чарльз Брукс (декабрь 1982 г., штат Техас).

Однако и этот способ казни не «безупречен». «Если при инъекции осужденный оказывает сопротивление, яд может попасть в артерию или мышечную ткань и причинить боль. Если пропорции компонентов инъекции неверно определены, преждевременно начинают взаимодействовать, может произойти загустение смеси и закупорка вены, и тогда смерть наступает медленно. Ес-

ли барбитурат не оказывает анестезирующего действия достаточно быстро, человек может почувствовать удушье в связи с наступлением паралича легких».

Когда казнили Рэймонда Лэндри (декабрь 1988 г.), во-первых, порвалась трубка, по которой в иглу поступал яд, а во-вторых, свидетели сообщили, что слышали его стоны; смерть же Лэндри наступила только через 17 минут после введения смеси.

В античности аналогом этого вида казни была казнь-самоубийство путем принятия напитка с ядом. Наиболее известная казнь такого рода — казнь греческого философа Сократа, который по приговору суда выпил чашу с ядом цикуты.

ОТРАВЛЕНИЕ ГАЗОМ

Этот вид казни применяется в США, несмотря на его явную аналогию с «душегубками» нацистов.

Технология казни такова: «Осужденного привязывают к креслу в герметичной камере. На груди укрепляется стетоскоп, соединенный с наушниками в соседнем помещении для свидетелей и используемый врачом для наблюдения за ходом казни. В камеру подается газ цианид, отравляющий осужденного при вдыхании. Смерть наступает в результате удушья, вызываемого подавлением газа цианидом дыхательных энзимов, обеспечивающих доставку кислорода кровью в клетки тела.

Хотя бессознательное состояние наступает быстро, вся процедура может занять и более продолжительное вре-

мя, если осужденный будет пытаться оттянуть наступление смерти, задерживая или замедляя дыхание. Как и при использовании других способов исполнения казни, независимо от того, находится осужденный в бессознательном состоянии или нет, жизненно важные органы могут продолжать функционировать в течение продолжительного времени».

В штате Миссисипи 2 сентября 1983 г. казнили путем отравления газом некоего Джимми Ли Грея. Во время казни его тело конвульсивно дергалось 8 минут подряд; он 11 раз вздохнул широко открытым ртом, не переставая биться головой о перекладину за спинкой кресла. По показаниям свидетелей, Ли Грей не выглядел мертвым и по окончании процедуры казни, когда тюремная администрация предложила им покинуть комнату для свидетелей, отделенную от комнаты казни толстым стеклом.

РАСПЯТИЕ

Мы знаем, что в древние времена у разных народов мира отношение к смерти было совершенно иным, чем сейчас. Соответственно по-другому смотрели и на смертную казнь. Почти все древние цивилизации (впрочем, средние века тоже в этом смысле «не подкачали») стремились не облегчить казнь, а ужесточить страдания осужденного.

Изобретателями распятия, вероятно, являются финикийцы. От них изобретение переняли карфагеняне, а у тех, в свою очередь, римляне. Смерть на кресте считалась у римлян и израильтян позорнейшей казнью, к ко-

торой приговаривали лишь закоренелых злодеев и изменников. Как говорит апостол Павел: «Ибо написано: проклят всяк, висящий на древе». Знаменитый оратор Цицерон считал, что даже просто упоминание о распятии оскверняет уста римского гражданина.

Осужденного на распятие палачи раздевали, оставляя лишь набедренную повязку, привязывали к деревянному кресту и били кожаными бичами и свежеразрезанными прутьями. Затем приговоренный должен был сам нести свой крест к месту казни. Обычно это был холм вне города или просто обочина дороги. Крест врывали в землю, веревками поднимали осужденного на перекладину, привязывали к ней, а затем пригвождали руки. Ноги иногда привязывали, иногда пригвождали. Распятым обычно перебивали голени, что приводило к быстрой смерти от удушья, поскольку, чтобы дышать на кресте, нужно приподнимать грудную клетку, опираясь на ноги. Если же голени не перебивали, человек умирал от обезвоживания организма.

Распятие было одним из немногих факторов, объединявших раньше Запад и Восток, поскольку активно употреблялось и там, и там. Например, после подавления восстания Спартака римляне распяли по обочинам дорог 6 тысяч восставших рабов. Александр Македонский, разгневанный упорством защитников финикийского города Тира, после его взятия повелел пригвоздить к крестам вдоль берега моря 2 тысячи человек. Правитель Иудеи Александр Яннай в 88 г. до н. э. распял 800 участников восстания на религиозной почве (фарисеев).

В Японии в средние века с участниками крестьянских восстаний поступали так же — распространенной каз-

нью было именно распятие; причем, перед тем как распять руководителя восстания, у него на глазах умерщвляли всех членов его семьи. Практиковалось распятие в Индии и Китае.

О применении распятия в XX в. существуют лишь отдельные сообщения. В 1918 г. от Рождества Христова, после оставления Киева частями Красной Армии, был найден крест, на котором большевики распяли поручика Сорокина, считая его добровольческим шпионом.

Любопытно, что распятие как вид казни до сих пор сохраняется в законодательстве Судана. На распятие в этой стране могут осудить за преступления hadd (специфический термин из мусульманского права, означающий преступления, нарушающие священную волю). Но осуществляется распятие после предварительного повешения осужденного, то есть распинают мертвое тело.

Согласно евангельскому преданию, был распят Иисус Христос. Среди известных исторических личностей, принявших смерть на кресте, — основатель манихейства Манес, казненный по велению персидского царя Барамы I в 276 г.

(А. Лаврин. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. — М., «Московский рабочий», 1993.)

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ВИДЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Цивилизация усовершенствовала виды казни, но что касается изобретательности и оригинальности, то тут наши предки дадут нам сто очков вперед.

Римский император Тиберий придумал следующий вид пытки-казни: с умыслом напоив людей допьяна вином, им, охмелевшим и беспомощным, перевязывали члены, и они изнемогали от задержания мочи. Другой император — Калигула применял перепиливание человека пилой. Когда вздорожал скот, которым откармливали диких зверей для гладиаторских зрелищ, Калигула велел кормить зверей преступниками из тюрем, не разбирая меры их вины.

Похоже «развлекался» русский царь Иван Грозный. Один из его любимых видов казни — зашить осужденного в медвежью шкуру (называлось это «обшить медведно») и затем затравить собаками. Так был казнен новгородский епископ Леонид. Иногда на людей натравливали медведей (естественно, в этом случае их не «обшивали медведно»).

Иван Грозный вообще любил всякого рода нестандартные казни, в том числе казни с «юмором». Я уже говорил, что дворянина по фамилии Овцын он повесил на одной перекладине с овцой. А вот несколько монахов он приказал однажды привязать к бочке с порохом и взорвать — пускай, мол, они, подобно ангелам, сразу летят на небеса. Брата одной из своих жен Михаила Темрюковича Грозный приказал посадить на кол; так же поступил он и с бывшим своим любимцем князем Борисом Түлуповым. Врача Елисея Бомбелия по приказу царя

казнили так: выворотили из суставов руки, вывихнули ноги, изрезали спину проволочными плетьюми, а затем привязали к деревянному столбу и разводили под ним огонь. Наконец, полуживого отвезли на санях в тюрьму, где он и скончался от ран. Главу иностранного приказа (то бишь министра иностранных дел) Ивана Михайловича Висковатого по приказу Грозного привязали к столбу, а затем приближенные царя подходили к осужденному, и каждый вырезал у него из тела по куску мяса. Один из опричников, Иван Реутов, так «неудачно» отрезал кусок, что Висковатый умер. Тогда Грозный обвинил Реутова в том, что он сделал это нарочно, чтобы сократить мучения Висковатого, и велел казнить его. Но от казни Реутов уберегся, успев заболеть чумой и умереть.

Из других видов экзотических казней, применявшихся Грозным, следует назвать попеременное обливание осужденного крутым кипятком и холодной водой; так был казнен казначей Никита Фуников-Курцев. Современники рассказывают, что в конце июля 1570 г., когда на Красной площади в Москве состоялись массовые казни, царь приказал у многих «вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу, и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних он приказал отрубить правую и левую руку и ногу, а потом только голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ноги, голову». Грозный любил «комбинированные» виды казни. Во время казней в Новгороде царь приказывал поджигать людей специальным горючим составом («пожаром»), затем опаленных и измученных, их привязывали к саням и пускали лошадей вскачь. Тела волочились по мерзлой земле, оставляя кровавые полосы. Затем их сбрасывали в реку Волхов с моста. Вместе с этими несчастными

к реке везли их жен и детей. Женщинам закручивали назад руки и ноги, привязывали к ним детей и тоже бросали в студеную реку. А там в лодках плавали опричники, которые добывали тех, кто всплывал, баграми и топорами.

Особый вид казни применялся при Иване Грозном по отношению к государственным изменникам. Приговоренного сажали в котел, наполненный маслом, вином или водой, вдевали его руки в специально вмонтированные в котел кольца и ставили котел на огонь, постепенно подогревая жидкость до кипения. В средневековой Германии подобным образом расправлялись с фальшивомонетчиками (другим видом наказания для них, по так называемому Любекскому праву, было снятие волос с головы вместе с кожей).

Хотя Грозный и стремился к оригинальности в изобретении способов казни, в ряде случаев у него были предшественники. Например, что касается отрезания от тела кусков мяса, — подобное было с неким юношей Филологом, предавшим своего учителя Цицерона. Вдова Квинта (брата Цицерона), получив право на расправу с Филологом, заставляла его отрезать куски мяса с собственного тела, жарить и есть их! Сдирание кожи с живого человека издавна практиковалось на Ближнем Востоке — так был казнен азербайджанский поэт XIV в. Насими.

Еще один вид экзотической казни-пытки описывает Адам Олеарий в путевых записках о Московии XVII в. «Жертву привязывают к спине сильного человека, стоящего прямо на ногах и опирающегося руками на особое приспособление, похожее на высокую, в человеческий рост, скамейку, и в таком положении наносят 200

или 300 ударов кнутом, преимущественно по спине. Удары начинают наносить ниже затылка и идут сверху вниз. Палач с таким искусством наносит удар, что с каждым разом отрывает кусок мяса, соответствующий толщине кнута. Подвергшиеся истязанию большей частью умирают». Подобная казнь применялась еще в XIX в., при Николае I, когда формально смертной казни не существовало. Маркиз де Кюстин в книге «La Russie en 1839» (в русском переводе — «Николаевская Россия») свидетельствует: «Смертная казнь не существует в России (ее отменила императрица Елизавета. — А. Л.), за исключением случаев государственной измены. Однако некоторых преступников нужно отправить на тот свет. В таких случаях для того, чтобы согласовать мягкость законов с жестокостью нравов, поступают следующим образом: когда преступника приговаривают более чем к ста ударам кнута, палач, понимая, что означает такой приговор, из чувства человеколюбия убивает приговоренного третьим или четвертым ударом».

Некоторые виды экзотических казней дожили до наших дней. Например, в Иране в октябре 1987 г. казнили трех человек, сбросив их со скалы. Этот вид смерти им предложили на выбор. Альтернативными вариантами были: обезглавливание или задавливание насмерть. Несчастные выбрали прыжок вниз. Как писал Владислав Ходасевич:

Счастлив, кто падает вниз головой, —
Видит он мир хоть на миг, но иной.

(А. Лаврин. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. — М., «Московский рабочий», 1993.)

ЧЕТВЕРТОВАНИЕ

Этот вид казни заключается в отсечении преступнику поочередно руки ног, а затем уже головы. Четвертование особенно часто применялось ко всякого рода мятежникам и бунтовщикам. В Китае в 1048 г. был четвертован руководитель крупного крестьянского восстания Ван Цзе. В России таким способом были казнены самозванец Анкудинов, выдававший себя за покойного царя Василия Шуйского, и предводитель антиправительственного восстания Степан Разин — оба в XVII в.

РАЗРУБЛЕНИЕ ТЕЛА ПОПОЛАМ

Этим видом казни человечество обязано древнекитайскому вельможе-реформатору Шан Яну (390—338 гг. до н. э.), который служил при дворе циньского царя Сяогуня. В числе реформ и судебных установлений Шан Яна была такая запись: «Тот, кто не донесет о преступнике, будет разрублен пополам».

КОЛЕСОВАНИЕ

По описанию русского ученого XIX в. профессора А. Ф. Кистяковского, способ колесования состоял в следующем: «К эшафоту привязывали в горизонтальном положении андреевский крест, сделанный из двух бревен. На каждой из ветвей этого креста делали две выемки, расстояние одна от другой на один фут. На

этом кресте растягивали преступника так, чтобы лицом он был обращен к небу; каждая конечность его лежала на одной из ветвей креста, и в каждом месте каждого сочленения он был привязан к кресту. Затем палач, вооруженный четырехугольным ломом, наносил удары в часть члена между сочленением, которая как раз лежала над выемкой. Этим способом переламывали кости каждого члена в двух местах. Операция оканчивалась двумя или тремя ударами по животу и переламыванием станového хребта. Разломанного таким образом преступника клали на горизонтально поставленное колесо так, чтобы пятки сходились с заднею частью головы, и оставляли его в таком положении умирать». Колесование применялось и в античные времена, и в средние века.

РАЗРЫВАНИЕ ТЕЛА

Этот вид казни исполнялся двумя способами.

1. Тело привязывали за ноги к вершинам двух наклоненных деревьев и затем разрезали соединявшую вершины веревку.
2. Тело привязывали за ноги к двум лошадям, которых пускали вскачь в противоположные стороны.

ЗАЛИТИЕ ГОРЛА РАСПЛАВЛЕННЫМ МЕТАЛЛОМ

Сведения о таком способе казни относятся еще к античности. Известно, что греческий царь Митридат в 88 г. до н. э., разгромив в битве при Протомах римского полководца Аквиллия, велел залить ему горло расплавленным золотом.

Персидский царь Артаксеркс II, победивший в бою своего брата Кира, велел обезглавить одного из своих воинов, который принимал непосредственное участие в убийстве Кира. Однако мать Артаксеркса выпросила у сына убийцу, и по ее приказу ему выкололи глаза, а затем залили в горло расплавленную медь.

В средневековой России до 1672 г. подобным образом казнили фальшивомонетчиков. Поскольку они подменяли в своих изделиях благородный металл суррогатами, то в горло им тоже лили не золото или серебро, а горячий свинец.

ПОСАЖЕНИЕ НА КОЛ

Эта казнь заключалась в надевании осужденного на заостренный кол через анус. Под тяжестью тела кол медленно проникал во внутренности казнимого и выходил наружу из груди либо между лопатками. Иногда, чтобы усилить мучения, недалеко от острого конца кола прибавляли перекладину, которая предохраняла от пронзания тела насквозь и тем самым продляла агонию осужденного на день или два. Случалось, что во время

сидения на колу проводился последний допрос казнимого, а священник давал ему предсмертное напутствие. Этот вид казни часто использовался в средневековой России. Майор Данилов, современник императриц Анны Иоанновны и Елизаветы (XVIII в.) пишет, что в его время был казнен на площади разбойник князь Лихутьев: «...голова его взогнута была на кол».

ПОДВЕШИВАНИЕ РЕБРОМ ЗА КРЮК

Это наказание не было столь распространено, как обезглавливание или повешение, но все-таки использовалось достаточно часто, особенно в России. Мучения осужденного в этом случае могли длиться очень долго; порой казнимые умирали от жажды.

К женщинам вместо этого вида казни нередко применяли иной, не менее страшный. В русских летописях начала XVII в. есть рассказы о том, как женщинам резывали груди, продев в раны веревки, подвешивали на перекладине. Отмечены случаи применения подобной казни в Ираке в 1980-х гг. в ходе массовых расправ над восставшими курдами. Очевидец рассказывает о посещении одной из тюрем под Киркуком: «Там было несколько сот людей. Когда мы вошли, многие уже оказались мертвы. Больше всего меня потрясло зрелище четырех мертвых женщин, подвешенных палачами за груди».

ПОЕДАНИЕ АКУЛАМИ

Устав английского флота в XVIII в. мерой наказания для взбунтовавшихся матросов предусматривал повешение на рее. Но в южных морях, кишевших акулами, сложилась иная практика: бунтарю давали в одну руку нож, в другую — дубинку и, обвязав канатом, спускали за борт так, чтобы его ноги касались воды. В течение суток судьба матроса зависела от удачи и самообладания. Если за это время ему удавалось отбиться от акулы, это объявляли Божьей волей и поднимали бедолагу на палубу, даруя прощение и жизнь. Разумеется, испытание было не из легких, и, если акулы приходили в неистовство, спасти моряка действительно мог только Бог.

ПОЕДАНИЕ КРЫСОЙ

Клетку без дна, в которой находится голодная крыса, ставили на живот связанному и зафиксированному в горизонтальном положении осужденному. Крыса начинала выедать внутренности человека. Такая казнь применялась в далекой древности в Китае, есть свидетельства, что ее «возродили» в так называемой «китайской» ЧК в Киеве: «Пытаемого привязывали к стене или столбу, потом к нему крепко привязывали одним концом железную трубу в несколько дюймов ширины... Через другое отверстие в нее сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволочной сеткой и к нему подносился огонь. Приведенное жаром в отчаяние, животное начинало въедаться в тело несчастного, чтобы найти выход. Такая пытка длилась часами, порой до следующего дня, пока жертва не умирала».

ЗАМОРАЖИВАНИЕ

Другим страшным видом казни, применявшимся в России во время гражданской войны, было обливание человека водой на открытом воздухе при сильном морозе. Центральное бюро партии эсеров выпустило заявление, где говорилось, что в Воронежской губернии, в селе Алексеевском и других селах сотрудники чрезвычайки (ЧК) выводят людей голыми на мороз и обливают холодной водой до превращения их в ледяные столбы. 29 декабря 1918 г. так был казнен Феофан (Ильменский), епископ Соликамский. Его раздели, заплели волосы в косы, связали их, продели в них жердь и на этой жерди опускали в прорубь на реке до тех пор, пока епископ не покрылся льдом толщиной в два пальца. Нацисты, постоянно занимавшиеся плагиатом у коммунистов, казнили похожим способом попавшего в плен во время второй мировой войны советского генерала Карбышева.

РАСТВОРЕНИЕ В КИСЛОТЕ

Подобная казнь, по свидетельству бывшего телохранителя Саддама Хусейна Карима (псевдоним, настоящее имя этот человек скрывает), осуществлялась в Ираке. Карим рассказывает, что узнал об этом, когда искал по тюрьмам Багдада одного человека, (как телохранитель Хусейна, он имел право входить в любую тюрьму). Поиски были безрезультатны, и однажды сопровождавший Карима офицер повернулся к нему и сказал:

— Может, твоего приятеля растворили в кислоте?

— Как это? — удивился Карим.

— Идем, покажу.

Они перешли в другое здание, где, как рассказывает Карим, «было помещение с бассейном 5х5 метров, окруженное оградой из кованого железа. Цемент в бассейне был темным. Над заполнявшей его прозрачной жидкостью стоял пар. Это была кислота. Я увидел останки, плавающие на поверхности, и офицер сказал: «Вот этого растворили два часа назад». Он объяснил мне, что сначала в кислоту погружали руки и ноги приговоренного, а потом уже его бросали туда целиком. Этот метод не был новинкой в регионе. Старые ливанцы вспоминают, что в 1958—1961 гг., во времена союза между Сирией и Египтом, сирийцы уничтожали таким образом оппозиционеров. Так погиб, например, Фарджалла аль-Хелу, Генеральный секретарь Ливанской коммунистической партии. Его жена тщетно требовала его тело целых 10 лет».

(А. Лаврин. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. — М., «Московский рабочий», 1993.)

АУТОДАФЕ

Для своей благочестивой и верноподданной паствы католическая церковь устраивала инквизиционные празднества, аутодафе (праздник веры). Вот как протекало, например, одно из таких празднеств.

Торжественный день — день восшествия на престол короля. Перед балконом его дворца выстроен на площади помост. Справа от помоста ступенями расположены сиденья, покрытые коврами, — это места для инквизиторов, а на верхней ступени — балдахин для «великого инквизитора». Слева от помоста — простые скамьи для осужденных, а на самом помосте — ряд деревянных клеток для них же. О дне торжества объявлено за месяц, чтобы народ мог своевременно узнать об этом событии и собраться на площади.

Семь часов утра. Король и королева появляются на балконе, приветствуемые толпой. Звон колоколов возвещает о начале празднества и приближении процессии. Вот она уже на площади. Впереди движется сотня вооруженных пиками и мушкетами угольщиков, обслуживающих костры. За ними, на некотором расстоянии, монахи несут зеленый доминиканский крест и знамя инквизиции, за которыми сомкнутыми рядами идут гранды — представители аристократии и офицеры — участники инквизиционного трибунала. Но вот показывается толпа осужденных. В первых рядах, понуря обнаженные головы, босые, с трудом волоча ноги, идут «примирившиеся с церковью»: на них вместо одежды напялены льняные мешки с желтыми крестами спереди и сзади. Не легко досталось им это «примирение»: одни отделались хорошими кушами денег, другие обречены на долголетние посты и покаяния, третьи обязались совершить паломничество в «святые места». За «примиренными» идут, в таком же жалком одеянии, обреченные на бичевание или на пожизненное заключение в темнице. Самое мрачное зрелище представляют приговоренные к смерти. Они последние в толпе осужденных. Льняные мешки на них расписаны изображениями дьявола и пламени: у одним пламя смотрит вверх — это те, что сознались в грехах своих до пыток

и будут сожжены на костре; у других пламя обращено вниз — это те, что сознались после пыток и будут сперва задушены, а потом сожжены. У каждого из смертников в руке свеча, а рот туго заткнут бычьим пузырем, чтобы обвиняемый не мог протестовать, богохульствовать, кричать...

Наконец, в хвосте процессии — должно быть, во исполнение завета «первые да будут последними» — движутся инквизиторы и советники верховного трибунала. Все они на конях, а среди них окруженный многочисленной стражей, в роскошном фиолетовом одеянии сам «великий инквизитор». Приблизившись к помосту, инквизиторы и осужденные занимают свои места. Вновь раздастся колокольный звон. Начинается богослужение. По окончании его произносится приличествующая случаю проповедь.

Затем осужденные поочередно занимают предназначенные для них на помосте деревянные клетки и выслушивают приговор инквизиции. По прочтении приговора верховный трибунал обращается к светской власти с просьбой привести приговор в исполнение «милосердно», «без пролития крови». Зная по опыту, что означают эти слова, толпа как безумная срывается с места и несется за город, где ее ждет поучительное зрелище — десятки заранее сложенных костров, которые вот-вот запыхают, оставляя после себя кучу пепла и обгорелых костей и «унося в ад» души сожженных грешников...

Из теоретических трудов остановимся лишь на «Исследовании о ведьмах», принадлежащем перу Варфоломея де Спины. Имя автора пользовалось авторитетом и его сочинение получило в начале XVI в. широкое распространение.

Бесчисленное множество инквизиционных процессов и наказаний ведьм доказывает, говорит Спина, что ведовство и колдовство действительно существуют: в противном случае инквизиторы, приговаривавшие ведьм к смерти, были бы несправедливыми судьями. Так как церковь не только знает и принимает к сведению эти приговоры, но также санкционирует и одобряет их — следовательно, эти вещи действительно и истинны. Ведь каждому ясно, что «почти весь земной шар полон дьявольских преступлений». Сожительство дьявола с человеком уже доказано и не требует дальнейших доводов. На сходках ведьм жарятся и пожираются быки и другие животные; никто этого отрицать не может. Ни один здравомыслящий человек (*nullussanae mentus*) не может отрицать того, что ведьмы убивают малых детей; родители должны поэтому зорко следить, чтобы подозрительные субъекты не целовали их детей. Все эти вещи, однако, совместимы и попускаются мудростью и великодушием бога. Если улетевшая ведьма продолжает все-таки лежать у себя в кровати, то объясняется это совершенно естественным образом: черт, принявший ее образ, лежит в ее кровати. «И как можно, — восклицает де Спина, — сомневаться в реальности всего этого, когда в одном лишь округе инквизитора Бернарда Комо ежегодно берется в плен свыше 1000 ведьм, из коих свыше сотни сжигается?! Как можно еще колебаться, когда мне лишь очень недавно знакомый врач из Феррары

рассказывал, что в его поместье один крестьянин собственными глазами видели шабаш из 6000 женщин и мужчин, предававшихся кощунственному разврату?! Еще в прошлом году Андрей Маньяни из Бергама рассказывал, как одна молодая девушка, проживавшая вместе со своей матерью в Бергаме, ночью очутилась голой в кровати своего родственника в Венеции. Проливая горькие слезы, девушка говорила: я ночью проснулась и увидела, что мать, снявши с себя рубаху, мажется какой-то мазью; потом она села верхом на палку и вылетела через окно. Я тоже поднялась, помазала тело мазью и очутилась в комнате, где моя мать готовилась убить ребенка. Я громко произнесла, в присутствии матери, имя Иисуса и Марии; мать исчезла, я же осталась в этой комнате совершенно голой. Во время инквизиционной пытки в Бергаме все это подтвердилось и было точно установлено... Я мог бы привести бесчисленное множество случаев, как демоны появлялись в образе кошек, какое множество детей было уничтожено ведьмами и сколько колдовской мази было сделано из их мертвых тел. Но разве есть нужда в приведении всех этих фактов?»

Да, уже давно факт существования дьявола церковью был точно установлен, и дело в конце XV в. шло не о теоретических доказательствах и не о приведении все новых и новых фактов, а о том, как лучше всего бороться со всемогуществом и вездесущностью дьявола, и папа Иннокентий VIII своей знаменитой буллой *Summis desiderantes*, так называемой «ведовской буллой», указал, что основной задачей германской инквизиции отныне является беспощадная борьба с ведовством и окончательное его истребление, так как зло это приняло слишком большие размеры, чтобы инквизиция могла к нему относиться со снисхождением и с некоторым ослаблением. Против дьявола, в своей дерзости дошедше-

го до стремления овладеть всем человечеством, церковь обязана выступить во всеоружии своей мощи и энергии. Дьявольское упорство во что бы то ни стало должно быть уничтожено. И началась эра страшных, кровавых преследований всех, заподозренных в той или иной степени в сношениях с дьяволом и его сотрудниками.

Таково историческое значение той буллы, во имя которой в течение свыше двух столетий сжигали, мучили, терзали и уничтожали суеверных, больных, жалких и невежественных людей. Булла эта была поворотным пунктом в деятельности инквизиции, которая с этого момента сосредоточила главное свое внимание на ведовстве и не столько стремилась к установлению чистоты католической веры и правильности отдельных догматов, сколько к искоренению той страшной силы, которая дерзала овладеть человечеством, чтобы вырвать его из лоно церкви и из ведения самого бога.

Сицилийский инквизитор Людвиг Парамо, восхищенный той энергией в борьбе с ведьмами, которую развила инквизиция благодаря булле о ведьмах Иннокентия VIII, писал: «Нельзя не указать, какую великую услугу инквизиция оказала человечеству тем, что она уничтожила огромное количество ведьм. В течение 150 лет были в Испании, Италии, Германии сожжены, по меньшей мере, 30 000 ведьм. Подумайте лишь! Если бы эти ведьмы не были истреблены, какое неимоверное зло они причинили бы всему миру».

Так как Парамо писал эти слова в 1598 г., то в число 30 000 не могли войти ни 900 ведьм, сожженных в Лотарингии в течение 15 лет Николаем Реми во второй половине XVII в., ни 700 погибших в Фульде от руки свирепствовавшего в XVII в. Балтазара Фосса, ни 600 со-

жженных в Бамберге в течение 1624—1630 гг., ни бесчисленное множество других, погибших в огне во исполнение буллы папы Иннокентия VIII.

Определить даже приблизительно количество жертв буллы Иннокентия VIII нет возможности: почти ежегодно публикуются различными провинциальными архивами протоколы процессов против ведьм, и жуткая картина бессмысленных жестокостей обогащается все новыми деталями. Вот небольшой город Роттенбург на Некаре. Ежегодно в нем десяток-другой ведьм сжигается на костре, и городской совет чувствует «усталость» от этих процессов и начинает печалиться, что вскоре в Роттенбурге не останется в живых ни одной женщины (XVII в.). В небольшом Оснабрюке за три месяца в 1588 г. была сожжена 121 ведьма, вокруг Оснабрюке пылают костры, и все женское население округа обречено на гибель.

По официальным данным, в 20 деревнях кругом Тира в 1587—1593 гг. было сожжено 306 человек; в двух деревнях осталось всего две женщины. В местечке Герольцгофене в 1616 г. было сожжено 99 ведьм, в следующем году — 88. В местечке Эллингене за 8 месяцев 1590 г. было сожжено 71. В Эльвагене иезуиты возвели в 1612 г. на костер 167 человек, а в Вестерштетене за 2 года — 600 человек. В Кведлинбурге в 1589 г. в один день погибло 133 человека. В Нейссе магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров; в Бамберге был особый дом для ведьм, где их держали до суда; их кормили страшно солеными селедками, не давали воды и купали в кипятке, куда бросали перец. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали эту площадь с сосновым лесом. В Нассау в 1628 г. вышло постановление, чтобы

в каждой деревне были особенные выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествовавшим для этого по стране. Вскоре тюрьмы наполнились сознавшимися под пыткой во всех ужасах сатанинских оргий. В народе господствовало такое возбуждение, что многие сами себя выдавали за ведьм. В Манке в 1583 г. иезуитам хитростью удалось изгнать из 16-летней девушки Анны Шлуттенбауер 12 655 чертенят; после этого была подвергнута пытке ее 70-летняя бабушка, которая созналась, что уже 50 лет она находится в связи с дьяволом, ездит на шабаш, насылает непогоду и т. д. Ее осудили, поволокли к месту казни, привязав к хвосту лошади, и сожгли заживо. В Женеве за короткий промежуток времени в 1542 г. было сожжено 500 ведьм. В 1546 г. тюремный смотритель донес городскому совету, что все тюрьмы переполнены ведьмами, и палач заявил, что сил одного человека недостаточно, чтобы справиться с палаческими обязанностями.

В Цукмантелле на постоянной службе у инквизиторов находилось не менее 8 палачей. Здесь в 1639 г. было предано огню 242 человека, через несколько лет было сожжено 102, в числе которых было двое детей, признанных детьми дьявола. В Берне в 1591—1600 гг. сжигалось в среднем ежегодно по 30 ведьм, а в Коломбье ежемесячно (в среднем) в период от 1602 г. до 1609 г. погибало 8 человек. В Эльзасе, Швабии и Брейсгау в XVII в. непрерывно жгли людей: в 1620 г. сожжено 800 человек, и всем кажется, что чем больше будут сжигать людей, тем больше будет ведьм. «Словно из пепла, — говорит Штебер в своем описании Эльзаса, — появляются ведьмы».

(С. Лозинский. Роковая книга Средневековья.)

Когда собиралась толпа смотреть предсмертную агонию мучеников, то старались не высказывать никакой к ним жалости, чтобы не смягчить фанатизма зрителей. Виновного не удушали раньше, чем поджигали дрова, как это практиковалось в позднейшей испанской инквизиции; порох еще не был изобретен, и поэтому не прибегали еще к менее человечному приему, применявшемуся впоследствии, — обвязывать шею жертвы мешком с порохом, чтобы сократить ее мучения, когда пламя охватит ее. Несчастливого привязывали живым к столбу, возвышающемуся над грудой дров настолько высоко, чтобы верные могли видеть все действия ужасной трагедии. Святые люди сопровождали его до последней минуты в надежде вырвать, если возможно, душу его из когтей дьявола; если он не был рецидивистом, он мог еще в последнюю минуту спасти свое тело. Но и в этих окончательных приготовлениях мы видим примеры той крайней непоследовательности, с которою Церковь пыталась сделать вид, что на нее не падает ответственность в этих убийствах. Монахам, сопровождавшим несчастную жертву, строго запрещалось убеждать ее умереть без сопротивления, или взойти твердым шагом по лестнице, ведущей на эшафот, или мужественно отдать себя руки палача, ибо, давая подобные советы, они могли ускорить ее конец и допустить, таким образом, «неправильность». Назидательное и уместное зарение совести людей, уже совершивших юридическое убийство. Обыкновенно казнь совершалась в праздничный день, чтобы могло собраться больше народа, и чтобы зрелище было поучительнее; из боязни, чтобы жертва не вызвала в собравшихся чувства жалости и симпатии, на нее накладывалось молчание.

Второстепенные подробности известны нам из отчета одного свидетеля казни Яна Гуса в Констанце в 1415 г. Несчастный должен был стать между двух вязанок хвороста, и его крепко привязали веревками к толстому столбу; веревки охватывали его вокруг лодыжек, коленей, паха, талии и подмышками; на шею ему надели цепь. Затем заметили, что он повернулся лицом к востоку, а так как это было неприлично для еретика, то его повернули лицом к западу. Он был обложен до самого подбородка связками хвороста и соломы. После этого граф палатин Людовик, наблюдавший за исполнением казни, подошел к эшафоту вместе с констанцским прево и в последний раз предложил Гусу отречься. Когда он отказался, они отошли и ударили в ладони, что было знаком для исполнителей казни поджечь костер. Когда огонь пожрал все, то приступили к возмутительному делу окончательного уничтожения обуглившегося трупа; его разорвали на части и перебили кости, а затем остатки и внутренности снова бросили в огонь.

Когда можно было опасаться, чтобы присутствовавшие не сохранили остатков мученика, при казнях Арнольда Брешианского, некоторых францисканцев-спиритуалов, Гуса, Савонаролы, то после того, как огонь погасал, тщательно собирали пепел и бросали его в проточную воду.

Есть что-то забавное и ужасное в контрасте между этими крайними проявлениями человеческой злобы и бесстрастным счетом издержек, который представлялся светской власти. В отчетах Арно Ассали мы находим подробную запись расходов по сожжению четырех еретиков в Каркассоне 24 апреля 1323 г.

Дрова	55	су	6	денье
Хворост	21	«»	3	«»
Солома	2	«»	6	«»
4 столба	10	«»	9	«»
Веревки	4	«»	7	«»
Палачу по 20 су с головы....	80	«»		

Итого8 ливров 14 су 7 денье

Немного более двух ливров на каждого сожженного еретика.

Если еретик умирал до совершения над ним казни, и если делалось постановление о вырытии его тела и костей, то церемония сожжения их была, конечно, менее торжественна, но не упускали ничего, чтобы сделать ее ужасной. До нас дошел от 1237 г. рассказ одного современника, Гильема Пелиссона, о том, как было вырыто в Тулузе много трупов людей знатных и других покойников. Их кости и разложившиеся трупы тащили по улицам, причем впереди шел глашатай и кричал: «Qui aytal fara, aytal peria» («всякий, кто поступит так, так вот и погибнет»), затем они были сожжены «во славу Бога, Блаженной Девы Марии, Его Матери, и блаженного Доминика, их служителя». Эта процедура, несмотря на то, что была довольно дорога, сохранялась во все время существования Инквизиции. Из отчетов Арно Ассали от 1323 г. мы видим, что вырыть кости трех еретиков, купить для них мешок, купить веревки, чтобы завязать мешок, нанять двух лошадей дотащить мешок до площади и купить дрова для костра — стоило 5 ливров 19 су 6 денье.

ДЖОРДАНО БРУНО

В скитаниях, диспутах, заботах о напечатании сочинений и проходит жизнь Бруно. Ему уже сорок четыре года. Давно покинул он свою родину. Истосковался по ней: так и тянет порой на юг Италии — к синему морю, лучистому небу... О, эти воспоминания детства и светлой юности — и у него она была! Так много в них поэтической прелести! Так властно влекут они туда, где были пережиты и веселые детские игры, и радостные встречи с друзьями юных дней, и первая чистая любовь! На перевале жизни это чувствуется подчас с исключительной остротой. Почувствовал это и Бруно. А тут еще подвернулся какой-то молодой и знатный венецианец, который объявил через посредника, что он горячий поклонник Бруно и предлагает ему приехать в Венецию. И Бруно, на собственную гибель, поехал...

Судьба смелого ученого не могла в ту эпоху не окончиться трагически. Его могучий ум, его глубокие мысли оказались страшными для господствующей идеологии.

Такие мысли и такие речи не прощались. Не простились они и Джордано Бруно. Вскоре по приезде в Венецию, при помощи предательства пригласившего его к себе «почитателя», Бруно был арестован. Когда об этом узнали в Риме, то стали требовать, чтобы Венеция передала узника в руки римской инквизиции. Бруно не простой еретик, говорили римские изуверы. Он вождь еретиков. Венеция сначала упиралась: не к лицу, мол,

такой почтенной республике, как Венецианская, поступаться своей независимостью. Но ее уломали: в начале 1593 г. Бруно перевели в Рим.

Семь долгих, мучительных лет провел он в римской тюрьме. Его многократно терзали допросами и угрозами. Его пытали. Были минуты слабости, когда под гнетом угроз и пыток он заявлял, что готов примириться с церковью. Когда же «святейшая» потребовала, чтобы Бруно употребил весь ум, все знания и весь свой дивный талант оратора на то, чтобы публично опровергнуть свои идеи и восхвалять все, что бичевал он на протяжении целой жизни, беззаветная любовь к истине, гордость, кипучая энергия проявились в этом человеке во всем своем героическом величии, и Бруно, прямо смотря в глаза своим судьям: сказал: «Я не могу и не хочу отречься. Мне не от чего отречься».

Этот ответ решил его судьбу. «Святейшая» приговорила его к смерти... «без пролития крови». Выслушав приговор, Бруно обратился к судьям со словами: «Вы, как видно, произносите свой приговор с большим страхом, чем я выслушал его».

Дадим слово одному из историков философии: он расскажет нам о последних минутах жизни Бруно — прекрасного, благородного, пламенного.

«...Был солнечный день — 17 февраля 1600 г. В окрестностях Рима все дышало пробуждающейся жизнью. А в самом Риме, над Площадью цветов витала смерть.

В центре площади возвышалась огромная куча хвороста, среди которой поднимался столб. Вокруг кучи толпились люди с выражением нетерпения и ожидания на

лицах, — люди всех возрастов и характеров, слившихся, однако, на этот раз в общем чувстве злобного торжества. Наступал час мести за религию: здесь, на этом костре, должен искупить свое преступление изверг, негодяй, богохульник!.. В толпе идет быстрый обмен вопросами. Люди солидные рассуждают о способности сатаны обращать ученость и таланты во зло: «О друзья, надо остерегаться науки, остерегаться всего!» Слушатели многозначительно кивают головой. Но вот в толпе водворяется тишина. Торжественно приближается процессия. Солдаты расчищают ей путь... «Смотрите, вот он, здесь, в середине! Как невозмутим он, как надменен и непреклонен!» «Как хорош!» — шепчут женщины... Его глаза обращены к народу, ясные и спокойные. Лицо кроткое, но слишком бледное. Ему поддают распятие, но он отворачивает голову: он отказывается поцеловать его... «Еретик!» Крик негодования вырвался из толпы. Бруно привязывают к столбу. Он остается спокоен. Не попросит ли он помилования? Настает последняя минута: ужели он останется непреклонен и умрет, когда немного лицемерия — и он спасен от стольких мук? Но он все тот же: тверд и неизменен. Костер разжигается; слышится треск ветвей; пламя поднимается кверху; жертва судорожно вздрагивает — и ничего более не видно. Клубы дыма охватили жертву, но ни одной мольбы, ни одной жалобы, ни малейшего крика не вырвалось из груди его. Еще несколько минут — и ветер развеял пепел Джордано Бруно...

КАЗНЬ МАРИИ СТЮАРТ

...У морали и у политики свои различные пути. Событие оценивается по-разному, смотря по тому, су-

дим мы о нем с точки зрения человечности или с точки зрения политических преимуществ. Морально казнь Марии Стюарт нельзя простить и оправдать: противно всякому международному праву держать в мирное время в заточении королеву соседней страны, а потом тайно свить петлю и вероломно сунуть ей в руки... И все же нельзя отрицать, что с точки зрения государственно-политической устранение Марии Стюарт было для Англии благодетельной мерой. Ибо критерием в политике — увы! — служит не право, а успех. В случае с Марией Стюарт последующий успех оправдывает убийство, так как оно принесло Англии и ее королеве не беспокойство, а спокойствие. Сесил и Уолсингем правильно расценили реальное положение вещей. Они знали, что другие государства побоятся возвысить голос против подлинно сильного правительства и станут трусливо смотреть сквозь пальцы на его насильнические действия и даже преступления. Они верно рассчитали, что мир не придет в волнение из-за этой казни; и в самом деле: фанфары мести во Франции и Шотландии внезапно умолкают. Генрих III отнюдь не рвет, как грозился, дипломатических отношений с Англией; еще меньше, чем когда надо было спасти живую Марию Стюарт, собирается он отправить за море хотя бы одного солдата. Он, правда, велит отслужить в Нотр-Дам пышную траурную мессу, и его поэты пишут несколько элегических строф в честь погибшей королевы. На этом вопрос о Марии Стюарт для Франции исчерпан и предан забвению. В шотландском парламенте слегка пошумели, Иаков VI облекся в траур; но проходит немного времени, и он уже снова выезжает на охоту на подаренных ему Елизаветой лошадях; по-прежнему он самый уживчивый сосед, какого когда-либо знавала Англия. И только тяжелодум Филипп Испанский спохватывается, наконец, и снаряжает свою Армаду. Но он одинок, а против него — счастье Елизаветы, неотъемлемое, как это

всегда бывает со славными властителями, от ее величия. Еще до того, как доходит до боя, Армаду вдребезги разбивает шторм, а вместе с ней терпит крушение и давно вынашиваемый план наступления контрреформации. Елизавета окончательно победила, да и Англия со смертью Марии Стюарт избавилась от величайшей угрозы. Времена обороны миновали, отныне ее флот будет бороздить океаны, направляясь к далеким землям и объединяя их в мировую империю. Множатся богатства Англии, последние годы царствования Елизаветы видят новый расцвет искусств. Никогда королевой так не восхищались, не любили ее и не преклонялись ей, как после этого позорнейшего ее деяния. Из гранита жестокости и несправедливости воздвигаются великие государственные сооружения, и неизменно фундаменты их скреплены кровью; в политике неправы только побежденные, неумолимой поступью шагает история через их трупы.

(Цвейг С. Мария Стюарт. — М., 1989, с. 322—394)

КАЗНЬ КАРЛА I, КОРОЛЯ АНГЛИИ

Когда полковник Уитчкот, губернатор Виндзора, объявил королю, что через несколько дней он будет переведен в Лондон, Карл ответил ему: «Бог вездесущ и везде равно благ и всемогущ». Это известие не поразило его сильным беспокойством. Он прожил 3 недели в самой удивительной беспечности, не получая никаких известий о решениях палат и убаюкивая себя кое-какими вестями, приходившими из Ирландии и обещавшими ему скорую помощь. Уже давно не был он так самоуверен и весел. Только одно обстоятельство смутило

его. Почти до последних дней пребывания в Виндзоре ему оказывали почет и служили по всем правилам придворного этикета: он обедал с большим обществом, в народной зале, с торжественными знаками почета. Вдруг было получено письмо из главной квартиры, и весь порядок изменился сразу. Подавать ему стали кушанья небрежно, уже почестей никто не воздавал и обычный этикет трона прекратился совершенно. Карл был глубоко огорчен этим.

В пятницу, 19 января, отряд конницы, под начальством Гаррисона, прибыл в Виндзор, чтобы увезти короля. На большом дворе замка его ожидала карета шестернею. Карл сел в нее и через несколько часов прибыл в Лондон. Со всех сторон его окружала стража; двое часовых стояли у дверей его комнаты; один Герберт был оставлен при короле и стал возле его постели. 20 января, около полудня, верховный суд, собравшись сначала на тайное заседание в расписной палате, готовился привести в порядок последние подробности возложенного на него поручения. Только что кончили молитву, как суду объявили, что тотчас явится король, которого принесут на закрытых носилках. Кромвель, бросился к окну, но сразу же воротился бледный, хотя и возбужденный.

— Вот он, вот он, господа! Наступил час великого дела. Решайте скорей! Прошу вас! Что вы станете ему отвечать, ибо он прежде всего спросит вас: чьим именем и какою властью уполномочены вы судить его?

— Именем нижней палаты и всего доброго английского народа, — сказал наконец Генри Мартин.

Никто не противоречил.

Суд торжественной процессией отправился в Вестминстер-Холл; впереди шел лорд-президент Брэдшоу; перед ним несли меч и жезл; шестнадцать офицеров, вооруженных секирами, шли перед судьями.

Президент сел в кресло, обитое алым бархатом. У ног его расположился секретарь. Рядом поставили стол, покрытый богатым турецким ковром, на котором были положены жезл и меч. Как только члены суда заняли свои места, все двери были растворены. Толпа хлынула в залу. Когда же восстановилась тишина, прочитали акт нижней палаты, которым учреждался верховный суд, и приступили к переключке; шестьдесят девять членов были налицо.

«Сержант, — сказал Брэдшоу, — введите арестанта».

Король вошел в сопровождении полковника Геккера и тридцати двух офицеров. У решетки было для него приготовлено кресло. Он дошел до него и сел, не снимая шляпы, потом встал и, осмотрев свою стражу и толпу зрителей, снова сел среди всеобщей тишины. Вдруг поднялся Брэдшоу:

— Карл Стюарт, король английский! — сказал он. — Нижняя палата английская, в качестве парламента, глубоко проникнутая чувством бедствий, которым подвергался народ, полагая, что вы были главным виновником их, решила преследовать преступление судом; с этим намерением она учредила этот верховный суд, перед которым вы ныне являетесь. Вы сейчас услышите обвинения, которые лежат на вас.

Генеральный консул Кок встал было, чтобы говорить.

— Молчите! — сказал король, дотронувшись тростью до его плеча.

Кок обратился с изумлением и гневом, а король сел спокойно в свое кресло.

Однако Кок стал читать обвинительный акт, который, возводя на короля вину за все бедствия, причиненные первоначально его тиранией, а потом войной, требовал, чтобы он был предан суду как тиран, как государственный преступник и убийца. Когда чтение кончилось, Брадшоу сказал королю: «Сэр, вы слышали акт, обвиняющий вас: суд ждет от вас ответа».

Король: — Я бы желал знать, какую властью призван я сюда. Недавно еще находился я на острове Уайт в переговорах с обеими палатами парламента, обеспеченный общим ко мне доверием. Мы почти решили все условия мира. Я бы желал знать, кто дал вам власть — я разумею законную власть, потому что на свете много незаконных властей, например власть воров и разбойников на больших дорогах, — я бы желал знать, говоря я, какую властью забрали меня оттуда и с каким намерением? Когда я узнаю эту законную власть, то буду отвечать.

Брадшоу: — Если бы вам угодно было обратить внимание на слова, сказанные судом при вашем появлении, вы бы знали, какая это власть: именем английского народа, избравшего вас в короли, эта власть требует, чтобы вы отвечали.

Король: — Нет, сэр, я отвергаю это.

Брадшоу: — Если вы и не признаете власти суда, он начнет против вас процесс.

Король: — Я говорю вам: никогда не была Англия избирательным королевством. Уже около тысячи лет она есть королевство наследственное. Скажите мне: какую властью призван я сюда? Вот подполковник Коббет. Спросите его, разве он не насильно взял меня с острова Уайт? Я готов поддерживать законные основания нижней палаты не меньше всякого другого. Где же лорды? Я не вижу здесь лордов, чтобы составился парламент. Потом нужен был бы также и король. Разве так приводят короля к парламенту?

Брадшоу: — Сэр, суд ожидает от вас определенного ответа. Если сказанное нами о полномочии нашем неудовлетворительно для вас, то оно удовлетворительно для нас. Мы знаем, что оно основывается на воле Бога и королевства.

Король: — Ни мое мнение, ни ваше не могут решить этого.

Брадшоу: — Суд слышал вас! С вами будет поступлено по его приказаниям. Уведите арестанта! Суд откладывается до понедельника.

Члены суда разошлись; с тем же конвоем короля увели. Когда на другой день суд открыл заседание, то по личной перекличке оказалось только шестьдесят два члена. Суд строжайшим образом предписал публике молчание под угрозой тюрьмы. Тем не менее король при своем появлении был встречен громкими кличами сочувствия. Снова начался прежний спор, упрямый с обеих сторон. «Сэр, — сказал, наконец, Брадшоу, — мы

не допустим ни вас, ни кого другого оспаривать судебную власть верховной комиссии».

Король: — Я отвергаю это, покажите мне пример!

Брадшоу встал и с гневом ответил: — Сэр, мы собрались здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы: отвечайте о том, что вас спрашивают, виноват или не виноват?

Король: — Вы еще не выслушали моих резонов!

Брадшоу: — Сэр, вы не можете представлять никаких резонов против высшего из всех судилищ.

Король: — Покажите пример, где не слушают резонов в судебном деле.

Брадшоу: — Сэр, вы забываете: это нижняя палата. Сержант, уведите арестанта.

В это время получались из-за границы представления и делались попытки, которые хотя и были недостаточно сильны и решительны, но тем не менее поддерживали негодование народа. Французский министр передал нижней палате письмо английской королевы Генриетты-Марии, просившей дозволения приехать к своему мужу, чтобы убедить его уступить их желаниям или утешить своими ласками. Принц Валлийский писал к Ферфаксу и к совету офицеров, стараясь пробудить в них хотя искру верноподданнического чувства. Шотландские комиссары протестовали против всего происходившего. Говорили о скором прибытии чрезвычайного посольства генеральных штатов, которые должны

были заступиться за короля. Даже Джон Кромвель, брат Оливера, находясь в Лондоне, преследовал генерал-лейтенанта упреками, похожими на угрозу.

Открыли и остановили печатание рукописи под заглавием «Королевские вздохи». Приписывали это сочинение самому королю, который желал поднять восстание в пользу своего освобождения. Со всех сторон, наконец, возникали новые причины к брожению умов.

Ввиду этого республиканцы решили как можно скорее выйти из создавшегося положения, сократить свои прения и предоставить королю явиться перед судом только для того, чтобы выслушать приговор. Из некоторого уважения к законным формам или ради того, чтобы дать новые доказательства вероломства Карла при переговорах, верховный суд употребил 24 и 25 января на взятие показаний от тридцати двух свидетелей. 25 января король был осужден как тиран, государственный преступник, убийца и враг отечества. В этот день налицо было только сорок шесть членов. Двадцать шестого числа присутствовало шестьдесят два члена, и редакция приговора была в тайном заседании обсуждена и принята. Суд отложил объявление приговора королю до следующего дня. 27 января после двухчасового совещания публичное заседание открылось поименной переключкой. Когда назвали Ферфакса, то женский голос из галереи отвечал: «Он слишком умен, чтобы быть здесь». Шестьдесят семь членов было налицо. Заседание началось.

Брадшоу начал говорить.

— Господа, — сказал он, — всем хорошо известно, что арестант, предстоящий перед вами, уже несколько раз

был приводим в суд, чтоб отвечать на обвинение в государственной измене и других преступлениях, обвинение, выставленное против него именем английского народа...

«Половина народа не участвовала в этом! — закричал тот же голос из галереи. — Где народ? Где согласие? Оливер Кромвель изменник!» Все собрание вздрогнуло. Все обратили взоры на галерею. «К черту этих крикунов! — закричал Акстель, начальствовавший над стражею. — Солдаты! Стреляйте в них!» Узнали леди Ферфакс. Все зашумели в зале. Солдаты, расставленные грозным строем, едва могли остановить беспорядок. Когда, наконец, порядок водворился, Брадшоу упомянул об упорном сопротивлении короля отвечать на обвинения, о всеобщей известности его преступления и объявил, что верховный суд, уже постановивший приговор, тем не менее еще до его произнесения согласен выслушать защиту арестанта, если только король не будет оспаривать его судебной власти.

— Я желаю, — сказал король, — чтобы лорды и члены нижней палаты выслушали меня. Я хочу говорить об одном предложении, которое гораздо важнее для мира королевства и для свободы моих подданных, нежели для моего собственного спасения.

Сильное волнение распространилось в зале. Друзья и враги короля старались угадать, с какою целью он требует этой конференции с палатами и что он может им предложить. Но как бы то ни было, члены суда сильно взволновались. Чтоб отразить опасность, Брадшоу уверял, что просьба короля не что иное, как уловка, чтобы еще раз избежать судебной власти комиссии. Завязался долгий и мелочный спор, но Карл все сильнее и на-

стойчивее просил, чтобы его выслушали. С каждым словом солдаты, окружавшие его, становились все шумнее и начали позволять даже грубые выходки по отношению к королю. Акстель громко смеялся и острил. Несколько раз король обращался к ним и старался то движениями, то словами заставить их быть внимательнее и выслушать его. Между тем новое и неожиданное волнение обнаружилось между членами суда. Один из них, полковник Доунс, настаивал, что нужно выслушать короля, но Кромвель горячо возражал ему. У Кромвеля образовалось сторонников больше, и полковнику Доунсу и некоторым другим скоро пришлось замолчать.

Через полчаса суд уже продолжил свое заседание, и Брайшоу объявил королю, что его предложение отвергнуто. Карл почувствовал, что его дело проиграно; он настаивал на своем решении, но слабо. Не отвечая на это, Брайшоу объявил королю, что ему сейчас прочтется приговор. Прежде чем читать, он произнес большую речь, в которой торжественно оправдывал решение парламента и припоминал все несправедливости короля. Когда Брайшоу кончил, король опять что-то хотел возразить, но Брайшоу не дал ему говорить, а велел секретарю читать приговор. Верховный суд приговорил короля к смертной казни.

После прочтения приговора Брайшоу сказал:

— Вот мнение, акт и единогласный приговор верховного суда, — и все члены встали в знак согласия.

— Сэр, — сказал король, — не угодно ли выслушать меня?

Брадшоу ответил: — Сэр, вы не можете говорить после объявления акта.

Король еще хотел что-то возразить, но Брадшоу велел увести его солдатам, которые чуть ли не силою увели его из-за решетки.

Уходя из зала суда, Карл увидел на столе раскрытый меч и, обратясь к Брадшоу, сказал: «Я этого меча не боюсь, ибо правосудие Бога выше его!»

Из зала суда короля отправили в замок Уайтхолл. Там он просил, чтобы к нему разрешили пропустить жену и детей, а также лондонского епископа Джаксона. И то и другое ему было дозволено. В этот самый день высший суд собрался и определил, что казнь должна быть исполнена во вторник, 30 января, между десятым и пятым часами дня.

Когда нужно было подписать роковой приговор, с трудом смогли собрать комиссаров; двое или трое самых ревностных стояли у дверей, останавливая тех из своих товарищей, которые проходили мимо них в залу нижней палаты, и требовали, чтобы они подписывались. Один Кромвель был весел, шумел и кричал и предавался самым грубым выходкам своей шутливости: подписавшись третьим под приговором, он вымазал чернилами лицо Генри Томсону, который ответил ему тем же. Было собрано пятьдесят девять подписей; некоторые подписи от волнения совершенно нельзя было разобрать. На полковника Геккера, полковника Ганска и подполковника Фейра было возложено исполнение приговора.

Чрезвычайные посланники генеральных штатов Альберт Иоахим и Адриан Фак-Пау, уже за пять дней до того прибывшие в Лондон, напрасно просили палату об аудиенции; ни официальная просьба их, ни визиты, сделанные Ферфаксу, Кромвелю и некоторым другим офицерам, не помогли. Вдруг их известили, около часу дня, что в два часа они будут приняты лордами, а в три — нижней палатой. Они поспешно оделись и сообщили возложенное на них поручение; лорды и нижняя палата обещали дать им ответ.

Возвращаясь в свою квартиру, они увидели перед Уайтхоллом приготовления к казни. Посланники французский и испанский были у них с визитом, но не хотели принять участие в их представлениях. Первый объявил им только, что уже давно предвидел этот удар и что сделал все, чтобы отвратить его; второй объявил, что не получал еще от своего двора никаких повелений касательно вмешательства, хотя и ожидал их с минуты на минуту.

Рано утром 30 января 1649 г., в одной из комнат Уайтхолла собрались: Кромвель, Геккер, Ганкс, Акстель и Фейр, чтобы заготовить и отправить документ этого страшного процесса, а именно — приказ палачу.

— Полковник, — сказал Кромвель Ганксу, — вам следует написать и подписать.

Ганкс упорно отказывался, несмотря на все уговоры. Тогда Кромвель хотя и рассердился, но сам взял и написал приказ, а подписаться отдал Геккеру, который подписал его без возражений.

...Почти в то же время, после четырехчасового глубокого сна, Карл вставал с постели.

— Нужно скорее вставать, — сказал он Герберту.

Он начал одеваться. В своем смущении Герберт причесывал его не так тщательно, как обыкновенно.

— Причешите меня так же тщательно, я вас прошу, — сказал ему король, — хотя голове моей и недолго оставаться на плечах. Я хочу нарядиться, как жених.

Одеваясь, он велел подать другую рубашку.

— Время теперь такое холодное, — прибавил он, — что я, пожалуй, задрожу: люди подумают — от страха; а я не хочу, чтобы про меня могли сделать такое предположение.

Еще не рассвело совсем, когда прибыл епископ и начал читать молитвы. Король был глубоко тронут и стал молиться еще усерднее. Около 10 часов кто-то постучался в дверь, Карл велел Герберту узнать.

— Это подполковник Геккер, — сказал Герберт.

— Впустите его.

— Ваше величество, — сказал, входя, Геккер, — пора.

Через несколько минут они поднялись на лестницу, и король пошел через большую галерею к себе в спальню; здесь его оставили наедине с епископом Джаксоном, который собирался причастить короля Святых Тайн.

Несколько индипендентских священников хотели добиться с ним свидания, но Карл их не принял. Ему приготовили обед, но он не хотел кушать. Герберт указал на то, что он ничего не кушал за весь день и может ослабеть.

— Ваша правда, — сказал король и выпил стакан вина, закусив пирогом.

Был первый час ночи. Геккер постучался.

— Идите, — сказал король полковнику, — я следую за вами.

Он пошел через пиршественную залу, где стояли солдаты в два ряда с каждой стороны; толпа мужчин и женщин протеснилась туда и стояла неподвижно за солдатами, молясь за короля. В конце зала накануне был пробит стене выход к эшафоту, обитому черным сукном; два человека в матросском платье, с масками на лицах стояли у топора.

Король вышел, гордо подняв голову и осматриваясь по сторонам; он искал глазами народ, чтобы обратиться к нему с прощальной речью, но куда только ни проникал взор, везде стояло войско. Тогда он обратился к епископу Джаксону и Томлисону с короткой речью, которой между прочим сказал, что единственной причиной народных бедствий было неуважение прав государя и что народу не нужно вмешиваться в государственное правление. После этого он спокойно подобрал волосы под шапочку и, прочитав краткую молитву, положил голову под секиру. Голова упала с одного удара.

— Вот голова государственного изменника, — сказал палач, показывая ее народу.

Глубокий и глухой стон пронесся вокруг Уайтхолла; многие бросились во дворец к подножию эшафота, чтобы омочить платки в крови короля, но вновь прибывшая конница медленно разгоняла толпу. Когда никого не осталось около эшафота, тело подняли и уложили в гроб. Гроб стоял 5 дней в Уайтхолле. Несметная толпа теснилась у дверей, но немногие получали позволение войти. 6 февраля по приказанию нижней палаты гроб был передан Гербертуи Мельдмею, которым было разрешено предать его земле в виндзорском дворце, в капелле Св. Георгия, где был уже похоронен Генрих VIII. Перенесение тела совершилось без пышности, но пристойно. На следующий день, 8 февраля, гроб прибыл в Виндзор. На погребении присутствовали: герцог Ричмонд, маркиз Гертфорд, графы Линдсей и Соутгэмптон и епископ Джаксон.

На гробе было вырезано только: «Король Карл 1649 г.».

Когда тело перенесли из дворца в капеллу, небо, бывшее до тех пор ясным и чистым, внезапно переменилось, пошел густой снег, и черный бархатный покров был засыпан совершенно. Слуги короля находили в этой неожиданной белизне покрыва символ невинности своего господина. Епископ Джаксон хотел хоронить по обрядам английской церкви, но губернатор замка воспротивился этому, и гроб опустили без всякой церковной церемонии. Когда гроб был опущен в склеп, все вышли из капеллы, и губернатор запер двери. Нижняя палата уплатила 500 фунтов на издержки похорон.

В самый день смерти короля, когда еще не успел выехать из Лондона ни один курьер, нижняя палата объявила изменниками всех тех, кто станет провозглашать наследником престола сына Карла I. 7 февраля палата приняла следующий акт: «Опытом доказано и вследствие того палатою объявляется, что королевское звание на этой земле бесполезно, тягостно и опасно для свободы и поэтому отныне оно уничтожается». Вырезали новую государственную печать, на которой с одной стороны была изображена карта Англии и Ирландии с гербами этих стран, а на обороте — заседание нижней палаты, с надписью, предложенной Генри Мартином: «Первый год свободы, восстановленной благословением Божиим в 1649 г.»

Властвовать теперь стала крайняя партия — индепенденты. Кромвель носил титул Протектора английской республики. Он управлял с помощью 10 военных начальников (по числу округов). Кромвель умер в 1658 г. После него наступила контрреволюция. Страна, измученная жестоким управлением Кромвеля, бурно приветствовала переворот, совершенный одним полководцем, в результате которого на престол был возведен сын казненного Карла король Карл II. После него на престол вступил его брат Яков II. Царствование его было трагично. Будучи недальновидным, он хотел восстановить католицизм, за что и был свергнут с престола и изгнан из пределов Англии. Так кончилась династия Стюартов...

(Сахаров Ив. Казнь королей. Живые исторические картины из времен мировых революций и переворотов. С. 39—54.)

КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI

...Между тем в Конвент продолжали прибывать петиции с жалобами на медленность процесса. Комиссары Конвента при армиях, Мерлен из Тионвилля, Гаусман и Ревбель, писали с границ: «Мы окружены ранеными и убитыми; во имя Людовика Капета тираны убивают наших братьев, а нам говорят, что Людовик все еще жив!» Наконец 14 января Конвент решил приступить к поименной подаче голосов. Но вопрос о порядке голосования вызвал бурные прения. Было предложено множество различных проектов, из которых некоторые явно имели целью затянуть дело, требуя отмены декрета 3 декабря, вторичной постановки вопроса о том, берет ли на себя Конвент роль судебной палаты, и т. п. Дебаты продолжались несколько часов среди общего шума; все попытки президента восстановить спокойствие были безуспешны. Вмешательство Кутона положило конец этой неурядице.

«Как прискорбно, — вскричал он, — видеть беспорядок, царящий в собрании! Вот уже целых три часа, как мы теряем время из-за короля. Какие мы республиканцы! Мы — жалкие рабы! Ведь все мы, без исключения, убеждены в виновности Людовика; следовательно, ничто не мешает нам прежде всего поставить вопрос о виновности Людовика, а затем внести приговор поименным голосованием!»

Крики одобрения покрыли голос Кутона. По предложению Буайе-Фонфреда Конвент немедленно решил произвести поименную подачу голосов по следующим трем вопросам: 1) Виновен ли Людовик? 2) Будет ли приговор Конвента предложен на утверждение народа? 3) Какому наказанию будет подвергнут Людовик?

15 января были поставлены на голосование первые два вопроса. По первому из 715 голосовавших депутатов 32 ответили утвердительно с различными оговорками, остальные 683 признали виновность Людовика безусловно. По второму вопросу 423 человека ответили отрицательно, 281 — утвердительно и 11 депутатов прибавили к своему мнению различные оговорки. Таким образом, жирондисты потерпели полную неудачу. Оставалось решить последний вопрос: о мере наказания. Вся Франция с трепетом и напряжением ждала следующего дня, 16 января.

Дантон, до сих пор отсутствовавший (он находился в качестве комиссара при бельгийской армии), теперь решил выступить. Заседание началось дебатами по поводу распоряжения исполнительного совета закрыть театры, ставившие контрреволюционные пьесы. «Признаюсь вам, граждане, — сказал Дантон, — я думал, что нас должны занимать другие предметы, кроме комедии!» «Речь идет о свободе!» — возразили несколько депутатов. «Да, речь идет о свободе! — повторил Дантон. — Речь идет о трагедии, которую вам предстоит разыграть перед всеми нациями. Речь идет о том, что под мечом закона пала голова тирана, а не о жалких комедиях! Предлагаю Конвенту безотлагательно высказаться об участи Людовика!»

Это предложение было принято единогласно. Затем Ланжюине предложил, чтобы вопрос о наказании решался не простым большинством голосов, как обыкновенно, а двумя третями. Дантон энергично выступил против этого предложения жирондистов.

«Спрашивается, почему в то время, как судьба целой нации была решена простым большинством голосов, в

то время как при отмене королевской власти никому даже в голову не приходило возбуждать этого вопроса, почему решение участи отдельного лица — заговорщика хотят обставить с особой торжественностью? Мы постановляем приговор как представители верховной власти. Спрашиваю вас, апеллируете ли вы к народу, когда кто-нибудь подпадет под уголовный закон, колеблетесь ли вы привести его в исполнение? Спрашиваю вас, не простым ли большинством голосов учредили вы республику, объявили войну? Спрашиваю, наконец, разве не безапелляционно проливается кровь в сражениях? Разве сообщники Людовика не понесли наказание без всякого обращения к народу, на основании лишь приговора экстраординарного трибунала? Неужели исключения заслуживает только тот, кто был душою всех этих заговоров?»

Конвент согласился с Дантоном и решил голосовать простым большинством. Заседание было объявлено непрерывным до вынесения приговора. Началась поименная подача голосов.

361 депутат высказались категорически за смертную казнь. В числе их была почти вся партия Горы, жирондисты Дюко, Фонфред, Карра, Иснар, Ребекки, Барбару и часть Болота, 26 видных представителей Жиронды также подали голос за казнь, но при этом, по примеру Меля, потребовали предварительного обсуждения вопроса об отсрочке ее выполнения. Однако они объявили свой вотум независимым от этого требования. Наконец, 334 депутат высказались за тюремное заключение, изгнание или работы на галерах.

Не лишена интереса мотивировка, которой некоторые депутаты сопровождали свое мнение. «Я неумолим по

отношению к угнетателям, — сказал Робеспьер, — так как чувствую сострадание к угнетенным; мне чужда гуманность, которая свирепствует над народами и прощает деспотам. То же самое чувство, которое в Учредительном собрании побуждало меня требовать, хотя и безуспешно, отмены смертной казни, заставляет меня теперь требовать ее применения к тирану моей родины и к самой королевской власти в его лице. Я не умею предсказывать или выдумывать будущих, пока неизвестных тиранов, чтобы избавиться от необходимости поразить того, который уже изобличен для меня, как и для всего почти собрания, и которого я обязан судить по поручению народа. Не могут побудить меня к пощаде и действительные или воображаемые факции, ибо я убежден, что для уничтожения факций надо не размножать их, а разрушить все разом подавляющей силой разума и национальных интересов. Я советую вам не беречь королевскую партию, в противовес тем, которые могут явиться впоследствии, а начать с ее низвержения, чтобы затем основать общее счастье на развалинах всех антинародных партий. Не ищу я также, как иные, предлогов для спасения бывшего короля в угрозах и усилиях европейских деспотов. Ибо я презираю их всех и вовсе не намерен склонять народных представителей к переговорам с ними. Я знаю, что единственный способ победить их состоит в том, чтобы поднять национальный характер на высоту республиканских принципов и действовать на королей и королевских прислужников так, как действуют на высокомерные и рабские душонки свободные и гордые души. Еще менее я склонен думать, что эти деспоты щедро сыплют золотом, чтобы привести на эшафот своего собрата, — как полагаю некоторые; если уж быть подозрительным, то я считал бы более вероятной противоположную гипотезу. Я не хочу жертвовать логикой, чтобы уклониться от исполнения своего долга; и особенно далек я от того, чтобы оскорб-

лять великодушный народ, беспрестанно повторяя, что мы несвободны в решении дела, что мы окружены врагами, ибо я отнюдь не желаю ни заранее протестовать против осуждения Людовика Капета, ни апеллировать к иностранным дворам. Мне было бы слишком неприятно, если бы моя аргументация походила на манифесты Вильгельма Питта. Словом, я не умею двигать бессмысленные слова и пустые измышления против твердо установленных принципов и очевидных требований долга. Я подаю голос за смертную казнь».

Для Марата и Сен-Жюста достаточно нескольких слов, чтобы мотивировать свой суровый приговор. «Глубоко убежденный, что Людовик является главным виновником преступлений, вызвавших кровопролитие 10 августа, и всех зверских избиений, осквернивших почву Франции с начала революции, я вотирую за казнь тирана в 24 часа», — сказал «Друг народа». «Ввиду того, что Людовик XVI был врагом народа, его свободы и счастья, я подаю голос за смертную казнь», — лаконично заявил Сен-Жюст.

Мнение Анахарсиса Клотца отражало космополитические взгляды этого философа: «Людовик виновен в оскорблении человечества. Какого наказания он заслуживает за свои преступления? От имени человеческого рода я отвечаю — смертной казни».

Хитрый и осторожный Филипп Эгалите, заботясь прежде всего об упрочении своего двусмысленного положения, также вотировал за смерть, хотя его родственные связи с Людовиком давали ему полное право воздержаться. «Всецело преданный своему долгу, убежденный в том, что всякий, кто посягал или посягнет впоследствии на самодержавие народа, заслужива-

ет смерти, я высказываюсь за смертную казнь». Эти слова вызвали в собрании глухой ропот.

Дантон, подавая свой голос, не удержался от иронического кивка в сторону жирондистов. «Я не принадлежу к числу тех государственных людей, которые не понимают, что с тиранами не вступают в сделку, не понимают, что европейских деспотов можно покорить только силой оружия. Я высказываюсь за смерть тирана».

Неукротимый Жансонне поднял перчатку, брошенную Дантоном. Он потребовал, чтобы Конвент после вынесения смертного приговора Людовику предал суду «убийц и разбойников 2—3 сентября» — в доказательство того, что он не допускает никаких привилегий.

Красноречивый Иснар не упустил случая блеснуть своим ораторским искусством. «Я уже объявил на этой трибуне в Законодательном собрании, — воскликнул он, — что, если бы в моих руках были громы и молнии, я поразил бы ими всякого, кто дерзнет посягнуть на самодержавие народа! Верный своим принципам, я подаю голос за казнь».

Бриссо, вотируя за смертную казнь с отсрочкой до утверждения народом конституции раскрывал смысл этой меры следующими словами: «Эта отсрочка ставит ваш приговор под охрану нации, она придает ему оттенок бескорыстия и великодушия, который желательно ему сообщить; наконец, она приобщает к вашему приговору всю нацию». Последняя фраза свидетельствовала о том, что жирондисты еще не отказались от намерения провести апелляцию к народу в той или иной форме. Действительно, они возлагали большие надежды на отсроч-

ку казни, предложенную Мелем и поддержанную его единомышленниками.

То обстоятельство, что из 712 голосовавших депутатов за смертную казнь безотлагательно высказались 361, подало повод к невольному или умышленному искажению фактов. В Париже разнесся слух, что смерть короля решена большинством в один голос, — слух, под влиянием которого больной, умирающий Дюшатель велел принести себя на носилках в Конвент, чтобы подать свой голос против казни. Но в действительности, как мы видели выше, приговор был вынесен большинством в 53 голоса, так как 26 жирондистов, поддерживавших предложение Меля, также безусловно голосовали за казнь.

В 8 часов вечера 17 января после 36-часового заседания президент Национального Конвента — по иронии судьбы это был Верньо — со скорбью объявил, что народные представители приговорили Людовика XVI к смертной казни.

Испанский двор сделал последнюю попытку спасти осужденного короля. Он снова обратился к Конвенту через посредство своего посла. Но собрание единогласно постановило перейти к очередному порядку, даже не прочтя ноты мадридского кабинета, чтобы устранить всякое подозрение в возможности иностранного влияния. После этого в залу Конвента были введены три защитника Людовика, Десез, Тронше и Мальзерб. Глубоко потрясенные, голосами, прерывающимися от волнения, они ходатайствовали о передаче приговора на утверждение народа и об отмене изданного накануне декрета, в силу которого он был вынесен простым большинством голосов. В подтверждение последнего требования Тронше ссылался на некоторые статьи закона.

Конвент отнесся к защитникам с полным вниманием и отдал должное мужеству этих людей, не покидавших до последней минуты своего опасного поста. Но об апелляции к народу, отвергнутой после столь долгой и упорной борьбы между двумя партиями, разумеется, не могло быть и речи. Что касается возражения Тронше, то депутат Мерлен, юрист из Дуе, заявил, что закон требует большинства двух третей только по вопросу о виновности, между тем как по вопросу о мере наказания достаточно простого большинства голосов.

Победа Горы, по-видимому, была полная. Но жирондисты все еще не считали своего дела окончательно проигранным. Возбудив предложение об отсрочке казни, они надеялись снова затянуть процесс и косвенным путем добиться апелляции к народу. Борьба длилась еще два дня. На заседаниях 18 и 19 января Бюзо, Бриссо, Кондорсе, Казенав, сменяя друг друга на трибуне, с жаром доказывали, что поспешность в выполнении приговора вооружит против Франции всю Европу и навлечет на голову французов неслыханные бедствия; что эта поспешность восстановит против них не только королей, но и нации, которые припишут ее жажде мести и давлению кучки интриганов; что она выгодна лишь одной «орлеанской факции», которая, подобно партии Кромвеля, хочет смерти одного тирана только для того, чтобы возвести на трон другого. Исходя из таких соображений, жирондисты требовали отсрочки казни, дни — до изгнания всех Бурбонов, другие — до утверждения народом конституции в первичных собраниях. Против этих требований с обычной своей энергией восстал Робеспьер:

«Приговор выносится не для того, чтобы остаться мертвой буквой; не для того осуждают тирана, врага нации,

чтобы произнести пустую формулу, бесплодную для общества и тяжелую для индивидуума. Цель всякого осуждения есть исполнение; этой цели должны служить и строгость закона, и верность судьи; ее же преследует и ваш декрет. Как нелепы, как тщетны те уловки, при помощи которых пытаются отдалить момент осуждения от момента выполнения приговора! Поддавшись на эту удочку, в собственными руками задушили бы свободу; вы оживили бы чувство малодушной жалости и разбудили бы столь же преступные, как и гибельные надежды.

Если интересы народа действительно требуют отсрочки казни, то почему вы так торопились с судом? Почему вы посвящали свои заседания исключительно прениям по делу Людовика? Или, может быть, нам станут приводить политические соображения? Но их нет, как по отношению к внешнему положению, так и по отношению к внутреннему. Внутри страны будет тем больше поводов к волнениям, чем дольше мы будем откладывать исполнение приговора. Что же касается внешней политики, тут надо безусловно отбросить всякие соображения, которыми хотят заставить нас отложить казнь: подобного рода мотивы так же нечисты, как и кабинетная политика. Неужели мы должны сохранить жизнь Людовика XVI для сделок с тиранией, чтобы в его лице иметь залог против неприятельского вторжения? Неужели таким путем думают добиться выгодного мира? Какой истинный француз не содрогнется при мысли, что этот план может быть осуществлен? Уже одно намерение пойти на компромисс с тиранией было бы для нас поражением; наша свобода была бы поколеблена или разрушена таким позорным проявлением рабства и малодушия. Если же Людовик не предназначен для этой роли, то какое отношение имеет его казнь к иностранным державам? Разве письмо испан-

ского посла не показывает, что его кабинет хотел бы вмешаться в наши дебаты? Разве не свидетельствует оно о том, какой огромный интерес принимают тираны в судьбе своих собратьев? Сохраните Людовика в качестве заложника — и это будет принято за уступку перед их угрозами, и вы подадите им самые преступные, но вполне правдоподобные надежды на ваше порабощение».

Речь Барера, как и в прениях по поводу апелляции к народу, скрепила аргументацию Робеспьера. Выслушав обоих ораторов, Конвент решил приступить к поименному голосованию. Из 690 голосовавших депутатов 310 высказались за отсрочку, 380 — против. В 3 часа ночи 20 января процесс Людовика XVI был закончен. Исполнительному совету было поручено сообщить Людовику декрет Национального Конвента и привести его в исполнение в 24 часа:

В два часа дня министр юстиции Гара, мэр Шамбон и прокурор Коммуны Шометт явились в Тампль для объявления приговора Людовику XVI. Последний выслушал его спокойно: он знал уже о своей участи от Мальзерба. По прочтении приговора Людовик передал Гара письмо Конвенту, в котором просил дать ему трехдневную отсрочку, ослабить надзор, разрешить свидание с семьей без свидетелей и призвать священника, по его выбору. Конвент решительно отказал в отсрочке, но удовлетворил остальные просьбы Людовика; по его желанию был немедленно разыскан и привезен в Тампль один из отвергавших гражданскую присягу священников, Эджеворт де Фермон.

Вечером Людовик простился с женой, сестрой и детьми; в этом долгом и трогательном свидании он обнаружил

всю глубину своих семейных привязанностей. После тяжелой сцены прощания осужденный король остался наедине со своим духовником. До двух часов ночи время прошло в молитве и размышлениях. Людовик, казалось, покорился неизбежному. В эти минуты самоуглубления он очищался душой и готовился встретить смерть с тем мужеством, которого не отрицает за ним ни один из историков. От двух до пяти часов Людовик спокойно проспал. Около пяти он был разбужен своим преданным камердинером Клери. Набожный до конца, Людовик пожелал выслушать обедню, исповедаться и причаститься. Затем он простился с верным Клери и передал ему серебряную печать с государственным гербом для своего сына, венчальное кольцо и связку волос жены и детей для Марии Антуанетты. «Скажите ей, — прибавил он, — что мне больно расставаться с нею; пусть она простит мне, что я не посылаю за ней, как обещал вчера: я хочу избавить ее от жестокой минуты разлуки».

В девять часов утра Сантерр с двумя комиссарами Коммуны явился за осужденным. Людовик подал одному из муниципален, бывшему священнику Жаку Ру, сложенную бумагу, прося передать ее в совет Коммуны; это было его завещание. «Это не мое дело, — сказал то, отступая, — я пришел сюда, чтобы отвезти вас на эшафот!» Этот варварский ответ был справедливо заклеямен всей современной прессой. Передачу завещания взял на себя другой муниципальный чиновник.

Внизу Людовика ждала та самая карета, в которой он ехал на допрос в Конвент. Он поместился туда с духовником и двумя жандармами. Карета медленно двинулась вперед среди длинных шпалер национальной гвардии, размещенной от Тампля до места казни. Людовик

читал молитвы на отход души. Глубокое молчание царило вокруг; все магазины были закрыты; город был запружен войсками. Накануне носились слухи, что роялисты готовятся освободить короля на пути к эшафоту, да циркулировал памфлет какого-то полоумного каноника, призывавшего парижских женщин «вырвать из плена своего монарха». «Один Бог знает, — простодушно прибавлял автор, — сколько расходов и трудов потратил это добрый государь, чтобы задержать и остановить развитие республиканского духа». Однако во время следования Людовика к эшафоту не было сделано никакой серьезной попытки освободить его, если не считать безуспешных усилий горсти роялистов собрать народ. Но народ оставался совершенно спокойным.

В десять с четвертью Людовик прибыл на площадь Революции, где должна была совершиться казнь. Эшафот был воздвигнут у самого подножия пьедестала, на котором некогда возвышалась статуя Людовика XV. Вокруг эшафота были расставлены войска, а кругом необозримое пространство было покрыто толпами народа. Людовик мужественно взошел на эшафот и сам снял с себя воротник и сюртук. По справедливому замечанию «Patriote Francais» он на эшафоте обнаружил гораздо больше твердости, чем на троне. Хладнокровие изменило ему лишь в ту минуту, когда палач хотел остричь ему волосы и связать руки. «Я не позволю этого!» — раздраженно воскликнул Людовик, покраснев от гнева. Но несколько слов Эджеворта было достаточно, чтобы успокоить его. Подойдя затем к краю эшафота, осужденный громким голосом произнес — по одной версии: «Я прощаю своим врагам», по другой: «Я умираю невинным; я прощаю своим врагам и желаю, чтобы моя кровь спаяла счастье французов и усмирила гнев Божий!»

В 10 часов 20 минут Людовика XVI не стало. Палач высоко поднял его голову и показал ее народу. Единодушный крик: «Да здравствует республика! Да здравствует нация!» — огласил огромную площадь. Момент казни предполагалось ознаменовать пушечным выстрелом; но этого не было сделано, ибо, по замечанию «Revolutions de Paris», «голова короля не должна при падении делать больше шума, чем голова всякого другого преступника». Это образное выражение характеризует эпоху.

Масса солдат и граждан из различных классов общества спешила обмочить платки или оружие в крови казненного. Это акт часто изображается как проявление невежества и суеверия. Чтобы показать истинные побуждения людей, совершивших его, мы приведем свидетельство очевидца:

«Один гражданин взошел на эшафот и, погрузив свою обнаженную руку в кровь Капета, которая накопилась целыми лужами, зачерпнул ее в горсть и оросил ею толпу людей, теснившихся внизу и старавшихся, чтобы капля крови брызнула им на лоб. «Братья, — говорил этот гражданин, — братья, нам угрожали, что кровь Людовика Капета падет на наши головы. Пусть же исполнится это пророчество; ведь Людовик Капет столько раз обгарял руки в нашей крови!.. Республиканцы, кровь короля приносит счастье!»

Другой гражданин, бывший свидетелем этой сцены, достойной Тацита, воскликнул: «Друзья мои, что мы делаем? Все это будет разглашено; нас расславят за границей как дикую и кровожадную чернь!» Он услышал ответ: «Да, мы жаждем крови деспота; пусть об этом расскажут хоть всему миру! Французский народ слишком долго терпел. Терпение — слабость нации, прида-

ющая смелость тиранам; мы не дошли бы до такого положения: если бы на этой самой площади вместо статуи мы воздвигали эшафот Людовику XV. Скольких преступлений не успели бы тогда совершить Бурбоны! Настал наконец день воздаяния; оно должно быть также грозно, как ужасны были злодеяния, оно должно глубоко запечатлеться в умах. Пусть соседние народы, устремляющие на нас свои взоры, видят, как нужно карать короля-клятвопреступника; пусть узнают они, что кровь тирана — наилучшая жертва, какую можно принести на алтарь божества свободных людей!» («Revolutions de Paris», № CLXXXV).

Останки Людовика были погребены на кладбище Магдалины. Это место было связано с печальными событиями, ознаменовавшими его бракосочетание 23 года тому назад, во время пышных празднеств, происходивших по этому случаю, более тысячи граждан благодаря небрежности администрации были раздавлены в толпе или растоптаны под копытами лошадей; они были похоронены на кладбище Магдалины. В глазах современников это несчастье было своего рода предзнаменованием. Зловещая тень, казалось, легла на союз Людовика с Марией Антуанеттой... Теперь предзнаменование сбылось. Костям казненного короля суждено было покоиться рядом с костями людей, погибших жертвами его бывшего величия.

Во время перевозки тела казненного народ по-прежнему хранил спокойствие. На приглашение властей не нарушать порядка из толпы послышался голос: «Пусть его везут куда угодно! Что нам до этого? Мы всегда были не прочь — от него, он постоянно норовил прочь от нас».

КАЗНЬ МАРИИ АНТУАНЕТТЫ

Громадная площадь Революции, теперешняя площадь Согласия, черна от народа. Десятки тысяч людей на ногах с самого раннего утра, чтобы не пропустить редчайшее зрелище, увидеть, как королеву — в соответствии с циничными и жестокими словами Эбера — «отбреет национальная бритва». Толпа любопытных ждет уже много часов. Болтают с хорошенькой соседкой, смеются, обмениваются новостями, покупают у разносчиков газеты и листки с карикатурами, перелистывают только что появившиеся брошюры: «Lts Adeiux de la Rein a ses mignonnes» («Последнее «прости» королевы своим любовникам и любовницам») или «Grandes fureurs de la ci-devant Reine» («Неистовая страстность бывшей королевы»). Загадывают, шепчутся, чья голова завтра или послезавтра упадет здесь в корзину, пьют лимонад, жуют бутерброды, грызут сухари, щелкают орехи. Представление стоит того, чтобы подождать его.

Над этой сутолокой волнующейся черной массы любопытствующих, среди тысяч и тысяч живых людей, недвижно возвышаются два безжизненных силуэта. Тонкий силуэт гильотины, этого деревянного мостика, перекинутого из земного мира в мир потусторонний; на ее перекладине в свете скупого октябрьского солнца блестит провозжатый — остро отточенное лезвие. Легко и свободно рассекает оно серое небо, забытая игрушка зловещего божества, и птицы, не подозревающие о мрачном назначении этого жестокого сооружения, беззаботно летают вокруг него.

Но сурово и гордо рядом с этими вратами смерти на постаменте, ранее служившем для памятника Людовику XV, возвышается гигантская статуя Свободы. Невозможно сидит она, неприступная богиня с фригийским колпаком на голове, грезящая, с мечом в руке; вот сидит она, каменная, в застывшей неподвижности, богиня Свободы, погруженная в глубокую задумчивость. Невидящими глазами смотрит она поверх толпы, вечно волнуемой у ее ног, смотрит за стоящую рядом с ней машину смерти, вглядываясь в далекое, невидимое. Ничто человеческое не тревожит ее, ни жизни, ни смерти не замечает она вокруг себя, непостижимая, вечно любимая каменная богиня с грезящими о чем-то глазами. Не слышит она криков тех, кто взывает к ней, не чувствует тяжести венков, которые кладут ей на каменные колени; кровь, пропитавшая землю у ее ног, безразличная ей. Чужая среди людей, сидит она немая и смотрит вдаль, поглощенная извечной мыслью о соей никому не ведомой цели. Ничего не спрашивает она и ничего не знает о том, что вершится с ее именем.

Внезапно в толпе возникает движение, на площади сразу же становится тихо. И в этой тишине слышны дикие крики, несущиеся с улицы Сент-Оноре; появляется отряд кавалерии, из-за угла крайнего дома выезжает трагическая телега со связанной женщиной, некогда бывшей владычицей Франции; сзади нее с веревкой в одной руке и шляпой в другой стоит Сансон, палач, исполненный гордости и смиренно-подобострастный одновременно. На громадной площади мертвая тишина, слышно лишь тяжелое цоканье копыт и скрип колес. Десятки тысяч, только что непринужденно болтавшие и смеявшиеся, потрясены чувством ужаса, охватившего их при виде бледной связанной женщины, не замечающей никого из них. Она знает: осталось одно последнее

испытание! Только пять минут смерти, а потом — бессмертие.

Телега останавливается у эшафота. Спокойно, без посторонней помощи, «с лицом еще более каменным, чем при выходе из тюрьмы», отклоняя любую помощь, поднимается королева по деревянным ступеням эшафота; поднимается так же легко и окрыленно в своих черных атласных туфлях на высоких каблуках по этим последним ступеням, как некогда — по мраморной лестнице Версаля. Еще один невидящий взгляд в небо, поверх отвратительной сутолоки, окружающей ее. Различает ли она там, в осеннем тумане, Тюильри, в котором жила и невыносимо страдала? Вспоминает ли эту последнюю минуту день, когда те же самые толпы на площадях, подобных этой, приветствовали ее как престолонаследницу? Неизвестно. Никому не дано знать последних мыслей умирающего. Все кончено. Палачи хватают ее сзади, быстрый бросок на доску, голову под лезвие, молния падающего со свистом ножа, глухой удар — и Сансон, схватив за волосы кровоточащую голову, высоко поднимает ее над площадью. И десятки тысяч людей, минуту назад затаивших в ужасе дыхание, сейчас в едином порыве, словно избавившись от страшных колдовских чар, раздражаются ликующим воплем. «Да здравствует Республика!» — гремит, словно из глотки, освобожденной от неистового душителя. Затем люди поспешно расходятся. Parbleu! (Черт возьми!) Действительно, уже четверть первого, пора обедать; скорее домой. Что торчать тут! Завтра, все эти недели и месяцы, почти каждый день на этой самой площади можно еще и еще раз увидеть подобное зрелище.

Полдень. Толпа расходится. В маленькой тачке палач увозит труп с окровавленной головой в ногах. Двое

жандармов остались охранять эшафот. Никого не заболит кровь, медленно капающая на землю. Площадь опустела.

Лишь богиня Свободы, силой какого-то волшебства превращения в белый камень, остается неподвижной на своем месте и смотрит, смотрит вдаль, поглощенная извечной мыслью о своей никому не ведомой цели. Ничего не видела она, ничего не слышала. Сурово смотрит она в бесконечную даль, поверх диких и безрассудных деяний людей. Ничего не знает она и ничего не хочет знать о том, что вершится ее именем.

(Цвейг С. Мария Антуанетта. — М., 1989)

РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

Ночь с 16 на 17 июля 1918 г. стала для последних Романовых роковой. В эту ночь бывший царь Николай II, его жена — бывшая императрица Александра Федоровна, их дети — четырнадцатилетний Алексей, дочери — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, и находящиеся при них врач Боткин, горничная Демидова, повар Харитонов и лакей Трупп были расстреляны в подвале Дома особого назначения в Екатеринбурге. Тогда же тела расстрелянных на автомобиле были отвезены за город и недалеко от деревни Коптяки сброшены в старую шахту.

Но опасение, что подходившие к Екатеринбургу белые обнаружат трупы и превратят их в «святые мощи», за-

ставило произвести перезахоронение. На другой день расстрелянные были извлечены из шахты, вновь погружены на автомобиль, который двинулся по глухой дороге в лес. В болотистом месте машина забуксовала, и тогда после попыток сжечь трупы захоронение решили произвести прямо на дороге. Могила была засыпана и разровнена.

Екатеринбург был взят белыми через неделю — 25 июля. Вскоре началось следствие. Вначале его вели Наметкин и Сергеев, затем они были отстранены по подозрению в «левизне» и следствие повел монархист Н. Соколов, назначенный лично Верховным правителем А. Колчаком. (18 ноября 1918 г. кадетско-эсеровская Директория, претендовавшая на «всероссийскую власть», была свергнута омским монархическим офицерством. «Верховным правителем» был объявлен адмирал А. Колчак). Он и установил факт расстрела. При каких же обстоятельствах произошел этот страшный расстрел в Екатеринбурге, кто решил применить к Романовым эту крайнюю меру?

Существуют две версии ответа на этот, пожалуй главный, вопрос. Одну выдвинул следователь Н. Соколов, вслед за которым она повторялась и повторяется во многих зарубежных изданиях. Суть ее сводится к следующему: Романовы были расстреляны по секретной директиве Москвы. Чтобы доказать это, Соколов проделал гигантскую работу. Ее юридический, следовательских характер был, однако, пронизан политической тенденциозностью. Соколов стремился скомпрометировать революцию, большевизм. Все, кто был так или иначе причастен к Дому особого назначения, представлялись им монстрами, криминальными типами, подвергавшими узников издевательствам и оскорблениям. Но есть и

другие свидетельства. Павел Медведев, состоявший в охране ипатьевского особняка, а позднее попавший в плен к белым под Пермью, заплатил жизнью за попытку восстановить правду. Неопознанный, он лежал в госпитале и, слыша, как медицинская сестра рассказывала солдатам об ужасах, творившихся в доме Ипатьева, не выдержал. «Это неправда, сестра, — сказал он. — Я был там, к ним относились хорошо». В соответствии с проскрипционным списком, составленным Соколовым, П. Медведев был доставлен к нему, допрошен «с пристрастием» и позднее умер в омской тюрьме.

Дневник Николая II, а также письма Романовых, Боткина и др. отнюдь не свидетельствуют о кошмаре их екатеринбургской жизни до расстрела. Боткин, например, в начале июля 1918 г. писал родным, что обстоятельства жизни заключенных «при настоящих условиях в общем благоприятны». Все это, конечно, не исключало возможных инцидентов... Однако главная, конечная цель Соколова состояла в том, чтобы доказать, что за спиной екатеринбургских убийц стояли иные, «ненациональные» силы, главным образом евреи. Антисемитизм вообще был идеологическим оружием наиболее правых кругов белого движения; с ним были связаны расчеты на раскол сил, поддерживающих большевиков и Советскую власть. Особенно на «жидо-масонской» версии революции и гибели Романовых настаивал колчаковский генерал М. Дитерихс, по поручению Колчака «курировавший» следствие Соколова и поспешивший ранее него опубликовать некоторые следственные материалы, что вызвало острую неприязнь между ними. Версии Соколова и Дитерихса впоследствии охотно муслировались черносотенными и фашиствующими элементами, которых даже в эмиграции считали «позором русского имени».

На чем же держалась версия Соколова о «руке Москвы» в расстреле Романовых? Соколов, в частности, утверждал, что обнаружил копию зашифрованной телеграммы председателя исполкома Уралоблсовета А. Белобородова в Москву, датированной 21 часом 17 июля. Расшифровать ее, правда, удалось только в сентябре 1920 г., уже в эмиграции.

В ней сообщалось о том, что семью Романова постигла «та же участь, что и главу». Это, по мнению Соколова, несомненно, доказывало, что в Москве заранее знали о том, что должно было произойти в доме Ипатьева. Но если даже признать, что в руках Соколова действительно оказалась подлинная телеграмма, а не фальшивка (а такие предположения высказывались некоторыми авторами), то и в этом случае, как нам кажется, из нее следует только одно: о расстреле семьи бывшего царя в Москве стало известно позже, чем о расстреле Николая II. Это вполне подтверждается подлинным сообщением исполкома Уралоблсовета, которое было отправлено в Москву в 12-м часу того же 17 июля и которое Соколов не знал.

Вот текст этого сообщения:

«Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16 июля (так в тексте. - Авт.) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По

этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета». Просим ваших санкций на редакцию этого документа. Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата».

Как уже говорилось, про эту телеграмму Соколов не знал (в своей книге, вышедшей в 1925 г., он о ней не упоминает), и потому, вероятно, столь сенсационной показалась ему телеграмма А. Белобородова, сообщавшая о том, что «семью постигла та же участь, что и ее главу» и (далее) что «официально она погибнет при попытке к бегству». «Соколовская» телеграмма шла (если шла) как бы вдогонку первой, сообщая со значительным опозданием и о расстреле семьи. Таким образом, она, по нашему мнению, не может служить несомненным аргументом в пользу версии Соколова.

Но первая телеграмма (выше полностью процитированная нами) содержала в себе две неправды.

Первая неправда — утверждение, что семья Н. Романова «эвакуирована в надежное место». Вторая — ут-

верждение, что в руках Уралоблсовета имеются документы, свидетельствующие о наличии большого белогвардейского заговора с целью похищения Романовых.

На наш взгляд, они как раз могут свидетельствовать в пользу второй распространенной версии — версии, согласно которой решение о расстреле Романовых было принято исполкомом Уралоблсовета.

Расстреляны были все Романовы, доктор Е. Боткин и трое слуг одновременно, но уральцы, как можно думать, только вечером 17 июля решились дополнительно сообщить в Москву о расстреле жены и детей Николая. Это, между прочим, подтверждается и фразой «соколовской» телеграммы о том, что «официально семья погибнет при попытке к бегству». Мы помним, что в утренней телеграмме Уралоблсовета В. И. Ленину и Я. М. Свердлову сообщалось, что «семья отправлена в надежное место». Теперь, говоря всю правду, уральцы вынуждены были предложить и правдоподобную версию расстрела жены Николая и его детей: при отправлении в «надежное место» они могли предпринять попытку к бегству и погибнуть.

Поначалу, как следует из имеющихся материалов, уральцы опасались отрицательной реакции Москвы. Воспоминания лиц, так или иначе причастных к решению о расстреле и к самому расстрелу, прямо говорят об этом. Например, редактор «Уральского рабочего» В. Воробьев писал, что ему и его товарищам «было очень не по себе», когда они по аппарату сообщали в Москву о расстреле, т. к. «бывший царь был расстрелян постановлением Президиума облсовета, и было неизвестно, как на это «самоуправство» будет реагировать центральная власть, Я. М. Свердлов, сам Ильич...».

Документов о «большом белогвардейском заговоре» в руках уральцев не было, так как не было сколько-нибудь значительных монархических организаций, готовивших такой заговор.

Русские монархисты, к стыду своему, впоследствии должны были признать, что они свой долг перед монархом не выполнили. Но тогда призраки заговоров, по-видимому, терзали уральских чекистов. Как следует из имеющихся неопубликованных воспоминаний некоторых из них, они переправили в Дом особого назначения несколько написанных по-французски писем, оповещавших бывшего царя о готовящемся освобождении «верными друзьями», офицерами. Письма дошли до адресата, о чем, между прочим, есть запись в дневнике Николая II. Он, по всей вероятности, нашел способ ответить своим мнимым «освободителям», и его письмо с описанием дома попало в руки охраны. Для чего потребовалась такая «операция»? Только для зондажа настроений арестованных и их готовности бежать? Совершенно очевидно: и для обоснования возможных репрессивных мер против обитателей Ипатьевского дома, а также последующего оправдания в случае принятия этих мер. Цитированная нами телеграмма Президиума Уралоблсовета, как представляется, подтверждает эти предположения.

Есть еще одно свидетельство, которое, кажется, работает на версию Н. Соколова. В 1920 г. комендант Дома особого назначения и начальник команды, расстрелявшей Романовых, Я. Юровский написал довольно пространную записку о том, что произошло в доме Ипатьева в ночь на 17 июля. Она начинается фразой: «16 июля была получена телеграмма из Перми... об истреблении Романовых» (На основании этой записки М. Н. Покров-

ский сделал свой набросок событий доме Ипатьева. В нем говорится не о телеграмме, а о телефонограмме, полученной из Перми). Почему из Перми? Не было прямой связи с Екатеринбургом? А может быть, он чем-то руководствовался спустя четыре года после расстрела? Была уже совершенно иная обстановка, иные политические намерения. Может быть, он уже не хотел возлагать ответственность за содеянное только на уральцев, только на себя? Впоследствии в своих неизданных воспоминаниях о расстреле Романовых Юровский никогда не упоминал «пермской телеграммы». Так или иначе, одна «записка Юровского», не подкрепленная более достоверными документами, вряд ли может рассматриваться как прямое свидетельство того, что судьба Романовых была окончательно решена не в Екатеринбурге. Между прочим, в воспоминаниях других участников расстрела, например помощника Юровского Г. Никулина, прямо утверждается, что постановление о расстреле было принято Уралоблсоветом самостоятельно, на «свой страх и риск».

Возникает вполне законный вопрос: могли ли уральцы решить судьбу Романовых самостоятельно, взяв всю ответственность за столь важную политическую акцию на себя? Чтобы попытаться ответить на этот трудный вопрос, надо принять во внимание ряд факторов. Прежде всего довольно сильный сепаратизм ряда местных Советов по отношению к Центральной власти. Существовавший с 1918 г. Уралоблсовет занимал в этом отношении, пожалуй, одно из первых мест. В Москву не раз поступали жалобы на «сепаратистско-централистские действия» Екатеринбурга, совершенно не согласованные с Москвой (там начали было печатать даже собственные деньги). Совнаркому и ВЦИКу еще только предстояло создать единую систему Советов, подконтрольную центру. Другим обстоятельством, бесспорно спо-

собным повлиять на решение Уралоблсовета относительно судьбы Романовых, было наличие нем сильного левозсеровского и анархистского влияния, толкавшего и уральских большевиков на некоторые поступки левацкого характера. Член Уральского областного комитета партии И. Акулов еще зимой 1918 г. писал в Москву Е. Стасовой, что левые эсеры просто «озадачивают» большевиков «своим неожиданным радикализмом». Большевики, конечно, не могли и не хотели давать свои политическим конкурентам возможность упрекать их в «сползании вправо», в либерализме, в утрате революционности. А такого рода обвинения раздавались не раз. Особенно усердствовали лидер анархистов в Екатеринбурге — Петр Жебенев и его шумное окружение.

Впрочем (и это третий фактор, который необходимо учитывать), многие большевики — члены Уралоблсовета и сами исповедовали ультралевые взгляды (например, в вопросе о Брестском мире). Уральский чекист И. Радзинский в своих воспоминаниях писал: «Засилье в головке было левое, лево-коммунистическое... Александр Белобородов, Николай Толмачев, Евгений Преображенский — все это были леваки». Сегодня нам не просто понять психологию этих людей. В большинстве своем это были еще молодые люди, уже прошедшие через царские тюрьмы и ссылки. Всю вою жизнь они посвятили борьбе с царизмом. Николай II и все Романовы были для них «коронованными палачами», врагами трудового народа. В их казни они видели только проявление исторической справедливости. А в обстановке, когда страна все более и более погружалась в пучину гражданской войны, когда в их представлении судьба революции висела на волоске, когда, как они считали, решался вопрос, быть или не быть власти Советов, смерть бывшего царя и его детей не могла казаться им чем-то невыносимо ужасным. Пожалуй, напротив, вы-

нося смертный приговор Романовым, они, не колеблясь, считали, что выполняют тяжелый, но высший революционный долг. Сомнений у них не было...

Председатель исполкома Уралоблсовета Александр Белобородов был человеком, не знавшим пощады в борьбе с тем, что он считал контрреволюцией. Позднее, весной 1919 г., находясь на Дону, где вспыхнуло тогда Вешенское восстание, он требовал: «Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу...» Немногим отличались от Белобородова Е. Преображенский, Ф. Голощекин и другие. Узнав о покушении на В. И. Ленина в конце августа 1918г., они телеграфировали в Москву: «Массовый террор против политических виновников и вдохновителей покушения в тылу, беспощадный натиск и кровавая расправа над подлыми белогвардейскими бандами на фронтах...» Таковы мысли и язык эпохи... Суровое время гражданской войны выдвигало людей с крепкими нервами, готовых на самые суровые меры в борьбе за то, что они считали правым делом.

И все-таки можно, пожалуй, считать: если бы не угроза Екатеринбург у со стороны подходивших к нему белочешских частей и частей армии Временного сибирского правительства, Романовы могли бы избежать страшной участи, постигшей их в ночь с 16 на 17 июля. Главком Восточного фронта Вацетис и находившиеся на этом фронте Кобозев, Мехоношин и Данишевский в середине июля сообщали Ленину, Свердлову и Троцкому: «Реввоенсовет считает своим долгом поставить в известность, что под Симбирском и Екатеринбургом положение критическое. Наши войска бегут, не сражаясь». тяжелая обстановка сложилась не только под Екате-

ринбургом и вообще на Урале. Белочехи и части «народной армии» Комуча подходили уже к Казани. Ее падение фактически открывало им путь на Москву. Ощущение возможного падения Советской власти росло. «Как раз в июле 1918 г. — говорил В. И. Ленин, — тучи, казалось бы, самые грозные, и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики». Такая обстановка могла только крайне обострить ожесточение...

Имеются свидетельства о том, что исполком Уралоблсовета и местная партийная организация ввиду сложившегося положения не раз обсуждали вопрос о Романовых с Москвой. Так, например, известно, что в конце июня — начале июля в Москве находился военный комиссар Урала Ф. Голощекин, но мы все-таки точно не знаем, какие переговоры он там вел. Есть, правда, свидетельства в воспоминаниях уральского чекиста М. Медведева (Кудрина), в соответствии с которыми Голощекин не получил в Москве официальной санкции на расстрел Романовых. Но есть и противоречивые свидетельства. Например, Л. Троцкий у поминавшихся дневниках 1935 г. записал, что, когда в августе он приехал в Москву с Восточного фронта, Свердлов сообщил ему о расстреле Романовых и на вопрос: «Кто решал?» — ответил: «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в наших трудных условиях». Конечно, это серьезное свидетельство, однако ценность его, на наш взгляд, несколько снижается другой записью, сделанной Л. Троцким несколько позднее. В тридцатых годах в Париже вышла книга бывшего советского дипломата Беседовского (перебежавшего на Запад) «На путях термидора». Касаясь расстрела Романовых, он, по вполне понятным для него причинам, утверждал, что к этому делу были причастны Свердлов и... Сталин. О характере своих литератур-

ных трудов сам Беседовский отзывался пренебрежительно, говорил, что просто «издевается над читателем». Несмотря на легковесность «откровений» Беседовского, Троцкий обратил внимание на его версию и сделал такую запись: «По словам Беседовского, царевубийство было делом рук Сталина...» Это, конечно, может породить некоторое сомнение в точности дневниковых воспоминаний Троцкого, относящихся к казни Романовых: в них все же чувствуется некий налет политической тенденциозности.

Можно, по-видимому, считать, что вопрос о Романовых действительно обсуждался в Москве (скорее всего и в приезд Голощекина), но в таком случае наиболее вероятной позицией «центра» могло бы быть предоставление всей ответственности за решение этого вопроса самим уральцам. Ведь в апреле они решительно настояли на переводе Романовых в Екатеринбург: они лучше знали обстановку, они и должны были решать. Надо, вероятно, согласиться с одним из крупнейших эмигрантских историков, С. П. Мельгуновым, который в фундаментальной книге «Судьба императора Николая II после отречения» (вышла в 1951 г. в Париже) писал: «Все другие толкования пока приходится признать еще малообоснованными с фактической стороны». С еще большей уверенностью Мельгунов относит это к убийству брата бывшего царя — Михаила, в июне 1918 г. похищенного в Перми группой анархически настроенных мотовилихинских рабочих во главе с Г. Мясниковым.

Опасаясь, что Романовы окажутся в руках антисоветских и антибольшевистских войск, подходивших в Екатеринбург, и станут политическим фактором, консолидирующим контрреволюционный лагерь, Уралоблсовет принял самое крайнее решение. Есть свидетельства

(например, И. Радзинского), что доктору Боткину и слугам предлагали уйти из дома Ипатьева, но они якобы отказались. Накануне расстрела увели лишь поваренка Седнева.

Могли ли действительно Романовы стать знаменем контрреволюционного лагеря? Трудно однозначно ответить на этот вопрос. Белое движение исповедовало принцип «непредрешения» будущего государственного строя. Но это скорее был тактический лозунг, рассчитанный на консолидацию различных антибольшевистских сил в ходе борьбы с Советской властью. В случае же победы над ней правые, монархические элементы контрреволюции скорее всего взяли бы верх, и тогда отрекшийся царь мог сыграть определенную роль в восстановлении принципа легитимной монархии. Но это яснее сегодня, чем тогда.

Другой вопрос: могли ли Романовы быть вывезенными из Екатеринбурга (он был сдан 25 июля)? Возможно, что и могли. Имеются данные, что эвакуация Екатеринбурга в целом прошла организованно: из города в полном порядке ушло около 900 вагонов с различными грузами. Но драматизм перевозки Романовых из Тобольска в Екатеринбург (миссия Яковлева) в несравненно более спокойных условиях (апрель 1918 г.), по-видимому, был хорошо памятен. Мысль о том, что Николай может оказаться в руках противника, конечно, страшила уральцев.

До сих пор точно неизвестно, кто персонально составил команду, расстрелявшую бывшего царя и его семью. Я. Юровский, указав, что в команде было двенадцать человек, из которых двое затем «отказались», не оставил в своей записке ни одной фамилии; даже себя он име-

нует в ней словом «комендант». В других воспоминаниях участников событий упоминается шесть-семь фамилий: кроме Юровского и Никулина — Михаил Медведев, Павел Медведев, Петр Ермаков, Иван Кабанов и другие. Некоторые зарубежные авторы склонны подчеркивать преимущественно «нерусский элемент» в «расстрельной команде»: называются немецкие, еврейские и мадьярские фамилии. Следователь Н. Соколов ответственным («интеллектуально» и «физически») за смерть царя считал 164 человека (от председателя ВЦИКа до исполкомовских шоферов), проскрипционный список которых был передан в белые войска для сведения: задержанные по этому списку должны были быть живыми доставлены в распоряжение следователя... (Несколько слов о судьбе Н. Соколова. После разгрома колчаковщины он эмигрировал (через Харбин) на Запад, продолжал там расследование, опрашивал разных лиц. Однако черносотенный характер его работы отталкивал широкие круги эмиграции. Соколов по приглашению Г. Форда, который в начале 20-х гг. в вел активную антисемитскую кампанию, приехал в США, но не преуспел и там. Мало кто хотел субсидировать издание его книги. Соколов умер во Франции в бедности и одиночестве).

18 июля Президиум ВЦИК (Присутствовали: Свердлов, Аванесов, Сосновский, Теодорович, Владимирский, Максимов, Смидович, Розенгольц, Митрофанов, Розин) на своем заседании признал постановление Уралоблсовета о расстреле Николая Романова правильным. Официального сообщения о расстреле его семьи не последовало. Позднее в печати появились сообщения о том, что жена и дети Николая были якобы убиты бандитами на станции Горноблагодатской при приближении к ней белых. Но это был чистый вымысел. Расстреляны были все, и, как писал один из современников, это было сде-

лано «с чисто пролетарской решительностью. Ответственность за этот акт революционной целесообразности несет революционный русский пролетариат и крестьянство в лице Президиума ВЦИК, признавшего на заседании 18 июля 1918 г. постановление Уралоблсовета правильным».

Некоторые антибольшевистские газеты высказывали надежду, что расстрел царя «всколыхнет народную совесть, пробудит ее от оцепенения, от гипноза». Но ничего подобного не произошло. Известие о расстреле бывшего царя, по свидетельствам многих современников (иностранцев и русских), прошло почти незамеченным. Россия все глубже погружалась в кромешную пучину гражданской войны, человеческие жертвы становились привычными...

Существует поговорка: судьба никогда не дает мат королю, не сказавши ему прежде шах. Судьба не раз объявляла Николаю II шах, предупреждая грозу народной революции.

Тринадцатилетним мальчиком стоял он возле умирающего деда — императора Александра II, которому бомба народовольца Гриневецкого раздробила ноги. Не с этого ли времени в душе его одновременно поселился ужас, страх перед революцией и ненависть к ней? У него не доставало силы характера отца — Александра III, — чтобы бесповоротно встать на путь жестокой реакции. Да и разгромить «Народную волю» было несравненно проще, чем сокрушить массовое революционное движение. Но у него не хватило решимости и желания пойти по пути реформ, по пути перемен. Пытаясь отстоять «самодержавный принцип», он маневрировал: то шел на небольшие уступки, то отказывался от них.

Удивительным образом натура последнего царя соответствовала сущности режима, все более становившегося анахронизмом: избегать изменений, сохранять статус-кво. В результате режим загнивал, отравляя миазмами гниения страну. В марте 1920 г. В. И. Ленин, вспоминая политику меньшевиков и эсеров в 1917 г. и обращаясь к ним, говорил: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?» (Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 179). Это же в полной мере можно отнести и к правительству, к политике Николая II. Отвергая и тормозя социальные реформы, он вызвал социальную революцию, которая не могла бы не нести в себе всего того, что накопилось в российской жизни за многие десятилетия ее попраiania и унижения. Прислушаемся еще раз к Н. Бердяеву. «Эта революция, — писал он, — произошла со мной, хотя я относился к ней очень критически и негодовал против злых ее проявлений. Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников...»

Народ, сделавший революцию, не был святым. Как писал Н. Заболоцкий,

«Но перед сомкнутым народом
Иная движется река:
Один сапог несет на блюде,
Другой поет хвалу Иуде,
А третий, грозен и румян,
В кастрюлю бьет, как в барабан...»

В критическую минуту февральского переворота генералы изменили присяге и принудили царя к отречению.

Потом Временное правительство по расчетам «реальной политики» попрало «принципы гуманизма», оставив отрекшегося царя в революционной России, свергнувшей царизм. И, наконец, классовые интересы, как они понимались в разгоравшейся гражданской войне, взяли верх над нравственными соображениями. Итогом всего этого и стал кошмар в ипатьевском особняке жаркой июльской ночью 1918 г.

(Г. Иоффе. Дом особого назначения. — Родина. 1989. № 5)

ВОСПОМИНАНИЯ КОМЕНДАНТА ДОМА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ В г. ЕКАТЕРИНБУРГЕ ЮРОВСКОГО ЯКОВА МИХАЙЛОВИЧА, ЧЛЕНА ПАРТИИ С 1905 Г., О РАССТРЕЛЕ НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ

«16.7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-ых (Романовых) [Слева на полях надпись рукой: «Николая сначала (в мае) предполагалось судить — этому помешало наступление белых».]

16-го в шесть часов вечера Филип Г-н (Голощекин) (И. Голощекин, член Президиума исполкома Уральского совета, областной военный комиссар) предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов должна была приехать машина для отвоза трупов.

В шесть часов увезли мальчика (поваренка Л. Седнева)..., что очень обеспокоило Р-ых и их людей. Приходил д-р Боткин спросить, чем это вызвано? Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом сбежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на след<ующий> день был от-

правлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в 1/2 второго. Тем временем были сделаны все приготовления, отобрано 12 человек (в т. ч. семь [исправлено на «шесть» чернилами] латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц.

Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р-ых из верхнего этажа в нижний». Одевались 1/2 часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтоб избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р-вы ни о чем не догадывались. Ком. (Комендант — комендантом именуется Я. Юровский) отправился за ними лично один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник<олай> нес на руках А-я (Алексея), остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, А<лександр> Ф<едоровна> спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком. велел внести два стула. Ник. посадил на один А-я, на другой села А. Ф. Остальным ком. велел встать в ряд. Когда стали — позвали команду. Когда вошла команда, ком. сказал Р-ым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил расстрелять их. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом как бы опомнившись, обернулся к ком. с вопросом: «Что? Что?» Ком. наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтоб избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье,

другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник. был убит самим ком-ом наповал. Затем сразу же умерли А. Ф. и люди Р-ых (всего было расстреляно 12 человек): Н-й, А. Ф., 4 дочери — Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров (повар Харитонов), еще повар (ошибка — на самом деле поваренка Седнева, как он сам писал, пощадили: отсюда у него получилось 12 человек) и фрейлина, фамилию которой ком. забыл. (имеется в виду Демидова, комнатная девушка царицы).

А-й, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком-та, т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну и девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить кофасж. Благодаря этому вся процедура, считая проверку (щупанье пульса и т. д.), заняла минут двадцать. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выслан<ный> сукном, чтоб не протекла кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. д.). Кому-то было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и перевозка лежала на обязанности тов. Ермакова (рабочий Верхне-Исетского завода, партийный товарищ, б<ывший> каторжанин). Он должен был приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю «трубочист». Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнения в аккуратности Ермакова, и ком. решил проверить сам свою операцию до конца. Около

трех часов выехали на место, к-е <которое> должен был приготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после известного места на лошадях (т. к. автомобиль дальше проехать не мог, местом выбранным была брошенная шахта). Проехав Верхне-Исетский завод в верстах 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т. д.), к-ых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что ж вы нам их неживыми привезли?!» Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут и обнаружилось, что на Татьяне, Ольге, Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Ком. послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т. д. Так как машина застряла между двух деревьев, то ее бросили и двинулись на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбургa на шестнадцать с половиной верст и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. Это было в 6—7 утра. В лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной три с 1/2 аршина. В шахте было на аршин воды. Ком. распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтоб все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтоб отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидали корсет, местами разорванный пулями, — в отверстия видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Ком. решил сейчас же распустить

всю артель, оставив на охране нескольких человек часовых и 5 человек команды.

Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На А. Ф. оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно [вставка на полях: «На шее у каждой из девиц оказался портрет Распутина с текстом его молитвы, зашитые в ладанки»]. Бриллианты тут же переписывались, их набралось около полупуда. Это было похоронено на Алапаевском заводе в одном из домиков в подполье. В 19-м г. откопано и привезено в Москву. Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части — этим ком. объясняет нахождение на этом месте белыми (к-рые потом его открыли) оторванного пальца и т. д. Но Р-ых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, ком. часов в 10—1 утра (17 уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова (товарищ Председателя Совета) и Белобородова. Ком. рассказал, что найдено, и выразил сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у Р-ых обыск. От Чуцкаева (пред. горисполкома) ком. узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются очень глубокие шахты, подходящие для погребения Р-ых. Ком. отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины. Добрался до шахт уже пешком, нашел действительно три шахты, очень глубокие, заполненные водою, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетеля-

ми, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, придет автомобиль с чекистами, который под предлогом обыска арестует всю публику. Обратном. пришлось добираться на случайно захваченной по дороге паре.

Задержавшие случайности продолжались и дальше. Отправившись с одним из чекистов на место верхом, чтобы организовать все дело, ком. упал с лошади и сильно расшибся (а после также упал и чекист). На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь и похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой.

Вернувшись наконец в город уже к 8 часам утра (17), начали добывать все необходимое — керосин, серную кислоту. Телеги с лошадей без кучеров были взяты из тюрьмы. Рассчитывали выехать в 11 вечера, но инцидент с чекистом задержал, и к шахте с веревками, чтобы вытаскивать трупы и т. д., отправились только в двенадцать с половиной ночью с 17-го на 18-е. Чтобы изолировать шахты (первую старательскую) на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чеки, лес будут обыскивать, чтоб никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвется в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело (это был уже третий день, 18-го). Возникла мысль: часть трупов похоронить тут же у шахты. Стали копать яму, почти выкопали, но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин и выяснилось, что он мог видеть яму.

Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными,

разваливались, ком. отправился в город за машинами — грузовик и две легковых, одна для чекистов... Смогли отправиться в путь только в 9 вечера, пересекли линию ж. д. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымачивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая до шахт, хоронить или жечь. Последнее обещал на себя взять один товарищ, фамилию ком. забыл, но он уехал, не исполнив обещания. Хотели сжечь А-я и А. Ф., но по ошибке вместо последней с А-ем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина в два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой — как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубокой). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли».

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В АНГЛИИ

«Основное наказание» английской карательной системы все еще стоит первым в списке уголовных репрессий. Применение смертной казни резко сократилось с принятием в 1957 г. Закона об убийстве (Закон сократил список преступлений, подлежащих наказанию смертной казнью: а) убийство, сопровождающее кражу;

б) убийство посредством применения огнестрельного оружия либо путем причинения взрыва; в) убийство, совершенное с целью избежать ареста либо при попытке бегства из мест заключения; г) убийство полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей; д) убийство тюремного служащего заключенным; е) повторное убийство. Закон ограничил число лиц, караемых смертной казнью, только прямым исполнителем преступления. Ранее также карались и некоторые категории соучастников умышленного убийства и прекратилось 7 лет спустя. В последний раз смертный приговор был приведен в исполнение 13 августа 1964 г. в ливерпульской тюрьме Уолтон Джейл. 8 ноября 1965 г. после многочисленных и долгих дебатов, длившихся не одно десятилетие, лейбористскому большинству в палате общин удалось провести закон «Об отмене смертной казни за умышленное убийство», проект которого был представлен в парламент еще в 1948 г.

Уголовная статистика показывает приблизительно один и тот же средний уровень умышленных убийств, совершаемых ежегодно. В течение последних 100 с лишним лет — 1,17—1,29 в год на каждые 100 000 человек взрослого населения Англии и Уэльса, что значительно меньше среднего уровня таких преступлений в большинстве других капиталистических государств. (Так, в США ежегодно совершается убийств в 25 раз больше, чем в Англии и Уэльсе. Например, в Филадельфии (население 2 млн. человек) в течение года регистрируется столько же убийств, сколько во всей Великобритании).

Исторические особенности развития страны, ограниченные возможности обладания огнестрельным оружием и другие обстоятельства определяют сравнительно небольшое число преступлений подобного рода. <... >

Характерен пример Соединенных Штатов, где с конца прошлого десятилетия развернулась общенациональная кампания за отмену смертной казни. Ряд штатов, в том числе Нью-Йорк и Калифорния, приняли законы, упразднявшие это наказание. В 1972 г. Верховный суд страны объявил смертную казнь (как считают американские авторы, в результате давления общественного мнения) неконституционной и постановил, что узаконенное лишение жизни является необыкновенно жестоким наказанием, не совместимым с «естественными правами» личности. Но спустя всего 2 года конгресс восстановил в США смертную казнь, мотивируя свое решение необходимостью сдерживать преступность в существующих рамках («в соответствии с общественным мнением»). Новый Закон 1974г., подписанный президентом Никсоном, предусматривает возможность вынесения смертного приговора за преднамеренное или политическое убийство, угон самолетов, похищение людей, если это привело к смертному исходу, за измену и шпионаж. <... >

Закон «Об отмене смертной казни» принимался как временный, сроком на 5 лет. Согласно Закону, лица, осужденные за тяжкое убийство, приговаривались к пожизненному тюремному заключению вместо смертной казни. Закон 1965 г. внес соответствующие изменения в действующее законодательство, в частности в Закон об армии 1955 г., Закон о военно-воздушных силах 1955г., Военно-морской дисциплинарный акт 1957 г. и в Закон об убийстве 1957 г. Новый закон имеет обратную силу. Лица, приговоренные к смертной казни за убийство к моменту вступления этого акта в силу, подлежали наказанию в виде пожизненного тюремного заключения.

В октябре 1969 г. ежегодная партийная конференция консервативной партии приняла резолюцию в пользу введения смертной казни за умышленные убийства, т. е. предлагала вернуться к действию Закона 1957 г. Это решение исходило из того, что в 1967—1968 гг. количество умышленных убийств несколько возросло.

В докладе министерства внутренних дел Великобритании, опубликованном непосредственно перед парламентскими дебатами в ноябре—декабре 1969 г., подчеркивалось, что приведенные данные о числе умышленных убийств нельзя считать во всех отношениях показательными, поскольку в те или иные периоды в государстве действовали факторы, сформировавшиеся еще до того, как смертная казнь применялась в больших или меньших размерах либо вообще не применялась.

19 декабря 1969 г. за признание Закона постоянно действующим проголосовало в палате общин 343 депутата, против — 185, в палате лордов было подано 220 голосов «за», «против» — 174.

Закон распространяет свое действие также на Шотландию (в 1973 г. смертная казнь как вид наказания отменена в Северной Ирландии). Смертная казнь за некоторые виды умышленного убийства остается наказанием на островах Английского канала (пролив Ла-Манш) и о. Мэн. Эти области Королевства наряду с Шотландией и Северной Ирландией также сохраняют автономию в сфере законодательной власти.

С 14 октября 1971 г. в соответствии с Законом о причинении ущерба отменена смертная казнь как предельная санкция за «умышленный поджог военных кораблей королевского флота, арсеналов, доков, складов и других

портовых сооружений». В случае совершения таких действий, предусмотренных законом «О защите портовых сооружений» 1792 г. и караемых ранее смертной казнью, суд может вынести приговор о пожизненном заключении.

В Англии зачастую говорят об отмене смертной казни в стране. Речь, однако, может идти об ограничении применения «основного наказания», поскольку уголовные статуты предусматривают смертную казнь в качестве чрезвычайного наказания в мирное время за такие серьезные преступления (весьма расплывчатые в своей формулировке), как государственная измена, а также морской разбой (пиратство), соединенный с насилием или намерением совершить убийство.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА. Общего состава преступления не существует, а имеются определенные группы деяний, наказуемых как государственная измена. Эти преступления регулируются законами об измене 1351, 1795 и 1940 гг. К ним относятся:

1. Посягательство на жизнь короля, королевы или их старшего сына, наследника престола, на их телесную неприкосновенность или свободу, а равно намерение совершить эти преступления, если только такое намерение проявилось в каком-либо «открытом действии» (слова, только произнесенные, но не написанные, не рассматриваются как «открытое действие»). В последний раз в государственной измене по такой формулировке было обвинено лицо, совершившее в 1840 г. покушение на жизнь королевы Виктории: в нее было сделано два выстрела, когда королева ехала в открытой карете.

2. Изнасилование супруги короля (но не вдовы его), его незамужней старшей дочери или жены его старшего сына и наследника.

3. Ведение войны против королевы в ее королевстве. Термин «война» формулируется крайне неопределенно и подразумевает всякое связанное с насилием возмущение, проведенное «значительным числом» людей, которое направлено к достижению цели не частного, но «общего» характера. Не важно, чтобы преступники действовали в военном порядке или имели воинское вооружение. Вполне достаточно, если собралась большая группа людей, которые намереваются воспрепятствовать правительству свободно осуществлять его «законные полномочия» и готовы насильственно сопротивляться какому-либо противодействию. «Этот вид измены можно поэтому отличить от простых беспорядков только по признаку «всеобщности» цели, преследуемой лицами, принявшими участие в этом деянии».

4. Переход на сторону врагов королевы в ее королевстве путем оказания им помощи и содействия в королевстве или ином месте. Слово «враги» обозначает лиц, принадлежащих к воюющим государствам.

5. Убийство канцлера, главного казначея или кого-либо из королевских судей при исполнении своих обязанностей, а также посягательство на порядок престолонаследования.

Законом о конфискации имущества 1970 г. все исключительные особенности казни за измену были отменены. Последний случай осуждения по данному виду преступлений имел место в 1946г., когда был осужден и

казнен некий Джойс, англичанин, диктор берлинского радио во время второй мировой войны.

МОРСКОЙ РАЗБОЙ ИЛИ ПИРАТСТВО.

Пиратство заключается в «захвате судна в открытом море у лиц, в распоряжении которых оно законно находится, с намерением отнять само судно или его груз способом, который квалифицировался бы как разбой, если бы был осуществлен на суше». Согласно Закону о пиратстве 1837 г., всякое лицо, которое с указанным намерением или непосредственно после осуществления такого намерения совершит нападение, причинит ранение или произведет любое другое действие, которое может подвергнуть опасности жизнь какого-либо лица на судне, считается виновным в совершении тяжкого преступления и в случае осуждения приговаривается к смертной казни через повешение. Другие виды пиратства, предусмотренные положениями разных законов, предусматривают максимальное наказание в виде пожизненного тюремного заключения.

Имеющаяся практика рассмотрения дел о морском разбое с применением насилия свидетельствует, как это констатирует Джайлз и Стюарт, что если приговор о смертной казни и выносится, то «лишь в протокольных целях», а фактически осужденный отбывает пожизненное тюремное заключение.

Уголовное законодательство Англии определяет категории лиц, которые не могут быть приговорены к смертной казни. К ним относятся лица, не достигшие 18 лет к моменту совершения преступления, либо женщина, находившаяся в состоянии беременности.

Отмена смертной казни, как и предсказывалось аболиционистами (так называют в Англии противников применения «основного наказания»), не привела к росту умышленных убийств в стране — число совершаемых ежегодно такого рода преступлений остается на прежнем уровне. Вместе с тем в настоящее время в парламенте и печати усилились выступления в пользу восстановления смертной казни. В 1972—1974 гг. палата общин четырежды становилась местом оживленных дебатов по этому вопросу: отдельные депутаты вносили на обсуждение предложения о применении смертной казни за отдельные преступления, не находившие до недавнего времени многочисленных сторонников в парламенте.

В конце 1974 — начале 1975 гг. вопрос о смертной казни принял новую окраску. События 1974 г., связанные с увеличением числа террористических актов, приведших к многочисленным жертвам, и совершение которых приписывают левозэкстремистским организациям типа Ирландской республиканской армии, вызвали в стране волну, вследствие которой уже принят Закон о предотвращении терроризма, значительно усиливающий власть полиции. Кроме того, антиирландская кампания усилила позиции тех, кто выступает за восстановление смертной казни. Предполагается, что уже в ближайшем будущем вынесение смертных приговоров будет возможно в случаях убийств лиц, осуществляющих охрану порядка, и политических убийств.

(В. В. Оксамытний. Система уголовных наказаний в Англии. — Киев, «Навукова думка», 1977)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В США

Смертная казнь как вид наказания предусматривается федеральным законодательством и, по состоянию на 1985 г., УК 37 штатов. Причем, если в штате Нью-Йорк она была отменена, то в Нью-Джерси и Огайо — восстановлена.

Изменяется в штатах и круг деяний, которые влекут смертную казнь. Например, если в 1980 г. эта мера касалась семи преступлений (тяжкое убийство I степени; измена; нападение заключенного, приговоренного пожизненно, повлекшее смерть потерпевшего; ложесвидетельство, повлекшее смертный приговор, и др.) — в Калифорнии и двух (тяжкое убийство и избиение в связи с половым актом) — во Флориде, то к 1985 г. оба штата оставили ее лишь за тяжкое убийство.

Однако условия, в силу которых это преступление может повлечь смертную казнь, в разных штатах разные. Например, в Южной Каролине — за тяжкое убийство в тюрьме, а в Неваде — за любое тяжкое убийство I степени. Более того: различие между тяжким убийством I и II степени настолько неопределенно, что, по признанию члена Верховного суда США Б. Кардозо, присяжные поначалу не могут его уловить. «Да и сам я, — говорит он, — не уверен, что понимаю его, хотя пытался применять эти понятия в течение многих лет и тщательно изучить написанное о нем в книгах».

По законодательству Техаса суд может приговорить лицо к смертной казни, если есть вероятность того, что оно будет и в дальнейшем совершать насильственные преступления. Некто Д. Скиллерн — пособник в убий-

стве, с учетом предшествующей преступной деятельности был признан «представляющим опасность для общества» и приговорен к смертной казни. Друг Скиллерна, совершивший убийство, связанное с наркотиками, был приговорен к пожизненному лишению свободы.

По федеральному законодательству (только на основании разд. 18 Свода законов) смертный приговор может выноситься примерно в 15 случаях (за совершение тяжкого убийства - §1111, изнасилование — §2031, измену — §2381, воздушное пиратство со смертельным исходом — §34 и другие преступления). Причем нередко санкции таких статей поражают своей неопределенностью. Так, в соответствии с §794 сбор или передача информации оборонного значения иностранному правительству карается смертной казнью, либо тюрьмой пожизненно или на любой срок.

Вопрос о целесообразности смертной казни и пределах ее применения с различной степенью активности дискутируется в США на протяжении многих лет.

В начале 70-х гг. эта дискуссия затронула Верховный суд страны. В 1972 г., рассматривая апелляцию по делу Фурмэна и еще двух лиц, осужденных к смертной казни, Верховный суд пятью голосами против четырех постановил, что «смертный приговор по этим делам представляет собой жестокое и необычное наказание, противоречит восьмой и четырнадцатой поправкам к Конституции».

Решение Верховного суда, хотя и представляло собой явную уступку аболиционистам, было небесспорным, так как сравнительный анализ трех (V, VIII и XIV) поправок к Конституции показывает, что её «творцы» ста-

вили перед собой цель упразднить не смертную казнь, а только ее квалифицированные виды. Осознавая это, законодатели штатов тем не менее вынуждены были отреагировать. Более чем в 30 штатах были приняты законы, где четче определялись факторы, которые должны учитываться при вынесении смертного приговора. Тем самым были несколько ограничены пределы судейского усмотрения. Например, закон штата Флорида дал перечень как отягчающих, так и смягчающих обстоятельств и указал, что «смертный приговор может быть вынесен при отягчающем, если только не установлено «перевешивающее» смягчающее обстоятельство». Ясно, что подобные новации мало способствовали решению проблемы четкой регламентации.

Ситуация еще более усугубилась последующими решениями Верховного суда. Так, в 1976 г. он по делу Грегга постановил, что «смертная казнь сама по себе не нарушает Конституции», а по делу Вудсона указал, что она как обязательное наказание противоречит Конституции; в 1977 г. — по делу Кокераон посчитал неправомерной смертную казнь за изнасилование без убийства потерпевшей, по делу Эберхита — за похищение человека, по делу Робертса — за убийство полицейского, даже если смертная казнь — обязательное наказание.

Кроме того, на позицию судей, законодателей и политических деятелей влияет общественное мнение. Оно же, по данным опросов, свидетельствует о том, что с 1972 г. большинство, а в последние годы — подавляющее большинство американцев являются сторонниками смертной казни.

Способ и порядок исполнения смертных приговоров решается законодательством штатов. Наиболее распрост-

ранена казнь на электрическом стуле — в 17 штатах (Алабама, Арканзас, Коннектикут, Флорида, Джорджия, Иллинойс и др.). В десяти штатах применяют газовые камеры (Аризона, Калифорния, Колорадо, Невада и др.); в четырех (Делавэр, Монтана, Нью-Гэмпшир и Вашингтон), а также за воинские преступления по федеральному законодательству — повешение, в четырех других штатах (Айдахо, Нью-Мексико, Оклахома и Техас) — инъекции и в одном (Юта) — расстрел. Приговоры, вынесенные гражданским лицам по федеральным законам, исполняются способом, определенным в том штате, где совершается казнь.

В 80-е г. в США выносилось 250—300 смертных приговоров в год. Исполнялось их сравнительно мало, например, в 1984 г. — 12, в 1985 и 1986 гг. — по 18, в 1987 г. — 25, в 1988 г. — 11. Характерно, что смертники годами находятся в «одиночках» (семь, десять и более лет — не редкость), ожидая решения своей судьбы. Так, Джон Харрис в силу вынесенного ему (на основе сфабрикованных обвинений) приговора провел в камере смертника 13 лет, пока в 1987 г. окружной суд не отменил приговор.

Наиболее часто (50 процентов от общего числа) к смертной казни прибегают в южных штатах — Флориде, Техасе, Калифорнии и Джорджии.

Особенностью американского законодательства является то, что оно нередко позволяет подвергать этому наказанию несовершеннолетних. Например, в Миссисипи — с 13, Миссури и Юта — с 14, Арканзас — с 15 лет. В 13 штатах (Алабама, Флорида, Нью-Мексико и др.) возраст в законе вообще не указан, т. е. вопрос, по существу, решается судом. Но, кажется, какую-то ясность

внес Верховный суд США, который недавно в связи с делом Томпсона постановил, что антиконституционно назначать смертную казнь лицу, не достигшему 16 лет к моменту совершения преступного акта. За последнее десятилетие в США было казнено четыре человека в возрасте до 18 лет. Один из последних случаев был в 1988 г., когда в тюрьме города Старк во Флориде на электрическом стуле был казнен 14-летний У. Дарден. Верхних возрастных пределов для смертной казни в США нет.

Из 1000 лиц, совершивших убийство, смертная казнь назначается одному. Таким образом, превентивная роль этой санкции весьма незначительна. Более того, в период моратория на смертную казнь сколько-нибудь значительного роста числа убийств не отмечалось. Таким образом, смертная казнь может быть «оправдана» только с точки зрения возмездия.

(И. С. Власов и др. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. — М., Юрид. лит., 1991)

КАЗНЬ НА КОСТРЕ

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ

(1452—1498)

На другой день, после обедни, к монастырю Сан-Марко пришла какая-то старушка, согбенная фигура которой и бледное лицо красноречиво говорили о пережитых страданиях. Она хотела видеть приора.

Приор принял ее в саду. При виде Джироламо, постаревшего на несколько лет за один вчерашний день, старая синьора задрожала всем телом, но сейчас же овладела собой и сказала почти спокойно:

— Сын мой Джироламо, я пришла проститься с тобой. Становлюсь стара и боюсь умереть на чужбине. Хочется мне еще раз увидеть места, где протекли лучшие годы моей жизни.

В последнее время мадонна Елена жила во Флоренции и стала горячей последовательницей учений своего сына.

— Благослови меня, Джироламо.

Савонарола подошел к матери, протянул руки и взглянул вверх, где бесконечной синевой сияло итальянское небо. При свете солнца лицо его казалось прозрачным. Он опустил руку на голову матери и прошептал благословение... Оба они, — и мать, и сын, — знали, что сегодня прощаются навсегда, и оба подавили свои страдания.

У синьоры Елены была сильная воля, сильный, почти мужской характер. Впрочем, ей довелось еще раз увидеть сына, но при каком торжестве!

Благословив мать, Савонарола беззвучно спросил:

— Скоро едешь?

— Скоро, сын мой.

— Ты будешь там одна.

— Меня поддержит вера... И Беатриче всю жизнь останется со мной. Ты знаешь, она меня не покидает...

Они помолчали. На повороте дорожки показался Марко-Аврелий. Он спешил тоже повидаться с матерью.

— Прощай, — прервал тягостное молчание Джироламо, — братия ждет меня. У меня сегодня много дела. Да благословит тебя Господь!

Мадонна Елена, не отрываясь, смотрела на сына, точно хотела навсегда запечатлеть в душе его образ.

— Прощай, — сказал он глухо.

Савонарола скорыми шагами пошел по направлению к обители.

Мадонна Елена осталась вдвоем с Марко. Как только Джироламо скрылся за кустами боярышника, она взяла сына за руку и прошептала, озираясь:

— Я никуда не еду, мой Марко. Я пришла проститься с твоим братом. Часы его сочтены. Я пришла предупредить об опасности. Отстаивайте своего приора, пока хватит сил, даже если это грозит вашей жизни! Вы получите венцы мучеников. Ты знаешь, что творится во Флоренции? «Кампаньянци» и «беснующиеся» соединились... Они бродят по улицам, кричат, бушуют; ничто не может укрыться от их гнева... Они ищут наших сторонников, Марко; они всюду кричат: «Где пианьони? Где трусливые псы Савонаролы?» О, что творится на

улицах, если бы ты знал! В вашей обители не слышно рева толпы. Скажи это все, Марко, не Джироламо, а вашей братии, — Джироламо ищет венца мученика. Пусть братия готовится к отчаянной обороне!

Мадонна Елена, закрыв лицо руками, изнемогала от горя; потом перекрестила Марко, как делала это в детстве, и поднялась со скамьи.

— Сохрани тебя Владычица, Матерь Единого нашего Бога! — прошептала она. — А теперь прощай.

Марко-Аврелий доложил братии о словах матери. В тот же день обитель достала оружие, и все монастырские ходы были крепко заперты. Сан-Марко приготовился к осаде.

Прошла тревожная ночь, в которую никто из братии не сомкнул глаз.

Настал рассвет следующего дня. На флорентийских улицах творилось что-то неладное. Всю ночь «беснующиеся» и «кампаньянци» толпами бродили по городу и науськивали молодежь на Савонаролу.

— Эй, вы, пианьони. — кричала толпа приверженцам Савонаролы, — выходите с нами на бой и докажите, что ваш лжепророк прав!

— Он струсил!

— Отчего доминиканцы не пошли в огонь?

— Пророк должен был вызвать чудо!

— Это правда. — соглашались с грустью плакальщики.

Толпа рыскала по всем кварталам Флоренции. После обеда, проникнув в собор, она бросилась на молящихся плакальщиков, громко кричала: «Выходите на бой, плаксы!»

Через минуту все смешалось в отчаянной схватке. Разъяренная толпа била приверженцев Савонаролы. Те защищались.

И вдруг в толпе раздались крики:

— К оружию! В Сан-Марко!

Толпа хлынула из собора к доминиканской обители. Все ворота оказались запертыми. Толпа поджигала двери, делала попытки перелезть через высокие стены. В некоторых местах ограда облупилась, и по выпирающим камням отчаянным «кампаньянци» удалось достигнуть монастырского сада.

— Где лжепророк? Савонаролу! Савонаролу! — кричали «беснующиеся».

Приор стоял у алтаря, спокойный, величественный и кроткий. Монахи поверх белых ряс надели латы, шлемы и, держась за оружие, приготовились к осаде.

— К чему это, братия? — грустно и коротко спросил Савонарола. — Идет ли вооружение слуге Божьему? Предоставьте все воле Господа и позвольте мне отдаться в руки врагам без пролития крови.

— Никогда, учитель! — закричал Руффоли. — До последней капли крови я буду защищать тебя от врагов!

Приора окружили теперь самые преданные монахи; тут был и Доминико Буонвиччини, и Маруффи, и Донато Руффоли, и Марко-Аврелий.

Сад бесстрашно и неумоимо отстаивал молодой немец Генрих, живший при монастыре и давно принадлежавший к партии «пианьони».

Его лицо сияло, волосы развевались при каждом движении. Он один в этом пункте защищал монастырь.

Церковь охранял Джироламо Джини, молодой флорентиец, член народной партии. Спокойно, с нечеловеческим мужеством он отбивал удары врагов. Когда натиск становился слабее, губы Джини с детской радостью шептали:

— О Господи! Слава, слава Тебе!

Когда юноша чувствовал слабость, он тихо, благоговейно повторял:

— Благодарю тебя, Господи! Я рад смерти за Иисуса Христа!

Джини давно уже со слезами на глазах просил приора Сан-Марко посвятить его в монахи, но Савонарола откладывал пострижение ввиду его молодости. Теперь он увидит, что Джини годится в монахи.

Но вот что-то больно ударяет в грудь Джини. Его тонкая, почти детская фигура колеблется и валится на каменные плиты...

Напрягая последние силы, юноша полз на коленях к алтарю.

— Учитель, — прошептал он, смотря на Савонаролу глазами, полными слез, — я умираю... Теперь ты видишь, достоин ли я монашеского сана? Благослови меня, отче...

Савонарола наклонился над окровавленным юношей, глаза которого тускнели, положил ему руку на голову и благословил... Наскоро произошел обряд пострижения...

И когда Савонарола произнес последнее слово, Джини благодарно взглянул на него, улыбнулся и вытянулся...

А толпа в это время ворвалась на хоры. Там молились монахи. Братия встретила необузданных «кампаньянци» и «беснующихся» с распятиями в руках и сала наносить им удары направо и налево... Вместо оружия бросали в лицо нападающим горящие свечи... Все смешалось в беспорядочной свалке...

Толпа требовала выдачи приора.

Донато Руффоли, обхватив колени Савонаролы обеими руками, отчаянно молил:

— Учитель, беги! Ради пользы Флоренции, беги! Ты еще можешь спастись задними ходами... За ризницей

есть дверь; там никто не встретится тебе... Я приготовил платье, какое носят ученые...

На минуту Савонарола задумался над словами Донато, но только на одну минуту. Его остановила фраза «ради блага Флоренции».

К нему подошел монах Малатетса. Он давно уже добивался должности приора и завидовал славе Джироламо. На губах Малатетсы играла странная, недобрая улыбка:

— Разве пастырь, — прошептал он на ухо приору, — не должен предать свою жизнь за овец своих?

Савонарола вздрогнул, улыбнулся и обнял предателя.

— Да, да, ты прав, — сказал он просто. — Я слышал, что народ хочет поджечь обитель. К чему? Я и так отдамся им в руки! Прощайте, братья!

Малатетса обвел монахов торжествующими глазами. Марко-Аврелий и Донато Руффоли плакали навзрыд, закрыв лицо руками.

Монахи по очереди подходили прощаться с Джироламо.

Когда приблизилась к приору стража, Донато сделал попытку не допустить солдат до Савонаролы, но его прикончили прикладом ружья...

Савонаролу арестовали.

В сопровождении монастырской братии он сошел вниз. Его отвели в тюрьму вместе с двумя самыми горячими и деятельными его приверженцами: Доминико и Сильвестро.

Мрачна была темница Джироламо. Сюда сажали за самые тяжкие преступления. Над тремя доминиканцами назначили следствие. От папы явился генерал доминиканского ордена для ведения процесса.

Причина народного возмущения была устранена, — Савонарола заточен в тюрьму. Казалось бы, что хотя с наступлением ночи должны были прекратиться уличные беспорядки, но на самом деле они приняли еще большие размеры и распространились по всему городу. Дома многих ревностных «пианьони» были разграблены. Разрушили и тот дом, где находила себе радушный приют мать Джироламо, а хозяин этого дома был убит. Приверженцы Савонаролы должны были вытерпеть всевозможные оскорбления от народа, который называл их лицемерными грешниками и кричал, что они должны радоваться, если переживут ночь.

Немногие приверженцы проповедника знали, что участь его решена. Ему не у кого было искать поддержки. Единственный сильный защитник его — Карл VII — только что умер.

Потянулись томительные, ужасные дни заключения...

Наступил день допроса. Ключи загремели в замке темницы, где помещался Джироламо; тяжелая дверь распахнулась, и на пороге показался тюремщик. За ним виднелась мрачная фигура монаха, одетого с ног до головы во все черное, с надвинутым на глаза куколем.

Проповедника поели длинными тюремными коридорами. Тюремщик проводил его долгим грустным взглядом.

Савонаролу ввели в большую, темную и мрачную комнату — подземелье. Она освещалась только темными факелами. По стенам висели клещи, веревки, блоки, крючья, колеса и еще много каких-то странных орудий. За черным столом восседал ареопаг судей. При слабом красноватом свете факелов Савонарола разглядел на полу две распростертые фигуры. Они лежали неподвижно и только по временам слабо стонали. Приглядевшись, Джироламо вздрогнул: это были Сильвестро Маруффи и Доминико Буонвиччини. Доминико лежал с закрытыми глазами, и руки его повисли, как плети, по бокам обнаженного тела. Сильвестро смотрел прямо в глаза бывшему приору своим ясным взглядом, и на бледном лице его, у самых губ, запеклась кровь. Юродивый прошептал чуть слышно:

— И я с тобой, братец... довелось...

Эти слова звучали такой трогательной простотой и любовью, что Савонарола не мог удержаться от слез...

Начался допрос. У Джироламо старались вырвать «добровольные» признания:

— Сознайся, что ты служил сатане и хотел ввести в соблазн народ своими проповедями?

Савонарола молчал.

— Ты не признаешь этих обвинений?

— Не признаю.

Судья сделал знак, и два палача скрутили за спиной руки Джироламо и связали их сзади концом веревки, перекинутой через перекладину; другой конец ее был прикреплен к мотовилу. С помощью колеса узника подняли кверху до сводов потолка и затем прижигали Савонароле снизу подошвы горячими угольями. Эта пытка называлась дыбой. От одной встряски во время дыбы можно было сойти с ума. При падении у мученика хрустнули суставы, и из груди вырвался подавленный крик.

Когда Савонарола очнулся, ему прочли показания. Голос фискала (стряпчий, доносчик, следящий за исполнением закона) Франческо Ароне тянул длинную историю, в которой не было ни слова правды.

— Теперь подпиши.

Савонарола отрицательно покачал головой.

Пытку повторяли четырнадцать раз, и показания Савонаролы приходилось подделывать и искажать: он не мог признать за собой еретических мнений в религии, греха в желании блага стране, и только относительно пророческого дара мог поколебаться на минуту. И, подписывая в момент пытки ложные показания, он по окончании ее снова твердо стоял за свою правоту.

Истерзанного, измученного, чуть живого Савонаролу снесли в тюрьму.

Когда Джироламо проносили по коридорам, солдаты, стоявшие на часах у его темницы, глумились:

— Вот едет на колеснице пророк! — говорили они друг другу. — Какое чудо: вместо крови из ран у него течет мед!

Тюремщик вошел к узнику, крепко запер дверь и подошел к ложу Савонаролы. Доминиканец открыл глаза и встретил мягкий взгляд старческих глаз, в которых блестели слезы.

— Святой отец, — прошептал тюремщик, становясь на колени перед Савонаролой, — я думал, что у меня разорвется сердце в то время, как вас водили на пытку... Я принес мазь, — мне дал ее аптекарь из Прато; может быть, она хоть немного облегчит ваши страдания...

Савонарола благодарно взглянул на тюремщика, хотел его благословить, но руки его не слушались, и он мог только прошептать:

— Откуда ты, друг?

— Вы не узнали меня, святой отец? Я не пропускал ни одной обедни, ни одной вашей проповеди, разве если не мог встать с постели по нездоровью. Но тогда ходила моя жена, мой сын. Они передавали мне все от слова до слова. Вся семья моя теперь плачет о вас... А я благодарю Господа моего только за одну милость: он послал мне счастье быть вашим сторожем и тем хоть немного облегчить ваше заточение. Дайте же теперь я помажу вам больные места моей мазью.

— Спасибо, — прошептал Савонарола, — а я думал, что у меня не осталось больше друзей во Флоренции.

— Остались, святой отец, — возразил убежденно тюремщик, — а отец Доминико и Сильвестро? Они ведь тоже мучаются телом и духом, но еще больше жалеют вас. Они молятся, чтобы Господь подкрепил ваш дух.

Тюремщик смазал больные места заключенному. Савонароле стало легче, и он с мольбой обратился к старику:

— Спасибо, друг... Но духовное лекарство мне полезнее. Я хочу высказать свои мысли перед смертью. Мне не на чем писать.

— О, святой отец, — прошептал тюремщик, — я тотчас же принесу вам книгу и прошу вас на ней оставить ваши мысли, последние мысли, как память старику о днях, проведенных с вами. Я сохраню книгу у себя до последнего моего часа, как святыню, а когда умру, наведу беречь моим детям и внукам...

Старик принес Савонароле обещанную книгу. Джироламо, как только немножко стал владеть рукой, написал на переплете ее и полях несколько небольших заметок.

22-го мая 1498 г. в темницу Савонаролы явились несколько монахов, а с ними Франческо Ароне, и прочитали смертный приговор.

Сильвестро Маруффи, Доминико Буонвиччини и Джироламо Савонарола приговорены были сначала к пове-

шению, а потом к сожжению на костре. Казнь назначена на 23-е мая.

Савонарола спокойно выслушал приговор, и даже постарался улыбнуться тюремщику, который, не стесняясь, плакал навзрыд.

Когда судьи ушли, он прошептал коротко:

— Скажи, друг, моим товарищам, что я благодарю Бога за посланную мне смерть. Скажи еще, что я прошу их не терять бодрости, что я благословляю ослепленный народ... Мы живем, — повторил он свои излюбленные слова, — чтобы научиться искусству хорошо умирать.

Этот последний день перед казнью Савонарола провел спокойно. Он уже умер, — умер тогда, когда перед огненным испытанием чернь бросила ему в лицо: «Трус!»

Что же теперь ему было за дело до смерти этой брэнной, жалкой оболочки?

Всю ночь он горячо молился.

Рано утром, чуть только забрезжил свет, дверь темницы распахнулась, и в ней появилась стража.

Савонаролу повели в капеллу, туда же явились и Сильвестро с Доминико. Юродивый все улыбался своей неземной детской улыбкой. Осужденные причастили друг друга и пошли на площадь, на место казни.

По принятому обычаю, они были лишены духовного сана, и инквизитор снял с них монашеское облачение. Они остались босиком, в одном нижнем платье.

Савонарола попросил, чтобы ему возвратили на минуту его белоснежную рясу, благоговейно приложился к ней и громко воскликнул:

— Святая одежда, с каким трепетом я когда-то стремился к тебе!

Епископ, уполномоченный папой, дал приговоренным полное отпущение грехов.

Площадь Гран-Дука — место казни — кишела народом. Сюда шли точно на праздник. Ко дню казни были воздвигнуты три трибуны для важных лиц. Широкие подмости вели от золотого льва, перед дворцом синьории, до центра площади. В конце их на возвышении был устроен костер из дерева и соломы, облитых маслом. Посередине костра возвышалась виселица с поперечной перекладиной в виде креста.

В доски подмостков народ, из-за которого Савонарола теперь умирал, втыкал гвозди на пути мучеников, шедших к костру босыми ногами.

Монах, сопровождавший Савонаролу, спросил:

— Не желаешь ли ты что-нибудь сказать перед смертью?

— Я хотел только заявить, — отвечал Савонарола, — что не чувствую злобы против моих врагов и от всей

души прощаю им. Молю Бога, чтобы флорентийцам не пришлось раскаяться в моей смерти.

Этот голос прозвучал среди общего безмолвия.

На платформе приговоренные простились друг с другом.

— Добровольно ли ты принимаешь смерть? — спросил Савонаролу епископ.

— Господь столько страдал за нас!.. — сказал Савонарола.

Впереди Джироламо шли, высоко подняв головы, Доминико и Сильвестро.

Савонарола громко читал символ веры. Его голос был слышен в самых задних рядах. Он спокойно поднялся по лестнице и окинул взглядом свой народ.

Колокол Сан-Марко звонил непрерывно... Это был погребальный звон по приоре...

Народ нетерпеливо ждал с факелами в руках, когда можно будет поджечь костер.

Палач надел на шею Савонаролы веревку. Вдруг кто-то насмешливо крикнул из толпы:

— Пророк, сотвори чудо!

Савонарола посмотрел на толпу грустными глазами.

— Флоренция! — в последний раз прозвучал его голос.
— О, Флоренция! Что ты делаешь?

Но вот поднесли к костру факелы, и пламя ярко вспыхнуло...

Казнь свершилась. Костер стал тухнуть. Разносился только тяжелый смрад обуглившихся трупов.

«Пианьони» через ряды войск бросились к эшафоту. Завязалась борьба. Страже было поручено синьорией бросить останки казненных в реку Арно. «Пианьони» вытаскивали, несмотря на сопротивление, обгоревшие кости. Все брали себе на память хоть кусочек дров, обгоревших кровью мучеников.

Кости сгоревших тайно унесли с места казни в монастырь Сан-Марко.

Наступила ночь. При трепетном свете факелов по монастырскому саду двигалась торжественно мрачная процессия. На этот раз среди монахов были три женские фигуры.

Согбенная старческая фигура Елены склонилась над гробом, где покоились останки ее сына. Заливаясь слезами, она целовала гроб. Ее поддерживали Беатриче и Марко-Аврелий.

Еще одна женщина наклонилась над вырытой могилкой и, когда гроб опустили в яму, полной горстью бросила туда ком черной рыхлой земли. На минуту длинное черное покрывало, откинувшись, открыло ее бледное

страдальческое лицо с большими глазами, и Елена вскрикнула, узнав Бианку Строцци.

Бианка пришла отдать последний долг любимому человеку.

Она, казалось, не заметила матери Савонаролы, медленно поднялась с колен и без слез пошла прочь от дорожной могилы.

(Ал. Алтаев. Костры покаяния. — М., «Композитор», 1993)

Научно-популярное издание

ТЮРЬМЫ И НАКАЗАНИЯ

**ИНКВИЗИЦИЯ, ТЮРЬМЫ,
ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ, КАЗНИ**

Подготовка текста *Ревяко Татьяна Ивановна*

Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*

Корректор *А. Ф. Филиппенко*

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 3.05.96. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,66. Тираж 26 000 экз. Заказ 349.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39-11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАТАСТРОФ

ЭПК

ТЮРЬМЫ И НАКАЗАНИЯ

Инквизиция, тюрьмы,
телесные наказания,
казни.

Система инквизиции.

Тюрьмы в Российской империи.

Монастырские тюрьмы.

Общуголовные тюрьмы.

Возникновение тюремных систем.

Тюрьмы в странах Европы и Америки.

Тюрьмы СНГ, как выжить в тюрьмах СНГ,
арест, касты, тюремный закон, запреты,

"В этой тюрьме пела даже Русланова".

И сотни других интересных фактов

о тюрьмах и системах наказаний...

